Годъ 3-й. Кн. IX.

ЭТНОГРАФИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Изданіе Этнографическаго Отдѣла

Императорскаго Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи,

состоящаго при Московскомъ Университетѣ.

1891, № 2.

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

Секретаря Этнографическаго Отдѣла

Н. А. Янчука.

Цѣна 1 р. 50 к.

МОСКВА.

Высоч. утв. Т-во Скороп. А. А. Левенсонъ, Коммиссіонеры ИМПЕРАТОРСКАГО Общества Любителей Естествознанія въ Москвѣ. Петровка, д. Левенсонъ.

1891.

Печатать разрѣшается. Москва, 25 іюня, 1891 г.

Президентъ Императорскаго Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи,

Ординарный профессоръ **Д. Анучинъ**.

СОДЕРЖАНІЕ.

Стран.

Замѣтки о вліяніи религіозныхъ вѣрованій и предразсудковъ на народные юридическіе обычаи и понятія.

Вліяніе религіи на народныя понятія и обычаи выражается различнымъ образомъ. Во 1-хъ, нерѣдко религіозныя вѣрованія имѣютъ непосредственное вліяніе на самое образованіе понятій и обычаевъ. Во 2-хъ, народные обычаи и понятія, возникающіе независимо отъ религіозныхъ вѣрованій, получаютъ иногда религіозное освященіе. Это бываетъ особенно тогда, когда въ понятіяхъ народа складывается идеалъ какого-нибудь общественнаго отношенія. Такъ, напр., выраженіе „жить, поступать по-божески" означаетъ жизнь и поступки, соотвѣтствующіе идеальному представленію народа о нравственномъ человѣкѣ. Такое идеальное представленіе, конечно, не расходится съ существующими народными вѣрованіями, но оно не вызывается ими, а напротивъ само вызываетъ новое вѣрованіе. Религіозное освященіе понятія распространяется и на основанные на немъ обычаи и обряды и придаетъ имъ особую твердость и устойчивость. Даже и тогда, когда самое понятіе не только замѣнилось новымъ, но и давно уже забыто, основанные на немъ обычаи и обряды, получившіе религіозное освященіе, продолжаютъ существовать, хотя нерѣдко находятся въ полномъ противорѣчіи съ новыми условіями быта. Вмѣстѣ съ измѣненіемъ понятій измѣняется и взглядъ народа на несогласные уже съ ними обычаи. То, что считалось прежде нравственнымъ и законнымъ, представляется теперь и грѣховнымъ и преступнымъ; примѣненіе обычая ограничивается, но онъ не исчезаетъ до тѣхъ

поръ, пока сохраняется его религіозное значеніе, вѣра въ его сверхъестественную силу. Въ 3-хъ, религія, не дѣйствуя иногда непосредственно на установленіе того или другого обычая, но тѣсно сближая единовѣрныя племена, способствуетъ къ заимствованію однимъ изъ нихъ понятій и обычаевъ другого. Поэтому въ одномъ и томъ же племени, только часть котораго перемѣнила свою вѣру, встрѣчаются иногда рѣзкія различія и въ понятіяхъ и въ обычаяхъ. Такъ, напр., положеніе женщины у бѣлоруссовъ православныхъ и католиковъ представляется далеко не одинаковымъ; у первыхъ она пользуется гораздо меньшимъ почетомъ, чѣмъ у послѣднихъ. У православныхъ мужчины садятся за столъ первыми, за ними на менѣе почетномъ мѣстѣ женщины; тѣ же, которыя не помѣстятся за столомъ, ѣдятъ на лавкахъ, у печи, на кровати вмѣстѣ съ дѣтьми. У католиковъ женщинъ сажаютъ за столъ, смотря по достоинству и въ передній конецъ стола, рядомъ съ ихъ мужьями, братьями или отцами, и оказываютъ имъ всѣ почести наравнѣ съ мужчинами. Точно также у бѣлоруссовъ-католиковъ значительно измѣнились и свадебные обычаи; измѣненіе это такъ сильно, что православные отзываются объ нѣкоторыхъ изъ нихъ съ полнымъ презрѣніемъ и называютъ ихъ беззаконными и постыдными [1]). Иногда перемѣна религіи имѣетъ непосредственное вліяніе на измѣненіе того или другого обычая, но не потому, чтобы народомъ сознавалась необходимость согласить существующіе обычаи съ новыми вѣрованіями, а потому что извѣстныя правила вновь принятой религіи поддерживаются властью, которая признаетъ эти правила обязательными и караетъ за ихъ неисполненіе. Такъ, принятіе православія тобольскими самоѣдами и остяками имѣло вліяніе на измѣненіе ихъ брачныхъ обычаевъ, стѣснивъ свободу развода и вступленіе въ новый бракъ разлучившихся супруговъ [2]).

Вліяніе религіозныхъ вѣрованій на русскіе юридическіе понятія и обычаи не можетъ быть выяснено вполнѣ по недо-

---

[1]) Бытъ бѣлорусскихъ крестьянъ. Этнографич. сборникъ, изд. Географич. Общ. Вып. II, стр. 144, 146, 202.

[2]) Памятная книжка Тобольской губ. на 1884 г., стр. 21 и 63.

статку для этого матеріаловъ. Слѣдующія отрывочныя замѣтки имѣютъ въ виду указать это вліяніе на нѣкоторые обычаи и понятія русскаго и притомъ исключительно православнаго населенія России.

1. Способы владѣнія землей.

Въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ остается много свободной земли, такая никѣмъ незанятая земля называется „землей Божьей" Всякій нуждающійся въ ней можетъ ее занять, такъ какъ Богъ создалъ землю на пользу человѣка По мѣрѣ увеличенія плотности населенія, границы „Божьей земли" суживаются. Такъ, въ Сибири право на занятіе свободной земли первоначально ничѣмъ не было стѣснено, и каждый занималъ землю, гдѣ хотѣлъ; затѣмъ каждый могъ занять землю только въ предѣлахъ своей волости и наконецъ въ предѣлахъ только своего селенія; такъ, напримѣръ, въ Бурлинской волости Барнаульскаго округа каждый можетъ распахивать землю въ предѣлахъ всей волости; въ другихъ волостяхъ того же округа каждый можетъ распахивать свободную землю, не переступая однако граней своего селенія. Точно также и рыбныя ловли первоначально признавались свободными и подлежали такому же праву захвата, какъ и земля: Богъ далъ и ихъ на общую пользу; это понятіе сохранилось и до настоящаго времени въ нѣкоторыхъ изъ тѣхъ мѣстностей, гдѣ свободное пользованіе водами болѣе или менѣе уже ограничено. Такъ, въ Ишимскомъ округѣ общества, владѣющія озерами, обыкновенно разрѣшаютъ каждому ловить рыбу мелкими снастями; но многіе крестьяне полагаютъ, что грѣшно запрещать кому бы то ни было ловлю рыбы или брать за это деньги, такъ какъ рыба дана Богомъ на общую пользу, такъ какъ вòды—„Божья пазуха" [1]). Пользованіе чужимъ лѣсомъ не считается крестьянами ни преступленіемъ, ни грѣхомъ, такъ какъ не люди, а Богъ выростилъ лѣсъ, и выростилъ его для общей пользы, а не для пользы только того или другого человѣка.

Въ началѣ шестидесятыхъ годовъ стали извѣстны толки

[1]) Матеріалы для изученія экономич. быта государств. крестьянъ и инородцевъ западной Сибири. Спб. 1889. Вып. III, стр. 420.

крестьянъ объ ожидаемомъ ими раздѣлѣ между земледѣльцами всей земли, кому бы она ни принадлежала. Эти толки возникли среди крестьянъ, несомнѣнно, безъ всякаго посторонняго внушенія. Они упорно держались не только между крестьянами, нуждавшимися въ землѣ, но и между тѣми, которые имѣли значительныя купленныя ими земельныя дачи и могли много потерять отъ ожидаемаго общаго передѣла. Толки эти, хотя болѣе сдержанные, продолжаются до сихъ поръ. Въ настоящее время не ждутъ немедленнаго ихъ осуществленія, но сохраняется убѣжденіе, что рано или поздно они должны осуществиться. Эти толки получили и религіозную окраску; въ Ярославской губерніи появилось ученіе одной изъ раскольничьихъ сектъ, по которому передъ кончиною міра на землѣ водворится правда, и тогда земля будетъ раздѣлена равномѣрно между всѣми. Значеніе такой Божьей правды придаютъ ожидаемому передѣлу и православные. Въ малороссійскомъ населеніи толки о скоромъ наступленіи „слушнаго часа“ (общаго передѣла земли) были очень сильны въ началѣ шестидесятыхъ годовъ [1]); они не прекращались и послѣ. Въ 1869 году, когда было приступлено къ люстраціи земли въ казенныхъ селеніяхъ, крестьяне нѣкоторыхъ волостей Чигиринскаго уѣзда стали заявлять требованія о передѣлѣ земли по душамъ; настаивая на этомъ, они надѣялись, что и общій размѣръ надѣла будетъ увеличенъ присоединеніемъ къ нему земли, не бывшей до того во владѣніи крестьянъ. Въ 1875 году требованіе передѣла земли высказывалось въ этихъ волостяхъ еще настойчивѣе, а отказъ удовлетворить это требованіе вызвалъ безпорядки. Особенное упорство оказали крестьяне селенія Шабельниковъ; никакія разъясненія начальства о незаконности передѣла тѣхъ подворныхъ участковъ, хозяева которыхъ на это не соглашались, не могли убѣдить крестьянъ этого селенія, и противъ нихъ были приняты строгія мѣры [2]). Требованіе свое крестьяне считали до такой степени спра-

---

[1]) Наблюденія Мироваго Посредника о нѣкоторыхъ юридическихъ обычаяхъ у крестьянъ Полтавской губерніи Кременчугскаго уѣзда. Основа. 1862 г. № 2.

[2]) Нѣкоторыя подробности о Чигиринскихъ безпорядкахъ были сообщены въ Кіевлянинѣ 1875 г. № 102 и 104.

ведливымъ, что ожидали сверхъестественной помощи своему дѣлу. „Насколько сильна была идея о передѣлѣ земли и ожиданіи сверхъестественнаго вмѣшательства,—говорится въ „Кіевлянинѣ“,—можно судить между прочимъ изъ того, что одна крестьянка селенія Тюнекъ, Анастасія Лихошерстова, начала ходить по деревнямъ, уговаривать крестьянъ и даже духовенство итти на помощь къ жителямъ Шабельниковъ. Она упрекала, воодушевляла, грозила гнѣвомъ Божіимъ, пророчествовала о наступленіи счастливыхъ временъ“. [1]) Эти счастливыя времена были ничто иное, какъ наступленіе „слушнаго часа“, такъ какъ Лихошерстова, на основаніи своеобразно понимаемыхъ ею нѣкоторыхъ мѣстъ евангелія, требобовала надѣленія всѣхъ землею [2]).

2. Браки вдовцовъ и вдовъ.

По народному представленію загробная жизнь имѣетъ во многомъ сходство съ земной. Послѣ страшнаго суда, въ селеніи праведниковъ мужъ будетъ жить вмѣстѣ съ своей первой женой. Жизнь вдвоемъ представляетъ за гробомъ, также какъ и на землѣ, гораздо большія удобства, чѣмъ жизнь одинокаго. Есть мѣстности, гдѣ сознаніе о неудобствахъ одинокой жизни до такой степени живо, что оно отразилось тамъ и на похоронномъ обрядѣ. Въ Купянскомъ уѣздѣ, Харьковской губерніи, когда умретъ мальчикъ, то призываютъ дѣвушку его лѣтъ и даютъ ей платокъ, что́ означаетъ, что она обвѣнчана съ умершимъ. Такимъ образомъ составляется пара для жизни на томъ свѣтѣ. Когда умретъ дѣвочка, то платокъ дается мальчику, который считается затѣмъ какъ бы вдовцомъ. Присутствующихъ на похоронахъ перевязываютъ, какъ сватовъ, ручниками [3]). Вслѣдствіе такого представленія о загробной жизни, дѣвушки неохотно выходятъ замужъ за вдовцовъ. Такъ, въ Елисаветградскомъ уѣздѣ дѣвушки считаютъ бракъ со вдовцомъ, хотя бы молодымъ и бездѣтнымъ,

---

[1]) С.-Петербург. Вѣд. 1876. № 86 (корреспонденція перепечатанная изъ Кіевлянина).—[2]) Тамъ же.

[3]) Такъ приблизительно описанъ этотъ обрядъ въ замѣчательномъ по богатству содержанія рефератѣ г. *П. Иванова* (Очеркъ воззрѣній крестьянскаго населенія Купянскаго уѣзда на душу и загробную жизнь), прочитанномъ на VII археологическомъ съѣздѣ (въ Ярославлѣ).

для себя унизительнымъ, потому что при такомъ бракѣ всѣ свадебные обряды совершаются только въ честь невѣсты, да и на томъ свѣтѣ онъ будетъ съ своей первой женой, а она останется безъ пары [1]). Бракъ вдовы со вдовцомъ, по народному возрѣнію, не представляетъ такого неудобства, такъ какъ вдовецъ составитъ пару съ своей первой женой, а вдова съ своимъ первымъ мужемъ.

Вторичный бракъ необходимъ, по мнѣнію народа, только въ такомъ случаѣ, если у вдовца есть малолѣтнія дѣти, а въ семьѣ его нѣтъ женщины, способной къ уходу за ними. Въ этомъ случаѣ вдова самая подходящая невѣста для вдовца, какъ опытная женщина. Къ браку вдовцовъ на дѣвушкахъ народъ относится неодобрительно. [2]) Если у вдовцовъ нѣтъ малолѣтнихъ дѣтей, то и для новаго брака нѣтъ оправданія. Неодобреніе народомъ второго брака выразилось въ посрамительномъ обрядѣ, соблюдаемомъ въ с. Косковѣ Свіяжскаго уѣзда. Здѣсь ко дню бракосочетанія вдовца, мальчики и взрослые парни заготовляютъ возможно большее количество изношенныхъ лаптей; въ день самаго бракосочетанія они съ собранными лаптями отправляются къ церкви и ждутъ выхода новобрачнаго вдовца. Лишь только онъ выйдетъ изъ церкви, мальчики и парни начинаютъ бросать въ него гнилые лапти. Нѣкоторые, связавъ три лаптя вмѣстѣ, стараются такую связку лаптей повѣсить новобрачному на шею. Бросаніе лаптей въ новобрачнаго продолжается до входа его въ домъ или выѣзда за полевыя ворота [3]).

Опредѣлить силу вліянія религіозныхъ вѣрованій на бракъ вдовцовъ въ различныхъ мѣстностяхъ Россіи въ насто-

---

[1]) *М. Гаенко.* Семейно-имущественныя отношенія крестьянскаго населенія Елисаветградскаго уѣзда. „Степь"—Херсонскій беллетристичный Сборникъ. Спб. 1886. Стр. 147.

[2]) *А. П. Звонковъ.* Современный бракъ среди крестьянъ Тамбовской губерніи Елатомскаго уѣзда. Сборникъ свѣдѣній для изученія крестьянскаго населенія Россіи. Вып. I, стр. 88. (Труды Этногр. Отд., т. IX).

[3]) Странный обычай. Саратов. Губ. Вѣд. 1888 г. № 23. Въ настоящее время исполнителями этого обряда въ с. Косковѣ не сознается его первоначальная основа: обрядъ исполняется потому, что иначе бракъ вдовца не можетъ быть счастливъ.

ящее время невозможно, по недостатку для этого данныхъ Только относительно немногихъ мѣстностей можно указать степень этого вліянія. Оно очень сильно въ губерніяхъ Харьковской, Екатеринославской и Тамбовской; въ Ярославской губерніи, хотя и существуетъ вѣрованіе въ соединеніе супруговъ за гробомъ, но оно не имѣетъ той живости, какая замѣчается въ трехъ вышеназванныхъ губерніяхъ, и вліяніе его на бракъ вдовцовъ поэтому должно быть значительно слабѣе. Это подтверждается и статистическими данными. По среднему выводу за восемь лѣтъ (за 1879—1886 гг.) изъ ста браковъ вдовцовъ православнаго населенія Европейской Россіи бываетъ 46 браковъ вдовцовъ на вдовахъ. Отклоненіе отъ этой средней величины въ ту или другую сторону зависитъ отъ весьма сложныхъ причинъ, въ числѣ которыхъ имѣютъ несомнѣнное значеніе и религіозныя вѣрованія. Изъ ста браковъ вдовцовъ православнаго населенія въ Ярославской губерніи бываетъ среднимъ числомъ 24 брака вдовцовъ на вдовахъ, въ Екатеринославской—52, въ Тамбовской—56, въ Купянскомъ уѣздѣ (Харьковской губерніи), гдѣ на особенную силу религіозныхъ вѣрованій указываетъ и вышеозначенный похоронный обрядъ,—60 браковъ.

3. Кража пчелъ.

Взглядъ народа на кражу пчелъ, какъ на святотатство, основанъ на томъ значеніи, какое имѣетъ пчела и въ религіозныхъ обрядахъ и въ народныхъ вѣрованіяхъ. Безъ пчелы (безъ восковыхъ свѣчей) невозможна церковная служба, невозможно (безъ меда) и поминовеніе родителей. По вѣрованію, существующему въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, душа человѣческая, не соединенная съ тѣломъ, похожа на пчелу. Пчела священное насѣкомое: Илья пророкъ ни за что не ударитъ громомъ въ улей, хотя бы за нимъ и скрылся нечистый духъ [1]). Въ Рузскомъ уѣздѣ я слышалъ слѣдующую легенду, указывающую на то же народное понятіе о пчелахъ: одинъ нечестивецъ за обѣдней причастился вмѣстѣ съ другими, но не проглотилъ причастіе, а незамѣтно выплюнулъ его, выйдя изъ церкви. Прійдя домой, онъ сталъ осматривать свои ульи и

---

1) *Аѳанасьевъ.* Поэтич. воззрѣнія славянъ на природу. Т. I, стр. 385.

въ одномъ изъ нихъ увидѣлъ слѣпленный изъ воска престолъ, на престолѣ восковую чашу, а въ чашѣ выплюнутое имъ причастіе.

4. Средства, употребляемыя для открытія вора и возвращенія похищеннаго.

Для открытія вора и возвращенія похищеннаго употребляются народомъ нѣсколько средствъ, находящихся въ тѣсной связи съ народными вѣрованіями. Съ этою цѣлью ставятъ въ церкви передъ образомъ свѣчу (обидящую) верхнимъ концомъ къ низу. Иногда зажигаютъ передъ образомъ свѣчу зеленаго воска, употребляемую обыкновенно только при паннихидахъ, или, если догадываются о томъ, кто укралъ, то служатъ по немъ паннихиду.

Послѣдствіемъ употребленія одного изъ этихъ средствъ бываютъ, по народному убѣжденію, страшныя мученія вора, заставляющія его возвратить похищенное. Часто также обращаются съ молитвою о возвращеніи украденнаго къ св. Іоанну Воину и ставятъ свѣчу въ церкви передъ его образомъ. Этому же святому молятся и воры, прося его помочь имъ при совершеніи задуманнаго ими воровства. Обычай воровъ молиться объ успѣхѣ дѣла, считающагося теперь и грѣшнымъ и преступнымъ, есть остатокъ языческаго вѣрованія, указывающій на давно исчезнувшія формы быта. Несомнѣнно, было время, когда воровство не считалось преступленіемъ. При господствѣ родового быта, при враждѣ родовъ, всякое нападеніе на принадлежащаго къ враждебному роду, всякое явное или тайное похищеніе его имущества считалось не преступленіемъ, а подвигомъ достойнымъ всякой похвалы. Это было опасное военное предпріятіе, передъ началомъ котораго испрашивалась божественная помощь, совершенно такъ-же, какъ и впослѣдствіи, при измѣнившихся формахъ быта, она испрашивалась при началѣ военныхъ дѣйствій. И въ настоящее время встрѣчаются въ Россіи у нѣкоторыхъ инородцевъ и такой взглядъ на воровство, и моленіе, обращенное къ божеству, объ успѣшномъ его совершеніи. Такъ, у абхазцевъ есть божество Эйригъ-хацныхъ (въ переводѣ: видящій все днемъ и ночью)—покровитель воровства, грабежа и разбоевъ. Въ жертву этому божеству приносятся четыре хлѣбца, надъ

которыми читается молитва, испрашивающая благословеніе предпріятію, и дается обѣщаніе въ случаѣ успѣха пожертвовать что-нибудь Богу [1]).

Св. Іоаннъ Воинъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, какъ напр. въ Нерехотскомъ уѣздѣ, Костромской губерніи, извѣстенъ народу только подъ именемъ св. Ивана Встрѣчнаго. Называется онъ такъ потому, что, по народному убѣжденію, какъ только воръ украдетъ что-нибудь днемъ или ночью, на встрѣчу ему всегда выходитъ св. Иванъ Встрѣчный. Такъ какъ образа святого Ивана Встрѣчнаго нѣтъ ни въ одной церкви, то свѣчи ему ставятъ передъ образомъ всѣхъ святыхъ. Обращеніе моленій преимущественно къ св. Іоанну Воину, какъ потерпѣвшими отъ воровства, такъ и ворами, объясняется своеобразнымъ пониманіемъ житія св. угодника, помѣщеннаго въ Прологѣ. Св. Іоаннъ Воинъ былъ посланъ на убіеніе христіанъ Іуліаномъ Отступникомъ, но онъ, прежде чѣмъ схватывать христіанъ, предупреждалъ ихъ, чтобы они бѣжали, или же отпускалъ схваченныхъ. По окончаніи жизни святой былъ погребенъ на мѣстѣ, гдѣ хоронили странниковъ. Въ числѣ чудесъ совершенныхъ святымъ есть и открытіе татьбы [2]).

У воровъ есть особое заклинаніе, списокъ съ котораго они берутъ съ собой, идя на промыселъ. Въ Моршанскомъ уѣздѣ былъ пойманъ конокрадъ, и на немъ былъ найденъ списокъ слѣдующей заклинательной молитвы: „Во имя Отца и Сына и Св. Духа. Аминь. Иду я, рабъ божій, въ мрачный путь и дорогу мою; на встрѣчу мнѣ самъ Господь I. Христосъ грядетъ изъ прекраснаго рая, опирается золотымъ посохомъ, въ золотомъ своемъ крестѣ; на правой сторонѣ у меня Мать Божія, пресвятая Богородица, съ ангелами, архангелами, серафимами и со всѣми небесными силами; съ лѣвой стороны моей архангелъ Гавріилъ, надо мною Михаилъ архангелъ; сзади меня, раба божія, Илья Пророкъ на огненной колесницѣ; онъ стрѣляетъ очищаетъ и дорогу мою закрываетъ св. Духомъ

[1]) *А—в.* Религіозныя вѣрованія абхазцевъ. Сборникъ свѣдѣній о кавказскихъ горцахъ. Вып. 5, стр. 17.

[2]) Прологъ изд. 1877 г. Часть II, стр. 68.

и животворяшимъ крестомъ Господнимъ. Замокъ Богоматерь, Петра и Павла ключъ. Аминь» [1]).

Молитва, обращенная къ св. Іоанну Воину, по народному убѣжденію, можетъ помочь только при простомъ воровствѣ. Если же воръ рѣшается снять ризу или цѣнныя украшенія съ образа, находящагося въ церкви, то молитва обращается къ святому, изображенному на образѣ; у него испрашивается позволеніе снять ризу или украшенія, ему обѣщается даръ. Въ одной старинной легендѣ разсказывается, что обнищавшій купецъ, подойдя въ церкви къ иконѣ св. Богородицы, просилъ Богородицу дать ему утварь, находящуюся на иконѣ. Однажды, войдя въ церковь, онъ увидѣлъ, что утварь лежитъ передъ иконой; онъ взялъ ее, разбогатѣлъ и затѣмъ вдвое богаче украсилъ икону [2]). Въ народѣ ходитъ разсказъ о ворѣ, забравшемся ночью въ церковь, чтобы снять дорогую ризу съ иконы св. Николая чудотворца. Сколько ни старался воръ, онъ не могъ отдѣлить ризу отъ образа, и это удалось ему сдѣлать только послѣ молитвы, обращенной къ св. Николаю. и обѣщанія поставить ему полупудовую свѣчу. Свидѣтелемъ этого былъ мальчикъ, уснувшій во время всенощной и оставшійся незамѣченнымъ, когда запирали церковь. Мальчикъ этотъ разсказалъ обо всемъ, что видѣлъ и слышалъ. Когда воръ, исполняя свой обѣтъ, принесъ въ церковь полупудовую свѣчу, его схватили и онъ былъ наказанъ. Мнѣ неизвѣстно, имѣетъ ли этотъ разсказъ фактическую основу, или это не болѣе, какъ легенда.

Существуетъ легенда, въ которой хотя и признается, что молитва можетъ помочь вору, но въ то-же время порицается всякая молитва о злыхъ дѣлахъ [3]).

---

[1]) Молитва эта была напечатана въ «Новомъ Времени» и перепечатана въ Тверскомъ Вѣстникѣ 1881 г. № 31. Корреспондентъ «Новаго Времени» сообщаетъ, что текстъ этой молитвы „знаютъ наизусть и почти всегда носятъ съ собою спеціалисты воровскаго дѣла“.

[2]) Слово о нѣкоемъ купцѣ. Памяти. рус. стар. лит. Вып. I, стр 133.

[3]) *Аванасьевъ*. Сказки, 2-е изд. т. III, стр. 466. Варьянтъ этой легенды приведенъ *Н. А. Иваницкимъ* въ его Матеріалахъ по этнографіи Вологодской губерніи. (Сборникъ свѣдѣній для изученія быта крест. населенія Россіи. Вып. II, стр. 126. Труды этногр. отдѣла, кн. XI).

5. Свѣча изъ человѣческаго сала и рука или палецъ мертвеца.

Свѣча, слитая изъ человѣческаго сала, по народному понятію имѣетъ особое сверхъестественное свойство. Въ домѣ, гдѣ она зажжена, никто не можетъ пробудиться, всѣ продолжаютъ спать мертвымъ сномъ. Въ такой же глубокій сонъ повергается человѣкъ, обведенный кругомъ рукою мертвеца; даже достаточно имѣть при себѣ, входя въ домъ, палецъ мертвеца, чтобы въ домѣ никто не проснулся. Поэтому воръ, имѣющій при себѣ свѣчу изъ человѣческаго сала, руку или палецъ мертвеца, можетъ безъ всякой боязни заниматься своимъ промысломъ. Чтобы добыть человѣческое сало раскапываютъ могилы недавно похороненныхъ людей и отрѣзываютъ часть мертваго тѣла. Съ этою цѣлью были разрыты могилы: въ 1876 г. въ Каневскомъ уѣздѣ, въ 1878 г. въ Конотопскомъ, въ 1884 г. въ Переяславскомъ [1]). Съ этою же цѣлью прибѣгаютъ иногда и къ убійству. Такія убійства были совершены: въ 1869 г. во Владиміро-Волынскомъ уѣздѣ, въ 1881 г. въ Пензенской губерніи, въ 1888 г. въ Бѣлогородскомъ уѣздѣ [2]); но есть полное основаніе думать, что не всѣ случаи такихъ убійствъ были обнаружены. Обычай употреблять свѣчу изъ человѣческаго сала одни объясняютъ религіозными вѣрованіями [3]), другіе переживаніемъ людоѣдства [4]). Это послѣднее мнѣніе не противорѣчитъ, впрочемъ, первому, а только дополняетъ его; оно указываетъ первоначальный источникъ обычая, не отвергая связаннаго съ нимъ въ настоящее время суевѣрія.

Извѣстія о суевѣрныхъ средствахъ, употребляемыхъ ворами съ цѣлью обезпечить безопасное совершеніе воровства, встрѣчаются у насъ очень рѣдко. Такъ, напр., можно указать

---

[1]) С.-Петерб. Вѣд. 1876 г. № 242.—Особое прибавленіе къ Черниговскимъ Губ. Вѣд. 1878 г. № 14.—Московск Вѣд. 1884 г. № 224.

[2]) Рязанск. Губ. Вѣд. 1869 г. № 58.—Порядокъ 1881 г. № 131.—Рус. Вѣд. 1888 г. № 353.

[3]) *Аѳанасьевъ*. Поэт. воззрѣнія славянъ на природу. Т. II, стр. 737.

[4]) *А. Ф. Воеводскій*. Этнологическія и миѳологическія замѣтки: I. Чаши изъ человѣческихъ череповъ и тому подобные примѣры утилизаціи трупа. Одесса. 1877.—*Д. А—ъ*. Пережитки древности, какъ опасныя суевѣрія настоящаго времени. Рус. Вѣд. 1888 г. № 359.

только на небольшое число извѣстій о разрытіи ворами могилъ; о ношеніи ворами руки (пальца) мертвеца мы знаемъ болѣе какъ о повѣрьи, между тѣмъ какъ это, вѣроятно, очень распространенный обычай. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, когда въ г. Ярославлѣ, на одномъ дворѣ, былъ найденъ человѣческій палецъ, полицейскіе чиновники прямо заявили, что находка эта не можетъ служить указаніемъ на совершеніе въ городѣ убійства и что палецъ, несомнѣнно, потерянъ воромъ. Это показываетъ, что въ Ярославской губерніи нерѣдко прибѣгаютъ къ такому суевѣрному средству, между тѣмъ въ литературѣ нѣтъ никакихъ указаній на существованіе въ этой губерніи такого обычая. Кромѣ того, и тѣ немногія отрывочныя свѣдѣнія, которыя мы имѣемъ о случаяхъ добыванія воровской свѣчи или руки (пальца) мертвеца, такъ кратки, что не даютъ полнаго понятія объ обычаѣ. У насъ не встрѣчается также никакихъ указаній на суевѣрные обычаи и обряды, соблюдаемые разбойниками по ремеслу, между тѣмъ какъ ремесло это опаснѣе воровского, и нѣтъ основанія думать, чтобы разбойники были менѣе суевѣрны, чѣмъ воры.

Сближая русскіе воровскіе обычаи съ существующими въ Германіи, изученными съ большею подробностью, и сравнивая ихъ съ обычаями современныхъ дикарей—людоѣдовъ, можно уяснить себѣ первоначальный источникъ представленія о сверхъестественномъ дѣйствіи руки мертвеца и свѣчи изъ человѣческаго сала.

Людоѣдство, существующее у современныхъ дикарей, имѣетъ нѣсколько видовъ. Самый грубый изъ нихъ вызывается потребностью мясной пищи: за человѣкомъ охотятся, какъ за звѣремъ, ѣдятъ не только людей своего племени, но и членовъ своей семьи, чаще всего дѣтей и женщинъ. Второй видъ составляетъ военное людоѣдство: съѣденіе взятыхъ въ плѣнъ или павшихъ въ битвѣ враговъ-чужеродцевъ. Третій видъ—религіозное людоѣдство: дикари приносятъ человѣка въ жертву богамъ и сами съѣдаютъ часть жертвы. Четвертый видъ—юридическое людоѣдство: съѣдаютъ осужденнаго.

Изъ этихъ видовъ людоѣдства долѣе другихъ удерживаются религіозное и военное. Послѣднее сохраняется долѣе вслѣдствіе устойчивости религіозныхъ вѣрованій, съ которыми оно

бываетъ соединено даже у самыхъ неразвитыхъ дикарей. Сами боги требуютъ убійства и пожиранія враговъ. Жители острововъ Витти стараются убить достаточное число непріятелей, чтобы достойно предстать на томъ свѣтѣ передъ судъ боговъ [1]). Съ крайнимъ презрѣніемъ относятся на этихъ островахъ къ человѣку, не убившему и не съѣвшему ни одного врага. Къ такому человѣку примѣняется посрамительное наказаніе: его заставляютъ бить по грязи опозореннымъ оружіемъ, которымъ онъ не умѣлъ пользоваться [2]).

Изъ военныхъ обычаевъ дикарей людоѣдовъ есть два, имѣющіе близкое сходство съ воровскими современными обычаями и объясняющіе происхожденіе послѣднихъ. Одинъ изъ этихъ обычаевъ состоитъ въ ношеніи дикаремъ, идущимъ на войну, кости съѣденнаго врага съ цѣлью устрашенія непріятелей. Такъ, индѣйцы Южной Америки, при нападеніи на враждебное селеніе, показывали, для устрашенія его, кости побѣжденныхъ и съѣденныхъ ими враговъ. „Мы храбры, говорили они, мы съѣли вашихъ родственниковъ, съѣдимъ и васъ“ [3]). У многихъ племенъ, у которыхъ людоѣдство уже исчезло, сохранился обычай воиновъ носить съ собой ту или другую часть непріятельскаго трупа. Краснокожіе Сѣверной Америки носятъ на себѣ скальпы убитыхъ ими враговъ. Тушины до послѣдняго времени отрѣзывали кисть правой руки убитаго ими врага. Чѣмъ болѣе было отрѣзано рукъ, тѣмъ славнѣе былъ воинъ. У тушинъ существовало такое же презрительное отношеніе къ воину, не убившему ни одного непріятеля, какъ и у дикарей-людоѣдовъ. Тушинка не могла выйти замужъ за человѣка, у котораго не было ни одной руки убитаго имъ врага [4]). Наконецъ, представленіе о томъ, что ношеніе воиномъ части мертваго тѣла наводитъ страхъ на враговъ и тѣмъ уменьшается опасность, переходитъ въ суевѣріе, по которому опасность совершенно устраняется. Человѣкъ, вокругъ котораго обводятъ мертвой рукой, не можетъ вредить;

---

[1]) *Letourneau.* L'évolution de la morale. Стр. 104.—[2]) Тамъ же, стр. 85. [3])—Тамъ же, стр. 108.

[4]) *Н. Волконскій,* Лезгинская экспедиція въ 1857 г. Кавказскій Сборникъ, Тифлисъ 1876. Вып. I, стр. 388.

онъ замираетъ, впадаетъ въ непробудный сонъ. Затѣмъ и ношеніе воромъ части руки, пальца мертвеца отстраняетъ всякую опасность воровского предпріятія.

Другой военный обычай дикарей-людоѣдовъ еще яснѣе показываетъ связь людоѣдства съ воровскими обычаями. У одного племени краснокожихъ Сѣверной Америки побѣдитель на самомъ полѣ сраженія вскрываетъ побѣжденному грудь, вырываетъ сердце и съѣдаетъ его еще трепещущее [1]). Въ новой Полинезіи съѣдаютъ сердце павшаго врага, чтобы его храбростью увеличить свою храрбость. Сердце съѣдается всегда сырымъ [2]). На Маркизскихъ островахъ у принесеннаго въ жертву человѣка вынимаютъ сердце и съѣдаютъ его сырымъ, между тѣмъ какъ остальныя части трупа варятся [3]). Еще въ недавнее время въ Шангаѣ, во время бывшаго въ Китаѣ возмущенія, слуга одного англійскаго купца принесъ сердце одного изъ возмутившихся, чтобы съѣсть его и сдѣлаться болѣе храбрымъ [4]).

Пережитокъ этого вида людоѣдства встрѣчается и въ Германіи. Здѣсь, по народному вѣрованію, пожираніе сердца нерожденнаго ребенка мужского пола служитъ средствомъ защиты для воровъ и разбойниковъ. Сердце ребенка должно съѣсть сырымъ сейчасъ же, какъ только оно будетъ вынуто. Если въ воровской шайкѣ нѣсколько человѣкъ, то сердце разрѣзывается на части и каждый изъ шайки съѣдаетъ свою часть. Кто будетъ девять разъ участвовать въ ѣдѣ младенческаго сердца, того никогда не захватятъ во время совершенія воровства или другого подобнаго преступленія; а если случайно онъ и будетъ пойманъ, то онъ можетъ сдѣлаться невидимымъ и возвратиться къ своимъ товарищамъ. Въ половинѣ XVII вѣка одна разбойничья шайка, нагнавшая ужасъ на Ермеландъ, умертвила до четырнадцати беременныхъ женщинъ, чтобы вынуть изъ нихъ сердца нерожденныхъ мальчиковъ. Съ тою же цѣлью достаютъ сердце, а иногда руку или палецъ некрещеннаго ребенка. Въ

[1]) *Letourneau.* L'évolution de la morale. Стр. 83.

[2]) *Reclus.* Nouvelle geographie. T. XVI, стр. 848.

[3]) *Letourneau.* L'évolution de la morale. Стр. 94.

[4]) *Letourneau.* La sociologie. 1880. Стр. 202.

Пфальцѣ, еще въ недавнее время, каждый разъ послѣ погребенія некрещеннаго младенца должно было долго сторожить церковный дворъ, чтобы охранить трупъ отъ воровъ. Въ началѣ XVII вѣка судили въ Нюрнбергѣ убійцу, зарѣзавшаго многихъ беременныхъ женщинъ съ цѣлью отрѣзать руки у нерожденныхъ еще дѣтей и вытопить изъ нихъ свѣчу [1]). И въ Россіи нѣкоторые убѣждены, что воровскую свѣчу должно дѣлать изъ сала некрещеннаго младенца [2]). Но здѣсь, также какъ и въ Германіи въ настоящее время, чтобы добыть человѣческое сало, убиваютъ и взрослыхъ людей. Воровская свѣча имѣетъ такое же свойство спасать вора отъ опасности, какъ и пожираніе человѣческаго сердца Нѣтъ прямыхъ указаній на совершеніе убійствъ въ Россіи ворами и разбойниками съ цѣлью добыть сердце ребенка, хотя было нѣсколько несомнѣнныхъ случаевъ убійствъ беременныхъ женщинъ и вырѣзыванія изъ ихъ утробъ младенцевъ. Эти случаи всегда объясняли или особенною свирѣпостью разбойниковъ, или ихъ любопытствомъ, желаніемъ видѣть, какъ лежитъ ребенокъ въ утробѣ матери.

6. Мнимыя преступленія.

Всѣмъ извѣстно, какъ сильно распространено и съ какимъ упорствомъ держится у насъ обвиненіе евреевъ въ употребленіи ими христіанской крови. Во всѣхъ классахъ общества встрѣчаются люди, нисколько не сомнѣвающіеся въ убійствѣ евреями христіанскихъ дѣтей. Одни полагаютъ, что христіанская кровь употребляется при религіозныхъ обрядахъ не всѣми евреями, а только одною еврейскою сектою. Другіе, большинство которыхъ принадлежитъ къ наименѣе образованнымъ классамъ, обвиняютъ всѣхъ безъ исключенія евреевъ въ употребленіи ими крови христіанскихъ младенцевъ. Существуютъ весьма разнообразныя объясненія цѣли этого преступленія; между ними не послѣднее мѣсто занимаетъ мнѣніе объ употребленіи евреями человѣческой крови, какъ цѣ-

---

1) *W. Mannhardt.* Die practischen Folgen des Aberglaubens, mit besonderer Berücksichtigung der Provinz Preussen. Стр. 22. 23. Статья Мангардта напечатана въ 97 и 98 выпускахъ изданія Deutsche Zeit-und Streit-Fragen. Berlin. 1878.

2) Могилевск. Губ. Вѣд. 1871 г. № 46.

лебнаго средства. Понятіе о цѣлебномъ дѣйствіи крови младенцевъ, занесенное въ Европу съ Востока, было нѣкогда очень распространено. У самихъ обвиняемыхъ нынѣ евреевъ сохранилось преданіе о лѣченіи Фараона отъ проказы кровью еврейскихъ дѣтей [1]) Понятіе о цѣлебномъ дѣйствіи младенческой крови проникло въ Россію давно. У насъ существуетъ древняя легенда объ умерщвленіи младенца съ цѣлью помазать его кровью больного [2]). Въ одной изъ старинныхъ русскихъ повѣстей есть разсказъ о совершенномъ исцѣленіи больного, послѣ того какъ его помазали кровью убитыхъ дѣтей [3]). По народному понятію, существующему въ нѣкото-

---

[1]) Филаретъ Черниговскій въ своихъ „Житіяхъ святыхъ, мѣстно чтимыхъ", говоря (подъ 20 апр.) о младенцѣ Гавріилѣ, по преданію убитомъ евреями въ 1690 въ Бѣлостокѣ съ цѣлью добыть христіанскую кровь, дѣлаетъ такое примѣчаніе: „Въ еврейской книжкѣ „Чинъ пасхи", печатной въ XVI в., есть гравюра, изображающая царя въ коронѣ, покрытаго струпами; онъ стоитъ въ ваннѣ, предъ нимъ вельможи растворяютъ младенцамъ жилы и изъ нихъ кровь фонтаномъ льетъ на тѣло царя въ ванну". Составитель „Житій", очевидно, усматривалъ въ этой картинкѣ несомнѣнное доказательство существованія у евреевъ обряда крови. И въ извѣстномъ саратовскомъ дѣлѣ объ убійствѣ (1853 г.) двухъ мальчиковъ, разсматривавшемся въ 1868 г. въ государственномъ совѣтѣ, въ этой картинкѣ хотѣли видѣть такую же улику противъ евреевъ. Значеніе этой картинки объяснилъ извѣстный гебраистъ проф. С.ПБ-скаго университета и Дух. Академіи Д. Хвольсонъ въ своей брошюрѣ: „Употребляютъ-ли евреи христіанскую кровь?" По преданію евреевъ, во время египетскихъ казней, когда фараонъ заболѣлъ проказою, то египетскіе знахари посовѣтовали ему выкупаться въ крови *еврейскихъ* дѣтей, что и изображается на упомянутой картинкѣ. Въ мѣстностяхъ, населенныхъ евреями, каковы напр. Польша и Западный край, особенно упорно держится издавна легенда объ употребленіи евреями христіанской крови. Польскіе и литовскіе короли неоднократно своими постановленіями должны были разсѣивать ложную клевету на евреевъ, строго воспрещая обвинять ихъ въ дѣтоубійствѣ. Императоръ Александръ I далъ въ 1817 г. (6 марта) указъ, подтвержденный потомъ при имп. Николаѣ, спеціально для областей, перешедшихъ къ Россіи отъ Польши. Въ немъ приказано было: „не обвинять евреевъ въ употребленіи христіанской крови, такъ какъ эти обвиненія не оправдываются еврейскими законами и представляютъ чистую ложь, какою считали ихъ всегда ученые и папы и государи".—Этотъ вопросъ затронуть и въ болгар. статьѣ М. Драгоманова. Срв. Этн. Об., кн. V, 185—6.—*Ред.*

[2]) Памятники старин. рус. литературы. Вып. I, стр. 117.

[3]) Въ „Повѣсти о семи мудрецахъ".

рыхъ мѣстностяхъ, евреи лѣчатся человѣческою кровью не отъ случайной какой-нибудь болѣзни, но отъ недуга, присущаго всѣмъ евреямъ съ самаго ихъ рожденія. По вѣрованію, существующему въ Московской губерніи, Богъ наказалъ всѣхъ евреевъ за преданіе смерти І. Христа; божественное наказаніе состоитъ въ томъ, что всѣ еврейскія дѣти родятся слѣпыми и начинаютъ видѣть только тогда, когда имъ помажутъ глаза кровью невинныхъ христіанскихъ младенцевъ. Поэтому всякій разъ, какъ бываетъ найденъ дѣтскій трупъ, убійство ребенка приписываютъ евреямъ, даже и въ томъ случаѣ, когда самый фактъ убійства не можетъ быть доказанъ.

Другое мнимое преступленіе есть убійство мнимо-умершихъ, ожившихъ въ церкви, послѣ перенесенія ихъ туда для погребенія. Въ этихъ мнимыхъ убійствахъ народъ обвиняетъ церковные причты. Это обвиненіе, встрѣчающееся, сколько мнѣ извѣстно, только въ Вятской губерніи, имѣетъ общія черты съ обвиненіемъ евреевъ въ убійствѣ христіанскихъ дѣтей: и въ томъ и въ другомъ случаѣ преступленіе совершается, какъ думаетъ народъ, для избѣжанія Божіей кары.

Въ Уржумскомъ уѣздѣ, Вятской губерніи, гдѣ по обычаю тѣло покойника должно оставаться одну ночь въ церкви, въ народѣ существуетъ убѣжденіе, что церковный причтъ убиваетъ покойника, ожившаго по перенесеніи его въ церковь. Если оживщій успѣетъ скрыться изъ церкви, то долженъ умереть весь причтъ или должны умереть подъ рядъ 12 священниковъ [1]). Такое же суевѣрное убѣжденіе существуетъ въ Слободскомъ [2]), Яранскомъ [3]), Котельническомъ и Орловскомъ уѣздахъ [4]). Между прочимъ г. В. Магницкій, подробно изложившій этотъ суевѣрный взглядъ народа, говоритъ: „Объ этомъ мнѣ

---

[1]) *В. Магницкій.* Повѣрья и обряды (запуки) въ Уржумскомъ уѣздѣ Вятской губерніи. Вятка 1883.

[2]) Тамъ же.

[3]) Предразсудки о послѣдствіи оживленія мнимоумершихъ. Волжско-Камское Слово, 1882, № 192; статья эта указана въ вышеназванномъ сочиненіи В. Магницкаго.

[4]) Въ Котельническомъ и Орловскомъ уѣздахъ, какъ мнѣ извѣстно, существуетъ такое же суевѣріе, какъ и въ Уржумскомъ у., но въ литературѣ нѣтъ на это указаній.

довелось подслушать въ Уржумѣ слѣдующій разсказъ: причтъ убиваетъ ожившаго покойника ломомъ, хранящимся для этого въ церкви за печкой; конецъ лома въ крови. Убійство совершается такъ: заставъ покойника ожившимъ, причтъ заставляетъ его помолиться Богу, а когда помолившійся, перекрестившись, поклонится, ударяетъ его спрятаннымъ ломомъ въ загорбокъ. Зная такую участь, ожившіе покойники стараются изъ церкви скрыться прежде, чѣмъ будетъ обнаружено исчезновеніе ихъ изъ гроба. Въ свою очередь церковные сторожа, чтобы предупредить побѣгъ, по входѣ въ церковь первыми, раскрываютъ гробъ и капаютъ покойному на лицо воскомъ отъ зажженной свѣчи, для убѣжденія, не ожилъ ли онъ. Въ томъ случаѣ, когда побѣгъ совершается, причтъ отпѣваетъ пустой гробъ и провожаетъ его на кладбище, какъ бы въ немъ былъ покойникъ... Любопытно, что смерть подърядъ двухъ, трехъ священниковъ въ одномъ и томъ же селѣ иначе не объясняется народомъ, какъ упускомъ ожившаго покойника [1]).

Какъ обвиненіе евреевъ въ убійствѣ христіанскихъ дѣтей еще болѣе укрѣпляется разсказами о нѣкоторыхъ загадочныхъ случаяхъ убійства или смерти, такъ и въ Вятской губерніи такіе загадочные случаи укрѣпляютъ убѣжденіе народа въ совершеніи убійства церковными причтами. „Одинъ сельскій учитель, говоритъ В. Магницкій, передавалъ мнѣ, что въ началѣ 70-хъ годовъ текущаго столѣтія, въ одномъ селѣ Слободскаго уѣзда, гдѣ священникомъ былъ его дядя, разъ дѣйствительно оставленный на ночь въ церкви покойникъ найденъ былъ сторожемъ съ свѣжеоблитымъ кровью лицомъ, а гробъ разбитымъ. Объ этомъ сторожъ тотчасъ же доложилъ священнику, а послѣдній донесъ полиціи, и похороны были пріостановлены Но такъ какъ событіе это случилось лѣтомъ, а врачъ для вскрытія прибылъ черезъ мѣсяцъ, то причина смерти покойника не выяснилась. Тѣмъ не менѣе народная молва приписывала дѣйствительное убійство въ данномъ случаѣ ожившаго покойника старику-дьячку“ [2]).

[1]) *В. Магницкій.* Повѣрья и обряды въ Уржумск. уѣздѣ. Стр. 34—36
[2]) Тамъ же. стр. 35.

Народъ крайне возмущается этими мнимыми убійствами. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, въ г. Орловѣ Вятск. г. распространился слухъ, что въ одной изъ церквей ожилъ покойникъ. Большая толпа, какъ мнѣ разсказывалъ очевидецъ, окружила церковь, чтобы не допустить убійства. Съ трудомъ можно было убѣдить толпу въ ложности слуха.

Въ заключеніе я долженъ оговориться, что для предлагаемыхъ замѣтокъ я выбралъ только тѣ обычаи, смыслъ которыхъ мнѣ представляется яснымъ и о которыхъ я могъ чѣмъ-нибудь дополнить прежнія свѣдѣнія. Нѣкоторые могутъ найти, что заглавіе статьи не совсѣмъ соотвѣтствуетъ ея содержанію, что, напримѣръ, суевѣрныя средства открытія вора, употребленіе свѣчи изъ человѣческаго сала относятся не къ юридическимъ понятіямъ или обычаямъ, а исключительно къ религіознымъ вѣрованіямъ народа. Это было бы совершенно справедливо, еслибы я сталъ разсматривать религіозныя вѣрованія, существующія въ настоящее время, независимо отъ ихъ исторіи; но мнѣ представляется несомнѣннымъ, что корень этихъ вѣрованій былъ тѣсно связанъ съ юридическими понятіями и что изученіе ихъ очень важно для исторіи обычнаго права.

Е. Якушкинъ.

Нѣсколько новыхъ данныхъ къ народнымъ представленіямъ о Долѣ.

Матеріалы и указанія, сообщаемые далѣе, легко распредѣляются по тѣмъ стадіямъ развитія народной идеи о Долѣ, которыя мы попытались установить въ предыдущемъ изслѣдованіи (Разысканія, вып. V, гл. XIII): та-же идея непререкаемости судьбы въ сказкахъ типа Василія Безсчастнаго [1]); что бездольному не въ прокъ ни чужая помощь, ни находка—о томъ разсказывала сербская сказка и повторяетъ албанская [2]); счастливцы, какъ и бѣдовики, родятся: греки зовутъ ихъ *καλοπόδαροι*, *κακοπόδαροι*, и стараются, чтобы въ день Новаго года *καλοπόδαρος* первый вступилъ въ домъ. Я сравнилъ ихъ съ сербскими полажайниками, южно-русскими полазниками [3]); у гораловъ имъ отвѣчаютъ подлазники, goście którzy zwykle po pasterce przychodzą na podłazy, t. j. z. powinszowaniem świąt; обыкновенно хозяинъ знаетъ, кто явится къ нему подлазникомъ, и заранѣе о томъ напоминаетъ [4]). Интереснѣе отмѣтить распространеніе самаго образа *κακοπόδαροι*, съ тѣмъ же при немъ значеніемъ. Дѣло идетъ о шотландскомъ суевѣріи: какой-то рыбакъ женился, съ тѣхъ поръ ему въ ловлѣ не везетъ; эту неудачу приписали худой, неудачливой ногѣ, *mauvais pied*, его жены (*κακοπόδαρος*), и онъ сталъ такъ дурно обходиться съ нею, что принудилъ ее вернуться къ себѣ въ деревню. Другія рыбачки, также обладавшія подобнымъ же не-

---

1) См. Этнографическое Обозрѣніе, кн. VII, стр. 80 3 (сказка о Маркѣ богатомъ) и Разысканія, вып. V, стр. 200.

2) См. Разысканія, l. c., стр. 230- 1 прим. и Zeitschrift f. Volkskunde II, стр. 266—7 (Das Glück des Narren).

3) Разысканія. l. c., стр. 233—4.

4) См. Stefanija Ulanowska. Boże narodzenie u Górali, zwanych Zagorzanami. - Wisła III, стр. 104—5.

счастнымъ даромъ, всегда сворачивали съ дороги, завидѣвъ рыбака, направлявшагося къ морю, либо занятаго какой-нибудь работой [1]).

Народныя олицетворенія Доли встрѣтились намъ въ недавно обнародованной болгарской сказкѣ: Свети Илиіа и наречницы [2]) и въ группѣ южно-итальянскихъ повѣрій, о которыхъ я намѣренъ сказать нѣсколько словъ. Для Сициліи онѣ собраны были Pitré, въ послѣднемъ четвертомъ томѣ его Usi e costumi, credenze e pregiudizi del popolo siciliano (Palermo, 1889). Вопроса о соотношеніи идей Фаты, Доли (sorti, mira), Судьбы (destino) онъ не касался; факты имъ сообщенные безъ труда укладываются въ установленныя нами генетическія рубрики. Говорится о нареканіяхъ и дарахъ Фатъ новорожденной (стр. 180); доля (стр. 199 и слѣд.)—счастливая или нѣтъ — неизбѣжна: стоитъ бездольному (malassurtatu) начать шапки шить, люди станутъ родиться безъ головы, а для счастливца будутъ рождаться и о двухъ головахъ; бездольный броситъ въ воду соломинку, она канетъ на дно, а у другого всплыветъ и кусокъ свинца:

Di quantu sfartunati su' a lu munnu
Unu di chisti mi pozzu chiamari,
Jetta la paggìia a mari e mi va 'n funnu,
Ad autru viju la chiammu navicari.

За счастливаго работаетъ его доля (sorti e va cùrcati), онъ и въ водѣ не тонетъ (dammi sorti e jettami a mari). Говорится, что долю даетъ Богъ (la sorti la reggi Ddiu), но въ сказкахъ она является и самостоятельнымъ существомъ, опредѣляющимъ людскую участь. Ее стараются умилостивить; въ первый понедѣльникъ мѣсяца къ ней обращаются съ молитвой: пусть явится во снѣ, откроетъ будущее; если она не приснится, нечего ожидать отъ нея помощи. Одна дѣвушка, обратившаяся къ ней съ такой молитвой, видѣла ее во-очію: высокая, смуглая дѣвушка грозно глядѣла на нее и сказала: „не зови меня больше: Доля и Смерть всегда съ тобою, куда бы ты ни пошла:“

[1]) Revue des traditions populaires, IV, стр. 660 - 661.

[2]) Сборникъ за народни умотворения, кн. I, стр. 110—111. См. Разысканія, вып. V, стр. 190, прим. 1.

Sorti e Morti,
Duvvi vai, ti la porti!

Съ тѣхъ поръ той женщинѣ никогда не везло.

Въ сказкахъ красавицамъ удается умилостивить ее дарами: такъ, въ сказкѣ о Розинѣ и въ разсказѣ о Бездольной, Sfurtuna, сходномъ съ приведеннымъ мною румынскимъ [1]). Sfurtuna, седьмая дочь королевы, бездольная, становится невольной причиной бѣдствій для всей своей семьи. По совѣту одной старухи мать отсылаетъ ее отъ себя; какія-то ткачихи пріютили ее; ночью она видитъ, что ея Доля рѣжетъ ножницами ввѣренныя ей ткани. У лавочника, въ услуженіе къ которому она поступила, случилось то-же: ея Доля открыла краны у бочекъ, и вино пролилось. Прачка, къ которой она перешла, поручаетъ ей выстирать бѣлье царевича; довольная работой дѣвушки, за которую царевичъ ее награждаетъ, прачка посылаетъ ее къ своей Долѣ съ двумя хлѣбцами. Sfurtuna идетъ къ берегу и зоветъ Долю; та принимаетъ ее дружелюбно и указываетъ, гдѣ ей найти и свою собственную Долю, безобразную старуху пекарку, грубо встрѣтившую ее, когда она принесла ей свой хлѣбецъ. Sfurtuna идетъ домой, опечаленная; въ другой разъ, вернувшись къ Долѣ, она приласкала ее, вымыла, вычесала и получила отъ нея въ даръ ящичекъ съ кускомъ галуна. Когда на слѣдующей недѣлѣ прачка снова понесла бѣлье царевичу, она застала его въ горѣ: къ платью его невѣсты не доставало кусочка галуна, а подобнаго ему нигдѣ не могутъ найти. Sfurtuna даритъ прачкѣ свой кусокъ, за который царевичъ обѣщаетъ заплатить вѣсомъ золота. Сколько его ни клали на чашку вѣсовъ, галунъ все перевѣшивалъ. Царевичъ теряется въ догадкахъ. Sfurtuna разсказываетъ ему о своей Долѣ—и выходитъ за него замужъ.

Сициліанская mira, mera (греч. μοῖρα)—та-же Доля; Raffaele

[1]) См. Разысканія, вып. V, стр. 258—9. Галунъ сициліанской сказки замѣнилъ собою нить румынской. Эту нить я объяснилъ, какъ брачную. См. l. c. стр. 208 слѣд., 248, 259 и Liebrecht Zur Volkskunde, стр. 358, § 28. Къ приведенной мною (l. c. стр. 257—8) малорусской параллели, см. еще варьянтъ у М. К. Васильева: Антропоморфическія вѣрованія украинскаго народа, Этнографическое Обозрѣніе, кн. IV, стр. 92, № 4.

Castelli опредѣляетъ ее: домашній духъ, покровитель [1]). Любопытно одностороннее, ухудшающее значеніе миры: Недоли, несчастной Судьбы; оно напоминаетъ такое же развитіе понятій Фатума, Немезиды, Эриннії [2]).

Слѣдующая сказка изъ Калабріи [3]) отвѣчаетъ сербской у Крауса [4]); нѣтъ только Бога, дающаго Сречу. Донъ Филомено посылаетъ бѣднаго сапожника Теста: пусть пойдетъ на гору, тамъ поляна, посреди нея утесъ; пусть позоветъ la Fortuna di don Filomeno, вручитъ ей письмо и передастъ просьбу Филомено: не посылать ему болѣе богатствъ, ибо онъ не знаетъ, куда ихъ дѣвать. Бѣднякъ исполнилъ порученіе; Fortuna ('na fimmana tutta sudata, какъ работница) явилась на его зовъ и выслушала порученіе, съ которымъ онъ пришелъ. Въ это время выпалъ такой градъ, что вся поляна побѣлѣла. „Скажи Филомено,—говоритъ Fortuna,—что я пошлю ему столько золотыхъ, сколько здѣсь крупинъ града.“ Бѣднякъ желаетъ видѣть и свою Долю. —„Позови ее“, совѣтуетъ ему Fortuna Филомено. Явилась женщина, оборванная, съ всклокоченными волосами и гнойными глазами, видно, что лѣнивая. Теста жалуется ей: она причиной тому, что онъ спитъ на соломѣ, и его одолѣли вши. — „Видѣлъ ты, какой выпалъ градъ?“ спрашиваетъ она: „столько вшей я нашлю на тебя“. Бѣднякъ погнался за нею съ камнемъ въ рукѣ, но она исчезла. Когда онъ вернулся къ богачу и разсказалъ ему, какъ было дѣло, тотъ отвѣтилъ: Fortuna посылаетъ мнѣ богатство, а же изведу его. Онъ велитъ скупить сколько было на рынкѣ сала и наполнить имъ амбаръ; велитъ скупить всѣхъ кошекъ, какія нашлись, и пустить ихъ туда: пусть ѣдятъ сало; но кошки его не трогаютъ, а ѣдятъ мышей и жирѣютъ. Тогда богачъ распорядился нагрузить саломъ корабль, взять и кошекъ, и то и другое сбыть гдѣнибудь—съ убыткомъ. Его люди продали сало въ одномъ го-

[1]) Къ другимъ итальянскимъ отраженіямъ fatum сл. Simioni, I fatuzzi nella credenza popolare Trapanese. Archivio per lo studio delle trad. popolari. VIII, стр. 337 слѣд.

[2]) Разысканія, вып. V, стр. 259.

[3]) La Calabria. Rivista di letteratura popolare dir. da L. Brozzano 1889, № 2, стр. 15—16.

[4]) Разысканія, l. c., стр. 245—6.

родѣ, гдѣ не знали его употребленія, кошекъ—въ другомъ, гдѣ не было житья отъ мышей (мотивъ извѣстной сказки о кошкѣ Виттингтона): то и другое за дорогую цѣну; нагрузили корабли золотомъ и серебромъ и привезли въ Филомено. Пусть же моя Доля шлетъ мнѣ, что угодно, говоритъ онъ, я все прійму.

Долю можно измѣнить, говорятъ въ Абруццахъ, молитвою къ Богородицѣ, либо суевѣрнымъ актомъ, напр. сліяніемъ крови; кто совершилъ этотъ искупительный актъ въ пользу бездольнаго, зовется имъ не иначе, какъ San Giovanni, т. е. кумомъ, ибо вызвалъ его къ новой жизни [1]) Напомнимъ, что св. Іоаннъ въ Италіи покровитель кумовства, comparatico, братства названнаго; что въ его ночь гадаютъ о судьбѣ, долѣ; что актъ смѣшенія крови въ абруццкомъ обычаѣ, очевидно, имѣетъ тотъ смыслъ, что вмѣстѣ съ кровью кума переходитъ къ неудачнику и его Доля—удача. Эта бытовая черта, пока не встрѣчавшаяся мнѣ въ циклѣ народныхъ повѣрій о Долѣ, позволяетъ мнѣ точнѣе отвѣтить на вопросъ, поставленный въ предыдущемъ изслѣдованіи (Разысканія, вып. V, стр 225 слѣд., 231—233): въ цѣлой группѣ сказокъ бездольный молодецъ выходитъ изъ недоли, женившись на удачливой дѣвушкѣ, работящей и мудрой, иногда вѣщей, располагающей сверхъестественными силами. Я спросилъ себя: какъ понять образъ дѣвушки, приносящей счастье бездольному молодцу? Что это: просто-ли дѣвушка, одаренная долей, или въ ней есть черты олицетворенной Сречи сербскаго повѣрія? Я полагаю, что въ основѣ сказочнаго мотива лежитъ болѣе древнее матеріальное представленіе: пріобщеніе къ чужой, родовой Долѣ путемъ брачнаго союза съ другимъ лицомъ. Такой-же матеріальный образъ предполагается и смѣшеніемъ крови въ абруццкомъ обычаѣ. Я объясняю его себѣ по аналогіи съ слѣдующимъ половецкимъ: половецъ прокалывалъ себѣ палецъ иглой и выступившую кровь давалъ сосать тому, кого избиралъ себѣ въ постоянные спутники и друзья, послѣ чего сосавшій кровь своего товарища становился для него какъ бы собственною его кровью и тѣломъ, какъ вкушеніе отъ молока женщины

---

[1]) Curiosità popolari tradizionali publicati per cura di G Pitrè, vol. VII. Finamore. Credenze, usi e costumi abruzzesi, p. 77.

устанавливало родственную связь между ея родомъ и вкусившимъ. Именно послѣднее распространенное повѣріе показываетъ, что г. Кулишеръ [1]) былъ, можетъ быть, не въ правѣ выразиться о половецкомъ обрядѣ, что въ немъ „опущена весьма важная подробность: о взаимности сосанія". Эта взаимность (смѣшенія, вкушенія, сосанія крови) дѣйствительно характеризуетъ извѣстный актъ побратимства, но она не представляется мнѣ существенной: уже одностороннее вкушеніе, сосаніе крови достаточно выражаетъ идею кровнаго, родового единенія; въ абруццкомъ обиходѣ существенна не идея смѣшенія, а то, что кровь удачливаго попадаетъ въ тѣло безсчастнаго, а съ кровью или другою частью его тѣла передается и его доля.

Мы можемъ конструировать такое вещественное представленіе Доли изъ цѣлаго ряда другихъ представленій: ѣсть сердце врага, пить его кровь—обычныя угрозы сѣвероамериканскихъ дикарей, мотивирующіеся представленіемъ, что вкусившій отъ сердца храбреца усвоитъ и его храбрость [2]); есть цѣлый рядъ сказокъ и легендарныхъ мотивовъ, что вкушеніе той или другой части извѣстнаго животнаго (пѣтуха, рыбы, змѣи и т. д.) сообщаетъ человѣку чудесные дары, свойства и счастье. Слѣдующая малорусская сказка [3]) соединяетъ зооморфическіе образы Срѣчи съ идеей, что счастье можно съѣсть.

Былъ себѣ человѣкъ, узнававшій съ перваго взгляда, кто счастливый, кто нѣтъ, люди или скотина; дѣти у него были счастливые, одинъ только сынъ бездольный. Задумалъ парень жениться, батько останавливаетъ его, говоритъ, что дѣвка несчастлива. Когда сынъ все-таки женился, отецъ совѣтуетъ ему съ женой жить при немъ, а по смерти своей при старшемъ братѣ ибо „вы обое нещаслыви". Но они не послушались, идутъ искать своего счастья: отдѣлились отъ батьки, поѣхали. На пути подобрали заброшеннаго щенка, купили земельки, устроились, а щенокъ сталъ доброй собакой. И

[1]) М. И. Кулишеръ, Очерки сравнительной этнографіи и культуры, СПБ. 1887, стр. 101.

[2]) Срв. Этногр. Обозр. IX, 14.

[3]) Кіевская Старина 1889, апрѣль, стр. 196—199.

повалило молодымъ счастье: за что ни возьмутся—все удается, „росте, якъ зъ воды йде". Выписали они отца посмотрѣть на ихъ довольство. Пріѣхалъ онъ, дивится, не знаетъ что и подумать: не видно счастливаго! Вечеромъ пригнали овецъ, за ними и собака: «ага! ось де щастя!» говоритъ старикъ — и проситъ убить собаку: лучше будетъ! Ни хозяева, ни пастухи не рѣшаются на это; нашелся, кто не пожалѣлъ собаки и убилъ ее. А старикъ смотритъ, что будетъ: подбѣжалъ къ убитой пѣтухъ, клюнулъ ее разъ и два. Старикъ доволенъ: говоритъ невѣсткѣ, чтобы она на другой день заколола пѣтуха и изжарила ему въ дорогу, да никому не давала бы отвѣдать, а что въ немъ негодно, то закопала бы. Хозяйка зажарила пѣтуха, побила сынишку, пристававшаго къ ней дать ему кусочекъ, но по просьбѣ сосѣдки все-таки дала. Старикъ былъ въ церкви; когда вернулся, увидѣлъ, что дѣло сдѣлано. Сѣли обѣдать; старикъ требуетъ, чтобы подали пѣтуха.—Да вѣдь онъ вамъ на дорогу! говоритъ хозяйка.—Такъ надо было сказать, а теперь можно и ѣсть его, ибо у васъ уже есть счастливый. И онъ объясняетъ, какъ собачье счастье перешло въ пѣтуха, а теперь въ хлопчика. Живите и Бога хвалите: все ваше при васъ будетъ!

Вернемся еще разъ къ итальянскимъ представленіямъ о Долѣ, чтобы раскрыть элементы народной сказки въ одной притчѣ, которую Боккаччьо разсказалъ въ De Casibus Virorum Illustrium со словъ своего учителя, астронома Андалоне дель Негро. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ я коснулся этой притчи и указалъ на ея отношеніе къ народнымъ идеямъ о Долѣ [1]; теперь мнѣ яснѣе въ ней раздѣлъ между ея школьными и народно-поэтическими мотивами. Сцена открывается перебранкой между Fortuna и Paupertas; нищета предполагаетъ для Fortun'ы значеніе не столько судьбы, сколько счастья и богатства. Перебранка переходитъ въ бой; побѣждаетъ Paupertas и по уговору ставитъ свои условія побѣжденной. До сихъ поръ мы на почвѣ школьнаго пренія (Debats et Disputes), въ родѣ извѣстныхъ средневѣковыхъ преній Поста и Масляницы,

[1]) Три письма Джіованни Боккаччьо къ Майнардо де Кавалькантн (СПБ. 1876), стр. 7—8.

Синагоги и Церкви, души и тѣла и т. д. Во второй части притчи объявляется нѣчто новое: Fortuna болѣе не Счастье, а Судьба, Усудъ извѣстной сказки; въ ея вѣдѣніи находятся Fortunium и Infortunium: сербская Среча и Несреча, добрая и лихая Доля. И вотъ Paupertas рѣшаетъ: пусть Fortunium свободно ходитъ, куда пошлетъ его Fortuna, а Infortunium она обязана на виду у всѣхъ привязать и приковать цѣпями къ столбу, чтобы ему нельзя было ни тронуться съ мѣста, ни переступить чей-либо порогъ, развѣ вмѣстѣ съ тѣмъ, кто развяжетъ его путы. Если я не ошибаюсь, это опять сказочный мотивъ, какъ и самые образы Fortunium и Infortunium: я указываю на сказки, въ которыхъ бѣднякъ запираетъ, зарываетъ, забиваетъ въ дупло свою Недолю; ему съ тѣхъ поръ везетъ; какой-нибудь завистникъ, иногда братъ, выпускаетъ эту Недолю изъ заключенія, полагая, что она снова привяжется къ бѣдняку, но она хватается за него самого [1]), какъ Infortunium овладѣваетъ тѣмъ, кто отвязалъ его.

Очень вѣроятно, что въ пониманіи Боккаччьо эти реальные мотивы сказки представлялись отвлеченнѣе въ томъ смыслѣ, что всякій самъ навязываетъ себѣ лихую долю и въ ней повиненъ. Грузинская сказка [2]), которою я заключаю этотъ обзоръ, пошла и еще далѣе: что злую долю можно исправить волей, трудомъ. Жилъ былъ богачъ; его безчисленныя стада рогатаго скота и табуны лошадей бродили по горамъ безъ пастуховъ и присмотра, точно ихъ оберегала какая-то невѣдомая рука. Въ той-же странѣ жилъ и бѣднякъ, человѣкъ лѣнивый. Богачъ предложилъ ему приходить къ нему помогать при работахъ; онъ даетъ ему за то пару воловъ. Но лѣнивцу не до того: чѣмъ работать все лѣто изъ-за какой-нибудь пары воловъ, лучше угнать часть богачева стада,—оно вѣдь ходитъ безъ присмотра,—продать въ городѣ и зажить счастливо. Онъ дѣйствительно отправился къ мѣсту, гдѣ паслись стада, но едва близко подошелъ къ нимъ, какъ пронесся свистъ и про-

[1]) См. Разысканія, вып. V, стр. 219—220.

[2]) См. Сборникъ матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа, вып. X, отд. III, стр. 49 слѣд. Сл. Разысканія, l. c., стр. 217 слѣд. и малорусскій варьянтъ, напечатанный г. Васильевымъ въ Этнограф. Обозрѣніи, кн. IV, стр. 92—3.

нзительный крикъ по горамъ. Стада вдругъ зашевелились, лошади заржали, лѣнивыя коровы оживились, раздался шумъ, и весь скотъ, какъ вихрь, слетѣлъ въ долину. Бѣднякъ стоялъ пораженный. Придя къ мѣсту сбора, онъ увидѣлъ среди стада крошечнаго человѣка, лицо котораго сіяло, какъ огонь; животныя проталкивались къ нему, желая облизать его. „Я—Счастье хозяина этихъ стадъ", былъ его отвѣтъ на вопросъ бѣдняка, „а твое Счастье тамъ на холмѣ, подъ кустомъ почиваетъ". Бѣднякъ идетъ искать его, но долго не находитъ, и такъ какъ полѣнился итти дальше, то легъ и проспалъ до вечера. Вдругъ до него донесся стонъ: въ кустахъ извивался, какъ насѣкомое, совершенно высохшій, безобразный человѣкъ. „Я твое Счастье", прохрипѣлъ онъ и отвѣчалъ на укоръ бѣдняка: „ты лежишь и почиваешь, я тоже лежу и сохну; встань—встану и я, проснись—я буду бодрствовать, трудись—дамъ богатство". Бѣднякъ одумался, началъ трудиться; проснулось и его Счастье—онъ разбогатѣлъ и зажилъ счастливо.

А. Веселовскій.

СТАНИЦА ЧЕРВЛЕНАЯ,

Кизлярскаго отдѣла Терской области.

II.

Мы уже указали на возникновеніе отношеній между дѣвушкой и парнемъ и прослѣдили ихъ до супружества. Посмотримъ теперь, какія отношенія возникаютъ между мужемъ и женой въ ихъ семейной жизни.

Трудно установить какую-либо общую мысль въ вопросѣ о положеніи жены въ семьѣ казака: въ одной семьѣ мужъ глава дома, въ другой и жена не только не уступаетъ мужу, но и беретъ верхъ, въ третьей, наконецъ, наблюдается равенство. „Не равно", т. е. не одинаково, какъ говорятъ казаки Въ общемъ, конечно, положеніе жены, въ сильной степени обусловливается тѣмъ взглядомъ, какой имѣютъ казаки на женщинъ. Можно отмѣтить одну общую черту въ положеніи казачки, именно нѣкоторую двойственность, состоящую въ томъ, что ея положеніе и право, по сложившимуся испоконъ вѣковъ принципіальному представленію казака, рѣзко отличаются отъ положенія и правъ на самомъ дѣлѣ, въ дѣйствительности, на практикѣ.

По мнѣнію казака, женщина вообще неизмѣримо ниже мужчины по своимъ духовнымъ силамъ. Она есть сосудъ нечистый и вмѣстилище всякой скверны. Въ женщинъ любитъ больше всего вселяться нечистый духъ; „портить" ихъ гораздо легче, чѣмъ мужчинъ, и „онъ" съ удовольствіемъ идетъ въ женщину, а мужчины онъ боится. Въ часовнѣ женщины стоятъ назади и строго отдѣлены отъ мужчинъ. Входить въ часовню онѣ могутъ лишь съ задней стороны, между тѣмъ какъ мужчины входятъ съ боковъ. Входя въ церковь, казакъ кланяется имъ послѣднимъ. При встрѣчѣ съ мужчиной жен-

щина не должна переходить дорогу, а должна остановиться въ нѣкоторомъ отдаленіи, подождать, пока пройдетъ мужчина. При встрѣчѣ она первая должна наклонить голову въ знакъ полной покорности и уваженія. „Дай имъ только волю, такъ онѣ покажутъ себя. Нѣтъ, ихъ нужно крѣпче держать,“ — такъ обыкновенно выражаетъ казакъ свою мысль по отношенію къ женщинамъ. Мужа жена не имѣетъ права назвать какъ нибудь иначе, какъ только по имени и отчеству, мужъ же пользуется правомъ назвать жену, какъ ему заблагоразсудится.

Слушая эти мнѣнія и чувствуя, съ какой увѣренностью они произносятся, вы невольно содрогнетесь при мысли о томъ, каково здѣсь должно-быть положеніе женщины! И дѣйствительно, первое знакомство съ жизнію казаковъ произвело на меня именно такое впечатлѣніе. Не то я увидѣлъ, когда я повнимательнѣе всмотрѣлся и поближе познакомился съ сущностью отношеній. Тотъ же самый казакъ, который такъ яро говоритъ о женщинѣ, какъ о существѣ, значительно ниже стоящемъ, далеко не такъ послѣдовательно проводитъ свои взгляды на дѣлѣ. Этого противорѣчія онъ, кажется, не замѣчаетъ, по неспособности къ анализу. „Старуха мнѣ велѣла сдѣлать то-то“; „да старуха такъ сказала“; „вотъ бѣда: старуха заболѣла, теперь въ хозяйствѣ упущеніе“ и т. д. Вотъ какія фразы приходится постоянно слышать отъ казаковъ. Жена казачка хорошо знаетъ, какъ важно ея положеніе въ семьѣ, и хотя, повидимому, уступаетъ мужу, но въ большинствѣ случаевъ въ хозяйствѣ поступаетъ по своему. Да и мужъ не разъ и не два обратится за совѣтомъ къ женѣ, и нерѣдко ея совѣты бываютъ такъ дѣльны и практичны, что поневолѣ приходится мужу соглашаться съ нею. Особенно важна ея рѣчь въ томъ случаѣ, когда родители задумаютъ женить сына или отдать дочь. Тогда она имѣетъ первенствующее значеніе. Ей всюду отводится почетное мѣсто, на ней лежатъ всѣ существенныя обязанности.

Такое положеніе женщины, относительно высокое, создалось среди казаковъ, благодаря, главнымъ образомъ, прежней тревожной жизни казачества, когда казакъ представлялъ только боевую силу, а веденіе хозяйства, доставленіе средствъ на

вооруженіе, а иногда и защита самой станицы лежали на обязанности женщинъ. Итакъ, съ одной стороны религіозный фанатизмъ заставляетъ смотрѣть на женщину, какъ на „вмѣстилище всякой скверны“, съ другой жизнь ставила женщину главной помощницей мужу, способной даже замѣнить его подчасъ. Такое двойственное направленіе идей и создало особое положеніе для женщины-казачки. Въ умѣ казака она неизмѣрило ниже, въ жизни—она столько же важна, какъ и онъ. Казакъ инстинктивно чувствуетъ это, и въ душѣ его не разъ появляется сознаніе объ открытомъ признаніи равноправности женщинъ, особенно, когда это требуется въ силу стеченія извѣстныхъ обстоятельствъ. Но боязнь открытаго признанія ея правъ заставляетъ его нерѣдко показать такъ или иначе свою власть

Женщина шагъ за шагомъ отвоевала себѣ такимъ образомъ почти независимое положеніе, и хотя въ умѣ казака до сихъ поръ живетъ пословица: „жена моя—воля моя,“ но въ общемъ права его на личность жены не особенно велики. Онъ можетъ ее „пощунять“ (т. е. побранить, сдѣлать выговоръ), и только въ нѣкоторыхъ случаяхъ наказать „плеточкой слегка“, да и то не при народѣ. Да и „щунять“ при народѣ казакъ стѣсняется. Очень легко можетъ случиться, что слухъ дойдетъ до всего общества, и тогда весьма возможно, что ему сдѣлаютъ выговоръ. Въ старину мужъ, повидимому, гораздо строже относился къ женѣ: въ пѣснѣ (теперь почти забытой) поется вообще о семейной жизни и о грозномъ самодурѣ-мужѣ, который, возвращаясь домой пьяный, начинаетъ учить жену: беретъ плеточку „шелковую“; „эта плеточка—не шуточка: гдѣ ударитъ плеточка, такъ сподымется шкурочка“. Теперь это представляется немыслимымъ. Наоборотъ, бываютъ даже случаи, когда жена вполнѣ глава всего дома и распоряжается мужемъ, какъ тряпкой. Правда, къ такому мужу сосѣди относятся пренебрежительно: „нѣтъ того хуже, какъ жена обладала мужа“, гласитъ поговорка.

Изъ основного (религіознаго) взгляда на мужа, какъ на главу въ семьѣ, слѣдуетъ, конечно, и то, что мужъ, если жена уходитъ отъ него, имѣетъ полное право требовать ея возвращенія, хотя фактически не во многихъ случаяхъ при-

мѣняется это право; жена же имѣетъ право лишь только въ томъ случаѣ, когда у нея дѣти. Мужъ въ правѣ и самъ удалить жену, не спрашивая разрѣшенія станичнаго правленія. Вообще судъ, какъ выразитель закона, вмѣшивается въ семью лишь тогда, когда стороны сами обращаются для разрѣшенія возникающихъ недоразумѣній. Общество же въ видѣ „общественнаго мнѣнія" чаще вторгается въ семейную жизнь.

Мужъ обязанъ содержать жену во всякомъ случаѣ, даже если она не способна къ работѣ. Смотрѣть за поведеніемъ жены обычай его не обязываетъ: „своя воля" у него на это, и по суду за жену онъ никогда не является отвѣтчикомъ; даже и въ томъ случаѣ, когда жена, приговоренная къ какому нибудь наказанію, не можетъ въ силу состоянія ея здоровья вынести наказанія, мужъ остается въ сторонѣ. „Своими плечиками и отвѣчай"; „что сробилъ, то и съѣшь",—таково воззрѣніе казака на виновнаго вообще.

Случаи нарушенія супружеской вѣрности нерѣдки. Это, впрочемъ, находится въ связи съ общимъ уровнемъ нравственности казачекъ, о чемъ было упомянуто выше. Особенно часто это случается во время отбыванія мужемъ воинской повинности. По народному воззрѣнію, какъ мужъ, такъ и жена не хорошо поступаютъ, нарушая вѣрность супружескихъ отношеній. Но, все-таки, для хозяйства считается гораздо вреднѣе, если жена начнетъ „дурить". „Мужъ пойдетъ - немного понесетъ; жена пойдетъ—весь домъ уйдетъ". Всѣ возникающія разногласія между мужемъ и женой стараются обыкновенно уладить дома, и только тогда уже, когда всѣ домашнія мѣры испробованы и не привели ни къ чему, жена попрежнему „балуетъ", тогда только обращаются къ суду.

Если мужъ начинаетъ дурно обращаться съ женой, то она долгое время старается вытерпѣть, снести въ надеждѣ, что мужъ наконецъ угомонится. Но когда она видитъ, что отношенія къ ней мужа не улучшаются, а наоборотъ становятся все хуже и хуже, она обращается къ защитѣ родителей. Тѣ стараются уговорить, усовѣстить расходившагося буяна; если же уговоры не дѣйствуютъ, то родители должны обращаться къ суду. „Мужъ да жена—одна сатана: сегодня поссорятся, завтра помирятся", и поэтому то въ судъ не такъ скоро обращаются.

Истязаніе женъ мужьями вообще бываетъ довольно рѣдко, и большей частью со стороны мужей, побывавшихъ въ городахъ. Наказаніемъ за плохое поведеніе мужа прежде обыкновенно были розги, теперь же сажаютъ въ «жигулевку» (холодная). Эти наказанія уже налагаются безъ согласія жены. Если мужъ ведетъ нетрезвую жизнь, то жена не жалуется; мотивъ: «такого мужа не исправишь»; „что жена пойдетъ попусту славиться?“ Если она и жалуется, то уже прямо проситъ объ отнятіи у мужа права на веденіе хозяйства.

Дѣла между мужемъ и женой большею частью разбираются въ станичномъ судѣ, а при недовольствѣ рѣшеніемъ—на третейскомъ судѣ. По обычаю никто не имѣетъ права наказывать мужа или жену, кромѣ станичнаго суда. Иногда судъ вмѣсто наказанія, особенно если мужъ выразитъ желаніе исправиться, просто отбираетъ подписку и этимъ какъ бы обязываетъ мужа относиться иначе. Обыкновенно послѣ отобранія подписки судъ поручаетъ наблюдать сосѣдямъ за поведеніемъ мужа. Иногда и само общество вступается за жену и приноситъ жалобу въ судъ; случается, что оно передаетъ управленіе хозяйствомъ женѣ. Если враждующія стороны недовольны судомъ, то онѣ передаютъ свои жалобы мировому судьѣ, который или отсылаетъ на третейскій судъ станичный, или же если и рѣшаетъ, то во многихъ случаяхъ въ духѣ рѣшенія станичныхъ судовъ.

Имущественныя отношенія супруговъ здѣсь вообще несложны. Жена въ весьма немногихъ случаяхъ получаетъ изъ дому имущество. Единственное имущество жены заключается въ одеждѣ, лично ей принадлежащей, пожалуй въ небольшомъ количествѣ денегъ, которыя ей подарятъ во время свадьбы. На это имущество жена имѣетъ исключительное право личнаго пользованія. Бываютъ, между прочимъ, такого рода случаи, когда дѣвушка, имѣющая богатыхъ родителей, выходитъ замужъ, и весьма нерѣдко ей во время обряда даровъ богатая родня дѣлаетъ хорошіе подарки, напр., корову, лошадь и т. п. Эти подарки тоже считаются ея неприкосновенной собственностью, и, по обычаю, мужъ не имѣетъ права пользоваться ими для личныхъ цѣлей, хотя, все-таки, какъ глава дома, конечно, онъ можетъ злоупотреблять своей властью до

извѣстной степени и, не смотря на обычай, расхищать имущество. Имущественная зависимость, конечно, сказывается, но не въ сильной степени, и если жена, основываясь лишь на матеріальномъ преимуществѣ, вздумаетъ стать выше мужа, то онъ не преминетъ ей въ этомъ случаѣ разъ-другой «сбить шлычку» (повязку). Бываютъ случаи пріема зятей въ домъ. Зять-пріемышъ обладаетъ такимъ же правомъ, какъ вообще мужъ. Жена должна слушаться, кто бы мужъ ни былъ.

Вещи, полученныя молодыми во время даровъ, раздѣльны: ни одной шерстинки не уступитъ ни жена мужу, ни онъ ей. Имущество, нажитое совмѣстными трудами, считается общей собственностью. Но если жена, исполнивъ свои хозяйственныя обязанности, еще имѣетъ возможность заработать на сторонѣ, то этотъ заработокъ считается вполнѣ ея собственностью, и она лишь по желанію можетъ употреблять его на хозяйственныя нужды. Имущество, лично принадлежащее женѣ, послѣ ея смерти идетъ ея дѣтямъ, а если ихъ нѣтъ, то ближайшимъ родственникамъ, но чаще отдаютъ на поминъ души часть въ скитъ, а часть въ часовню.

Большихъ семей среди казаковъ нѣтъ. Самыя распространенныя семьи: мужъ, жена и дѣти. Большей частью лишь только сыновья «поднимутся на ноги», женятся и отбудутъ службу, они требуютъ, чтобы ихъ отдѣлили, и не рѣдко достигаютъ этого требованія. Такъ что въ общемъ въ станицѣ среднихъ семей мало, а большей частью и совсѣмъ нѣтъ. Весьма немного такихъ семей, гдѣ есть еще дѣдъ, бабка или братья. Большей частью братья живутъ отдѣльно; поэтому отношенія между ними, конечно, не имѣютъ характера отношеній членовъ одной и той же семьи. Взаимныя отношенія членовъ семьи, по крайней мѣрѣ съ внѣшней стороны, имѣютъ весьма мягкій оттѣнокъ. Рѣдко вы услышите какое нибудь рѣзкое слово или не въ мѣру сильный тонъ голоса, особенно при постороннихъ людяхъ. Хотя внутри, когда свидѣтелями бываютъ стѣны избы да ближніе родственники, мужъ не постѣснится и побить жену, а родители пожурить сына или невѣстку; но что внутри, то не такъ-то въ глаза лѣзетъ, а съ внѣшней стороны все имѣетъ характеръ вѣжливости и деликатности.

Отсутствіе большихъ семействъ въ станицѣ, конечно, есть, какъ и всюду на Руси, послѣдствіе дѣлежей. Дѣлежы довольно часты и притомъ все учащаются. Во всей станицѣ встрѣтите 2—3 семьи человѣкъ по 15—20, семей 10 по 5—10 ч., а остальныя большей частью состоятъ изъ мужа, жены и ихъ дѣтей. Вліяніе дѣлежей на хозяйство, конечно, вполнѣ отрицательнаго характера. Казаки хорошо понимаютъ это и вмѣстѣ съ тѣмъ не въ силахъ противостоять напору индивидуальныхъ интересовъ. „Всякъ хозяиномъ хочетъ быть,“ а какое здѣсь хозяйство: ни кола, ни двора, а тутъ еще отбываніе воинской повинности, на которую не мало-таки разоряется казакъ. Но все-таки, по мнѣнію дѣлящихся, „какъ бы ни жить, лишь бы не подчиняться волѣ другихъ“; „въ нуждѣ прожить можно, въ журьбѣ нельзя.“ Чаще всего раздѣлы бываютъ между братьями. Когда живъ отецъ, то онъ, все-таки, своей нравственной властью задерживаетъ нѣкоторымъ образомъ стремленія черезчуръ яркаго индивидуализма. Но бываютъ раздѣлы и при отцѣ, особенно когда тотъ ослабѣлъ, устарѣлъ и не въ силахъ доводами удерживать семью отъ распаденія. При раздѣлѣ вообще не согласуются съ желаніями общества, да оно, мнѣ думается, не особенно и заинтересовано этимъ. Въ станичномъ правленіи существуютъ книги „посемейныя“. Въ этихъ книгахъ, какъ разсказываютъ, пишется, что семья такая-то: отецъ, дѣти, сыновья и сыновья дѣтей,—всѣ помѣщены въ одномъ семействѣ; на самомъ же дѣлѣ, изъ одного семейства, записаннаго въ книгѣ, образовалось два, три, а иногда и болѣе. При отбываніи воинской повинности, при могущемъ быть случаѣ быстраго сформированія казачьей сотни, отвѣтственнымъ лицомъ является отецъ, хотя сынъ давно уже съ нимъ не живетъ.

Быть можетъ, покажется страннымъ, если мы рядомъ съ только что отмѣченной чертой—стремленіемъ къ индивидуализаціи, проявляющейся въ раздѣлахъ, поставимъ другую, совершенно противоположную черту—стремленіе къ общественности или общинности, которая проявляется во взаимопомощи, въ артельномъ началѣ и т. п., а между тѣмъ это одна изъ основныхъ чертъ казака. Развитіе этой стороны характера, какъ мнѣ думается, вызвано историческими при-

чинами, изъ которыхъ можно указать на слѣдующія: 1) сектантство, долгое время преслѣдуемое; 2) необезпеченность положенія и вѣчно тревожное состояніе, которое, конечно, заставляло напрягать усилія къ сохраненію болѣе общинныхъ, чѣмъ индивидуальныхъ интересовъ: 3) неувѣренность въ завтрашнемъ днѣ: можетъ быть, будешь живъ, а можетъ быть и убитъ. Мы знаемъ, что въ прежнее время убирали хлѣба и овощи всѣ женщины сообща и уже потомъ дѣлили посемейно. Товарищество было сильно развито, какъ необходимое средство для возможной борьбы съ окружающими измѣнчивыми условіями жизни. Въ былое время вся станица выѣзжала въ поле и подъ охраной сотенъ казачьихъ пахали, сѣяли и убирали рожь, арбузы, просо и т. д. Съ исчезновеніемъ причинъ, начали понемногу исчезать и послѣдствія. Товариществъ прежнихъ теперь уже нѣтъ. Обрабатываетъ землю каждая семья отдѣльно, соединяясь только для пахоты. Отсутствіе у каждаго домохозяина плуга, а также необходимость довольно большого количества быковъ для пахоты по волнистому грунту,—вотъ главныя причины, заставляющія семьи соединяться. Но эти соединенія бываютъ не болѣе какъ изъ 3-хъ семей и кончаются тотчасъ же послѣ пахоты и раздѣленія вспаханныхъ участковъ. Дѣленіе дѣлается соотвѣтственно степени участія или личнымъ трудомъ или пособіями для производства работы. Нѣкоторые бѣдняки казаки, не имѣющіе быковъ, участвуютъ въ трудѣ или „погонщиками" или „заправилами." Послѣдній видъ труда цѣнится довольно высоко, такъ какъ заправлять пахотой нужно не мало умѣнья, сноровки, да и терпѣнія съ лѣнивыми животными. Погонщиками бываютъ большей частью подростки мальчики, лѣтъ 14—15. Ихъ обязанность заключается въ томъ, что они идутъ рядомъ съ быками и свистомъ, гиканьемъ, нерѣдко и ударами плети погоняютъ ихъ при паханіи. Воловъ обыкновенно впрягается пары по 4—5 и погонщиковъ бываетъ 2—3. Какъ „заправилы," такъ и погонщики получаютъ за свой трудъ натурой (вспаханной землей): заправила получаетъ полосу въ 300—400 саженей длины и 20—30 саженей ширины, погонщики—150—200 с. длины и 10—15 с. ширины. Прежде, какъ я сказалъ, былъ довольно

сильно развить этотъ видъ товарищества, но теперь сохранился онъ лишь по отношенію къ просу. Только просо сѣютъ и убираютъ сообща и дѣлятъ послѣ обмолота.

Есть еще другой типъ паханья; особенно вдовы и „господа“ пользуются имъ. Это своего рода казачья „толока.“ Желающіе вспахать свою землю привозятъ на мѣсто пахоты во время паханія ведра 3—4 чихиря, закусокъ, обращаются къ старикамъ, просятъ ихъ попахать. Тѣ вмѣстѣ выпьютъ, закусятъ, а потомъ сразу, какъ запустятъ плуговъ 10, такъ часа въ 2 полосу и вспашутъ.

Особый типъ представляетъ собою товарищество съ „господами.“ Казакъ заключаетъ условіе съ господиномъ, который даетъ своихъ быковъ, работниковъ. Казакъ заправляетъ всею работой, и если онъ самъ еще ставитъ быковъ, то беретъ въ свою пользу половину вспаханной земли, а если его участіе ограничивалось только лишь личнымъ трудомъ, то $^1/_3$.

Зимой часто собирается артель для перевозки спирту. Артель составляется на двухъ началахъ: 1) Какой нибудь изъ казаковъ подряжается перевезти нѣсколько бочекъ спирту у заводчика по какой нибудь цѣнѣ и отвѣтственность за доставку беретъ на себя. Потомъ собираетъ артель отъ себя и назначаетъ членамъ цѣну низшую, чѣмъ самъ договорился. Нерѣдко въ этомъ случаѣ иниціаторъ выгадываетъ по 1 рублю на возъ. 2) Нѣсколько казаковъ собираются вмѣстѣ, выбираютъ изъ своей среды человѣка опытнаго въ извозахъ и даютъ ему довѣренность заключить съ кѣмъ нибудь условіе о перевозѣ. Въ этомъ случаѣ отвѣтственнымъ лицомъ въ исправности доставки является все общество подъ условіемъ круговой поруки.

Зимой также собираются товарищества молодежи для охоты сообща. Нѣсколько парней, обыкновенно человѣкъ 10—15, закупаютъ на общія деньги пороху, уходятъ въ степь верстъ за 40—80 отъ станицы. Здѣсь они строятъ себѣ шалашъ и ежедневно отправляются на охоту, оставляя одного для приготовленія пищи. Когда набьютъ порядочно дичи, выбираютъ изъ своей среды одного парня и поручаютъ ему отвезти набитую дичь въ городъ. Тотъ продаетъ и вырученную

ныя деньги дѣлятъ поровну. При удачной охотѣ на каждаго парня придется рублей 10—15 за недѣлю.

Наконецъ, еще составляется товарищество для ловли рыбы въ Терекѣ (объ этомъ см. Ржевусскаго).

Остатокъ отъ былой общинной жизни остался и теперь въ очень развитой общественности казаковъ. Казакъ рѣдко, напр., веселится или пьетъ одинъ; непремѣнно составляется компанія, и въ этой компаніи казакъ весело проводитъ время. Интересы каждаго и до сихъ поръ близки. Всякій казакъ, а тѣмъ болѣе сосѣдъ, знаетъ до подробностей всю внутреннюю жизнь своего сосѣда и, при случаѣ, не откажется помочь. Такъ, напр., когда пожары истребили чуть не всю станицу, нищенствовать изъ казаковъ никто не пошелъ (нищенство они считаютъ очень унизительнымъ), и помогли другъ другу. Многіе бѣдняки поступили на время въ услуженіе къ богатымъ и кое-какъ вновь построились и оправились собственными силами.

Изъ этого однако не слѣдуетъ еще заключать объ особенномъ трудолюбіи казаковъ вообще. Можетъ быть, прошлая тревожная жизнь не мало вліяла въ отрицательномъ смыслѣ на развитіе у нихъ трудового начала. Постоянныя боевыя невзгоды не могли, конечно, развить въ казакѣ хорошихъ качествъ домохозяина, и только въ послѣднее время способность къ труду начинаетъ проявляться и развиваться, хотя казаки и до сихъ поръ работаютъ лишь настолько, чтобы удовлетворить свои потребности. Земля особыхъ уходовъ не требуетъ: вспашутъ, посѣютъ—и родится отлично, особенно рожь. Казачки отличаются большей любовью къ труду. И здѣсь опять-таки, мнѣ кажется, та же историческая причина. На женщинѣ въ былое время лежали не только всѣ хозяйственныя обязанности, но и доставленіе мужу средствъ для прохожденія службы. Этотъ порядокъ вещей отражается и на современномъ бытѣ казаковъ. Казакъ ищетъ какого-нибудь случая, чтобы погулять, и, конечно, ни одинъ праздникъ не проходитъ безъ этого, а иной разъ и въ рабочіе дни устраиваются пиршества. Извѣстный чихиревый періодъ, продолжается чуть ли не цѣлый мѣсяцъ. „Отчего казакъ гладокъ?—поѣлъ да и на бокъ.“

Эта пословица вѣрнѣе всего характеризуетъ отношеніе казака къ труду.

Если позволяютъ достатки, то казакъ живетъ, ни въ чемъ не отказывая себѣ. Но особеннаго стремленія къ улучшенію своего положенія, къ увеличенію выгодъ и обогащенію у нихъ не замѣчается. Вслѣдствіе этого, а также вслѣдствіе указанной выше нелюбви къ труду, зажиточныхъ и состоятельныхъ казаковъ немного, кромѣ нѣкоторыхъ офицеровъ. Имѣющій рублей 300—400 считается богачемъ. Пристрастія къ деньгамъ казакъ не имѣетъ, и скорѣе онъ пожелаетъ разбогатѣть натуральнымъ богатствомъ: разведетъ побольше барановъ, табуновъ и т. д. Торговля, одно изъ средствъ наживы и обогащенія, считается низменнымъ занятіемъ, и въ станицѣ нѣтъ ни одной лавки, принадлежащей казаку, а не еврею, армянину или захожему русскому. Единственный видъ торговли казака—это продажа винограднаго вина (чихиря), да и то не всегда она ведется успѣшно, нестолько вслѣдствіе конкурренціи, сколько по отсутствію склонности къ этого рода занятію и по недостатку личной иниціативы вообще.

Изъ отрицательныхъ качествъ казаковъ мы бы могли указать еще на ихъ хитрость и лживость, но доказывать эти черты отдѣльными мелкими фактами было бы слишкомъ долго.

Эти дурныя черты вознаграждаются въ нихъ хорошими, каковы, кромѣ указанныхъ раньше, еще, напримѣръ, любовь къ родинѣ и уваженіе къ своей личности, проявляющееся хотя бы въ ихъ отношеніяхъ къ тѣлесному наказанію. Какъ извѣстно, у всѣхъ горцевъ тѣлесное наказаніе считается позорнымъ. Ни одна дѣвушка не выйдетъ за того, кто былъ публично высѣченъ. Въ прежнее время, когда это наказаніе было въ большомъ ходу, многіе казаки уходили, дѣлались перебѣжчиками и по неволѣ должны были сражаться противъ своихъ родичей. Но любовь къ мѣсту рожденія и прежняго жительства не оставляла бѣглеца въ покоѣ, и нерѣдко онъ, спустя много лѣтъ, являлся съ повинной головой, ведя въ искупленіе за свой проступокъ нѣсколько чеченцевъ. Одинъ изъ такихъ бѣглецовъ, по разсказамъ, цѣлыхъ 12 лѣтъ провелъ среди „азіатовъ“ (чеченцевъ), но не могъ сжиться съ

ними, и однажды завелъ ихъ въ станицу ночью и всѣхъ выдалъ, за что и получилъ прощеніе отъ станичнаго начальства.

Сознаніе личной гордости въ соединеніи съ нѣкоторыми историческими условіями служатъ для насъ объясненіемъ и того отношенія къ сосѣдямъ, какое мы замѣчаемъ въ казакахъ. Къ однимъ изъ нихъ казаки относятся презрительно, къ другимъ злобно. Такъ, напр., чеченцевъ казаки и до сихъ поръ ненавидятъ за всѣ нанесенныя ими въ прошломъ обиды, рады бываютъ ихъ несчастью, называютъ ихъ не иначе какъ „азіатами", „чечней проклятой". О татарахъ-ногайцахъ они отзываются полупрезрительно: „такъ никуда негодный народишко." Эти ногаи, кочующіе вблизи казацкихъ станицъ и получающіе иногда отъ нихъ и средства для жизни, очень бѣдны и жалки и не внушаютъ къ себѣ уваженія; многіе изъ нихъ нанимаются въ пастухи къ казакамъ. Что касается отношеній червленцевъ къ сосѣдямъ-русскимъ, то для ихъ характеристики интересно обратить вниманіе на двѣ ближайшія къ Червленой станицы: Николаевскую и Щедринскую.

Николаевская станица, въ 8-ми верстахъ вверхъ по Тереку, вся населена малороссами православнаго вѣроисповѣданія. Интересно, между прочимъ, возникновеніе этой станицы, отчасти характеризующее нѣкоторую исключительность взглядовъ старообрядцевъ-казаковъ Червленой станицы на православныхъ. Лѣтъ 40—50 тому назадъ правительство переселило сюда нѣсколько десятковъ семействъ крестьянъ—малороссовъ православнаго вѣроисповѣданія. Многія станицы, хотя и со старообрядческимъ населеніемъ, приняли въ число казаковъ новыхъ пришельцевъ, и хотя они и сгруппировались въ отдѣльное мѣсто, но, все-таки, общество имъ позволило поселиться въ предѣлахъ станицы. Съ теченіемъ времени, въ силу общихъ повинностей, они ассимилировались, и теперь если и разнятся, то только лишь по обрядамъ, въ послѣднее время вообще слабѣющимъ. Далеко не такъ отнеслись къ такого рода поселенію жители станицы Червленой. Они категорически отказались имѣть что либо общее съ «мірскими» и согласились даже къ своему большому экономическому ущербу дать отъ себя участокъ земли въ полное пользованіе

пришельцамъ съ тѣмъ условіемъ, чтобы тѣ не вторгались уже въ предѣлы Червленой. Пришельцы образовали станицу Николаевскую, и для удовлетворенія ихъ нуждъ были отрѣзаны отъ Червленой очень хорошіе участки земли. Теперешнее поколѣніе, отличающееся вообще большей терпимостью къ религіознымъ толкамъ, относится неодобрительно къ такому поступку стариковъ и съ удовольствіемъ приняло бы николаевцевъ въ число своихъ членовъ. Но теперь уже сліяніе окончательно невозможно: во 1-хъ, николаевцы оказались въ лучшихъ условіяхъ въ сельскохозяйственномъ отношеніи, а во 2-хъ, остается все-таки довольно сильный антагонизмъ. Червленцы называютъ въ раздраженіи николаевцевъ «шаповалами», придавая этому термину какое-то унизительное значеніе. Предки нынѣшнихъ николаевцевъ, до переселенія, кажется, дѣйствительно занимались этимъ промысломъ.

Отношенія къ станицѣ Щедринской уже имѣютъ совершенно другой характеръ. Щедринская станица—дѣтище Червленой и во всѣхъ почти отношеніяхъ есть подобіе своей метрополіи. Червленцы любятъ щедринцевъ и находятся съ ними въ самыхъ пріятельскихъ отношеніяхъ. Какъ на иллюстрацію означенныхъ отношеній, могу указать на любимую пѣсню дѣвушекъ станицы Червленой, сложенную, какъ кажется, ими же самими:

Червленскія дѣвушки потомъ (потому) хороши,
Что ходятъ, гуляютъ, покою не знаютъ,
Что поставныя (статныя), аккуратныя.
Щедринскія дѣвушки потомъ хороши,
Что косы больши,
Что поставныя, аккуратныя.
Николаевскія дѣвушки потомъ нехороши,
Что глаза больши,
Не поставныя, не аккуратныя.

У самихъ червленокъ, наоборотъ, глаза большею частью маленькіе, свидѣтельствующіе, можетъ быть, объ азіатскомъ элементѣ въ ихъ крови.

Г. Малявкинъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

ЖЕНСКАЯ ДОЛЯ

ВЪ ПѢСНЯХЪ ПИНЧУКОВЪ.

Пинскій уѣздъ Минской губерніи, занимающій верховья Припяти, съ массою рѣчекъ, озеръ и болотъ, изрѣзывающихъ его во всѣхъ направленіяхъ, является едва-ли не однимъ изъ самыхъ глухихъ и неизвѣданныхъ уголковъ нашего обширнаго отечества. Это центръ Полѣсья, самая интересная, самая характерная его часть, природа которой до сихъ поръ дика и сохраняетъ свою первобытную прелесть. Здѣсь живетъ таинственный, угрюмый полѣшукъ, про котораго всѣмъ извѣстенъ давнишній разсказъ, будто на вопросъ, что онъ за человѣкъ, онъ отвѣчалъ: „я не человѣкъ, я—пинчукъ". Въ обществѣ упорно держится странное, фантастическое представленіе объ этой части Полѣсья, его природѣ и обитателяхъ, и именно потому, что до сихъ поръ еще и въ наукѣ этотъ край остается темнымъ мѣстомъ [1]).

---

1) Работъ по этнографіи Пинскаго Полѣсья очень немного: 1) *Zienkiewicz*, Piosnki gminne ludu Pińskiego, Kowno. 1854.—2) Матеріалы по географіи и статистикѣ Россійской Имперіи. Гродненская губ., сост. полк. *Бобровскимъ* СПБ. (замѣтки на стр. 622—652 въ I части).—3) въ VII т. „Трудовъ экспедиціи въ Западно-Русскій край" статья *Михальчука* о пинскомъ нарѣчіи.—4) *Карпинскій*, „Говоръ пинчуковъ" (Русскій Филологическій Вѣстн. 1888, 1).—5) Piesni obrzędowe ludu ruskiego z okolic Pinska, zebrał *P. Bykowski*, во II т. „Zbioru wiadomosci do antropol. krajowéj. Krakow.—6) Свящ. *Булгаковскій*, „Пинчуки. Этнограф. сборн." СПБ. 1890 г.—7) Памятная книжка по Витебск. губ. 1868 г., статья: „Свадебные обряды и пѣсни крест. Пинск. уѣзда".—8) Наши „Замѣтки изъ путешествія по Бѣлоруссіи" въ „Виленск. Вѣстн". 1890 и 1891 гг. №№ 202, 206, 210, 211, 217, 219, 220, 225, 232, 264, 265; 9, 18, 22, 23, 25, 27, 28. Къ этому можно бы прибавить нѣкоторыя мелкія замѣтки въ мѣстныхъ изданіяхъ. *Авт.*

Болѣе подробную библіографію Полѣсья вообще можно найти въ книгѣ: „Полѣсье.—Библіографическіе матеріалы по географіи, статистикѣ, этнографіи и экономическому состоянію Полѣсья (сѣв.-зап. и юго-зап. край вообще и губ.

Этотъ-то край пришлось мнѣ посѣтить лѣтомъ прошлаго года по порученію Этнографическаго Отдѣла Имп. Московскаго Общества Любителей Естествознанія Антропологіи и Этнографіи. Результатомъ поѣздки явилось между прочимъ собраніе пѣсенъ, среди которыхъ лирическія занимаютъ весьма солидное мѣсто [2]). Мотивы ихъ весьма разнообразны; но самый теплый, задушевный мотивъ—это женская доля, съ ея горечью и радостями. Эту сторону поэзіи пинчуковъ мы и избрали предметомъ нашей статьи. При этомъ считаемъ не лишнимъ предупредить, что мы пользуемся исключительно записанными нами пѣснями. Мы не считали нужнымъ также указывать варьянты приводимыхъ нами пѣсенъ, хотя онѣ и сходятся съ бѣлорусскими и малорусскими, такъ какъ это будетъ сдѣлано при изданіи самыхъ пѣсенъ.

Дѣвушка въ очень раннемъ возрастѣ вступаетъ въ общественную жизнь, т. е. въ тотъ счастливый періодъ своей жизни, когда на нее начинаютъ смотрѣть, какъ на взрослую, на невѣсту: на нее засматриваются парни, ухаживаютъ за нею; она, въ свою очередь, останавливаетъ свое вниманіе то на томъ, то на другомъ, пока, наконецъ, не изберетъ себѣ „дружка пудъ мысли". Это время для дѣвушки наступаетъ лѣтъ съ пятнадцати, когда она начинаетъ съ парнями принимать участіе въ „вечоркахъ" (вечернихъ собраніяхъ молодыхъ людей обоего пола), въ играхъ, пѣсняхъ и танцахъ. Но и до этого времени еще дѣвочкою 12—14 лѣтъ, она присматривалась къ отношеніямъ парней и дѣвицъ, подслушивала ихъ пѣсни и сама пѣла, гдѣ-нибудь вдали отъ взрослыхъ, про милаго казака чернобroваго, про горькую долю невѣстки въ большой семьѣ. Теперь, въ 16 лѣтъ, начинается только болѣе сознательная жизнь. Въ праздники дѣвушка кокетливо украшаетъ голову разноцвѣтными „квитками" (цвѣтами), „китайками" (ленточками), вышиваетъ тщательно передній бортъ и рукава сорочки и проч. Время, въ которое на свободѣ раз-

---

Минская, Гродненская, Волынская, Кіевская и Могилевская въ частности)", СПБ. 1883. 8° стр. VII+X+274+1 нен. Книга составлена *З. Пежиной* при содѣйствіи *В. И. Межова*, но къ сожалѣнію уже вышла изъ продажи. *Ред.*

[2]) Это собраніе войдетъ въ XII томъ „Трудовъ Этногр. Отдѣла Имп. О. Л. Е., А. и Этн.", который въ настоящее время уже печатается.—*Ред.*

вивается „дѣвоцкая краса ўсему роду прикраса“, [1]) непродолжительно; дѣвушка понимаетъ это и спѣшитъ насладиться природой и молодою жизнью. Она понимаетъ, что пройдетъ годъ—два, и придутъ сваты, быть можетъ, отъ немилаго, изъ другого села, и ее отдадутъ родители, оторвутъ отъ милаго парня, отдадутъ на „чужую чужину, ў вэлыку сэмью, ў тяжку нэволю“. Между тѣмъ красота дѣвушки только начинаетъ развиваться въ это время во всей своей силѣ. Пинчучка, стройная, средняго роста, съ длинною русою косою, рѣдко черною, съ большими карими или сѣрыми глазами и темными бровями, при нѣжномъ бѣломъ цвѣтѣ лица,—очень красива. При этомъ пинчуки вовсе не угрюмы: насколько важны и степенны представители обоего пола ихъ въ зрѣломъ возрастѣ, настолько-же весело и игриво молодое поколѣніе. Праздничные дни и предпраздничные вечера молодежь проводитъ шумно и весело, среди пѣсенъ, игры на трубахъ, въ танцахъ, въ прогулкахъ большими компаніями въ лѣсъ по грибы и ягоды и проч. Они шумно справляютъ всѣ свои обряды: на Троицу, въ день Ивана Купала, въ колядки, на Пасху—раздаются веселыя пѣсни соотвѣтствующаго случаю содержанія. Зимою, на „вечоркахъ“, поютъ пѣсни зимнія, филипповскія и великопостныя.

Въ пѣсняхъ это время дѣвичьей жизни отражается весьма рельефно; „мылый“ въ нихъ играетъ, конечно, первенствующую роль.

Уже сонце нызэнько, уже вэчеръ блызэнько,
Прыбувай до мэнэ, козаче, сэрдэйко;
Прыбувай до мэнэ, до моеи хаты,
То я тэбэ ўпустю, щобъ нэ чула маты,

поетъ дѣвушка съ замираніемъ сердца. Она ждетъ своего милаго, не можетъ дождаться, но наконецъ онъ приходитъ и вызываетъ ее игрою:

Ой, ў саду вышня съ-пидъ корэня вышла,
Ой, козакъ грае, штобъ дѣўчина вышла.
Ой, дѣўчина вышла, праву руку дала:
—Здороў, здороў, козаченько, доўго тэбэ ждала.

---

[1]) Буква ў означаетъ короткій звукъ *у*, не составляющій слога, и стоитъ въ извѣстныхъ случаяхъ вмѣсто *в* или *л*.

Всѣ мысли ея заняты милымъ; она дня него „головушку чеше и кэсу (косу) плэтэ“. „Ой люблю я молойчика—нэ наглянуся; нэ такъ люблю, якъ зъ имъ гуляю“,—поетъ она.

Разумѣется, поглощенная любовью, она старается побороть всѣ встрѣчающіяся на пути препятствія. Когда она слышитъ отъ милаго, что онъ не можетъ прибыть къ ней „за лихими ворогами“, она поетъ:

Я вороги потопчу подъ ноги, круту гору пэрэскочу,—
Оддай мэнэ, маты, за кого я сама схочу!

Въ пѣсняхъ сестра парня является часто лицомъ, препятствующимъ сближенію его съ дѣвушкой. Мотивъ, по которому она удерживаетъ брата отъ поѣздокъ „до тое дѣўки, що вѣрно кохаешъ“, почему она и прячетъ сѣдло его,—пѣсня объясняетъ такимъ образомъ:

Бо тая дѣўка не умѣе жаты,
Ни вышиваты, тылько косу чесаты:
—Ой, росты-жъ, кэса, ниже пояса,
То я буду чесаты.

Рекрутчина—также важное препятствіе, разрывающее любовныя отношенія. Оплакивая своего милаго, взятаго въ солдаты, дѣвушка

Плакала, рыдала, слёзы утырала
Своёй русою косою, правою рукою.

Замѣчательно, что пѣсни какъ будто вовсе не знаютъ о матери, которая являлась бы препятствіемъ къ сближенію молодыхъ людей. Въ моемъ собраніи есть только одна, не безъизвѣстная впрочемъ, пѣсня, передающая разговоръ матери съ сыномъ по поводу его ночныхъ похожденій. Пѣсня эта замѣчательна по прекрасному мягкому мотиву и по содержанію. Я приведу ее цѣликомъ:

—Дѣ ты, хмелю, зыму зымоваў, що нэ распускаўса?
Дѣ ты, сыну, ночъ ночоваў, що нэ разуваўса?
—Зымоваў я, зымоваў, ў лузи на тычини,
Ночоваў я, ночоваў у слаўное дѣўчины.
—Нэхороше, сынку, робышъ, што по ноче ходышъ:
Скаржилыса [1]) молодыци, що ты шкоду [2]) робышъ.

---

[1]) Жаловались.—[2]) Убытокъ.

—Охъ, робыў я, моя матко, и буду робыты:
Було мэнэ, моя матко, ў семъ лѣти оженыты.
—Ой, я-жъ тобѣ, мой сыночку, дай нэ боронила [1]):
Було тобѣ оженытысь, скоро я родыла.

Но и помимо постороннихъ препятствій и вмѣшательствъ не всегда первая дѣвственная любовь кончается такъ, какъ того хотѣлось бы молодой парочкѣ. Съ грустью начинаетъ задумываться дѣвушка, начинаетъ замѣчать, что „не по праўды козакъ живэ исъ своею дѣўчиною". Она предчувствуетъ, что милый можетъ ее покинуть.

Ой, кабъ же я знала, що вынъ нэ покынэ,
Тобъ я ёго крыльца дай озолотыла.

Дѣвушка, уже предвидя разладъ съ милымъ, дѣлается грустной и старается всячески предотвратить разрывъ. Подъѣзжаетъ молодецъ къ воротамъ своей „коханки",—стоитъ дѣвица „у золыты", подходитъ къ дверямъ,—стоитъ „на папэры [2]). Она взяла его коня за уздечку, повела на „стайнечку", козака—„за рученьку да ў свѣтлыченьку". Кормитъ она коня овсомъ [illegible]чомъ, а козака угощаетъ медомъ-виномъ, стараясь угодить ему. Но все-таки она „задумала, чорны очи зарумала" [3]). Козакъ спрашиваетъ ее о причинѣ грусти.

—Ой, жаль-же мнѣ по любощи,
Що нэ живэмъ по щиросты,—отвѣчаетъ она.

Въ другой пѣснѣ дѣвушка выражаетъ свое горе и сомнѣніе въ слѣдущемъ поэтическомъ сравненіи:

Тыхо, тыхо Дунай воду нэсэ,
Еще й тыше дѣўка косу чеше.
Що й вычеше, то й на Дунай нэсэ:
—Плыви, коса, пидъ зэлэные луги.
Задай тугу зэлэному лугу,
Задай жалю зэлэному гаю.

Нерѣдко остается одно лишь грустное воспоминаніе о первой молодой любви:

Любылыса, насъ матка нэ знала;
Розышлыса, якъ тэмная хмара.

---

1) Запрещала.
2) Т. е. поблѣднѣла, побѣлѣла какъ бумага? *Ред.*
3) Заплакала.

Но помимо грустнаго воспоминанія о пріятно проведенномъ времени, часто дѣвушку ждетъ еще большее горе,—пятно на всю послѣдующую жизнь. Въ саду соловей „щебэче“, говоритъ пѣсня, въ саду протекаетъ рѣчка; дѣвица „хорошого стану, бѣлэнького лица“ пришла въ садъ, „якъ чирвона рожа“, а изъ саду шла, „якъ бѣла бэроза“,—

Ў садъ ишла бѣлэнькими ныженьками,
А зъ саду вышла дрыбнэнькими слёзоньками.

Молодость, непониманіе жизни, дѣйствіе окружающей поэтической обстановки сгубили ее:

Вона думала, що грушки—минушки,
Ажно ростуть до утра фартушки;
Вона думала, што сокслыкъ летае,
Ажно ў боку да дѣтына брыкае.

Покинутая милымъ въ самую тяжелую минуту, дѣвушка „тры недѣли у полози лежала“, выплакавши „по молойчику глаза“. На пятую она пошла въ вишневый садъ, гдѣ съ грустью видитъ три дорожки:

Знаю, знаю, хто дорожки поробыў,—
Молодъ барынь (парень) до дѣвицы прыходыў.

Пѣсенъ, изображающихъ неподдѣльное горе покинутой, обманутой женщины, не мало; мотивы ихъ очень разнообразны и дышатъ неподдѣльнымъ народнымъ лиризмомъ. Милый „до иншое“, т. е. къ иной ходитъ, бросилъ „коморушку“, въ которой стоитъ „постель бѣла пухова“; она

Тую ложу ручэньками обняла,
Постэль бѣлу слёзоньками облила,
Што на ручкахъ маленькая дѣтына.

Покинутая мать плачетъ не о себѣ только: участь ребенка. запятнаннаго ея паденіемъ, обреченнаго на горькую, тяжелую жизнь, разрываетъ ей сердце:

Сынку мой, сынку, нэма ў моры лёду,—
Нэма ў тэбэ, сынку, жадного роду.
Ой, сынку мой, сынку, нэма ў моры донца,—
Нэма ў тэбэ, сынку, да рыдного ойца!

Мотивъ объ убіеніи матерью незаконнорожденнаго неизвѣстенъ пинскимъ пѣснямъ; есть только двѣ—три, передающія размышленіе матери, что ей дѣлать съ ребенкомъ:

Чи мнѣ тэбэ годуваты,
Чи ў Дунаю поховаты?

Но тутъ-же дѣвушка вспоминаетъ, что „поховаўши—отъ Бога грѣхъ“, хотя и „годоваўши—отъ людэй смѣхъ“.

Впрочемъ, подобные случаи несчастнаго исхода молодого увлеченія все-же довольно рѣдки, и чаще возникшая въ молодыхъ сердцахъ симпатія ведетъ къ благополучному концу. Проходитъ веселая пора „дѣвôцтва“, беззаботная весна жизни, когда едва лишь успѣла расцвѣсти „дѣвоцкая краса“, едва лишь „росая (русая) кэса“ выросла до пояса; наступаютъ пасмурные дни осени или послѣрождественскаго мясоѣда, когда ходятъ сватать. И дѣвушки, и парни уже заранѣе обдумываютъ свое будущее положеніе, свою участь. Часто неравное матеріальное положеніе понравившихся другъ-другу парня и дѣвушки, желающихъ вступить въ бракъ, бываетъ препятствіемъ для ихъ счастья.

Нэ вѣдае отэцъ-маты,
Хто до мэнэ залецаецца,—

говорится въ пѣснѣ. Но когда отецъ и мать узнаютъ, кто „залецаецца“ къ ихъ дочери, то далеко не всегда бываютъ согласны на бракъ. Напрасно просить отца и мать,—говорить парень дѣвушкѣ,—не отдадутъ за меня: у тебя отецъ и мать есть, они богаты;

У тэбэ хата накрытая,
А я—бѣдный сырытына.

Въ другой пѣснѣ парень совѣтуется съ матерью, кого взять:

Чи нэ тую богатую, що хороше убрана,
Чи нэ тую сырытыньку, що къ сэрцу прыпала.
У хорошее, богатое—бычки да тэлушки,
У бѣдное сырытыньки—цыцки, якъ подушки.

Пѣсня развиваетъ тотъ взглядъ, что бѣдная дѣвушка—работница, что само по себѣ—лучшій вкладъ въ домашнее хозяйство: у богатой „бычки поздыхалы“, а у бѣдной „волы забуялы“; бѣдная „съ поля идэ—скаче“, а богатая „съ корчмы идэ—плаче“. Но не всегда бѣдная дѣвушка сразу соглашается выйти замужъ за богатаго:

Ты мэнэ любышъ,—я товару (скота) нэ маю,—

мотивируетъ она свой отказъ, опасаясь попрековъ. Но па-

рень убѣждаетъ ее, что ей не будетъ „догàны“ (упрека) ни отъ кого. — „Не доженэшъ (упрекнешь) ты, доженэ твоя маты“,—возражаетъ ему дѣвушка и рисуетъ себѣ непригляднную картину положенія бѣдной невѣстки въ богатой семьѣ. Свекровь говоритъ:

—Ўстань, нэвѣста, бодай ты нэ ўстала,
Выжень той товаръ, що одъ батьки нагнала.
Ўстала дѣўчина зъ бѣлое постэли,
Удырылаcа голывою объ двэры:
—Було нэ браты, що съ чорнымы бровамы;
Було браты, що съ кыньмы да зъ воламы.

Каждый осенній или зимній мясоѣдъ семья дѣвушки-невѣсты съ нетерпѣніемъ ожидаетъ прибытія сватовъ, строитъ всевозможныя предположенія, планы. Взрослые члены семьи подтруниваютъ надъ невѣстою, спрашивая: „а колы-жъ прышла до тэбэ ў сваты Иваска?“

Случаи насильственнаго брака, насколько мнѣ извѣстно, рѣдки. Это объясняется просто тѣмъ, что молодые люди сближаются между собою приблизительно равные по состоянію своихъ родителей. Всегда въ каждомъ селѣ можно намѣтить нѣсколько группъ молодежи, составленныхъ или изъ богатыхъ, или изъ бѣдныхъ семей; образуется какъ бы нѣсколько деревенскихъ клубовъ, каждая изъ группъ собирается на посидѣлки или вечорки въ одной избѣ, всѣ держатся другъ-друга и въ лѣтніе праздники, и въ хожденіи съ колядою и пр. Между представителями того или другого состоянія нельзя не замѣтить нѣкотораго антагонизма, который отъ родителей переходитъ къ дѣтямъ. Поэтому послѣднія и группируются сообразно экономическому состоянію первыхъ. Замѣчу кстати, что разобщенность между крестьянами имѣетъ своимъ основаніемъ не только недоброжелательное отношеніе бѣдняка къ богачу, но также и разобщенность экономическихъ интересовъ и вообще жизненныхъ условій села. Бѣдняки находятся въ кабалѣ у евреевъ, бросаются на заработки, ходятъ цѣлыми семьями на сплавъ, такъ что земля перестаетъ быть для нихъ единственнымъ источникомъ благосостоянія, забрасывается и неохотно обрабатывается ими. Богатые крестьяне, напротивъ, все свое благосостояніе видятъ въ землѣ, смотрятъ съ пре-

зрѣніемъ на тѣхъ, которые бросаютъ землю и отправляются на отхожіе промыслы.

Естественно, что при такихъ условіяхъ жизни сельскаго населенія, молодые люди сходятся изъ семей, одинаковыхъ по состоянію, и препятствій къ браку бываетъ мало; при томъ и родители справляются съ желаніемъ молодыхъ, замѣчаютъ заранѣе, кто къ кому питаетъ склонность и пр. Но бываютъ и исключенія, случаи сближенія между молодыми людьми неподходящихъ состояній, или когда родители почему-либо враждебно настроены другъ противъ друга. Тогда родственники дѣвушки стараются какъ-нибудь помѣшать браку, отказываютъ сватамъ. Въ пѣсняхъ отразился и этотъ моментъ въ жизни дѣвушки, когда она борется съ семьею, но должна или уступить обезсиленная, или прибѣгать къ крайнимъ мѣрамъ.

Замѣчательно, что въ то время, какъ пѣсни передаютъ только совѣщаніе матери съ сыномъ относительно неравной женитьбы, самимъ молодымъ людямъ вовсе неизвѣстенъ мотивъ горькой доли дѣвушки, браку которой препятствуютъ отецъ или мать,—напротивъ, братъ является въ пѣснѣ главнымъ лицомъ, препятствующимъ сближенію сестры своей съ парнемъ, подобно тому, какъ сестра иногда препятствуетъ брату, какъ мы видѣли выше. Такъ, одна пѣсня, отличающаяся большими лирическими достоинствами, начинающаяся при томъ съ упоминанія о Дунаѣ, что, вѣроятно, указываетъ на ея относительную древность,—эта пѣсня разсказываетъ, какъ дѣвушка „до козака лыстъ пысала: возьми мэнэ, дѣўчиноньку“. Но козакъ не хочетъ брать, потому что у нея „братъ проклятый“.

Счаруй брата свого,—
Будэшъ мѣты мылэнького,—совѣтуетъ онъ.

Дѣвушка рѣшается и поступаетъ по совѣту козака:

Тамъ на ели сонце пэче, зъ гаду кроў тэче.
Озьмы, дѣўко, кварту-коновачку (кружку),
Постаў пудъ гадьску головачку...

Сестра „спѣшно зустрѣчае“ брата, даетъ ему выпить пива, отъ котораго онъ „съ кыныка схылыўса“. Но когда она снова написала „лыстъ“ козаку, то получила отвѣтъ:

Якъ я маю тэбэ браты, колы умѣешъ чароваты?
Счаровала брата свого, а мылого—нэма й чого.

Нельзя не замѣтить, что мотивъ послѣдней пѣсни имѣетъ всѣ права на глубокую древность, когда братъ старался не выпускать сестру изъ рода, какъ рабочую силу, или позже, когда онъ является главнымъ лицомъ при совершеніи купли—продажи невѣсты. Значеніе брата невѣсты въ заключеніи свадебныхъ условій и въ свадебномъ ритуалѣ общеизвѣстно. Лирика пинчуковъ, носящая на себѣ всѣ признаки архаичности, также даетъ большое мѣсто брату въ свадебныхъ пѣсняхъ и самомъ ритуалѣ:

Расплёў братко кэску, да разлыў же мнѣ слёзку
Да по бѣлому лыченьку, по чирвонымъ нагрудныччку.

Другой важный древній мотивъ—похищеніе дѣвушки—извѣстенъ почти исключительно по пѣснямъ свадебнымъ. Молодой человѣкъ собираетъ всю „роднину ў громаду“, чтобы всѣмъ вмѣстѣ поѣхать на тестя, стать „своимъ полкомъ пудъ ганкомъ“(крыльцомъ), выбить „крамённу стѣну“ и взять „дѣвоньку изъ вѣнкомъ“. Вообще, пѣсенъ, въ которыхъ женихъ собираетъ родъ, чтобъ „звоеваты“ тестя, добыть дѣвушку,—много. Въ свою очередь, и родъ невѣсты принимаетъ мѣры, чтобы узнать, когда зять придетъ „воевать“. Въ иныхъ пѣсняхъ можно видѣть слѣды воспоминаній о самомъ согласіи дѣвушки съ парнемъ, послѣ котораго уже слѣдовало умыканіе. Дѣвушка наказываетъ парню пріѣхать за нею „въ понедѣлокъ ранэнько“, обѣщаетъ подтесать „скрыплывыя“ ворота во дворѣ своего отца, умирить сварливость его и пр. Въ пѣсняхъ отразился также послѣдовательно и тотъ періодъ купли невѣсты, когда женихъ собирается ее „выпросить и выважить золотою вагою“ у ея рода.

Собственно лирическія пѣсни, какъ кажется, не знаютъ этого мотива или же въ нихъ остались только самые отдаленные отголоски. Можно найти двѣ—три пѣсни о похищеніи „Ганульки“ матросомъ, объ увозѣ дѣвушки на Дунай-рѣку козакомъ, который затѣмъ бросаетъ ее въ Дунай или же оставляетъ привязанною къ дереву въ лѣсу; но эти пѣсни едва-ли можно принять за отраженіе мотива похищенія дѣвушки-невѣсты. Притомъ же это не исключительно мѣстные

мотивы; они извѣстны почти всѣмъ славянамъ, что опять-таки указываетъ на ихъ древность.

Проходитъ свадьба,—и начинается жизнь замужней женщины, полная горя и лишеній. Лирика пинчуковъ почти не знаетъ ея радостей; но зато ей хорошо извѣстно ея горе. Особенно прекрасны пѣсни, рисующія положеніе женщины въ семьѣ мужа.

Ой, ты, калына! ой, ты, чирвоная! Чого рано зацвѣла?
Ой, ты, дѣўчина! ой, ты, молодая! Чого хутко змарнила?
—Чи мачоха, чи рэдна маты мэнэ за-мужъ оддала
На чужину, ў вэлыку сэмью: ўсё я воду подносю.
Ой, выйду я на высоку гору, ой, гляну я, посмотру:
Сюды гляну, туды оглянуса—ўсё чужая сторона.
Стоить, стоить рэдна маты за плечима ў мэнэ.

Мать совѣтуетъ ей вернуться, но это уже невозможно:

Росчесана, росплетэна моя роса кэса,
Накинэна бѣла намиточка на мое жоўты волосы.

Горько размышляя о своемъ положеніи, она призываетъ свою долю:

Ой, доля моя, доля! дѣ ты, доля, подѣласа?
Да чи ты ў огни згорѣла, чи ты ў лузи утопыласа?

Горе молодой женщины такъ велико, что вся природа отзывается на ея страданія:

Ой, я боромъ ленула, ўсѣ боры поздрыгалы,
Боры здрыгнулы (содрогнулись), луги затонулы.
Боры здрыгнулы, що тонэньки голосочокъ,
А луги затонулы одъ дрыбнэнькихъ слёзочокъ.

Тѣмъ больше тоска и горе молодой женщины, если она вышла такъ рано, что еще

Нэ нажиласа, нэ набыласа,
На свою рыднуну нэ наглядѣласа,

попала на чужую сторону, „одъ роду одбыласа". Теперь, съ чужбины, она собирается писать домой:

Выщикну два листочки, выпишу два письмочки,
Нэхай матка прочитае, нэхай мою бѣду знае.

Она не можетъ забыть, что виною ея отчужденности, горькой доли былъ братъ, который, какъ поется въ свадебныхъ пѣсняхъ, „продаў сэстрыцу за канчукъ" (нагайку):

Було ў мэнэ два браточки,—обое выноваты,
Що й оддалы сэстрычку на чужую сторонку.

И опять слѣдуетъ отмѣтить, что на отца нигдѣ пѣсня не сѣтуетъ, хотя этого слѣдовало бы ожидать, такъ какъ онъ— виновникъ несчастія дѣвушки. Косвенный укоръ матери— черта обычная, но прямыми виновниками пѣсня называетъ братьевъ.

Но гдѣ-же причина, въ чемъ основаніе горя молодой женщины? Дѣло въ томъ, что „свэкруха невѣстушки нэзнавыдѣла"; она „нэ пускае мэнэ молодую на улыцу гулять". Невѣстка въ новой семьѣ сразу попадаетъ въ подчиненное положеніе, изъ котораго ей трудно выйти, вслѣдствіе враждебнаго отношенія остальныхъ членовъ, которые смотрятъ на нее прежде всего, какъ на рабочую силу, давно желанную въ семьѣ, и изъ которой стараются извлечь возможно больше выгоды. Крестьянка ждетъ, не дождется того времени, когда, наконецъ, войдетъ въ домъ невѣстка, когда старухѣ можно будетъ отдохнуть, сваливъ всю наиболѣе трудную работу на невѣстку.

Охъ, вэлыкая сэмья вэчераты сѣла,
Охъ, мэнэ молоду да послала по воду.
Поки жъ воду прынэсла, то вэчера одыйшла.
А мой мылый стоить, проти мэнэ говорыть:
—Чому, мылая, стоишъ, чому ложки нэ мыешъ,
Постэль бѣлу нэ стэлешъ?

Она, скрѣпя сердце, постлала постель и легла спать, но „нэ улежаласа, да прыслухаласа": семья мужа „карае"(коритъ): „Чому жонки нэ бьешъ?" Мужъ, хотя повидимому и симпатично относящійся къ своей женѣ, мало защищаетъ ее; онъ предлагаетъ семьѣ:

„Колы вона сонлыва, то будытэ ее;
Колы вона ницъ (ничего) нэ знае, то вучитэ ее;
Колы вона вамъ нэ трэба, одсылайтэ ее".

Чужая семья обращается съ нею сурово: свекоръ запрещаетъ невѣсткѣ даже выражать свое горе пѣснями.

Сама иду дорогою, а голосокъ дубровою;
услышалъ его свекоръ, „на ганочку сѣдя, ў оболоночку гледя":

Коли идэ дытя мое, то нэхай вэсэлѣе;
Коли нэвѣсточка, нэхай прытыхае
И къ дѣлу прывыкае.

А свекровь задаетъ ей трудныя работы, притомъ со строгимъ наказомъ. Посылая невѣстку вырвать въ чистомъ полѣ ленъ, она приказываетъ:

Нэ вырвэшъ лёну,—не иды до дому.
Вохъ, и рвала, рвала, да нэ вырвала,
Ў чистому полю прыночовала,
Ў чистому полю пры долиноцдѣ,
Тонкой, высокой тополиноцдѣ.

Милый шелъ „зъ Украиноньки", куда выслала его мать, увидѣлъ въ полѣ „тополю за тры миленьки":

Вохъ, станьмо, братцы, подивэмоса,
Прыдэмъ до дому, похвалимося:
—Вохъ, маты, маты, ты-жъ матусенька,
Што ў нашимъ поли за тополя ростэ?
Тонка, высока, лыстомъ широка;
Што одъ вѣтрыку похыляетца,
А одъ солнушка нэ мѣняетца.

Мать совѣтуетъ сыну взять „гостру сѣкерву" и срубить въ полѣ топблю. Ударилъ онъ разъ—тополя содрогнулась,

Сѣкнуў другой разъ—ажъ тѣло бѣло,
Сѣкнуў трэтій разъ—заговорыла:
—Нэ рубай мэнэ,—я твоя мыла! [1])

Отданная „одъ роду, одъ родныны", и получившая наказъ отъ матери, „кабъ ў гости нэ бувала", „щобъ семь лѣтъ нэ бувала",—молодая женщина собирается летѣть домой „ў рочокъ" (черезъ годъ) то въ видѣ „заўзульки", то „сокола". Прилетѣла въ садъ, „сѣла, упала у брата ў саду, голысно заковала, жалысно заплакала". Вышелъ братъ „заўзульку гоняты": „колы сэстра моя, то просю-жъ до хаты". Въ другой пѣснѣ она собирается летѣть соколомъ и упасть „у матки на порозѣ". Мать вышла, „розлыла слёзы".

—Охъ, покинь, маты, плакаты, да научи гороваты...
Охъ, маты-жъ, маты! дѣ доля дѣласа?

---

[1]) Срв. „Этногр. Обозр." III, 42, 50—2, 211; VI, 234; VII, 262.

Ой чи ў огни згорѣла, чи ў Дунаи утонула?
Коли ў огни згорѣла, тамъ лежить пэпэльце;
Коли ў Дунаи затонула, тамъ лежить камэнце.

Таковы представленія о горѣ женщины въ семьѣ ея мужа, пока она занимаетъ подчиненное положеніе въ ней, пока сама не сдѣлается хозяйкою, свекровью и сама не будетъ загадывать сыну „тополю рубаты“. Но горе, переносимое женщиною въ чужой семьѣ, не единственное горе ея жизни; этимъ не ограничиваются ея несчастія, и скорбная лирика пинчука сопровождаетъ женщину во всѣхъ многоразличныхъ случаяхъ ея жизни. Не всегда только семья мужа доставляетъ страданія женщинѣ, бываютъ и другія причины:

Вышла я за-мужъ молода,
Пэрвая бѣда, што дѣтынушка мала,
Другая бѣда—свэкровушка лиха,
Трэйтяя бѣда—мой мылый не любыть.

Со стѣсненнымъ сердцемъ, не разъ мысленно обращается она къ матери:

Маты жъ моя, маты! мэнэ мужъ нэ любыть,
До иншое ходыть.

Хорошо еще если есть родня, есть съ кѣмъ размыкать горе; но она нерѣдко остается круглою сиротою: „помэръ отэцъ-маты, гостына минэтца“. Нѣтъ „гостыны“ у родныхъ, не съ кѣмъ поговорить, отвести свою душу, не передъ кѣмъ поплакать о томъ, что она „свои лѣта марно тратитъ“. Молодые годы проходятъ подъ гнетомъ несчастій и нуждъ. Молодая женщина только что расцвѣла, вошла въ жизнь, ея „пэрвый мылый“ остается тѣмъ-же для нея; она рвется къ нему всѣми силами своей души: несетъ ему обѣдъ въ поле и уже задумывается, ласкаетъ себя мыслью, „чи нэ скаже мылый сѣсты“, „чи нэ будэ говорыты“. Но не тутъ то было: хотя она и „охвоча, и робоча, и до людэй говороча“, но мужъ „напыўса, наѣўса“ и „на роллю-землю схылыўса“. О чемъ онъ думаетъ?—спрашиваетъ его жена. Думаетъ онъ о томъ, что „неудалу жонку имѣетъ“. Оскорбленное чувство женщины заговорило въ ней; она вспоминаетъ, что не такъ давно и она была мила ему, когда они собирались на вечорки. Она говоритъ ему:

Нэ вылѣзлы тобѣ очи,—
Нэ свататы було ў ночи;
Було свататы мэнэ ў дэнь,
Роспытатца старыхъ людэй!

Нелюбящій мужъ приходитъ домой „ў бѣлому свѣци", (на разсвѣтѣ) ложится спать „попэрэкъ кровати", къ своей женѣ „плечима, а до стѣны очима".

Ой, одвэрнысь, мылый, я тэбэ розую,
Хочъ разъ поцѣлую,—

умоляетъ жена; но мужъ ее гонитъ:

Охъ, есть у мэнэ луччѣйша отъ тэбэ:
Вона жъ мэнэ розуе, семъ разъ поцѣлуе.

Бѣжитъ молодая женщина къ быстрой рѣкѣ, разсказываетъ другая пѣсня, чтобъ посмотрѣть, какъ ея милый ѣдетъ съ другою; посмотрѣла, „да на лицэ [1]) лозы похылыласа":

Ой, вѣнь, вѣтру, повѣнь зъ далекого краю!
Нэхай зобачу, по чимъ же я плачу,
Нэхай надыўлюса, по кимъ я журуса.

И вздыхаетъ тяжко молодая, ложась и вставая „сама молодэнька" на „постэли пуховэнькой". Нѣсколько пѣсенъ разсказываютъ, какъ женщина бѣжитъ за милымъ „ў погынь", спрашиваетъ, когда онъ вернется, зоветъ „вэчераты", но получаетъ отвѣтъ: „вэчерай сама", застаетъ милаго сидящимъ „у сусѣдки за столомъ" и т. д.

Не всегда дѣло ограничивается одними только нравственными страданіями. Мужъ, „пьяница—ледащица", чужой женѣ

Мэдъ, горѣлку купуе,
А на свою нэўдалочку да ногайку готуе.

Несетъ мужъ, говоритъ другая пѣсня, подъ полою „ногаю дротяную", возвратившись домой „къ билому свиту", и приказываетъ женѣ итти въ корчму и выкупить коня вороного:

Якъ выкупышъ—люблю тэбэ,
Нэ выкупышъ—убью тэбэ,
Убью тэбэ, замордую (замучу).

„Ногай дротяный" (перевитый проволокою) часто ходитъ по „бѣлу тѣлу" несчастной жены:

---

[1]) Вм. „нйцэ" (ницыя)? Ницый—низко растущій (о лозахъ-кустахъ). *Ред.*

Якъ ударыў мэнэ да по бѣлому плечу,—
Полылася кроў горача, побѣжала по лицу.

Или вотъ какъ грозится мужъ истязать свою „шельму“ жену: онъ намѣренъ привезти ей изъ города „ногай дротяный“, привязать къ сивому коню и пустить въ чисто поле,—

Нэхай собѣ кынь нагуляецца,
А шельма жона научаецца.

Доля жены представляется въ мрачныхъ краскахъ даже тогда, когда милый не измѣняетъ ей. Одна пѣсня изображаетъ еще новую печальную картину семейной крестьянской обстановки. На полѣ „ратай“ пашетъ и посматриваетъ на дорогу: чужія жены обѣдъ несутъ, а его—нѣтъ. Бросилъ онъ воловъ, идетъ домой:

Ўступыў я на подвырье,—подвырье мое нэ вэсэлое,
Ўступыў я ў рэдэнку,—рэдня моя нэтопяна:
Да жена сына родыла, дай на вѣки заснула.
Чи нэ було дытяты да воды податы?
Чи нэ було сусѣдочки кому ратоваты?

Эта небольшая картинка, выхваченная прямо изъ жизни, изображаетъ одно изъ многочисленныхъ проявленій крестьянской бѣды. Но не всегда доля женщины имѣетъ такой печальный безпросвѣтный исходъ: проходятъ годы, боязни за невѣрность милаго нѣтъ мѣста, выростаютъ дѣти, она дѣлается хозяйкою дома, сама имѣетъ невѣстокъ, распоряжается ими; приходитъ, повидимому, время отдыха.

Но эти свѣтлыя минуты омрачаются опять новымъ горемъ: сынъ подростаетъ, приближается время итти ему въ солдаты; женское сердце, отдавшее все свое вниманіе, всю заботливость и нѣжность любимому сыну, получаетъ новыя испытанія. Со слезами мать снаряжаетъ сына.

—„Наплачесся той часъ, матко, якъ буду ў дорози,“ останавливаетъ онъ ее.

Нэ кажи, сыночку, тяжкими словами,
Буду тэбэ обливаты дрыбными слёзами,—

отвѣчаетъ ему мать.

Не лучше ея участь и тогда, когда она остается вдовою:

Зашумѣло дэрэво (2) надъ водою стоячи,
Заплакала ўдова (2) сына Йвана родячи.

—„Що мнѣ тобѣ робыты"?—спрашиваетъ она сына: женить тебя или отдать въ солдаты? На это сынъ отвѣчаетъ:

—Матко жъ моя старэнькая,
Якъ голубка сывэнькая!
Якъ ты мэнэ оженышъ,
Сэрце свое звэсэлышъ;
А ў солдаты оддасы,
Сэрцю жалю задасы.

Таковы въ главнѣйшихъ чертахъ перипетіи горькой женской доли, про которыя знаютъ пѣсни пинчуковъ, отъ молодости женщины вплоть до самой старости.

М. Довнаръ-Запольскій.

Наброски изъ исторіи финской культуры.

Лекціи по исторіи семьи и собственности, читанныя проф. М. М. Ковалевскимъ въ Стокгольмѣ, достаточно выяснили, какой богатый и непочатый европейскими изслѣдователями матеріалъ представляетъ по этимъ вопросамъ русская литература. Выдвигая его значеніе, почтенный профессоръ имѣлъ въ виду только то, что даетъ русская литература относительно кавказскихъ народовъ и славянъ, въ частности русскихъ. Онъ оставилъ безъ вниманія богатый остатками архаическаго быта финскій міръ. Между тѣмъ этотъ міръ— худо-ли, хорошо-ли—разрабатывается также главнымъ образомъ русскими дѣятелями. Въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ его разработка цѣликомъ остается за нами.

Финской культурой интересуются кромѣ насъ двѣ достигшія нѣкотораго развитія финскія народности—мадьяры и собственно финны; но работы тѣхъ и другихъ захватываютъ далеко не все поле изслѣдованія. Мадьяры совершили не одно ученое путешествіе къ своимъ родичамъ въ Россію, но ихъ вниманіе обращено главнымъ образомъ на филологическія изслѣдованія: они собирали и собираютъ матеріалъ для словарей, записываютъ въ оригиналахъ произведенія народнаго творчества и пока не засвидѣтельствовали еще ни интереса къ этнографическимъ и культурно-историческимъ изслѣдованіямъ, ни умѣнья вести ихъ. Финны смотрятъ на дѣло нѣсколько шире. Рядомъ съ чисто лингвистическими работами Доннера, они даютъ намъ капитальный трудъ по лингвистической палеонтологіи Альквиста, изслѣдованія по исторіи жилищъ Гейкеля и археологическія изслѣдованія Аспелина. Но, подобно мадьярамъ, они со временъ Кастрена не затро-

гиваютъ внутренняго міра родственныхъ народностей—ихъ вѣрованій, обычаевъ и порядковъ.

Все, что сдѣлали въ этомъ отношеніи представители обѣихъ народностей, заключается въ томъ, что они собрали сырой матеріалъ (по отношенію къ нѣкоторымъ народностямъ—какъ напр. югры — очень богатый). Но этотъ матеріалъ частію еще не изданъ, да и изданный онъ останется мертвымъ капиталомъ. Вотяцкіе, остяцкіе и другіе тексты, снабженные переводомъ на языки, немногимъ болѣе доступные для европейцевъ, чѣмъ языкъ оригиналовъ, не могутъ послужить ни этнографу, ни историку культуры.

Область внутренняго быта финскихъ племенъ остается безспорно спеціальнымъ полемъ русскихъ изслѣдователей и черезъ ихъ посредство только можетъ сдѣлаться достояніемъ европейской науки. Проявивъ значительную беззаботность на счетъ филологіи, русскіе наблюдатели накопили значительный запасъ культурно-историческихъ и главнымъ образомъ соціологическихъ данныхъ. Этотъ матеріалъ стоитъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ внѣ сравненія съ тѣмъ, что можетъ дать европейской наукѣ любой изслѣдователь—европеецъ. Мы знаемъ финновъ не со вчерашняго дня; въ нашихъ актахъ, въ памятникахъ, небогатой правда, географической и этнографической литературы XVI, XVII и XVIII вв., мы имѣемъ возможность найти положительныя указанія на такія явленія, о которыхъ на основаніи современнаго быта можно только догадываться. Задача русскихъ ученыхъ—обработать, пользуясь пріемами европейской научной техники, это драгоцѣнное сырье и не допустить наступленія того позорнаго дня, когда въ русскихъ архивахъ и библіотекахъ будутъ копаться, разыскивая это сырье, овладѣвшіе старымъ и новымъ русскимъ литературнымъ языкомъ англичане, нѣмцы, французы. Одна изъ задачъ спеціальнаго этнографическаго журнала—распространить среди людей, способныхъ къ такой обработкѣ, свѣдѣнія о томъ, гдѣ и какой сырой матеріалъ они могутъ найти. Исходя изъ этихъ соображеній, мы и предлагаемъ интересующимся читателямъ эти наброски. Пусть читатели не ищутъ въ нихъ цѣльности, систематичности, исчерпывающей законченности обработки. Это результаты предварительныхъ развѣдочныхъ

работъ; дѣло послѣдующихъ изслѣдователей обстоятельно разработать намѣчаемыя залежи. Принимая „безъ страха и сомнѣнья“ ожидаемый упрекъ въ излишнемъ расположеніи къ „ипотетической этнографіи“, мы рекомендуемъ изслѣдователямъ нѣкоторыя выборки изъ этихъ залежей.

1. Человѣческія жертвоприношенія и каннибализмъ у предковъ сѣверо-восточныхъ и сѣверо-западныхъ финновъ.

Въ брошюрѣ: „Слѣды человѣческихъ жертвоприношеній въ поэзіи и религіозныхъ обрядахъ приволжскихъ финновъ“ мы имѣли случай констатировать существованіе человѣческихъ жертвоприношеній у предковъ финновъ Волжско-Камскаго бассейна и указать на ихъ связь съ эпохой каннибализма, которую они пережили. Въ очеркѣ «Вотяки» мы привели прямыя указанія на обычай человѣческихъ жертвоприношеній у вотяковъ, а въ рефератѣ: „Воспоминанія объ эпохѣ каннибализма въ поэзіи вотяковъ“, читанномъ на VIII арх. съѣздѣ, мы указали слѣды былого каннибализма въ вотяцкихъ сказкахъ. Настоящія замѣтки посвящены изслѣдованію тѣхъ-же явленій на почвѣ другихъ финнскихъ народностей—пермяковъ, остяковъ, лопарей.

Начнемъ нашъ обзоръ относящихся сюда фактовъ съ пермяковъ. Въ статьѣ о пермякахъ г. Добротворскаго (Вѣстн. Евр. 1883 г. III) помѣщена любопытная легенда, записанная у пермяковъ Пермской губерніи. Далеко на востокѣ жили два брата Ожьясъ и Осьясъ; у нихъ было въ подданствѣ много народа. И былъ у тѣхъ братьевъ богъ Шурма (жившій на солнцѣ), страшный богъ; питался онъ человѣческимъ мясомъ и запивалъ теплой овечьей кровью. Пока братья удовлетворяли его кровожаднымъ наклонностямъ, богъ любилъ и защищалъ ихъ. Но разъ какъ-то братья забыли принести ему обычную еженедѣльную жертву—двухъ мальчиковъ, двухъ дѣвочекъ и трехъ овецъ, и свирѣпый Шурма разгнѣвался на нихъ.... и прогналъ далеко на западъ (стр. 230).

Въ статьѣ г. Спицына: „Чудскія древности Зюздинскаго края“ (Вят. Губ. Вѣд. 1889, №№ 60—62) мы находимъ слѣдующее сообщеніе: „Близъ дер. Подгорной Бисеровской волости находится весьма интересный «Чудской камень»... Лѣтъ 30 тому назадъ въ Семикъ, Петровъ день, и въ другіе народ-

ные праздники старики (пермяки) носили на Чудской камень различныя яства и оставляли ихъ тутъ на день. Среди мѣстныхъ крестьянъ ходитъ преданіе, что въ очень давнее время жившій вблизи старикъ, по имени Евсюкъ, разъ видѣлъ вышедшаго изъ-подъ камня чудскаго человѣка, который сказалъ ему по-пермяцки: „Евсюкъ, а Евсюкъ! дай мнѣ человѣка съѣсть, такъ я тебѣ три корчаги денегъ дамъ“ (№ 62).

Въ обоихъ преданіяхъ мы видимъ ясныя указанія на человѣческія жертвы; эти жертвы требуются и стихійными духами, и духами усопшихъ. Послѣднее предполагаетъ, что пермяки считаютъ по крайней мѣрѣ нѣкоторыхъ духовъ усопшихъ людоѣдами. Такое представленіе объ усопшихъ могло возникнуть лишь въ эпоху каннибализма и сохраниться какъ воспоминаніе о ней и тогда, когда люди перестали уже быть каннибалами. Человѣкообразные людоѣды (морт-сöись), жители лѣсовъ, фигурируютъ въ сказкахъ, записанныхъ нами прошедшимъ лѣтомъ у пермяковъ Соликамскаго и Чердынскаго уѣздовъ Пермской губерніи. Каннибальскія наклонности колдуновъ покойниковъ обнаруживаются въ пермяцкихъ сказкахъ, также какъ и въ вотяцкихъ: колдуны, умирая, заказываютъ роднымъ дома не ночевать. Стихійные духи до сихъ поръ рисуются пермяку требующими человѣческихъ жертвъ. Среди Чердынскихъ и Соликамскихъ пермяковъ распространено убѣжденіе, что когда приступаютъ къ постройкѣ мельницы, хозяинъ обрекаетъ водяному одного или нѣсколько человѣкъ изъ артели рабочихъ или постороннихъ людей. Водяной самъ беретъ свою жертву (человѣкъ тонетъ). Духу земли при постройкѣ дома въ былое время сулили одного плотника. Въ настоящее время человѣкъ замѣняется мелкими животными (поросенкомъ, щенкомъ) или пѣтухомъ.

Какъ бы ни были ясны слѣды человѣческихъ жертвоприношеній у пермяковъ, скептики, недолюбливающіе этнографическихъ реставрацій, могутъ относиться къ нимъ недовѣрчиво. Иначе стоитъ дѣло относительно зауральскихъ финновъ-остяковъ. Тутъ свидѣтелями являются историческіе акты. Въ Пермской лѣтописи Шишонко мы читаемъ слѣдующія драгоцѣнныя свидѣтельства, относящіяся къ 1663 г.:

„171 г. [1]), февраля въ 14 день, посыланъ былъ съ Березова въ Куновацкую волость Березовской казакъ Митка Власовъ для ясачныхъ Остяковъ Умбы Панжіева да Какунчея Лемтохтыева, и тѣхъ Остяковъ онъ Митка привезъ на Березовъ и поставилъ въ съѣзжей избѣ. И того-жъ числа воевода Алексѣй Петровичъ Давыдовъ Остяка Какунчея передъ собою въ съѣзжей избѣ допрашивалъ про шатость и про измѣну Березовского уѣзду про Остяковъ. И въ допросѣ Куновацкой Остякъ Какунчей Лемтохтыевъ сказалъ: въ прошломъ де во 170 году... въ юртахъ у Айки былъ Куновацкой Остякъ Кошель Пыгирчеевъ, и въ тѣжъ де поры Чордынской Остякъ говорилъ Кошелю: *купили де мы у Ивашка Лечманова Чордынскіе Остяки десять человѣкъ парня Остяцкого для того, чтобы де убилъ его Чордынской шайтанъ*; и за то де его Чордынского Остяка ударилъ по щекѣ до руды, и Кошель де ему молвилъ: почто де ты такую рѣчь въ землѣ плодишь? И тотъ де Чордынской Остякъ Кошелю молвилъ: зачто де ты меня бьешь? ты де Кошель самъ того парня продалъ Ивашку Лечманову, а былъ де тутъ въ то время Ляпинской Остякъ Пырча Волынкинъ, и иные де Ляпинскіе и Куновацкіе Остяки про то все знаютъ; а ему де Какунчею говорили многіе Остяки Вешнякъ Парындыповъ, да Кулья Нежачковъ, что поѣдь де къ Ивашку и возми де за того парня цѣну, а про то де великимъ государемъ не объявляй, что де *убили малого*...; да онъ же де Ивашко Лечмановъ взялъ у брата своего Адыля Лечманова *парня Самояцкого* и побѣгъ де за Камень къ Чордынскимъ Остякамъ, и Чордынскіе де Остяки *того парня убили* съ Ивашкомъ вмѣстѣ....; что того парня Ивашко убилъ съ Ендырскими Остяками, и то де имъ Какунчею сказывалъ Замятня Телмановъ; *а въ прошлыхъ де годѣхъ бывало у ихъ братьи иноземцовъ, что похотятъ де великимъ государемъ измѣнить* и заведетца какая шатость въ нихъ, что похотятъ де *на городъ притти и людей государевыхъ побить, и они де побивали по своей вѣрѣ шайтану свою братью Остяковъ*; а какъ де послѣ того у ихъ братьи у иноземцовъ измѣны и шатости не бывало, и они де людей шайтану не побивали, а побивали де шайтану по своей вѣрѣ оленей и лошадей; и то де знатно, что въ нихъ шатость и измѣна, потому что де стали людей побивать... Февраля жъ

[1]) т. е. 7171 (отъ сотвор. міра)=1663 г. (7171—5508) по Р. Хр.

въ 16 день Куновацкой же Остякъ Какунчей Лемтохтыевъ сказалъ: въ прошломъ де во 169 году *Сосвинскіе де Остяки всею волостью купили у Чордынскихъ Остяковъ Остяцкого малого передъ Сосвинского шайтана убить,* а для чего де его хотятъ передъ шайтаномъ убить, про то де они сами вѣдаютъ, а тотъ де малой купленой Чордынской живетъ у Сосвинского Остяка въ юртахъ у Васки Охтолманова; да въ нынѣшнемъ де во 171 г. Куновацкой Остякъ Аслангей Ряхтинъ продавалъ парня Самояцкого ясачного Ляпинскому Остяку Пырчѣ Волынкину, а тотъ де Самояцкой малой говоритъ Аслангѣ Ряхтину: что де ты меня продаешь? Ляпинскіе де Остяки продадутъ меня за Камень убить передъ шайтана; а задатку де за того Самояцкого малого Пырча далъ тому Аслангѣ сторговавъ два соболя да шапку соболью хвостовую" (Періодъ III, стр. 713 - 715).

Въ драгоцѣнномъ актѣ, который мы привели почти цѣликомъ, заключаются весьма опредѣленныя данныя относительно человѣческихъ жертвоприношеній: 1) человѣческая жертва приносилась не одному какому-нибудь шайтану, а важнѣйшимъ мѣстнымъ; 2) она приносилась въ случаѣ крупныхъ предпріятій, въ родѣ возстанія; 3) приносилась цѣлыми волостями, на общій счетъ; 4) объектомъ жертвы служилъ мальчикъ (малой, парень) — остякъ или чужеродецъ безразлично, — но непремѣнно со стороны.

Съ этими историческими свидѣтельствами вполнѣ согласны воззрѣнія на духовъ у маньзовъ, называемыхъ часто прежними писателями то югрой, то остяками, то вогулами. Мэнквы—духи, по словамъ Н. Л. Гондатти, представляются маньзамъ людоѣдами, которые нападаютъ на людей, убиваютъ ихъ, съѣдаютъ и остатки приносятъ въ свои большіе лиственничные дома, построенные въ глухихъ мѣстахъ, окруженныхъ непроходимыми болотами (*Н. Л. Гондатти.* „Слѣды языческихъ вѣрованій у Маньзовъ",—въ Трудахъ Этногр. Отд. И. О. Люб. Ест., Антр. и Этн., кн. VIII, стр. 63*а*, срв. 58*а*). Рядомъ съ каннибалами—стихійными духами маньзы знаютъ каннибаловъ—богатырей, которые жили въ старину особняками. Убивши врага, эти одыры, подобно богатырямъ вотяцкихъ сказаній, съѣдали его сердце и печень, чтобы вся сила убитаго перешла къ нимъ и чтобы онъ не ожилъ (ib. 64*а*).

Отъ восточныхъ родичей пермяковъ переходимъ къ западнымъ. Наибольшее количество данныхъ относительно человѣческихъ жертвоприношеній и каннибализма встрѣчаемъ мы у лопарей. Собрать эти данныя, благодаря прекрасному изслѣдованію Н. Н. Харузина, не представляется затруднительнымъ. Гавріилъ Тудеръ сообщаетъ, что нѣкогда около урочища Безозингъ, отстоящаго около одной мили отъ озера Кими, лопари приносили въ жертву своихъ дѣтей предъ какимъ-то идоломъ (*Н. Харузинъ*, „Русскіе Лопари", Труды Этногр. Отд., кн. X, стр. 173). Существуетъ также преданіе о старикѣ, который принесъ себя въ жертву за больного сына (ib. 174). Для какихъ цѣлей нужны были лопарскимъ богамъ человѣческія жертвы, мы узнаемъ изъ тѣхъ представленій, которыя имѣли лопари относительно различныхъ духовъ. Въ подземномъ мірѣ, странѣ мертвыхъ, живутъ старухи-людоѣдки (ib. 157, 354). Здѣсь же жилище Стално, которые крали *дѣтей* у родителей и съѣдали ихъ (ib. 164). Горы и лѣса Лапландіи населены массой великановъ, которые похищаютъ лопарскихъ *дѣтей* и съѣдаютъ ихъ (ib. 139). Въ эпосѣ о „Солнцевой дочери" заключаются указанія на слѣпыхъ великановъ-людоѣдовъ (ib. 347); людоѣдами оказываются и дѣти, прижитыя, по этому же эпосу, старикомъ отъ лягушки (ib. 349). Въ 1-мъ вып. „Живой Старины" приведенъ отличающійся нѣкоторыми деталями отъ передачи г. Харузина варіантъ этого эпоса.

Антропоморфные боги-людоѣды имѣютъ своихъ двойниковъ (точнѣе оригиналы) въ каннибалахъ-людяхъ. Каннибалами являются у лопарей покойники-нойды (ib. 233) и въ отдѣльныхъ случаяхъ живые люди. На стр. 464 книги г. Харузина помѣщена сказка о царицѣ, которая, озлобившись на своего ребенка, приказываетъ его убить, жаритъ и съѣдаетъ его сердце.

Лопари являются звеномъ, которое соединяетъ восточныхъ финновъ съ западными. Оттиснутые на сѣверъ, въ даль отъ культурнаго міра, они сохранили значительное количество слѣдовъ стариннаго быта. Западные финны—эсты и собственно финны—успѣли многое забыть подъ вліяніемъ германскихъ завоевателей. Но человѣческія жертвы въ былое

время извѣстны были и имъ. Татищевъ приводитъ въ своей «Исторіи» слѣдующее извѣстіе о нихъ Адама Бременскаго: „Эсты... христіанскаго Бога совсѣмъ не вѣдаютъ, зміевъ и птицъ почитаютъ, имъ и *живыхъ людей въ жертву приносятъ*, которыхъ отъ торговыхъ людей, прилежно осмотрѣвши, чтобы никакого вреда на тѣлѣ не было, покупаютъ"... (I, 235). Генрихъ Латышъ, повѣствующій въ своей хроникѣ о борьбѣ эстовъ съ нѣмцами, констатируетъ случай, когда эсты съѣли сердце побѣжденнаго нѣмецкаго вождя. Существовали ли человѣческія жертвоприношенія у финновъ-кореловъ, мы не можемъ въ настоящее время сказать ничего положительнаго, не располагая нужнымъ матеріаломъ.

Выводъ, къ которому можно прійти, сопоставляя данныя, сообщенныя въ настоящихъ замѣткахъ, съ тѣмъ, что высказано нами въ другихъ указанныхъ выше мѣстахъ, заключается въ томъ, что всѣ финнскія племена пережили періодъ, когда они приносили богамъ человѣческія жертвы, и предшествующій ему періодъ антропофагіи. Заканчивая нашу замѣтку объ этомъ вопросѣ, мы позволяемъ себѣ выразить пожеланіе, чтобы ученыя Общества, имѣющія возможность черезъ посредство своихъ членовъ предпринять обстоятельное изученіе быта и поэзіи финновъ-кореловъ, включили въ число задачъ мѣстныхъ изслѣдователей собираніе такихъ произведеній финнскаго народнаго эпоса, въ которыхъ слышатся мотивы каннибализма—фигурируютъ людоѣды-покойники, людоѣды-духи, людоѣды-мстители (а такое изслѣдованіе весьма желательно, такъ какъ финны остаются племенемъ менѣе всего затронутымъ русской этнографической литературой). Данныя, добытыя такимъ путемъ, не измѣнили бы, конечно, но укрѣпили бы еще на болѣе солидномъ фактическомъ фундаментѣ выведенное нами положеніе.

2. *Матріархатъ.*

Въ русской литературѣ установленъ уже фактъ, что большая часть финновъ пережила эпоху безпорядочнаго полового сожительства или гетеризма. Въ ближайшей связи съ этимъ строемъ половыхъ отношеній стоитъ почти всегда явленіе, извѣст-

ное подъ именемъ матріархата или матернитета. Исходя изъ признанной связи между этими двумя группами явленій, мы въ правѣ ожидать, что и у финновъ должны отыскаться слѣды былого матріархальнаго строя. Матеріалъ, который даетъ намъ русская этнографическая литература, вполнѣ оправдываетъ это предположеніе. Начнемъ съ фактовъ, которые разбросаны въ разныхъ мѣстахъ вышеназваннаго обширнаго изслѣдованія Н. Н. Харузина о лопаряхъ.

Однимъ изъ признаковъ переживаемаго народомъ матріархальнаго строя является констатированный Тайлоромъ въ его новѣйшей статьѣ обычай, въ силу котораго мужъ поселяется въ домѣ жены *). Воспоминанія объ этомъ обычаѣ сохранились въ лопарскомъ богатырскомъ эпосѣ. Квигстадъ записалъ разсказъ о дѣвицѣ-богатырѣ, которая приводитъ съ собой въ тупу жениха-богатыря („Р. Лоп.“, 374). Переживанія того же обычая можно констатировать въ близкую къ намъ эпоху: въ XVI ст. зять жилъ въ домѣ своего тестя годъ, въ началѣ XIX—нѣсколько дней (ib. 267, 271)

Новыя указанія на былой матріархатъ заключаются въ отношеніяхъ матери къ дѣтямъ у лопарей. При господствѣ матріархальныхъ отношеній дѣти получаютъ отъ матери все то что въ эпоху патріархата даетъ имъ отецъ—личныя права, собственность, имя. Современная лопарская жизнь сохраняетъ только обломки этого стараго порядка. На стр. 249, и 253 книги г. Н. Харузина мы встрѣчаемъ факты, которые говорятъ, что современнымъ лопарямъ не чужда мысль *прозываться* по матери или по другой женщинѣ въ восходящей линіи. Въ первомъ изъ отмѣченныхъ мѣстъ авторъ сообщаетъ, что родъ Ѳедотовыхъ принялъ это прозвище въ честь одной изъ принадлежащихъ къ нему женщинъ, которая называлась по-лопарски Ѳедь-акка; изъ второго мы узнаемъ, что и теперь еще лопарь можетъ прозываться по матери, именно тогда, когда отецъ умеръ, оставивъ его ребенкомъ, и онъ былъ поставленъ на ноги матерью. Передача „фамиліи“ такимъ образомъ въ глазахъ лопарей не составляетъ еще исключительнаго права отца.

---

*) См. Этногр. Обозр., V. 6—8, 14—15.

Дальнѣйшими указаніями на былую преобладающую роль матери по отношенію къ дѣтямъ являются факты, приведенные на стр. 276 и 295 того же изслѣдованія. Въ Ловозерскомъ погостѣ мать первая даетъ согласіе на выдачу дочери жениху; за ней и въ ея же терминахъ даетъ свое согласіе и отецъ. Въ другихъ случаяхъ мать получаетъ большую часть выкупа за дочь (ib. 293).

Кромѣ этихъ слѣдовъ былого матріархата, можно отыскать и другіе. Отношенія въ мірѣ боговъ рисуются первобытному человѣку аналогично съ отношеніями, которыя имѣютъ мѣсто въ его собственномъ быту. Имѣя въ виду это положеніе, мы должны обратить вниманіе на слѣды несомнѣннаго когда-то преобладанія женскихъ божествъ на лопарскомъ Олимпѣ Мы знаемъ у лопарей Маддер-акка (богиня, мать земли и производительной силы), Вирос-акка (мать лѣсовъ), Анк-акка (мать луны), Пейво-акка (мать солнца), Ябмэ-акка (мать подземнаго міра) и, что особенно важно, двѣ богини покровительницы чўма—Сар-акка и Укс-акка. Кромѣ этихъ богинь, стоящихъ къ явленіямъ въ отношеніяхъ рожденія, въ лопарскомъ пантеонѣ имѣются богини, связанныя съ рѣками и другими водами (Саціенъ), съ оленеводствомъ (Луот-хозик и Поць-хозик=оленья хозяйка). Большая часть этихъ женскихъ божествъ стоитъ внѣ всякихъ отношеній къ мужскимъ божествамъ явленій природы; это не жены, не матери, а совершенно обособленныя существа. Можно съ достаточнымъ основаніемъ утверждать, что эти женскія божества явились ранѣе мужскихъ. Онѣ стоятъ къ явленіямъ въ такихъ отношеніяхъ, которыя, какъ копія, предполагаютъ простѣйшій оригиналъ въ отношеніяхъ между людьми. Въ ряду этихъ женскихъ божествъ особое значеніе съ занимающей насъ точки зрѣнія имѣютъ богини—хранительницы чўма. Природа этихъ божественныхъ существъ свидѣтельствуетъ о роли, которая принадлежала въ чўмѣ женщинѣ-матери. Создавши рядъ мужскихъ божествъ для явленій природы, лопари такъ и не дошли сами до созданія мужского божества для дома; образъ мужчины-покровителя очага (Стор-юнкарэ) они заимствовали, какъ свидѣтельствуетъ названіе, у скандинавовъ-сосѣдей (сканд. stor—великій + junkare—старѣйшина, властитель).

Переходъ отъ матріархата къ патріархату характеризуется возникновеніемъ новыхъ понятій о родствѣ. Въ матріархальномъ періодѣ принадлежность дѣтей опредѣляется актомъ рожденія, въ патріархальномъ — представленіемъ о господствующемъ вліяніи мужчины въ дѣлѣ возникновенія дитяти. Промежуточной стадіей между этими двумя идеями является періодъ, когда мужъ и отецъ выдвигаютъ свои права на дитя рядомъ съ материнскими, символически участвуя въ актѣ рожденія (кувада) *). Н. Н. Харузинъ даетъ намъ въ своей книгѣ констатированный давно уже фактъ, который свидѣтельствуетъ, что идея, лежащая въ основаніи кувады, не чужда была и лопарямъ. Дѣло идетъ о твореніи живыхъ существъ. Мы имѣемъ два относящихся сюда лопарскихъ представленія. По первому Радіэн-атчэ (христіанскій Богъ-Отецъ) создаетъ души, Маддер-акка, Сар-акка и Укс-акка пропускаютъ ихъ *черезъ свои тѣла*, другими словами—*родятъ*. Другая теорія происхожденія живыхъ существъ сложнѣе. Здѣсь фигурируетъ уже Маддер-атчэ (отецъ земли, творенія), и его роль въ актѣ творенія для насъ особенно любопытна. Маддер-атчэ получаетъ отъ Радіэн-атчэ души, *вскрываетъ свой животъ*, обноситъ въ такомъ видѣ душу вокругъ солнца и передаетъ вышеназваннымъ богинямъ, которыя даютъ душѣ тѣло и полъ (*какъ* -- изъ пересказа миѳа не видно). Если мы примемъ во вниманіе, замѣченное уже мимоходомъ обстоятельство, что Радіэн-атчэ представляетъ собою христіанскаго Бога-Отца, то участіе его въ твореніи должно разсматриваться, какъ компромиссъ между христіанскими и языческими лопарскими вѣрованіями, и въ первомъ миѳѣ древнѣйшими и единственными дѣятелями останутся богини-женщины, рождающія живыхъ существъ. Другой миѳъ представляетъ попытку примирить и совмѣстно привлечь къ творенію мужское и женское божества. Какъ же совершается это примиреніе, какъ участвуетъ Маддер-атчэ въ актѣ творенія? Маддер-акка, какъ женщина, *родитъ* новыя живыя существа, Маддер-атчэ стремится воспроизвести тотъ процессъ ношенія и рожденія, который ставитъ женское божество въ опредѣ-

*) См. Этногр. Обозр., V, 12 слѣд.

ленныя отношенія къ новымъ живымъ существамъ; онъ вскрываетъ свой животъ и обноситъ вокругъ солнца помѣщенную въ немъ, конечно, душу существа, имѣющаго родиться, т. е. продѣлываетъ нѣсколько своеобразно ту куваду, которая хорошо извѣстна въ человѣческихъ обществахъ.

Этотъ миѳъ о небесной кувадѣ чрезвычайно важенъ въ культурно-историческомъ отношеніи. Народъ, который его создалъ и хранитъ, безъ сомнѣнія, пережилъ періодъ, когда отецъ, чтобы получить основанныя на актѣ рожденія права на ребенка, долженъ былъ хотя символически принять участіе въ мукахъ рождающей матери, — а такой періодъ, какъ прекрасно показалъ Тайлоръ, имѣетъ мѣсто только въ жизни общества, переходящаго отъ матріархальнаго строя къ патріархальному.

Переходимъ къ другимъ финнскимъ народностямъ.

По языку лопари представляютъ собою промежуточное звено между зап. финнами и Волжской группой съ одной стороны, и Пермской съ другой. То-же отношеніе наблюдается и въ отношеніи развитія семьи. Одни изъ явленій, въ которыхъ мы усматриваемъ слѣды былого матріархата у лопарей, имѣютъ свои аналогіи у представителей Пермской группы, другія—въ Волжской. Съ представителями Волжской группы лопарей объединяютъ слѣды матріархата, сохранившіеся главнымъ образомъ въ вѣрованіяхъ и культѣ, съ представителями Пермской—въ области обычнаго права.

Связь поклоненія домовому съ культомъ предка-родоначальника представляется фактомъ безспорнымъ. Божество, охраняющее домашній очагъ, принято разсматривать какъ духъ того предка, который основалъ этотъ очагъ, былъ его первымъ хозяиномъ. Исходя изъ этого положенія, мы считаемъ возможнымъ выдвинуть положеніе, что *полъ* домового божества опредѣляетъ собою роль, которая въ далекомъ прошломъ принадлежала мужчинѣ или женщинѣ въ семьѣ, собиравшейся впервые около одного огнища: если у извѣстной народности домъ охраняетъ женское божество, мы должны признать, что женщинѣ въ былое время принадлежала у нея главная роль въ семьѣ. У мордвы и черемисъ наблюдается именно такое явленіе—у первыхъ отчетливѣе, ярче, у послѣднихъ блѣднѣе.

Божествомъ, охраняющимъ мордовскій домъ, является Юрт-ава (домовая мать) или Кудь-азыр-ава (домовая хозяйка). Она играетъ выдающуюся роль въ важнѣйшіе моменты жизни мордовской семьи. Благословеніе Юрт-авы испрашивается, когда начинается сватовство (*Майновъ.* Очеркъ юрид. быта морд., 50, 51, 53, 59). Чтобы умилостивить богиню, ей кладутъ подъ порогъ кусокъ хлѣба (озондам-палъ). Юрт-авѣ жениха приноситъ жертву старуха — жрица (Имбаба), когда молодая вступаетъ въ его домъ (ibid. 102). Молитвы Юрт-авѣ возносятся и тогда, когда въ домѣ кто-нибудь умираетъ. Прежде, чѣмъ вынести усопшаго изъ дома, а равно и въ день сорочинъ у эрзи, старшая женщина въ домѣ обращается къ богинѣ и предкамъ съ просьбой о помощи (*Mainoff.* Les restes de la mythologie Mordvine. Journ. de la soc. Finno-Ougr. V, 68).

Намекъ на былую роль женщины при основаніи новой семьи заключается какъ будто и въ современномъ обычаѣ невѣсты при переходѣ въ чужой домъ и прощаньи съ своимъ брать щепотку земли изъ подъ порога—мѣста обитанія Юрт-авы. Молодая женщина приноситъ въ новый домъ щепотку родной земли и ставитъ его подъ покровительство своей Юрт-авы (Оч. юр. б. м., 72). Рядомъ съ богиней, хранительницей жилища, у мордвы, какъ и у лопарей, фигурируютъ стихійныя богини, богини—матери: воды, лѣса, зари, луны, солнца. Всѣ эти богини у обѣихъ народностей являются или матерями или хозяйками, властительницами явленій подобно богинѣ жилища. Въ виду выдающейся роли женскихъ божествъ въ мірозданіи является вполнѣ естественнымъ, что мордовская женщина сохранила до сихъ поръ обломки того жреческаго значенія, которое она имѣла въ пору своего преобладанія въ семьѣ. Въ жизни мордвы не рѣдки случаи, когда женщина только и можетъ выполнять посредническую роль предъ божествомъ. Послѣ первой брачной ночи молодая приноситъ жертву богинѣ воды (Ведын-азыр-ава). Жрицей, возносящей молитву богинѣ, является въ этомъ случаѣ самая старая старуха въ деревнѣ (Оч. ю. б. м., 114). При вступленіи молодой въ домъ мужа жертвоприношеніе Юрт-авѣ и предкамъ совершала въ былое время также жрица Имбаба (ib. 102). Предъ

наступленіемъ родовъ считается необходимымъ принести молитвы банной хозяйкѣ, водяной хозяйкѣ и матери—богинѣ (Ангэ-Патяй). Жрицей является повитуха—вѣдунья (йомз-ава, Les restes de la Myth. 52). Та же йомз-ава поручаетъ новорожденнаго покровительству Юрт-авы (ibid. 54). Въ предѣлахъ дома самая старшая женщина въ домѣ служитъ жрицей Юрт-авы. Она приноситъ ей съ молитвами жертвы всесожженія въ загнѣткѣ печи или зарываетъ въ передній уголъ (*Мельниковъ*. Очерки Мордвы. Рус. В. т. LXXI, 247, 427). Она же является жрицей Ангэ-Патяй во время устраиваемыхъ въ честь ея празднествъ—читаетъ молитвы и приноситъ на загнѣткѣ жертву (ibid. 419). Богинѣ воды приноситъ молитвы за цѣлое общество во время праздника Бабань-кши избранная старуха (Сам. Еп. Вѣд. 1887, № 1, 5).

Воспоминанія о преобладающей роли матери въ семьѣ сохранились и въ тѣхъ правахъ, которыя ей въ исключительныхъ случаяхъ предоставляетъ обычай. Въ пятидесятыхъ годахъ у терюханъ, по словамъ Мельникова, свадебный поѣздъ жениха вела мать въ вѣнцѣ, съ горящей свѣчой въ рукахъ; за ней вторымъ ѣхалъ отецъ (*Майновъ*. Очер. юр. б. м., 98. Симб. Г. В. 1851, № 25). Она-же нарекаетъ невѣсткѣ при ея вступленіи въ домъ новое имя (*Майновъ*, l. c. 84).

Намекомъ на былой матріархатъ является роль брата невѣсты въ свадебномъ обрядѣ. Прощаясь съ родительскимъ домомъ, невѣста обращается къ брату съ слѣдующимъ причетомъ: „Кормилецъ—братецъ! не сердись на меня несчастную!.. Хлѣбъ—соль на столѣ твоя была (ibid. 64)“.

У черемисъ воспоминанія о былой роли матери сохранились исключительно въ вѣрованіяхъ: домовымъ божествомъ ихъ является, какъ и у мордвы, домовая мать (Куд-ава); въ отношеніи стихійныхъ божествъ замѣтно уже колебаніе между женскими—матерями (ава) и мужскими—богами, владыками (онъ, юмо).

Представители Пермской группы, вотяки и комп, сохранили воспоминанія о быломъ матріархатѣ главнымъ образомъ въ юридическихъ понятіяхъ и обычаяхъ. Въ очеркѣ „Вотяки“ мы имѣли уже случай указать на то, что, судя по указаніямъ языка, вотяки нѣкогда знали только

родство по матери (слово *чыжы*, имѣющее одинъ корень съ пермяцкимъ глаголомъ *чужны* — родить, служитъ только для обозначенія родства по матери). Тамъ-же мы отмѣтили и другіе намеки на былой матріархатъ: обычай величать жену именемъ ея матери—воршуднымъ именемъ, обычай Бирскихъ вотяковъ давать дочери имя, похожее на имя матери, догадки вотяковъ, что родовыя (воршудныя) имена идутъ отъ женщинъ — родоначальницъ, преданія Глазовскихъ вотяковъ о женщинахъ—родоначальницахъ и властительницахъ коровъ, роль матери и брата невѣсты въ свадебномъ обрядѣ: ей первой даритъ деньги женихъ (135—140, 150). Въ связи съ былой ролью матери находится безъ сомнѣнія и жреческая роль старшихъ женщинъ у вотяковъ: старшая женщина въ XVIII в. у Уфимскихъ вотяковъ читала молитву и приносила жертву во время весенняго праздника богинѣ Кандык-Мумы; она-же благословляла брачущуюся пару (ib. 162).

У пермяковъ намеками на былой патріархатъ является роль брата въ свадебномъ обрядѣ (невѣста благодаритъ брата, что онъ ее вспоилъ, скормилъ), сохранившееся въ языкѣ воспоминаніе о времени, когда зять поселялся въ домѣ жены (зять обозначается тѣмъ же словомъ, что и пасынокъ; см. наши „Пермяки", стран. 214—215).

Мы оставляемъ внѣ изслѣдованія Угорскую вѣтвь и Западно-финнскую, такъ какъ не имѣемъ относящагося къ вопросу матеріала: вогулы и остяки у насъ изучались главнымъ образомъ со стороны вѣрованій и внѣшняго быта, эсты и собственно финны, можно сказать, совершенно нетронуты русской этнографіей. Данныхъ, которыя мы привели, во всякомъ случаѣ достаточно для того, чтобы прочно поставить вопросъ о матріархатѣ, какъ ступени, чрезъ которую прошла общефиннская семья въ своемъ развитіи.

И. Смирновъ.

ПИЛИГРИМЪ

въ былинахъ и сказкахъ.

Въ русскихъ былинахъ, а отчасти и въ сказкахъ встрѣчается имя Пилигримъ, иногда какъ собственное, иногда какъ нарицательное; иногда въ неиспорченномъ видѣ, иногда искаженное, въ формахъ Пилигримище, Угрюмище, Бѣлогримище и т. п. Это имя связываютъ съ нѣмецкимъ pilgerim (*А. Веселовскій*, Калики перехожія и богомильскіе странники. Вѣст. Евр., 1872, апрѣль, 721) и отождествляютъ съ словомъ пилигримъ, pilgerim; слѣдовательно, это какъ будто то-же, что наша „калика перехожая“.

Дѣйствительно, чаще всего это лицо осмыслено въ видѣ благочестиваго странника, питающагося милостыней, но иногда этотъ смыслъ неясенъ. Напр., Пилигримище въ былинѣ о Васильѣ Буслаевѣ очень мало напоминаетъ такого странника; кромѣ того, это имя иногда въ той же былинѣ искажается въ Угрюмище и, наконецъ, замѣняется Онлронищемъ. Въ сказкѣ, помѣщенной въ „Верхоянскомъ Сборникѣ“ (Иркутскъ, 1890), съ именемъ Пилигримъ не связано ничего, напоминающаго паломника. Что это за отклоненія отъ общаго типа? Есть ли это забвеніе первоначальнаго смысла, происшедшее въ памяти позднѣйшаго сказителя, или темный слѣдъ того, что нѣкогда на мѣстѣ пилигрима стояло нѣчто другое, что приняло настоящій обликъ только подъ позднѣйшими воздѣйствіями?

Предлагаемая статья, которая служитъ продолженіемъ статьи: „Восточныя параллели къ нѣкоторымъ русскимъ сказкамъ“, помѣщенной въ VIII кн. „Этн. Обозр.“, содержитъ въ себѣ сводъ мѣстъ въ русскихъ былинахъ и сказкахъ, въ которыхъ встрѣчается имя Пилигримъ и его версіи. Статья

не претендуетъ на полноту. Цѣль наша болѣе заключается въ томъ, чтобъ набросать только легкій очеркъ усмотрѣнныхъ нами отношеній между русскимъ и степнымъ (ордынскимъ) эпосами.

Эпизодъ, въ которомъ является старецъ Пилигримище въ былинѣ о Васильѣ Буслаевѣ, въ варіантахъ ея излагается въ общихъ чертахъ слѣдующимъ образомъ:

Буслаевъ спитъ въ то время, какъ его дружина бьется съ новгородцами и изнемогаетъ въ борьбѣ. Дѣвочка служаночка будитъ Буслаева. Онъ принимаетъ участіе въ битвѣ; тогда новгородскіе мужики призываютъ на помощь себѣ Пилигримище, крестнаго отца Буслаева (у *Гильфердинга*, стр. 215: старчище Ондровище; стр. 290: Перегримище; 593: Дядька, крестный батюшко; 722: старчище Андронищо; 1241: старичищо Угрюмищо; у *Рыбникова*: старичище Пилигримище, I, 343, 349; старчище Пилигринище, ib., 356; у *Кирѣевскаго*: старчище Игнатьище, II, в. 5, стр. 7, 13; старецъ Пилигримища, стр. 20.

Старецъ прикрылъ свою голову колоколомъ; «навалилъ онъ колоколъ да двѣнадцать пудъ, навалилъ онъ себѣ да на голову» (Гильфердингъ, 290); въ другомъ варіантѣ (ibid., 593) колоколъ сорванъ съ церковной колокольни; въ одномъ случаѣ это „Софеинъ колоколъ“ (ibid., 722) [1]. Василій подноситъ старцу яичко и проситъ взглянуть, что на небѣ дѣется; старецъ опрокидывается и убивается.

Пошли то мужики да новгородчина,
Пошли къ старцúщу, пошли къ Ондрóнищу,
И къ его оцúщу таки крёстному:
„Ай же ты стáрцище, ай же Ондронище!
И уйми-тко ты чадо милое, дитё любимое,
Еще мóлода Василья да Буславьева,
И оставь-ко жужиковъ хоть на сѣмена“.
И пошелъ старцúще, пошелъ Ондрóнище,
И на главѣ-то несе колоколъ,

[1]) Колоколъ и у Кир., II, в. 5, ст. 7 и 13; колоколъ въ 12 пудъ у Рыбн., I, 356; въ 300 пудъ, Кир., II, в. 5, стр. 20; въ 1000 пудъ, Рыбн., 1, 343; колпакъ въ 20 пудъ, Рыбн., I, 349.

Языкомъ подпирается.
Что Василій здогодается:
— Ай же ты старцище, ай же ты Ондронище,
Да мое оцищё таки крестное!
Не дано яицко ти христовское,
Вотъ теби яичко нонь петровское.
И ужь ты взглянь-ко на́ небо,
Что на неби-то дѣется.
И взглянулъ старчи́ще, взглянулъ Ондронище,
И уперъ старчища да подъ ясны очи,
И упалъ старчище да о сыру землю.
Только старцище да вѣдь ёнъ живъ бывалъ (Гильф. 217).

Въ другихъ варіантахъ Буслаевъ бьетъ по колоколу, разбиваетъ его, [1]) потомъ бьетъ по головѣ старца и спихиваетъ его въ рѣку Волховъ или просто въ рѣку (Гильф., 290, 593).

Послѣ неудачнаго вмѣшательства старца, крестнаго отца, укрощать Буслаева приходитъ его мать. Она беретъ его за плечи сзади; Буслаевъ смиряется и хочетъ ѣхать въ Іерусалимъ каяться. Онъ проситъ мать:

Спусти меня молодца въ Еросолимъ-градъ,
Во святую святыню помолитися,
Ко Христову гробу приложитися,
Во Ердань-рѣку окупатися.
Сдѣлалъ я велико прегрѣшеніе,
Прибилъ много мужиковъ новгородскіихъ (Гильф., 726).

По дорогѣ въ Еросолимъ-градъ Буслаевъ заѣзжаетъ на гору Сорочинскую или на Ѳаворъ-гору; тутъ находитъ кость: „кость суха глава“ (Гильф., 217), „пустая голова человѣческая“ (ib., 290), „кость сухоялова“ (ib., 722), „кость богатырская“ (Рыбн., I, 362), „пуста голова, человѣчья кость“ (Кир., II, в. 5, стр. 26). Буслаевъ пинаетъ кость, а она говоритъ: „пойдешь сюды да ты назадъ обратно бы, посмотри ты на меня на безчастну головушку“ (Гильф., 294).

На обратномъ пути изъ Еросолима Буслаевъ опять на той же горѣ Сорочинской, но уже не находитъ кости.

---

[1]) У Рыбн., I, 356: колоколъ разбитъ надвое; у Кир., т. II, в. 5, стр. 7: колоколъ разбитъ въ жеребья.

Гдѣ та голова тутъ лежала-то,
. . . . . . вѣдь стала тутъ гора каменная (Гильф., 294).
Гдѣ лежала кость сухояловa,
Тутъ лежитъ на томъ мѣстѣ синь камень (Гильф., 727).
И ничего-то на горы они да не́ нашли,
Есть только лежитъ на горы бѣлый камешекъ (Гильф., 219).

Увидали, на горѣ лежитъ сѣрые горючіе камешекъ (ib 1187). Въ этомъ же послѣднемъ варіантѣ: «сѣръ угрюмый камешекъ». У Рыбн., I, стр. 362: „бѣлъ и великъ камень" съ надписью, кто перескочитъ, доѣдетъ до „церкви соборнія"; у Кир., II, в. 5, стр. 26: высокій камень, но вмѣстѣ съ нимъ и голова.

Буслаевъ предлагаетъ своей дружинѣ скакать черезъ камень; всѣ перескакиваютъ благополучно, Буслаевъ же ушибается. Въ одномъ варіантѣ дружина скачетъ лицомъ впередъ, а Буслаевъ лицомъ назадъ (Гильф. 295, 1187), или дружина скачетъ поперекъ камня, а Буслаевъ повдоль (ibid., 220, 727).

Камень на Сорочинской горѣ конечно бѣлъ-горючъ камень Голубиной книги и заговоровъ. Буслаевъ убилъ Пилигримище, ѣдетъ каяться, но сердце его все еще недостаточно смирилось и похвальба силою продолжаетъ срываться у богатыря; на горѣ Сорочинской онъ встрѣчаетъ кость, а на обратномъ пути на этомъ мѣстѣ уже лежитъ камень, у котораго и происходитъ смерть Буслаева. На эту смерть можно смотрѣть какъ на кару за богатырскую гордость, за пинанье человѣческой кости, за похвальбу искусствомъ скакать; но можно понять дѣло и иначе: похвальба богатырская это только неосторожность, которая непосредственно ведетъ богатыря къ гибели, только эпическое средство, которое употреблено, чтобы подвести богатыря подъ смерть. Въ дѣйствительности же богатырь приговоренъ къ гибели за смерть Пилигримища. Не самъ ли Пилигримище отмщаетъ себя, принявъ видъ бѣла горюча камня? „Пуста голова человѣческая"—это можетъ быть голова самого Пилигримища. На обратномъ пути Буслаева въ большей части варіантовъ кости уже нѣтъ; какъ будто она превратилась въ гибельный дня него камень. Онъ называется: бѣлый камешокъ, сѣръ угрюмый камень, сѣрый горючій камень. Между двумя формами: бѣлъ—горючій и сѣръ—

угрюмый можно легко вставить среднюю: бѣлъ—угрюмый. Не внушены ли эти имена камня именемъ старца Пилигрима? Если въ этомъ камнѣ дѣйствительно понимался преображенный Пилигримъ, то съ этимъ именемъ, значитъ, соединялось представленіе о предметѣ, находящемся на какой то значительной высотѣ (гора Сорочинская, гора Ѳаворъ).

Эпизодъ о Буслаевѣ, обманомъ заставляющемъ Ондронище обронить колоколъ на землю, напоминаетъ монгольскій разсказъ о Талынъ-Хутулчи (Очерки с.-з. Монг. IV, 243). Талынъ-Хутулчи былъ большой лгунъ: Однажды его встрѣтилъ на дорогѣ человѣкъ, несшій котелъ на головѣ, и сказалъ ему: „Ну-ка, Талынъ-Хутулчи, соври мнѣ что-нибудь"!—„Не до тебя", говоритъ Талынъ-Хутулчи: „все небо горитъ, а ты тутъ съ шутками". Тотъ взглянулъ на небо, уронилъ котелъ на землю и разбилъ его. Къ этому разсказу прибавлено разсказчикомъ поясненіе: „тотъ-же Талынъ-Хутулчи и былъ потомъ Балынъ-Сенге [1])".

Пилигримище является также и въ былинѣ о Михаилѣ Потыкѣ и также рядомъ съ бѣлъ-горючимъ камнемъ. Марья Лебедь бѣлая, жена Михаила Потыка, обращаетъ своего мужа въ камень. Она даетъ ему выпить вина, и когда онъ, пьяный, падаетъ на землю, она бросаетъ его черезъ плечо. Потыкъ обращается въ горючій бѣлый камешекъ (Гильф., 59), бѣлъ или бѣленькій горючій камешекъ (ibid. 276 и 763), бѣлый камешекъ (198). Два названныхъ брата, Илья Муромецъ и Добрыня Никитичъ, идутъ искать Потыка. Приходятъ къ бѣлому камню;

---

1) Подъ именемъ Балынъ-Сенге извѣстенъ монголамъ герой многочисленныхъ разсказовъ въ родѣ нашихъ о хитромъ ворѣ. Въ нѣкоторыхъ варіантахъ онъ называется Андзынъ-Хурумчи (Очерки, IV, 244) Въ монгольскихъ и тибетскихъ сказкахъ этого содержанія иногда встрѣчается тема привязыванія къ столбу. Обманутые братья привязываютъ обманщика къ столбу и уходятъ. Въ это время къ этому мѣсту подгоняетъ стадо горбатый человѣкъ. Обманщикъ увѣряетъ пастуха, что онъ привязанъ къ столбу для того, чтобы выправить спину. Пастухъ вѣритъ, что здѣсь выпрямляютъ горбатыя спины, и они мѣняются мѣстами и ролью. (ibid. 236). Тутъ совершается обманъ, подобный тому, какой въ классическомъ миѳѣ Геркулесъ продѣлываетъ съ Атласомъ. По повѣрью сѣверо-восточной Азіи представленіе о столбѣ или колѣ соединяется съ Полярной звѣздой, которая на разныхъ языкахъ сѣверной Азіи называется желѣзнымъ коломъ или золотымъ коломъ (алтынъ-хатысынъ по-монгольски).

тутъ къ нимъ присоединяется „калика было старая, и старая калика да сѣдатая, хотя сѣдатая калика, да й плѣшатая“, (Гильф., 60), „старая калика сѣдатая, сѣдатая да перехожая“ (200), „дѣдушко“ или „старичокъ“ (276), „старчище пилигримище“, „пилигримище„, „полигримище“ (ibid. 763, 764). Втроемъ доходятъ они до царя Политовскаго, къ которому убѣжала Марья Лебедь бѣлая, получаютъ отъ Марьи милостыню, возвращаются назадъ, и доходятъ опять до бѣлъ-горючаго камня. Тутъ третій товарищъ, незнакомецъ, поднимаетъ этотъ камень и бросаетъ его; камень разваливается и изъ него выходитъ Михайло Потыкъ. Въ одномъ варіантѣ (Гильф., 277) сама Марья говоритъ богатырямъ, гдѣ имъ искать Потыка:

А вашъ то есте братецъ крестовый,
Лежитъ онъ у розстанокъ у крестовскихъ,
А у того креста Леванидова,
А бѣлымъ горючимъ камешкомъ.

Въ варіантѣ былины о Потыкѣ, записанномъ Рыбниковымъ (IV, № 12, стр. 61—62), Леванидовъ крестъ на горѣ Сорочинской-значитъ тамъ же, гдѣ и бѣлъ-горючъ камень былины о Буслаевѣ.

Другая былина разсказываетъ о Потыкѣ, какъ объ атаманѣ сорока каликъ. Во многихъ варіантахъ атаманъ называется, впрочемъ, иначе: Касьянъ Афанасьевичъ, Ѳома Ивановичъ, Михайла Романовичъ и проч. Калики приходятъ на дворъ къ князю Владиміру и просятъ милостыню, подобно тому, какъ въ предыдущей былинѣ три калики просили милостыни у царя Политовскаго. Княгиня Апраксія (Гильф., 409; Апракса Королевична, 569; Абраксина, 875) приглашаетъ атамана на свою перину. Атаманъ отказывается, потому что у каликъ завѣтъ сурово наказывать того, кто увлечется женской красотой. Княгиня подсовываетъ атаману чашу въ подсумокъ. Сначала посылаютъ въ погоню за ушедшими каликами Алешу, но онъ не умѣлъ честно говорить съ ними и былъ ими прогнанъ; догоняетъ ихъ Добрыня, вѣжливо теведъ переговоры, калики обыскиваютъ себя и находятъ чашу у атамана; по каличьему завѣту ему отрубаютъ ноги и руки, выковыриваютъ глаза и закапываютъ въ землю. Но его ис-

цѣляетъ Микола Можайскій (вмѣсто Пилигримища, какъ въ предыдущей былинѣ) и велитъ построить церковь Миколѣ Можайскому.

Закапываніе въ землю за покражу (золотого прикола) мы имѣемъ въ легендѣ, связанной съ однимъ монгольскимъ обрядомъ въ Ордосѣ [1]; одну изъ составныхъ частей этого обряда исполняетъ человѣкъ, которому засыпаютъ ступни ногъ пескомъ и заставляютъ его стоять неподвижно во все время совершенія обряда. Этотъ человѣкъ носитъ особое имя: алтынъ хатысынъ, т. е. золотой колъ; тѣмъ же именемъ называется и Полярная звѣзда. Легенда говоритъ, что у Чингисъ-хана былъ золотой приколъ; онъ былъ украденъ; воръ былъ пойманъ, и Чингисъ-ханъ приказалъ закопать вора по горло въ землю, чтобы онъ служилъ вмѣсто прикола. Съ той поры будто-бы ежегодно казнили такимъ образомъ одного изъ потомковъ этого вора, впослѣдствіи же закапываніе по горло постепенно замѣнилось засыпаніемъ только ногъ.

Разсказы о Потыкѣ, заключенномъ въ камень, и о Потыкѣ, закопанномъ въ землю, протекаютъ настолько параллельно, что ихъ можно принять за разошедшіеся варіанты. Въ обоихъ калики идутъ за милостыней; въ обоихъ есть женщина, являющаяся причиной гибели героя разсказа; въ обоихъ этотъ герой осужденъ на неподвижное положеніе: или заключенъ въ камень или зарытъ въ землю; въ обоихъ онъ освобожденъ отъ заключенія какимъ-то вѣщимъ или святымъ старцемъ (Пилигримомъ, Николой Можайскимъ); наконецъ, въ обоихъ герой называется Потыкомъ. Конечно, наименованіе каличьяго атамана Потыкомъ въ нѣкоторыхъ варіантахъ можно объяснить и произволомъ сказителя, который былъ увлеченъ къ тому параллельностью этихъ разсказовъ; будущее покажетъ, возможно-ли объясненіе и другимъ путемъ, прохожденіемъ этихъ отношеній изъ какихъ-то болѣе древнихъ общихъ представленій.

Мѣсто, гдѣ совершена казнь надъ каличьимъ атаманомъ, не названо. Можно только сказать, что это было на дорогѣ

---

[1] См. „Поминки по Чингисъ-ханѣ“, въ „Извѣстіяхъ И. Р. Г. Общ.“, т. XXI. 1885, вып. 4, стр. 303.

въ Еросолимъ, гдѣ нашелъ также свою смерть Ваилій, Буслаевъ; можетъ быть, мысль былинослагателя при описаніи этого эпизода кружилась около Сорочинской горы и т. п., хотя онъ эти былинныя мѣстности въ былинѣ и не упомянулъ. Калики идутъ въ Еросолимъ каяться въ грѣхахъ такъ-же какъ и Буслаевъ. Они идутъ:

.....ко гробу Господнему да помолитися,
И ко честнымъ мощамъ да причаститися,
И во Ерданъ-рѣки да покупатися,
И во плакунъ-травы да покататися. (Гильф., 875).

Совершаютъ они этотъ подвигъ, чтобы замолить свои грѣхи. Атаманъ, уговаривая ихъ итти въ Еросолимъ, говоритъ:

Ай же вы какъ сильнія могучія вы богатыри!
А предъ Богомъ согрѣшили вы тяжко вѣдь,
Вѣдь убили многихъ буйныхъ головушокъ понапрасно [вѣдь.
А пролили вѣдь крови да горючией.
Ай согласны-ли вы что да я вамъ скажу:
Ай не лучше ли забросить.....
.......ѣздить намъ да по чисту полю,
Ай какъ намъ сходить-то ко граду къ Еросолиму,
Ко святой святыни Богу помолитися,
А во Ердань-рѣки окупнтися,
Въ своихъ грѣхахъ да намъ прощатися? (Гильф., 410).

Тѣ же эпическія фразы говоритъ и Буслаевъ, обращаясь къ матери, какъ мы видѣли выше:

Спусти меня молодца въ Еросолимъ-градъ
Во святую святыню помолитися, и пр.

Сходство, съ какимъ были разработаны былины о Буслаевѣ, Потыкѣ—мужѣ Марьи Лебеди бѣлой и Потыкѣ—каличьемъ атаманѣ, даетъ поводъ догадываться, что въ основѣ всѣхъ ихъ трехъ лежитъ какое-то одно представленіе.

Въ приведенныхъ отрывкахъ и отдѣльныхъ выраженіяхъ форма „пилигримъ“ замѣняется иногда формой „калика“. Остановимся на одной эпической чертѣ, связанной съ этимъ именемъ. Богатырь, если онъ желаетъ быть не узнаннымъ, пріѣхавши къ царскому двору, въ сказкахъ обращается въ шелудиваго заморыша, въ былинахъ переодѣвается каликой, въ нѣкоторыхъ же книжныхъ сказкахъ—пилигримомъ. Такъ,

напр., богатыри, идущіе искать Потыка, одѣваются каликами. Въ былинѣ о семи богатыряхъ они также переодѣваются каликами.

Въ сказкахъ южно-русскихъ тюрковъ богатырь, принимая хилый видъ, перемѣняетъ свое имя на имя Тасъ-таракай (*Radloff*, Prob., I, 44; Оч. с.-з. Монг., IV, 372). Въ своей статьѣ о Гэсэрѣ (Вѣстн. Евр., 1890, сент.) я свелъ съ этимъ именемъ форму „тарханъ“, которая встрѣчается въ сказаніи о Гэсэрѣ (понятая въ значеніи „кузнецъ“). Тарханами или тархатами (*тархатъ* множ. число отъ *тарханъ*) называются, между прочимъ, члены одного сословія въ Ордосѣ. Это родъ наслѣдственнаго религіознаго ордена. Тархаты состоятъ хранителями монгольской святыни Едженъ-хоро, т. е. войлочной юрты, въ которой хранятся останки Чингисъ-хана. Они иногда ѣздятъ по ставкамъ монгольскихъ князей за сборомъ милостыни.

Тасъ-таракай въ одномъ случаѣ является въ связи съ слѣдующимъ сюжетомъ. Богатырь подъ видомъ Тасъ-таракая сопровождаетъ Ай-Кана, идущаго войной противъ Кюнъ-Кана. Приходятъ къ морю, черезъ которое нѣтъ переправы. Тасъ-таракай переносится черезъ море, подслушиваетъ разговоръ Кюнъ-Кана съ его женою и возвращается назадъ. Изъ разговора Тасъ-таракай узналъ, во что обратятся царь и царица, ихъ народъ и скотъ, если Ай-Канъ нападетъ на нихъ. У Гильфердинга есть былина о Каликѣ-богатырѣ, записанная въ двухъ варіантахъ (№ 101 и 207). Калика идетъ къ Пучай—рѣкѣ, видитъ войско, перелетаетъ черезъ рѣку; во главѣ войска сорокъ царей, сорокъ царевичей, а въ серединѣ ихъ турка. Калика допрашиваетъ турку о намѣреніяхъ войска, потомъ возвращается въ Кіевъ и оповѣщаетъ о чужеземномъ войскѣ. Богатыри ѣдутъ противъ войска. Слѣдуетъ битва; на одномъ крылѣ бьется Илья, на другомъ Добрыня, Калика въ серединѣ. Общая черта у этой русской былины съ алтайской: прежде чѣмъ началась битва, богатырь переносится черезъ рѣку или море во вражескій станъ и въ одномъ случаѣ ведетъ съ предводителемъ враговъ разговоръ, въ другомъ подслушиваетъ его рѣчи; къ этой чертѣ присоединяется другая: въ одномъ случаѣ это богатырь, принявшій видъ Тасъ-таракая; въ другомъ, онъ называется Калика-богатырь, а видъ калики бога-

тыри принимаютъ, когда хотятъ скрыть свою богатырскую натуру, что въ тюркскихъ сказкахъ дѣлается посредствомъ обращенія въ тасъ-таракая.

Сорокъ царей, сорокъ царевичей, сорокъ королей, сорокъ королевичей наѣзжаютъ на Кіевъ и по былинѣ о Потыкѣ; они требуютъ выдачи Марьи Лебеди бѣлой. Потыкъ переодѣвается въ женское платье, отправляется въ иностранный станъ и побиваетъ враговъ.

Накрутился Михайло Потыкъ сынъ Ивановичъ
Русскою красавицей
Марьей Лебедь бѣлоей, Подаленкой да королевичной

(Гильф., 196).

„Накрутился“ можетъ быть болѣе, чѣмъ „переодѣлся“. Алтайская сказка объ Оле-Олекчинѣ (Зап. Вост.—Сиб. Отд. И. Р. Геог. Общ. по Этнографіи, т. I, в. 1, стр. 140) представляетъ варіантъ Радловской былины о Тэктэбеѣ (Тасъ-таракаѣ); Оле-Олекчинъ—дѣвица, переодѣтая мужчиной.

Былина о Буслаевѣ представляетъ нѣкоторыя параллели съ былиной о Добрынѣ. Буслаевъ ѣдетъ на Сорочинскую гору; Добрыня также ѣдетъ на Сорочинскую гору (Кир., в. 2, стр. 23; Рыбн., I, 120; Гильф., 471, 560, 744). Буслаевъ переѣзжаетъ черезъ Сорочинскую гору, встрѣчаетъ человѣческую голову (у Аѳан., Нар. русск. ск., 1858, в. I, стр. 52: „морскую пучину, вокругомъ глаза“), вмѣсто которой на обратномъ пути онъ находитъ камень; дружина скачетъ черезъ камень; Буслаевъ тоже скачетъ, но по-особому: или вдоль камня вмѣсто того, чтобы скакать поперекъ, или лицомъ назадъ; очевидно, онъ хотѣлъ похвастаться передъ дружиной своей силой, но онъ гибнетъ жертвой своей похвальбы. Добрыня переѣзжаетъ черезъ Пучай-рѣку (Смородину), сравниваетъ ее съ лужею, и гибнетъ отъ своего хвастовства: когда ему пришлось во второй разъ переѣзжать рѣку, онъ тонетъ въ ней. Дѣвушка-чернавушка предупреждаетъ Буслаева не купаться въ Ердани нагимъ тѣломъ.

Нагимъ тѣломъ въ Ердань-рѣки не куплются.....
А кто куплется, тотъ живъ не бываетъ (Гильф., 722).

То-же предупрежденіе дѣлаютъ и Добрынѣ:

Не куплись ты во матушкѣ Пучай—рѣки (Гильф., 29).

Дѣвицы бѣломойницы говорятъ Добрынѣ:

У насъ не купятся во Пучай-рѣки нагимъ тѣломъ.
У насъ купятся во Пучай-рѣки во рубашечкахъ.
(Гильф., 560).

„Протомойки“, полоскавшія бѣлье на Почаевой рѣкѣ, говорятъ Добрынѣ:

Не купли-тко ты своего тѣла нáгаго
И во этоёй во рѣченькѣ во Почаевой,
Тѣла нáгаго, богатырскаго,
Да купли-тко ты во рубашечкѣ полотняноей (Гильф., 665).

Не можетъ-ли это запрещеніе входить въ рѣку нагимъ тѣломъ поддержать объясненіе, которое А. Н. Веселовскій даетъ одному темному мѣсту въ Греческой поэмѣ Армури (Южно-русскія былины, III—XI, стр. 5). Армури подъѣзжаетъ къ р. Ефрату и ищетъ переѣзда; какой то Саракинъ глумится надъ нимъ: „Саракины на своихъ коняхъ не могутъ черезъ Ефратъ переѣхать, а ты хочешь на своей кляченкѣ“. Разозлился молодецъ, хочетъ переѣхать рѣку, а она-то разлилась, заходила тяжелыми волнами. Ангельскій голосъ вѣщаетъ ему съ высоты: „Воткни свое копье въ корень финиковаго дерева, вложи одежду свою въ тотъ илъ, что впереди, бодни вороного своего, чтобы переѣхать на ту сторону“. „Наставленіе нѣсколько загадочное, либо переводъ слишкомъ подстрочный,“ замѣчаетъ г. Веселовскій и передѣлываетъ текстъ такъ: Ангелъ говоритъ: пришпорь коня, переѣзжай какъ есть, въ одеждѣ, черезъ рѣку, что передъ тобою, метни копьемъ въ финиковое дерево (по ту сторону рѣки). Армури перебирается за Ефратъ и, не давъ „одеждѣ своей высохнуть“, наѣхалъ на Саракина. Кромѣ этого намека на запрещеніе входить въ рѣку безъ одежды, этотъ эпизодъ и еще одной чертой сближается съ былиной о Добрынѣ. Армури спѣшивается, чтобы освѣжиться послѣ битвы, послѣдовавшей вслѣдъ за переправой, а въ это время Саракинъ уводитъ его вороного и уноситъ палицу.

О Добрынѣ разсказывается слѣдующее. Онъ купался въ Пучай-рѣкѣ. Въ это время слуга угналъ его лошадь, увезъ лукъ, саблю, копье, палицу, оставилъ только шляпу земли греческой. (Не потому ли и запрещалось купаться нагимъ тѣломъ, что предвидѣлось лишеніе коня, оружія и платья?)

Послѣ этого бой со зміемъ. Дочь царская унесена змѣей во „Туги горы“. Тамъ она въ пещерахъ была „раскована“,—по объясненію пѣвца „прикована къ стѣнѣ руками врозь“. Добрыня убиваетъ змѣю и освобождаетъ дѣвицу (Гильф., 315—320). Въ другомъ варіантѣ (Гильф., 340) покража коня и оружія у Добрыни приписана Потоку Михайлу Ивановичу; дѣло происходитъ также на Пучай-рѣкѣ.

Г. Веселовскій сближаетъ Армури съ Сауромъ русской былины; сюжетъ послѣдней—бой отца съ сыномъ; конца греческой поэмы не дошло до насъ, но онъ предполагается въ томъ же родѣ. Если мы теперь отъ Саура и Армури возвратимся къ Добрынѣ, а потомъ къ Буслаеву, то можемъ и въ былинѣ о послѣднемъ искать темы боя отца съ сыномъ. Не будетъ ли это эпизодъ съ Пилигримищемъ или Ондронищемъ. Исходъ боя другой; въ былинѣ о Саурѣ—онъ благополучный; въ новгородской былинѣ сынъ убиваетъ отца.

Религіозный оттѣнокъ, которымъ запечатлѣны три разсмотрѣнныя былины о Буслаевѣ и Потыкѣ, выдѣляетъ ихъ изъ остального русскаго эпоса; ихъ объединяетъ или идея о покаяніи, или введеніе въ сюжетъ фигуры перехожихъ каликъ, идущихъ за полученіемъ милостыни. Теперь эти былины, кажется, не входятъ въ репертуаръ каликъ, но въ старое время едва-ли онѣ не принадлежали къ числу распѣваемыхъ ими пьесъ. Въ этихъ былинахъ затрогиваются такъ сказать каличьи темы, иногда былина превращается въ эпизодъ изъ каличьей жизни; благочестивое намѣреніе, руководившее былинослагателемъ, такъ ясно выступаетъ, что едва ли будетъ слишкомъ смѣлымъ предположеніе, если не о зарожденіи этихъ былинъ въ каличьей средѣ, то по крайней мѣрѣ о томъ, что онѣ пѣлись нѣкогда каликами на ряду съ повѣстью о Варлаамѣ и царевичѣ Іоасафѣ. Впослѣдствіи, когда вкусы христіанской толпы измѣнились, и эпическіе пріемы былинъ оказались не соотвѣтствующими благочестивому настроенію новыхъ каликъ, они исключили ихъ изъ своего репертуара и остались при одной повѣсти о Варлаамѣ и царевичѣ Іоасафѣ, болѣе подходящей къ позднѣйшимъ вкусамъ.

Занимающія насъ былины проникнуты общимъ духомъ съ этой повѣстью, какъ будто онѣ зародились на той же бла-

гочестивой почвѣ, какъ и повѣсть. Фабула у нихъ разная, но руководящая идея одна и та же: покаяніе въ грѣхахъ и отреченіе во имя благочестія отъ прежней бурной, бранной, богатырской жизни или отъ жизни, полной удовольствій и обѣщающей въ будущемъ славу. На самомъ построеніи былинъ и повѣсти это отразилось тѣмъ, что концы ихъ одинаковы; и въ былинахъ и въ повѣсти герой кончаетъ обреченіемъ себя на религіозный подвигъ: въ былинахъ—это путешествіе съ цѣлью покаянія и вступленіе въ ряды каликъ, въ повѣсти—вступленіе въ ряды отшельниковъ. И тамъ и тутъ коренная перемѣна образа жизни, вступленіе на совершенно иной путь; эта перемѣна жизненнаго пути въ обоихъ случаяхъ реализирована сходной мелкой подробностью, хотя можетъ быть и безъ органической связи съ темой. Въ повѣсти отшельникъ Варлаамъ приноситъ царевичу Іоасафу продавать драгоцѣнный камень. Ему нѣтъ подобнаго: онъ даруетъ свѣтъ мудрости ослѣпленному въ сердцѣ своемъ, разрѣшаетъ уши глухимъ и языкъ нѣмымъ, даетъ здоровье больному, наставляетъ неразумнаго и прогоняетъ злыхъ духовъ (*А. Н. Веселовскій*, Калики перехожіе и богомильскіе странники" Вѣстн. Евр., апр., 1872, 699).

Въ былинахъ калики обыкновенно

Въ день они идутъ по красному по солнышку,
Ночь идутъ по камешку Антавенту (Гильф., 570, Рыбн., II, 88).

Какой-то самосвѣтный камень служитъ имъ путеводною звѣздою на ихъ пути къ духовному перерожденію [1]).

Въ повѣсти противоположеніе въ жизни героя до и послѣ отреченія выражено чертами менѣе рѣзкими; царевичъ ведетъ жизнь не бурную, проходящую въ пирахъ и битвахъ; онъ живетъ только въ довольствѣ, окруженный женами; дни его проходятъ мирно. Но это можетъ быть только другая версія, возникшая въ монастырскихъ стѣнахъ. Повѣсть могла разсказываться иначе, по другому плану, въ родѣ напр., легенды о царѣ Асокѣ.

[1]) Если объяснять памятники народнаго творчества бытовыми мотивами, то подъ антавентомъ нужно разумѣть Полярную звѣзду. Всѣ караваны Средней Азіи днемъ оріентируются по солнцу, ночью по Полярной звѣздѣ.

Жизнь Асоки дѣлится на два періода; въ первомъ онъ ведетъ себя какъ нечестивый царь, и за это время онъ называется Чанда-Асока; потомъ его нравъ укрощается подъ вліяніемъ Яшасъ; Асока предается благодѣтельной дѣятельности, строитъ чортэны (ступы), покровительствуетъ монахамъ и имя его измѣняется на Дарма-Асоку. Планъ легенды тотъ же,—конечно, только въ самыхъ общихъ чертахъ; разработка частностей другая.

Содержаніе повѣсти извѣстно. Это исторія царевича Сиддарты или Будды, въ которую введенъ эпизодъ объ отшельникѣ, проповѣдующемъ вѣру. Астрологи предсказываютъ новорожденному царевичу Іоасафу необыкновенное величіе, но не земное, а величіе вѣчной жизни. Отецъ царевича огорченъ этимъ. Онъ велѣлъ отдѣлить для царевича городъ и тамъ поселилъ его, приказавъ довѣреннымъ лицамъ охранять его и не допускать, чтобы онъ услышалъ слова смерть, горе, болѣзнь и др. Слѣдуютъ четыре встрѣчи, которыя знакомятъ царевича съ печальной стороной человѣческой жизни и подготовляютъ его къ уразумѣнію истинной вѣры. Тогда является къ нему отшельникъ Варлаамъ подъ видомъ купца, который продаетъ драгоцѣнный камень. Варлаамъ разсказываетъ царевичу рядъ назидательныхъ притчъ. Въ персидскомъ изводѣ, который недавно открытъ г. Ольденбургомъ въ Лондонѣ и о которомъ онъ далъ отчетъ въ Записк. Вост. Отд. И. Р. Археолог. Общ. т. IV, в. III и IV, стр. 229, послѣдняя притча отшельника, который здѣсь называется B-l-v-h-r (Baluhar), есть разсказъ о царскомъ сынѣ, покинувшемъ отцовскій домъ и сдѣлавшемся проповѣдникомъ истинной вѣры. „Притча эта", говоритъ Г. Ольденбургъ, „повторяетъ легенду о Буддѣ и съ многими подробностями, болѣе близкими къ буддійскимъ памятникамъ, чѣмъ исторія самаго Іоасафа".

Введеніемъ этой притчи персидскій компиляторъ заставилъ отшельника разсказывать царевичу Іоасафу сюжетъ, который есть исторія самого царевича. Въ числѣ притчъ разсказанныхъ B-l-v-h-r'омъ, есть одна о царѣ, который первую половину жизни прожилъ въ беззаконіи, а вторую въ благочестіи. Не особая ли и это версія о томъ же Іоасафѣ, представляющая такое же повтореніе, какъ и предыдущая?

F. Hommel (Zur Buddhalegende in Vorderasien und dem christlichen Abendlande. Kreuznach, 1890, стр. 166) принимаетъ эту притчу за новую варіацію старой темы, уже послужившей для изображенія исторіи Будды. Содержаніе притчи слѣдующее: Царь сначала, до 32 лѣтъ, ведетъ себя нечестиво, потомъ, однажды, онъ велитъ устроить роскошный пиръ, чтобы полюбоваться на богатство своего народа. Посмотрѣвъ на толпу, онъ сказалъ: „Я видѣлъ красоту своего народа, посмотрю теперь на свою красоту", и велѣлъ принести себѣ зеркало. Смотря въ зеркало, онъ замѣтилъ въ своей бородѣ сѣдые волосы; это убѣждаетъ его въ суетности этого міра и производитъ въ немъ внутреннее преобразованіе. Онъ хочетъ сдѣлаться отшельникомъ, но его убѣждаютъ остаться на престолѣ; онъ правитъ за тѣмъ благочестиво еще 32 года и царство его благоденствуетъ.

Для исторіи Асоки мы воспользуемся преданіями, которыя сообщаются отчасти у Раджендралалы Митры (Rajendralâla Mitra, Indo - Aryans. Contributions towards the elucidation of their ancient and medieval history, Calcutta, 1881, vol. II, стр. 407—415), отчасти у Даранаты (В. Васильевъ, Буддизмъ, III). Раджендралала Митра заимствуетъ свои извѣстія изъ книги Açoka-avadána. Книга начинается генеалогіей Асоки: переименовываются предки Асоки, въ началѣ которыхъ стоитъ Бимбисара, царь Раджагрихи; во второмъ поколѣніи потомкомъ этого царя былъ Vindusâra, отецъ Асоки, царь Паталипутры. Когда Виндусара уже имѣлъ одного сына Susîma, одинъ брахманъ изъ Champâpuri представилъ Виндусарѣ свою дочь по имени Subhadrângi. Она была необыкновенно красива, и такъ какъ предсказатели сказали, что она будетъ женою великаго царя и матерью великаго монарха, то отецъ и привелъ ее къ царю, дабы исполнилось предсказаніе. Но дѣвица, вслѣдствіе зависти принцессы, была сдѣлана только служанкой. Между другими низкими занятіями ей было приказано научиться брить; ей сказали, что будто чрезъ это искусство она угодитъ царю. Когда она выучилась, принцесса послала ее къ царю *). Дебютъ ее былъ

*). Вѣроятно тѣ, которыя посылались брить царя, кончали неблагополучно, иначе враждебное отношеніе принцессы къ Субардранги не выдержано легендой.

такъ удаченъ, что царь предложилъ ей просить у него милости, какой она хочетъ. Она попросила, чтобъ онъ на ней женился, онъ отказался, такъ какъ она была изъ низкой касты брадобрѣевъ. Тогда она объяснила, что она брадобрѣйкой сдѣлалась по требованію принцессы, что она дочь брахмана и была представлена во дворецъ для того, чтобы сдѣлаться женой царя. Тогда царь сдѣлалъ ее главной царицей, и первое дитя ея былъ Асока. Онъ былъ некрасивъ и за то не пользовался любовью отца. Нравъ его былъ слишкомъ крутой, за что онъ и получилъ прозвище: Чанда—Асока, „Асока жестокій". Съ возрастомъ Асока не укротился, и чтобы отдѣлаться отъ него, его послали усмирять мятежи въ Такшасилѣ. Но здѣсь ему помогли небесныя силы, и мятежъ былъ усмиренъ. Онъ былъ снова призванъ къ Паталипутру; въ это время умираетъ его отецъ; за отсутствіемъ старшаго брата Susâma, Асоку садятъ на престолъ; Сусима возстаетъ противъ своего младшаго брата, но Асока одерживаетъ верхъ; чтобы предупредить народъ отъ возстаній на будущее время, онъ приказалъ министрамъ отрѣзать вершины всѣхъ деревъ въ царскомъ саду съ ихъ цвѣтами и плодами; министры колебались; тогда онъ отрубилъ имъ самимъ головы и, возвратившись въ садъ съ дворцовыми дамами, предался безграничному веселью.

Купецъ Sârthavâha отправился за море съ товарищами; при немъ находился его сынъ Samudra. Послѣ двѣнадцатилѣтнихъ странствій они попали въ руки разбойниковъ; спасся только одинъ Самудра и велъ жизнь буддійскаго нищаго. Однажды Самудра подошелъ къ дому Chandagirika, „жестокаго горца", чтобы попросить милостыню. Чандагирика напалъ на него, но убить не могъ. Когда онъ разсказалъ Асокѣ, царь самъ пришелъ посмотрѣть на чуднаго нищаго и, выслушавъ отъ него его исторію, отрубилъ голову Чандагирикѣ. Это чудо подѣйствовало на умъ Асоки и онъ обратился къ буддизму. По совѣту Yasâs'a, онъ построилъ *чайтія* въ саду Kukkuta и положилъ въ ней нѣкоторыя останки Будды. Онъ воздвигъ также чайтія и другія религіозныя зданія въ Рачаграмѣ, и въ странѣ Nâga; покоривъ Такшасилу, онъ приказалъ построить 3,510,000,000 ступъ. Якши (духи), по

его приказанію, построили десять милліоновъ ступъ на берегахъ океана. За эти услуги народъ переименовалъ его изъ Чанда-Асоки въ Дарма-Асоку, въ „Асоку добраго“.

Это преданіе мы дополнимъ изъ сочиненія Даранаты. Когда Асока усмирилъ мятежниковъ, отецъ, довольный его успѣхомъ, спросилъ, чего онъ желаетъ. Асока попросилъ отдѣлить его, такъ какъ его притѣсняютъ (братья?). Царь отдѣлилъ его, давъ ему 500 слугъ. Асока построилъ городъ, развелъ сады и окружилъ себя женщинами. Потомъ онъ былъ избранъ царемъ помимо шести старшихъ братьевъ отъ другой матери. Шесть братьевъ остались поэтому случаю въ завоеванныхъ ими шести городахъ и не вернулись на родину, гдѣ царствовалъ ихъ младшій братъ. Асока убилъ шесть своихъ братьевъ и овладѣлъ ихъ удѣлами. Ставъ царемъ, Асока воздвигаетъ гоненіе на буддистовъ, почему его назвали Чандала-Асока (свирѣпый Асока). По другому преданію, онъ просто воздвигъ гоненіе на людей. Онъ поставилъ себѣ цѣлью перебить десять тысячъ человѣкъ въ честь бога Ума. Но арья Яшасъ укрощаетъ его.

Въ этихъ сказаніяхъ объ Асокѣ и его предкахъ наше вниманіе между прочимъ останавливается на эпизодѣ о второй женитьбѣ царя Виндусары. Дѣвица Субадранги, приведенная во дворецъ съ цѣлью сдѣлать ее женою царя и, по зависти другой женщины, обреченная на низкую роль служанки, напоминаетъ судьбу царевны Самантабадри въ сказкѣ объ Эрдэни-Харaликѣ, разсказанной нами въ нашей статьѣ: «Восточныя параллели къ нѣкоторымъ русскимъ сказкамъ» (Этнограф. Обозр. кн. VIII), а дальнѣйшее теченіе разсказа, гдѣ Субадранги является брадобрѣйкой, имѣетъ сходство съ сказками о царѣ съ ослиными ушами и съ тибетскимъ сказаніемъ о царѣ Ландармѣ, царѣ съ бычьими рогами. Въ этихъ монгольскихъ и тибетскихъ сказаніяхъ укрощеніе свирѣпаго царя (съ ослиными ушами или съ бычьими рогами) приписывается брадобрѣю, въ монгольскихъ юношѣ, въ тибетскихъ дѣвицѣ. Слово „укрощеніе“, впрочемъ, я употребилъ неправильно; слѣдовало бы сказать „обличеніе“ дикой, нечеловѣческой, демонической натуры царя, потому что герой сказки только раскрываетъ тайну „свирѣпаго царя“.

Въ монгольскихъ разсказахъ раскрытый царь оставляетъ престолъ и убѣгаетъ въ какую-то даль. Въ тибетскомъ находится человѣкъ (по имени Балъ-Дорчжи), который убиваетъ свирѣпаго царя. Эпизодъ объ Субадранги придаетъ преданію о Виндусарѣ видъ сказанія о свирѣпомъ царѣ, укрощенномъ или обличенномъ брадобрѣемъ или брадобрѣйкой. Браминъ отецъ дѣвицы Субадранги, когда велъ ее во дворецъ, уже руководился, по нашему мнѣнію, тайнымъ намѣреніемъ посредствомъ этого брака укротить свирѣпость царя.

Такъ какъ преданія объ Асокѣ и Виндусарѣ, повѣсть о Варлаамѣ и царевичѣ Іоасафѣ, и притча, разсказанная В-l-h-v-r'омъ о царѣ, который половину жизни провелъ въ беззаконіяхъ, а другую благочестиво, всѣ одинаково только версіи одной темы, то несомнѣнно они въ памяти разсказчиковъ должны были сталкиваться и вліять другъ на друга; части одного разсказа могли вноситься въ другой и даже въ одинъ варіантъ могъ вступать цѣликомъ укороченный или упрощенный другой варіантъ, какъ вставочный эпизодъ. Не удастся ли объяснить появленіе въ повѣсти фигуры Варлаама вліяніемъ версій преданія объ Асокѣ? Іоасафъ былъ понятъ, какъ Асока; Варлаамъ заступилъ мѣсто арьи Яшасъ, который укротилъ Асоку, или брамана, отца дѣвицы Субадранги (предполагая въ Виндусарѣ свирѣпаго царя).

Вслѣдъ за разсказомъ объ Асокѣ и въ Асока аведанѣ, и у Даранаты идетъ разсказъ о его сынѣ Куналѣ. Въ Асока-аведанѣ, какъ передаетъ его Раджендралала Митра, начало исторіи Куналы какъ будто повторяетъ исторію его отца Асоки. Онъ также оказался неудобнымъ при дворѣ отца, и дворцовая интрига старается удалить его отъ престола; его посылаютъ усмирать мятежъ въ странѣ Такшасила; Кунала исполняетъ порученіе своего отца съ такимъ же успѣхомъ, какъ нѣкогда самъ Асока. Въ это время царь увидѣлъ во снѣ, будто у принца лицо стало блѣдное и угрюмое; астрологи объяснили ему, что это предсказываетъ либо потерю жизни, либо отреченіе отъ міра и вступленіе въ отшельническую жизнь, либо потерю зрѣнія. Царь былъ огорченъ этимъ и перестаьъ усердно заниматься дѣлами правленія. Одна изъ царицъ, по имени Tiçyarakshitá, мачиха Куналы.

увидѣла въ этомъ прекрасный случай для своего возвышенія и захватила въ свои руки заботы объ управленіи. Она отправила письмо къ Kunjarakarna'ѣ, предводителю усмиренныхъ Куналой мятежниковъ, въ которомъ заключался приказъ лишить принца зрѣнія. Кунджаракарна колебался исполнить приказаніе, но царевичъ узналъ о существованіи царскаго повелѣнія и потребовалъ его исполненія. Юноша былъ ослѣпленъ, надѣлъ на себя платье нищаго и тайно вышелъ изъ Такшасилы. Странствуя, онъ пришелъ въ Паталипутру; однажды ночью онъ укрылся въ стойлѣ царскихъ слоновъ и въ полночь развлекался игрой на флейтѣ. Царь изъ своихъ покоевъ услышалъ звуки и былъ очарованъ ими. Утромъ онъ призвалъ артиста и узналъ въ немъ своего сына. Послѣдовали разъясненія; царь въ припадкѣ гнѣва схватилъ мечъ, чтобы обезглавить коварную царицу, но юноша остановилъ его именемъ Будды и укротилъ его гнѣвъ. Этотъ подвигъ милосердія къ врагу имѣлъ послѣдствіемъ возвращеніе зрѣнія у царевича *).

Въ другихъ версіяхъ жена Асоки, по имени Тишьяракшита, преслѣдуетъ Куналу за то же, за что осердилась княгиня Апракса на атамана сорока каликъ. См. E. Burnouf, Introduction á l'histoire du budhisme indien. Paris. 1844, p. 405. Однажды Tishyarakshitâ, первая изъ женъ Асоки, застала Куналу одного, была поражена его красотой и стала говорить ему: „A la vue de ton regard ravissant, de ton beau corps et de tes yeux charmants, tout mon corps brûle comme la paille desséchée que consume l'incendie d'une forêt“. Послѣ того, какъ Кунала отказался отъ любви, она стала думать только о томъ, какъ бы его погубить. Асока заболѣлъ; Тишьяракшитѣ удалось его вылѣчить; въ награду за это она выпрашиваетъ себѣ позволеніе править государствомъ вмѣсто царя въ теченіе семи дней. Въ это время она отдаетъ приказаніе ослѣпить церевича. Ср. также у Даранаты, стр. 51.

Въ трехъ легендахъ о Биндусарѣ, Асокѣ и Куналѣ мы найдемъ не одну тему изъ тибетскаго сказанія о царяхъ Сронцзанъ-Гамбо и Ландармѣ. За неимѣніемъ здѣсь мѣста

*) Rajendralâla Mitra, Indo-aryans. Calcutta, 1881, стр. 415.

связно разсказать тибетское сказаніе, мы ограничимся однимъ перечнемъ нужныхъ намъ темъ.

Вельможа Гвардамбо приводитъ въ жены для тибетскаго царя китайскую принцессу, которая вѣрующими считается за воплощеніе богини *) Ногонъ-дара-экэ. Но Гвардмабо заподозрѣнъ въ томъ, что онъ хотѣлъ обмануть царя и присвоить невѣсту (для своего сына); за это онъ ослѣпленъ и сосланъ въ страну Амдо. Черезъ нѣсколько поколѣній послѣ Сронцзанъ-Гамбо народился свирѣпый царь Ландарма, къ которому привязана тема о царѣ съ ослиными ушами. Тайну о его нечеловѣческой природѣ открываетъ дѣвушка, которую посылаютъ брить рогатаго царя. Народъ убѣдился, что на престолѣ сидитъ лже-царь; теперь нужно только, чтобъ нашелся смѣльчакъ, который взялся бы убить злого царя. Балъ-Доржи (Салунъ-Дорчжи) убиваетъ царя.

Это сказаніе представляетъ какъ будто перестановку эпизодовъ исторіи Асоки; въ послѣдней злой царь предшествуетъ доброму; въ тибетскомъ сказаніи сначала добрый царь (Сронцзанъ-Гамбо), потомъ злой (Ландарма), при чемъ единоличность исчезла; здѣсь явилось два отдѣльныхъ царя, одинъ добрый, другой злой. Эпизодъ Субадранги, дочери Брахмана, мы уже сопоставили съ дѣвицей, которая была послана брить Ландарму. Часть этого эпизода, какъ будто отошла въ первую половину тибетскаго сказанія. Вельможа Гвардамбо доставляетъ жену тибетскому царю; брахманъ приводитъ свою дочь въ жены царю Виндусарѣ. Съ именемъ Сронцзанъ-Гамбо мотива укрощенія не связано, но вѣяніе его слышно; легенда о китайской принцессѣ есть легенда о введеніи буддизма въ Тибетъ, т. е. о замѣнѣ старой вѣры ученіемъ о милосердіи. Китайская принцесса привезла съ собой въ Тибетъ первыя статуи боговъ и первыя буддійскія книги. Тоже самое приписывается и другой женѣ Сронцзанъ-Гамбо, непальской царевнѣ; которая извѣстна монголамъ подъ именемъ Цаганъ-дара-экэ. Съ именемъ этой послѣдней, какъ увидимъ ниже (въ слѣдующей статьѣ), связывается въ нѣкоторыхъ сказаніяхъ тема объ укрощеніи свирѣпаго царя.

*) Употребляемъ терминъ „богиня“ за неумѣніемъ обойтись безъ него.

Въ предыдущей нашей статьѣ (Этногр. Обозр., кн. VIII) мы говорили объ отношеніи изображеній Цаганъ-дара-экэ къ Гуань-инъ-пусѣ, которая считается воплощеніемъ Арья-Бало. Принимая преданіе о Виндусарѣ за смягченный разсказъ о свирѣпомъ царѣ, укрощенномъ дѣвицей, пришедшей его брить, мы готовы увидѣть въ этой брахманской дочери или въ ея отцѣ брахманѣ бодисатву Арья-Бало. Если предположеніе о томъ, что эпизодъ о Варлаамѣ въ повѣсти о царевичѣ Іоасафѣ заимствованъ изъ сказаній объ укрощенномъ зломъ царѣ, окажется имѣющимъ основаніе, то и въ Варлаамѣ или Балугарѣ можно также предполагать бодисатву Арья-Бало. Роль умиротворителя безчинствующаго царя совершенно совпадаетъ съ характеристикой этого милосерднѣйшаго изъ бодисатвъ.

Притчи, которыя разсказываетъ царевичу Варлаамъ или Балугаръ (Билугаръ), большею частью не соприкасаются съ затронутыми нами темами, но на четырехъ притчахъ мы хотѣли бы остановить вниманіе читателя. Въ нихъ есть, хотя и очень слабые, намеки на нѣкоторыя темы, встрѣчающіяся въ занимающихъ насъ сказаніяхъ. Двѣ притчи обращаютъ насъ къ русскимъ былинамъ и двѣ къ легендамъ объ Арья-Бало.

Въ притчѣ о зломъ царѣ и благочестивомъ совѣтникѣ раскрывается, какъ этотъ совѣтникъ, желая смирить гордость царя и показать ему ничтожную цѣну мірской славы, три раза приноситъ во дворецъ человѣческій черепъ и наступаетъ на него ногой. Эпизодъ разсказанъ совершенно иначе, чѣмъ эпизодъ съ черепомъ (суха голова человѣческая) въ былинѣ о Буслаевѣ, но если не въ томъ же, то по крайней мѣрѣ въ сходномъ моральномъ освѣщеніи; въ обоихъ случаяхъ подкладкой легенды служитъ мысль о покаяніи.

Въ другой притчѣ говорится о царевичѣ, который очутился въ плѣну; его заперли въ домѣ и приказали проходящимъ бросать въ него камнями; братъ царевича, узнавъ объ этомъ, идетъ спасать его; онъ сначала также кидаетъ въ него камнемъ, чтобъ вызвать его крикъ и удостовѣриться въ томъ, живъ ли онъ, потомъ онъ освобождаетъ узника и исцѣляетъ его раны мазями.

Потыкъ, атаманъ сорока каликъ, былъ зарытъ въ землю по оговору царицы Апраксіи за отказъ раздѣлить съ ней ложе. Товарищи отсѣкаютъ ему руки и ноги, тянутъ языкъ, выковыриваютъ глаза и „бьютъ дубовыми клиньями" (Гильф. 572). Приходитъ Микола Можайскій и исцѣляетъ Потыка.

Въ третьей притчѣ содержится разсказъ о ворахъ, которые забрались въ царскую сокровищницу, увидѣли золотой кувшинъ, подумали, что въ немъ скрыто что-нибудь очень цѣнное, и унесли его; но въ немъ были заперты змѣи; когда воры открыли кувшинъ, змѣи пережалили ихъ. Подобный исходъ въ главѣ XI Шиддикура (Этн. Сборн., VI, 57): мошенникъ приноситъ къ себѣ въ домъ запертую корзину; когда онъ отворяетъ ее, изъ нея выходитъ тигръ и растерзываетъ его. Между этими разсказами естъ разница: въ повѣсти воры разсчитываютъ въ закрытомъ кувшинѣ найти драгоцѣнности; въ сказкѣ содержаніе корзины извѣстно мошеннику; въ ней лежитъ дѣвица, которую самъ же онъ и заключилъ туда, чтобы потомъ убить ее. Но умыселъ пріобрѣсть драгоцѣнность неправымъ путемъ есть и въ сказкѣ; мошенникъ хочетъ убить дѣвицу съ цѣлью присвоить себѣ драгоцѣнный камень, приданое этой дѣвицы. Для насъ важно, что въ Шиддикурѣ этотъ эпизодъ поставленъ въ связь съ чудомъ Арья-Бало. Пока мы ограничимся указаніемъ на эту связь: впослѣдствіи намъ прійдется разсказать сказку подробнѣе для другихъ сопоставленій.

Въ четвертой притчѣ какой-то человѣкъ попадаетъ къ гулямъ. Гули, это женщины, которыя дѣлаютъ мужчинъ, попавшихъ къ нимъ, своими мужьями, а потомъ съѣдаютъ ихъ. Узнавъ это, человѣкъ убѣгаетъ отъ гулей; проходившій мимо корабль беретъ его и отвозитъ на родину.

С. Ѳ. Ольденбургъ указалъ мнѣ на существованіе другихъ варіантовъ этого разсказа, гдѣ вмѣсто корабля спасителемъ является конь Bhalâha; это Авалокитешвара для блага людей принялъ форму лошади. Мы приводимъ подлинную замѣтку объ этомъ эпизодѣ, которую намъ доставилъ г. Ольденбургъ:

„Легенда о чудесномъ конѣ Valâha, который переноситъ на себѣ черезъ море въ Индію (Jambudvîpa) людей, потерпѣвшихъ крушеніе вдали отъ родины, довольно распространена въ

буддійской литературѣ. Древнѣйшая пока извѣстная ея редакція находится въ каноническомъ собраніи Джатакъ подъ названіемъ Valâhassa jâtaka (джат. о конѣ Valâha) [1]). Другія редакціи: *вторая*—въ біографіи Будды, извѣстной подъ названіемъ Abhiniṣkramaṇasûtra, разсказъ „О пяти стахъ купцахъ" [2]); *третья*—въ книгѣ, посвященной прославленію Авалокитэшвары: Avalokiteçvaraguṇakâraṇḍavyûha, въ главѣ „Описаніе царя коней (açvarâjavarṇanam) [3]); *четвертая*—въ путешествіи Сюан-Цзана [4]); *пятая*—примыкающая по всей вѣроятности къ 3 й, въ одной исторіи Тибета [5]). Въ нѣсколько сокращенномъ видѣ съ пропускомъ разсказа о томъ, какъ Valâha переносилъ купцовъ черезъ море, легенда находится и въ одномъ изъ старѣйшихъ сборниковъ санскритскихъ буддійскихъ легендъ Divyâvadâna [6]). Другой случай, когда Valâha явился спасителемъ, тоже разсказанъ въ Divyâvadâna [7]).

Семь различныхъ редакцій легенды можно раздѣлить на двѣ группы: I. Съ однимъ эпизодомъ: какъ купцы попали на островъ къ râkṣasî и какъ Valâha спасалъ ихъ. II. Съ двумя эпизодами: къ первому прибавленъ разсказъ о томъ, какъ одна râkṣasî вслѣдъ за главою купцовъ отправилась въ Индію [8]). Къ первой группѣ относятся: 1) Jâtaka, 2) Abhinis-

---

1) По изданію Фаусбёлля № 196. По русски переведена *И. П. Минаевымъ* въ статьѣ „Нѣсколько словъ о буддійскихъ жатакахъ". Ж. М. Н. П. 1872. VI. 201—203.

2) Неизвѣстна пока въ санскритскомъ оригиналѣ; полупереводъ, полупересказъ съ китайскаго перевода въ книгѣ *Beal. S.* The romantic legend of Sâkya Buddha. London. 1875, стр. 332—340.

3) См. Kârandabyûha. Calcutta 1873, стр. 52—59. Краткій пересказъ по распространенной стихотворной редакціи см. Burnouf. E. Introduction à l'histoire du Buddhisme Indien. Paris. 1844. I. 223—224. Другой пересказъ: *Rajendralâla Mitra*, The Sanskrit Buddhist Literature of Nepal. Calcutta, 1882, стр. 96—97.

4) Mémoires sur les contrées occidentales par *Hiouen Thsang*. Trad. par Stanislas Julien. Paris. 1858. II. 131—140 стр. *Beal S.* Buddhist records of the western world. London 1884. II. 240—246.

5) *Wenzel H.* A jâtaka tale from the Tibetan. J. R. A. S. XX. 503—511, и въ XXI.

6) Divyâvadâna ed. Cowell-Neil. Cambridge. 1886. 523—528. Тамъ, гдѣ пропускъ, стоитъ слѣдующая отмѣтка: подробно все должно быть разсказано въ сутрѣ о râksasî.—7) Ib. 119—12. 2

8) Этотъ эпизодъ попалъ въ мусульманскую версію повѣсти о Варлаамѣ и царевичѣ Іоасафѣ. См. Персидскій изводъ повѣсти о Варлаамѣ и Іоасафѣ. Зап. Вост. Отд. Арх. О. IV. 247—248.

kramaṇasûtra, 3) Kâraṇḍavyûha, прозаическая версія, 4) тибетскій текстъ. Ко второй: 1) Divyâvadâna, 2) Kâraṇḍavyûha, стихотворная версія, 3) Сюан-Цзанъ

Легенда въ общихъ чертахъ слѣдующая [1]):

Ѣдутъ купцы торговать и терпятъ крушеніе; попадаютъ они къ поѣдающимъ людей râkṣasî, которые, принявъ на себя видъ прекрасныхъ женщинъ, соблазняютъ ихъ и дѣлаютъ своими мужьями. Глава купцовъ достается на долю царицѣ râkṣasî. Ночью смѣхъ лампы въ спальной возбуждаетъ его любопытство, и онъ отъ лампы узнаетъ, что его жена и жены всѣхъ купцовъ—râkṣasî [2]); потихоньку отъ жены онъ выходитъ и въ южной сторонѣ находитъ желѣзный городъ, откуда раздаются стоны заключенныхъ въ немъ людей. Отъ лампы онъ узнаетъ затѣмъ, что они тоже потерпѣли крушеніе и, попавъ въ руки râkṣasî, были заключены въ этотъ городъ [3]). На вопросъ его, какъ ему и его товарищамъ спастись, лампа отвѣчаетъ: есть на этомъ островѣ на берегу моря царь коней, владыка, по имени Valâha, милосердый ко всѣмъ покинутымъ и несчастнымъ; онъ, наѣвшись цѣлебной травы sarvaçvetâ (вся бѣлая) и покатавшись на золотомъ пескѣ, вытягиваетъ тѣло и, вытянувъ его, кличетъ кличъ: „кто хочетъ перейти черезъ море (трижды)“? Тогда ты скажи: „я, владыка, хочу перейти“.

На слѣдующій день купецъ сообщаетъ товарищамъ все, что узналъ; они отыскиваютъ Valâha, который велитъ имъ сѣсть къ себѣ на спину и не открывать глазъ. Купцы не выдерживаютъ, падаютъ въ воду; и râkṣasî съѣдаютъ ихъ; въ Jambudvîpa попадаетъ только глава купцовъ.

Второй эпизодъ: Râkṣasî упрекаютъ царицу въ томъ, что она выпустила своего мужа, и угрожаютъ съѣсть ее, если она

---

1) Главныя отступленія разныхъ текстовъ отмѣчены; разсказъ по Kâraṇḍavyûha

2) Лампа является только въ Kâraṇḍavyûha, въ другихъ версіяхъ купецъ самъ находитъ желѣзный городъ. Мотивъ говорящей лампы встрѣчается въ легендахъ о Vikramâditya. Preta очень часто изображаются живущими въ желѣзныхъ городахъ.

3) Въ другихъ версіяхъ это сообщаютъ заключенные въ желѣзномъ городѣ.

не приведетъ его назадъ. Она отправляется въ Индію и является къ нему, онъ гонитъ ее прочь; она обращается къ его друзьямъ, родителямъ, выдавая себя за царскую дочь, на которой онъ женился и которую покинулъ. Они убѣждаютъ его взять ее къ себѣ, но онъ отказывается, заявляя, что она râkṣasî. Она идетъ къ царю, который соблазняется ея красотою и предлагаетъ купцу уступить ему его жену. Тотъ убѣждаетъ царя, что она râkṣasî, но царь все таки беретъ ее къ себѣ. Она вмѣстѣ съ другими râkṣasî съѣдаетъ его и всѣхъ жителей дворца. Царемъ избираютъ главу купцовъ.

Подробности о Valâha, который встрѣчается и въ брахманской литературѣ, см. Böhtlingk-Roth. Sanskrit-Wörterbuch, подъ словами *Balâhaka* и *Valâhaka*. Sénart E. Essai sur la légende du Buddha. Paris. 1875, стр. 27—31. Изображеніе его см. Alabaster H. The wheel of the Law. London. 1871, стр. 286".

Г. Ольденбургу, кромѣ этой замѣтки библіографической, я обязанъ также указаніемъ еще на одну легенду объ Авалокитешварѣ, которую съ санскритскаго перевелъ Кауэль (*Cowell.* The Northern buddhist legend of Avalokiteçwara's descent into the hell Avichi—въ The Journal of Philology, vol. VI, p. 222). Легенда эта находится въ той же Карандавьюхѣ, какъ и легенда о конѣ Bhalâha.

Когда Авалокитешвара приблизился къ аду, гдѣ въ котлахъ варились твари, адъ сдѣлался холоднымъ, появились лотусы, какъ колеса и пр. Стража донесла объ этомъ Ямѣ. Яма спрашиваетъ, что это за богъ явился. Или это Махешвара или Нарайяна? Увидѣвъ Авалокитешвару, онъ поклонился ему и прославилъ. Послѣ того Авалокитешвара посѣтилъ preta'евъ и освободилъ ихъ.

Обѣ легенды—объ Авалокитешварѣ, обратившемся въ лошадь и объ Авалокитешварѣ, спустившемся въ адъ,—заключаются въ одной и той же книгѣ Карандавьюха. Точно также обѣ эти темы, хотя и съ нѣкоторымъ отклоненіемъ отъ санскритской редакціи, заключаются въ монгольскомъ духовномъ стихѣ, который я записалъ отъ дурбютскаго хурчи (бандуриста) около озера Убса. Я называю это произведеніе народнаго творчества стихомъ, потому что оно распѣвается. И Карандавьюха написана въ двухъ рецензіяхъ, прозаической

и стихотворной. Содержаніе дурбютскаго стиха такое: у Багма-хатунъ [1]) родился сынъ Аю-бодисатта (т. е. бодисатва), но на третій день онъ исчезъ. Онъ похищенъ Сайнъ-Галбиномъ и заключенъ въ 365 вазъ (бамбу); Багма-хатунъ ищетъ его, оплакивая потерю, но никто не можетъ ей ничего сказать о мѣстѣ нахожденія ея сына. Наконецъ, одинъ знахарь открываетъ мѣсто заточенія Аю; она отправляется къ Саинъ-Гальбину, чтобы наняться къ нему въ служанки. Въ это время Аю самъ разрушаетъ свои узы. Они удаляются вдвоемъ, чтобы поселиться у горы Бодулынъ-ала (т. е. у Поталы). Дорогой они находятъ нищаго ламу, голоднаго, томимаго жаждою. Они счищаютъ съ него пыль и грязь, утоляютъ его жажду и голодъ, и потомъ, поднявъ на свои плечи, относятъ его въ прохладное мѣсто, чтобы его не пекло солнце. Когда они жили у Бодулынъ-алы, однажды около ихъ жилища очутилась лошадь Намчи-хара, съ золотымъ хвостомъ, съ серебряною гривою, привязанная къ золотой веревкѣ. Аю поймалъ лошадь, отправился на ней въ адъ Ерлика, и опросталъ его. Сынъ Ерлика обратился къ отцу съ вопросомъ, почему это прежде три ада въ день наполнялись, а теперь три ада въ день опрастываются.

Вышелъ Ерликъ, увидѣлъ серебряный и золотой хиты, построенные Багма-Хатуной и ея сыномъ, поклонился ей. Сынъ Ерлика укралъ у Аю лошадь Намчи-хара и заперъ ее въ горячій адъ, но она внесла въ него двѣнадцать прохладъ; онъ заперъ ее въ студеный адъ, она внесла двѣнадцать теп-

[1]). Багма-хатунъ вѣроятно есть Дорджи-Багмо, женщина гегенъ, резиденція которой находится въ монастырѣ на островѣ или полуостровѣ Palte или Yamdok въ Цзанѣ, т. е. въ самой южной провинціи Тибета. См. *Ritter*, Erdkunde, III, 229. Озеро это замѣчательно своимъ кольчатымъ очертаніемъ. Имя этой женщины-гегена Дордже-пагмо (Magnae renatae Lhamissae Turcepamo y Георги) переводится „священная мать свинья". Во время неурядицъ конца XVII вѣка, возбужденныхъ въ Тибетѣ Teba sandza'ой, она приняла видъ священной матери свиньи (phag) и спаслась въ Цзанъ, откуда и ея имя. Въ китайской географіи о Дорджи-Багмо сказано, что она считается воплощеніемъ Большой Медвѣдицы (eine incarnation des Genius des grossen Bären). Въ послѣднее время резиденцію этой женщины-гегена посѣтилъ въ 1887 г. путешественникъ индіецъ Babu Sarat Chandra Das. Онъ называетъ ее Dorje Pàgmo, и переводитъ это имя. „свинья съ громовой стрѣлой". (The Contemporary Review, july, 1890 p. 74. London)

лотъ; онъ заперъ ее въ мрачный адъ, но она выпустила всѣхъ грѣшниковъ и стала у дверей Галдынъ-тенгри. Дочь послѣдняго, Зандынъ-дагне, увидѣла лошадь и захотѣла ее поймать. Ея проводникъ Янсынъ-Улакчинъ, по приказанію дагне, хочетъ изловить лошадь, но она сама запуталась въ своей серебряной гривѣ. Дагне сѣла на нее; лошадь увезла ее къ Аю, который на ней и женился. Однажды утромъ Аю замѣчаетъ, что лошади Намчи-хара нѣтъ; а на крышѣ хита онъ замѣтилъ Бурхана-бакши [1]), сидящаго среди трехъ тысячъ ламъ. Богъ сказалъ Аю-бодисаттѣ: „Помните ли, какъ вы съ матерью нашли дорогой голоднаго ламу, сняли съ него грязь, напоили и накормили его и отнесли въ прохладное мѣсто? Это былъ я. Обратившись въ лошадь, я отплатилъ вамъ“. (Очерки, IV, 310—319).

Изъ сопоставленія этого монгольскаго стиха съ Карандавьюхой выходитъ, что Аю есть Авалокитешвара (Арья-Бало); Аю, подобно Авалокитешварѣ, спускается въ адъ; здѣсь также есть и богъ, обратившійся для исполненія дѣла милосердія въ лошадь, хотя это не Аю, а Бурханъ-бакши, т. е. самъ Будда. Пріуроченное мѣстожительство Аю у горы Бодулынъ-алы, т. е. у Поталы, также говоритъ за отождествленіе Аю съ Арья-Бало. Какъ мнѣ сообщилъ г. Ольденбургъ, Карандавьюха не заключаетъ въ себѣ, кромѣ приведенныхъ выше, другихъ легендъ; притомъ, эпизодъ о лошади въ Карандавьюхѣ не совсѣмъ соотвѣтствуетъ параллельному эпизоду въ монгольскомъ стихѣ; изъ этого надо заключить, что стихъ объ Аю не происходитъ отъ Карандавьюхи, а идетъ изъ другого общаго съ нею источника.

Въ монгольскомъ народѣ и теперь можно слышать разсказы о странѣ, лежащей на отдаленномъ западѣ и населенной людоѣдами. Эти людоѣды называются Нохой-эртэнъ (Очерки IV, 322) или Нохой-иритъ. Мужчины этого народа имѣютъ видъ собакъ, но у женщинъ человѣческій образъ; нохой-иритей по монгольски: „имѣющія собакъ мужьями“. Въ моихъ „Очеркахъ“ помѣщенъ разсказъ, какъ одинъ человѣкъ попалъ къ этимъ людоѣдамъ, жилъ съ одной изъ ихъ женщинъ, а потомъ

[1]) Бурханъ-бакши—Будда.

сбѣжалъ. Сходные разсказы живутъ въ южной Россіи о народѣ волохахъ, живущемъ гдѣ-то далеко за моремъ, народѣ страшномъ и непохожемъ на обыкновенныхъ людей: эти волохи живутъ въ норахъ, они „волохатые", т. е. обросшіе шерстью. Одинъ разсказъ о попавшемъ къ нимъ человѣкѣ передается такъ: одинъ казакъ поплылъ по морю и попалъ на островъ, гдѣ жили волохи; женщина волошка спасла его и запрятала въ землянную нору, гдѣ сама жила. У нея отъ казака родился ребенокъ, который былъ на половину въ отца, на половину въ мать; одна половина его была покрыта шерстью, другая была бѣлая, безъ шерсти. Однажды казакъ увидѣлъ корабль и началъ махать; корабельщики пристали къ острову и взяли его на корабль. Его жена бросилась на берегъ и увидя, что супруга болѣе нѣтъ, растерзала своего ребенка: половину его тѣла, похожую на себя, зарыла въ землю, другую бросила въ море и сама затѣмъ утопилась [1]).

Всѣ эти разсказы повидимому не договариваютъ до конца; герой разсказа вѣроятно возвращался не съ пустыми руками, а съ похищенной у ракшасы драгоцѣнностью. Тибетскій разсказъ, переведенный Г. Венцелемъ кончается такъ: конь Bhalâha говоритъ купцамъ, что они, сѣвши на него, не должны смотрѣть на оставляемый островъ и жалѣть дѣтей, прижитыхъ съ ракшасами. Но купцы не выдержали; ракшасы, замѣтивъ ихъ бѣгство, прибѣжали и показали имъ своихъ дѣтей; купцы взглянули и попадали внизъ. Одинъ только старшій купецъ просидѣлъ, закрывъ глаза, и былъ отнесенъ на родину; остальные погибли.

Тутъ мы имѣемъ мотивъ, который встрѣчается въ разсказахъ о добываніи драгоцѣнныхъ предметовъ, и увозѣ дѣвицъ. Увозимой дѣвицѣ вмѣняется въ обязанность не оглядываться на оставляемую родину. Въ записанномъ мною, но еще не напечатанномъ тибетскомъ разсказѣ тибетскій вельможа запрещаетъ китайской принцессѣ, которую онъ везетъ въ жены своему царю, останавливаться на перевалѣ и оглядываться на покидаемую родину. Въ тибетскомъ варіантѣ о

1) Въ рус. былинахъ подобный эпизодъ связанъ съ сюжетомъ боя отца (Ильи) съ сыномъ. См. «Этногр. Обозр.» V, 257 (Срв. о боѣ отца съ сыномъ «Э. О.» V, 116—129 и II, 7 слѣд.). „Волохатые" люди, см. „Э. О." VII, 266.

Гэсэрѣ отецъ будущей матери Гэсэра проклинаетъ свою дочь за то, что она съ перевала не оглянулась назадъ въ сторону, гдѣ ея родители. Въ киргизской (*Radloff*, Proben, IV, 449) увозимая невѣста по просьбѣ отца до двухъ разъ оглядывается, и всякій разъ часть скота, взятая ею изъ родительскаго дома, возвращается къ родителямъ. Въ алтайской (Очерки, IV, 429) конь совѣтуетъ богатырю, везущему отъ Ерликъ-хана джиракы (винокуренный снарядъ), ѣхать, зажмуривъ глаза.

Въ „Бѣлорусскомъ Сборникѣ" Романова (Витебскъ, 1887 в. III, стр. 205) Дикій Бурьма добываетъ костыль, панахвиду и царскую корону. Товарищи оставляютъ его соннаго, а три вещи (гурбан-эрдэни?) увозятъ. Онъ живетъ у какой-то женщины, приживаетъ съ ней дѣвочку и мальчика и уплываетъ въ торокѣ (лодкѣ); женщина разрываетъ дѣвочку [1]) и бросаетъ ему въ торокъ, и торокъ тонетъ; Дикій Бурьма спихиваетъ дѣвочку въ воду, и торокъ поднимается вверхъ [2]). И такъ происходитъ до трехъ разъ. Далѣе идетъ эпизодъ о томъ, какъ Бурьма попалъ къ Дѣду Шкуропету съ однимъ окомъ; Бурьма заливаетъ его смолой. У Добровольскаго въ „Смоленскомъ Сборникѣ" (Спб. 1891, ч. 1 стр. 150), Өедоръ Барма пьяница похитилъ „скипитръ-диржаву" изъ змѣинаго города, кругомъ котораго лежитъ змѣй, голова и хвостъ вмѣстѣ. На обратномъ пути Барма обобранъ товарищами и попадаетъ къ Козьмѣ Кривому. Барма заливаетъ у него послѣдній глазъ и спасается тѣмъ, что ухватился за брюхо козла. Козьма, осердившись, выбросилъ козла за стѣну, а съ нимъ и Барму [3]).

Эпизодъ о великанѣ, въ пещерѣ котораго очутился похититель вещей изъ змѣинаго города, не возвратилъ-ли насъ опять къ Пилигриму?

---

1) Разрываніе сына на двѣ части совершаетъ въ монгольско-бурятскомъ сказаніи жена Гэсэра.

2) Сходные мотивы перечислены въ Очеркахъ, IV, 848.

3) Объ одноглазѣ см. Эти. Об. IV, 25—43, 94—5; VI, 236.—Эпизодъ о пальцѣ Бармы, который прилипъ и который онъ отрубаетъ ср. въ монгольскомъ сказаніи съ нижней частью статуи, которая прилипла къ скалѣ и которую Абатай отрубаетъ (Оч. IV, 383 и слѣд.) и въ урянхайской съ пальцемъ Колду-Бурхана, который отрубаетъ Эртэне—Мергенъ (Оч., IV, 424).

Разсказы о великанахъ (иногда слѣпыхъ), которые выжимаютъ изъ камней сокъ, раскаленную палицу принимаютъ за протянутую руку, нынѣшнихъ людей, пашущихъ пашню, принимаютъ за червяковъ и т. п., — записаны у русскихъ, у кавказскихъ горцевъ, у тюрковъ сѣверной Монголіи и у Румынъ (uriasa). [См. Сборникъ матеріаловъ для описанія мѣстн. и пл. Кавказа, VII, стр. 90 (о св. Симонѣ), 16; наши Очерки, IV, 225; Магнитскій, Матер. о стар. чуваш. вѣрѣ, Казань, 1881, стр. 251].

Въ одномъ русскомъ сказаніи Илья Муромецъ идетъ къ слѣпому Старчищу-многолѣтищу Билогремищу, иначе Старчищу-Дивищу, который носилъ вмѣсто шишака колоколъ въ триста пудовъ. Старчище проситъ руку, Илья подаетъ ему раскаленную мѣдную палицу. (Записано Д. Минаевымъ, напечатано сначала въ „Библ. для чтенія“, 1864 № 9, потомъ приведено Л. Майковымъ въ Ж. М. Н. П., 1868, май, стр. 624).

Недавно напечатаны двѣ русскія сказки, въ которыхъ является имя Пилигримъ или Палугримъ, одна изъ Верхоянскаго округа Якутской области (Зап. Вост. Сиб. Отдѣла И. Р. Геор. Об. по этн., т. I, в. 3, стр. 268), другая изъ Смоленской губ., (*Добровольскій*, Смоленскій этнограф. сборникъ, Спб. 1891, ч. I, стр. 455). Содержаніе ихъ не сходно.

Въ смоленской сказкѣ главное лицо царевичъ Игръ (Игръ Игравичъ). Онъ одинъ изъ трехъ братьевъ. Братья поочередно пробуютъ съѣздить въ чужую землю, но на границѣ царства на дубу сидитъ старикъ Палугримъ или Полугримъ. За непочтительное обращеніе Палугримъ стегаетъ кнутомъ двухъ старшихъ братьевъ, такъ что они возвращаются домой сконфуженные. Младшему Игру Палугримъ даетъ коня, на которомъ Игръ доѣзжаетъ до Ирины, дочери муромскаго царя. На пути къ Иринѣ Игръ проѣзжаетъ поочередно мимо трехъ дѣвицъ, которыя даютъ ему на смѣну лошадей. Пріѣхавъ къ цѣли поѣздки, онъ входитъ въ шатеръ къ спящей Иринѣ. Проснувшись, Ирина гонится за нимъ. Убѣгая, Игръ опять проѣзжаетъ мимо трехъ дѣвицъ; одна даетъ ему щетку, которая потомъ превращается въ мхи и болота, другая—гребень, превращающійся въ лѣсъ, третья—хустку, превращаю-

щуюся въ море. Игръ благополучно возвращается къ Палугриму.

Въ томъ же сборникѣ помѣщенъ другой варіантъ сказки объ Игрѣ. Три царевича поочередно объѣзжаютъ царство: кто объѣдетъ, тотъ будетъ царь. Удается объѣхать только младшему брату Игру. Этотъ Игръ получаетъ указаніе, гдѣ ему взять коня, но не отъ Ивашки, сѣрой сирымяжки, который тутъ появляется, а отъ встрѣтившагося человѣка; Игръ самъ ловитъ коня, когда онъ прибѣжалъ къ криницѣ пить. На этомъ конѣ ѣдетъ онъ въ Царь-Горыдъ. Дорогой проѣзжаетъ поочередно мимо трехъ дѣвицъ, которыя даютъ ему лошадей на смѣну и совѣтъ—взять въ Царь-Горыдѣ живой и мертвой воды. Въ Царь-Горыдѣ онъ находитъ спящую дѣвицу; онъ оставляетъ у ней на груди надпись: „былъ чужеземецъ“. Садится на коня, конь не можетъ его поднять, падаетъ; Игръ отяжелѣлъ. Конь заставляетъ его мыться. Отъ мытья Игръ сталъ легче, но все-таки не какъ слѣдуетъ. Перескакивая черезъ стѣну, конь зацѣпилъ за струну. По всему Царь-Граду и пошла тревога; дѣвица пробудилась, схватила огненный щитъ, который за двѣнадцать верстъ печетъ, и гонится за Игромъ. Игръ махнулъ полотенцемъ, даннымъ ему одной изъ трехъ придорожныхъ дѣвицъ, явилась рѣка; гонящаяся дѣвица махнула, явился мостъ черезъ рѣку. Игръ переѣхалъ по мосту, дѣвица не могла, потому что она поѣхала, не омывшись [1]). Игръ вернулся въ свое царство и

[1]) Въ предъидущемъ варіантѣ спасительное море является отъ взмаха хусткой, который сдѣлалъ самъ Игръ. Ср. съ этой темой легенду о рѣкѣ Орхонѣ: рѣка пропускаетъ однихъ и увеличивается и губитъ, когда черезъ нее пошли другіе; (Живая Старина, 1891, в. III, стр. 238). Олеты (потомки Цороса, слѣдовательно могли бы назваться и цоросами) совершили нашествіе на долину Орхона и напали на монастырь Эрдэни-цзу. Въ рукахъ ихъ предводителя какое-то орудіе, отъ вращенія котораго происходитъ моръ въ чужомъ войскѣ (Очерки, IV, 410). Мнѣ кажется, это орудіе было въ рукахъ осажденныхъ. Въ преданіи объ одномъ городѣ, лежащемъ въ развалинахъ въ долинѣ Желтой рѣки, въ рукахъ царицы осажденнаго города знамя, отъ вращенія котораго происходитъ моръ въ лагерѣ осаждающихъ. Эта царевна, кажется, никто иной, какъ Дара-экэ или Арья-Бало; преданіе приписываетъ осаду Чингисъ-хану, и потому осажденная царица, вѣроятно, есть та самая женщина, которой легенды приписываютъ смерть Чингисъ-хана, то есть жена царя Шидургу, принимаемая за воплощеніе Цаганъ-Дара-экэ (богини Лхамо или Арья-Бало). Арья-Бало или Гуань-инь-пуса счи-

заснулъ подъ деревомъ. Здѣсь увидѣли его братья и столкнули въ подземное царство. Здѣсь онъ нашелъ мечъ царя Чалубея. Слышитъ онъ, что въ одной сторонѣ плачутъ, въ другой смѣются. Онъ идетъ туда, гдѣ плачутъ. Царевна обречена на съѣденіе Чудѣ. Онъ засыпаетъ, пробуждается отъ горячей слезы царевны и убиваетъ Чуду; головы его прячетъ подъ камень. Ванька водовозъ бросаетъ соннаго Игра въ воду и присвоиваетъ себѣ его подвигъ; но царевна вынеюдила тѣло Игра, нашла на немъ пузырьки съ живой и мертвой водой и оживила его.

Въ этой сказкѣ можно указать на слѣдующія параллели съ монголо-тибетскимъ сказаніемъ о Гэсэрѣ. Въ послѣдней также три брата царевича пробуютъ объѣхать царство, но удается это только одному изъ нихъ, именно Гэсэру. Въ монголо-тибетскомъ сказаніи о Гэсэрѣ также есть разсказъ о ловлѣ коня у ключа во время водопоя. Бурятскій варіантъ даетъ Гэсэру трехъ небесныхъ сестеръ, которыя иногда выручаютъ его изъ бѣды. Спящей царевнѣ Иринѣ будетъ соотвѣтствовать небесная мать Гэсэра; онъ опаиваетъ ее виномъ и во время ея сна похищаетъ драгоцѣнности (эрдэни). Въ Смоленской сказкѣ предметы, одаренные таинственными свойствами, получаются отъ трехъ дѣвицъ, встрѣченныхъ на дорогѣ—это щетка, гребень, хустка. Эрдэни избавляютъ Гэсэра отъ погибели; одно эрдэни спасаетъ его, когда онъ брошенъ въ огненный адъ, другое, когда онъ брошенъ въ яму со змѣями и т. п. И въ смоленской сказкѣ подарки дѣвицъ имѣютъ подобное же спасительное значеніе.

тается китайцами властительницей моря; ей китайцы молятся о дарованіи дождя. Она нѣкогда укротила Лунъ-вака, царя водъ, и онъ теперь подчиняется ея волѣ. Во время засухъ китайцы совершаютъ процессіи въ кумирни, построенныя въ честь этой богини, и опускаютъ въ источникъ конецъ шелковой нити. Вѣрятъ, что послѣ этого будутъ дожди. Можетъ быть въ Орхонской легендѣ утратилась подробность; царица-богиня (Эрдэни-цзу) произвела губительный для напавшихъ варваровъ разливъ рѣки Орхона, опустивъ въ рѣку хадакъ (шелковое полотенце). Ср. съ повѣрьями о камнѣ джада, сата, который вызываетъ дождь. Если его опустить въ рѣку, можетъ произойти галапъ, всемірный потопъ. Ср. у Садовникова, Сказки и преданія Самарскаго края, № 12: „Морская есть за тридевять богородица;“ когда морская богородица въ воду уходитъ — ясно, когда наружу — пасмурно. Въ одномъ сибирскомъ заговорѣ (газета „Сибирь“, 1883, № 27, стр. 7): „богородица сама Климонша папы римскаго“.

Появленіе рѣки отъ взмаха полотенцемъ ср. съ появленіемъ на небѣ Млечнаго пути отъ молока, брошеннаго матерью Гэсэра, послѣ того, какъ онъ похитилъ ея драгоцѣнности. (Записки Вост.-сиб. Отд. И. Р. Геогр. Общ. по этн., т. I, в. I, стр. 127).

Верхоянская сказка разсказываетъ о Пилигримѣ совсѣмъ не то, что Смоленская. Верхоянскій Пилигримъ въ „Смолен. сборникѣ" является подъ именемъ Дивнаго старика. Въ вологодскомъ собраніи сказокъ г. Иваницкаго (Сборникъ свѣдѣній для изученія быта крестьянскаго населенія Россіи вып. II. Труды Этн. Отд. И. О. Люб. Ест., Антр. и Этн. т. XI. Москва, 1890, стр. 175) онъ называется Дивій мужъ. Дивный старикъ сидитъ въ столбѣ; въ верхоянской сказкѣ Пилигримъ сидитъ въ тюрьмѣ: царь держитъ его въ видѣ диковинки, потому что онъ во-первыхъ золотой, а во-вторыхъ обладаетъ особеннымъ даромъ рѣчи. Случайно въ тюрьму залетаетъ стрѣла царевича, который забавлялся стрѣльбой. Пилигримъ соглашается подать царевичу стрѣлу, только подъ условіемъ освобожденія изъ тюрьмы. Царевичъ отворяетъ тюрьму; заточенный удаляется. Царь въ гнѣвѣ изгоняетъ сына изъ царства, давъ ему въ товарищи сына водовоза. Дорогой Ванька водовозъ заставилъ царевича обмѣняться съ нимъ своимъ званіемъ; они приходятъ въ царство (въ смоленскомъ варіантѣ) царя Димьяна, царевичъ подъ видомъ Ваньки водовоза, а Ванька-водовозъ подъ видомъ царевича. На этой службѣ съ царевичемъ творятся бѣды, но всякій разъ его выручаетъ Пилигримъ (или Дивный старикъ). Онъ всякій разъ сначала уноситъ царевича въ свое жилище, гдѣ царевичъ получаетъ какой-нибудь подарокъ; потомъ Пилигримъ заставляетъ его выпить напитокъ, послѣ котораго у царевича всякій разъ прибываютъ силы. Подарки служатъ поводомъ къ знакомству царевича съ дочерью царя, но за нее сватается другой, въ Смоленской сказкѣ царевичъ Лукаперъ. Царевичъ убиваетъ этого претендента, но Ванька водовозъ присвоиваетъ эту побѣду себѣ. Кончается разоблаченіемъ [1]).

[1]) У Аѳан., Р. Н. Ск., 1861 г., в. 5, № 37 и 38. Вмѣсто Пилигрима въ № 37: Никаноръ-богатырь; въ варіантахъ къ этому номеру: Чудище, Вихоръ Вих-

Пилигримъ или Палугримъ сказокъ ничѣмъ не напоминаетъ пилигрима въ смыслѣ паломника. Это какое-то сказочное существо, карликъ съ длинной бородой, существо, живущее на дубѣ, летающее по воздуху, способное носить на себѣ человѣка. Изгнаніе изъ отечества, коварство товарища по изгнанію, обмѣнъ именами и званіями, обращеніе царевича въ конюха, и наконецъ обличеніе коварнаго товарища – все это сближаетъ эту сказку съ переданными нами въ „Этногр. Обозр.“ кн. VIII, стр. 141—6, сказками объ Эрдэни-Харалнкѣ и Егъ-таму-нцо, т. е. объ Арья-Бало. Летающій по воздуху Пилигримъ съ другой стороны напоминаетъ намъ коня Bhalâha'у, т. е. опять таки того же Арья-Бало (Авалокитешвару). Пилигримъ носитъ царевича по воздуху и оказываетъ ему услуги за то, что царевичъ освободилъ его, Пилигрима, изъ тюрьмы. Въ сказаніи объ Аю-бодисатвѣ Бурханъ-бакши (это можетъ быть имя Авалокитешвары, а не Будды, какъ обыкновенно монголы толкуютъ), воплотившись въ тѣло коня, оказываетъ бодисатвѣ услуги за то, что онъ и мать его напоили и накормили его, омыли и отнесли въ прохладное мѣсто, когда онъ лежалъ въ пустынѣ голодный и жаждущій, покрытый пылью и мучимый солнечнымъ зноемъ.

Въ этомъ дюрбютскомъ сказаніи летающему Пилигриму будетъ соотвѣтствовать Бурханъ-бакши, воплощенный въ коня; царевичу—Аю-бодисатва. Мотивъ заточенія есть и здѣсь, но только заточникомъ является не Бурханъ-бакши, какъ вытекаетъ изъ сопоставленія, а персонажъ, соотвѣтствующій царевичу. Аю-бодисатва заточенъ въ 365 вазъ; онъ изъ нихъ самъ освобождается. Въ былинѣ о Потокѣ также есть мотивъ заточенія; заточникомъ является Потокъ, а Пилигримъ его освободителемъ [1]).

рёвичъ, Кощей сѣдой старичекъ, самъ съ ноготокъ, борода съ локотокъ; въ № 38: мосенжны (желто-мѣдный) дзядокъ.

[1]) Принудительный обмѣнъ званіями срв. во французской сказкѣ у Cosquin'a, Contes popul. de Lorraine, Paris, vol. I, p. 32; сказка называется Le roi d'Angleterre et son filleul. Коскенъ говоритъ, что въ главныхъ своихъ частяхъ эта сказка связана съ темой о дѣвицѣ съ золотыми волосами и о живой и мертвой водѣ; онъ отсылаетъ читателя къ примѣчаніямъ къ № 73, La Belle aux cheveux d'or (vol. II). Содержаніе послѣдней: къ человѣку, у котораго родился сынъ, никто

Въ формахъ Пилигримъ или Палугримъ нужно видѣть древній, до-христіанскій терминъ. Если это западно-христіанскій терминъ, то разнообразіе формъ, въ которомъ онъ является (Пилигримъ, Полугримъ Палугримъ, Билогрчмище), можно еще объяснить порчей слова, непонятнаго сказителямъ, но едва ли этой же порчей можно истолковать разложеніе этого термина на два члена: *пили* и *гримъ*(Угрюмище). Мы объяснили бы это такъ: русскимъ фольклоромъ былъ усвоенъ варварскій двусложный терминъ *пили-ґримъ*, члены котораго являлись въ разсказѣ то спаренными, то отдѣльно; спариваться они могли различно, то этотъ членъ впереди, то тотъ; когда они являлись разъединенными, одинъ изъ членовъ могъ спариваться съ какой нибудь третьей формой. Въ нашемъ эпосѣ это имя распадалось на два члена *пили* и *гримъ*. Это видно изъ того, что вмѣсто Пилигримище въ былинѣ о Буслаевѣ является Угрюмище, а также членъ *пили* спаривается не съ *ґримъ*, а съ другимъ членомъ: *Бѣло*-яндрихъ. Есть также „белица, змѣиныя крыльца,“ Тугаринъ Белевичъ вмѣсто змѣевичъ. Въ одномъ случаѣ сынъ Ильи Муромца, дерущійся съ отцомъ, носитъ имя Бѣлъ-Борисъ Козловъ (Кир., I, № 4, стр. 6—7); въ другомъ Аполонище; въ третьемъ Васька (Буслаевъ?), сынъ Сиверьяничны.

Примыкая къ обще-принятому толкованію, что нашъ Пилигримъ есть западный терминъ, усвоенный нашимъ эпосомъ

нейдетъ въ крестные отцы; пришелъ самъ Богъ подъ видомъ человѣка, но съ условіемъ что на 7-мъ году ребенокъ будетъ отданъ ему. Въ урочный день Богъ является и уноситъ мальчика на себѣ. Далѣе мальчикъ терпитъ отъ зависти товарищей, подобно крестнику англійскаго короля. Подобно тому, какъ этотъ крестникъ получаетъ порученія отъ англійскаго короля достать отъ великана мула, дрозда и фонарь, который освѣщаетъ страну на сто льё кругомъ, и все это достать, и кромѣ того освободить королевскую дочь, ему помогаетъ частью какая-то старуха, частью самъ великанъ,—такъ и въ № 73-мъ мальчикъ долженъ доставать чудесную птицу, живую воду и красавицу съ золотыми волосами, а ему помогаетъ совѣтами его крестный отецъ, который является всякій разъ, какъ являлся во всѣхъ этихъ случаяхъ подъ видомъ мула потому, что крестникъ, обращаясь къ нему или призывая его, всегда называетъ его муломъ. Коскенъ продолжаетъ: Dans la plupart des contes de ce type, le héros est aidé dans ses entreprises par un cheval merveilleux, et nous ajouterons que dans un de ces contes, recueilli en Basse-Bretagne, la Sainte—Vierge est envoyée par Dieu au jeune homme sous la forme d'une jument blanche.

въ смыслѣ паломника, мы дѣлаемъ празднымъ сведеніе и сопоставленіе темъ, связанныхъ съ этимъ именемъ. Такое сведеніе—это само собою вытекаетъ изъ такого предрѣшенія — не можетъ привести ни къ какимъ результатамъ. Другое дѣло, если мы допустимъ, что Пилигримъ древняя до-христіанская эпическая форма; въ этомъ случаѣ всѣ появленія этого имени въ былинахъ и сказкахъ могутъ быть поняты, какъ слѣды древняго органическаго развитія представленій объ этомъ персонажѣ. Сличеніе мѣстъ, въ которыхъ появляется это имя, не должно въ этомъ случаѣ оказаться безплоднымъ. И можетъ быть, когда будетъ собранъ болѣе обильный матеріалъ о Пилигримѣ или Полугримѣ, на отдѣльныхъ точкахъ эпоса найдутся совпаденія, связанныя съ этимъ именемъ. Илью поятъ странники, т. е. пилигримы, чтобы придать ему силы [1]. Пилигримъ даетъ напитокъ Ивану Царевичу, чтобы у него прибыло силы. Конечно, пилигримы былины ближе къ типу благочестивыхъ паломниковъ; слѣдовательно, если Пилигримъ происходитъ отъ паломника, былина ближе къ источнику, чѣмъ сказка. Но едва-ли въ этомъ случаѣ былина повліяла на сказку. Скорѣе напитокъ, дающій силу, явился въ обоихъ случаяхъ потому, что онъ былъ связанъ съ древними представленіями о Пилигримѣ, стоящими на томъ заднемъ планѣ, гдѣ берутъ начало и сказка и былина.

Г. Потанинъ.

---

[1]) Ср. о Евѳиміи Иберѣ, которому приписывается первый переводъ на греческій повѣсти о царевичѣ Іоасафѣ и Варлаамѣ. Ewthym Géorgien отправился въ Константинополь и совершенно забылъ грузинскій языкъ. Знаніе это возвратилось къ нему чудомъ. Онъ лежалъ больной. Ему явилась la reinc, mère de Dieu, и спросила. „Quels sont tes chagrins, o Ewthym?“—„Святая царица, я сильно боленъ“. Она сказала: „Встань и говори по-грузински, потому что ты будешь здоровъ и оставишь ложе болѣзни“. Онъ всталъ и, хотя забылъ языкъ грузинскій, началъ говорить на немъ съ краснорѣчіемъ, затмѣвающимъ Гомера. Тогда онъ перевелъ много книгъ на грузинскій, особенно Библію. *H. Lotenberg*, Notice sur e line deBarlaam et Joasaph. Paris, 1886, p. 8.

Изъ области малорусскихъ народныхъ легендъ.

(Матеріалы для характеристики міросозерцанія крестьянскаго населенія Купянскаго уѣзда).

III.

1. Ап. Петръ въ легендахъ и повѣрьяхъ (продолж.).

Разсмотрѣнныя нами въ предыдущихъ статьяхъ [1]) народныя сказанія объ ап. Петрѣ, при бѣгломъ знакомствѣ съ ними, легко могутъ быть отнесены къ разряду простыхъ народныхъ побасенокъ, выдуманныхъ для проведенія тенденціозной морали и свидѣтельствующихъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, лишь о невѣжествѣ составителей ихъ и грубости нравовъ народа. На такое скорое заключеніе наводятъ отчасти сами малороссы, которые подобнаго рода разсказы съ элементомъ чудеснаго, сказочнаго называютъ побрехеньками. Но мы впали бы въ большую ошибку, если бы свою оцѣнку народныхъ сказаній строили на подобныхъ шаткихъ основаніяхъ.

Цѣнность всякаго человѣческаго произведенія опредѣляется не только стоимостью матеріала и изяществомъ отдѣлки его, но также и тѣмъ, на сколько отражается въ немъ, характеръ времени и народнаго быта, насколько оно характерно вообще для своей эпохи и своего народа.

Даже въ томъ скудномъ по количеству матеріалѣ, какой собранъ нами въ Купянскомъ уѣздѣ, мы находимъ въ обрисовкѣ личности ап. Петра яркія черты, характеризующія малоросса такимъ, какимъ онъ выступаетъ передъ нами въ своемъ прошломъ и какимъ остается отчасти и теперь, не смотря на измѣнившіяся условія гражданственности. Сильно развитое чувство личности, протестующее противъ фатализма стремленіе къ общественной справедливости, вызывающее неустанное исканіе правды на землѣ, не взирая на всякаго

1) Этнограф. Обозр. V, 142 и VII, 71.

рода тревоги и разочарованія, сопряженныя обыкновенно съ такими поисками; личная инціатива въ возбужденіи и рѣшеніи вопросовъ какъ нравственныхъ, такъ равно и общественныхъ; братская любовь къ людямъ, исключающая, однако, всякую мистическую темноту, смотрящая прямо на людскіе недостатки,—вотъ важнѣйшія нравственныя черты личности, отмѣчаемыя въ этихъ легендахъ.

При реалистическомъ взглядѣ на жизнь, наказаніе не могло быть исключено изъ числа средствъ, содѣйствующихъ скорѣйшему осуществленію на землю лучшихъ идеаловъ, уже потому, что оно является неизбѣжнымъ элементомъ жизни вездѣ, гдѣ признается исконная борьба двухъ началъ: добраго и злого. И мы видимъ, что въ народныхъ сказаніяхъ ап. Петръ часто прибѣгаетъ къ наказанію. Мало того: требованія практической жизни получаютъ иногда въ этихъ сказаніяхъ перевѣсъ надъ требованіями морали или находятъ себѣ по крайней мѣрѣ нѣкоторое оправданіе. Короче сказать, въ извѣстныхъ намъ малорусскихъ легендахъ объ ап. Петрѣ, онъ выступаетъ не новаторомъ, а просто дѣятельнымъ членомъ общества, крѣпко отстаивающимъ свои права и свои взгляды, причемъ рѣшеніе возникшихъ споровъ или предоставляется третейскому суду, или подыскиваются ясныя до очевидности доказательства.

Въ одной изъ нашихъ рождественскихъ колядокъ говорится, между прочимъ, что Господь съ Петромъ заспорили о томъ, что больше: земля или небо?

Господь каже, що небо бильше,
А Петро каже, що земля бильше.
— Ой ты, Петре, Петре—суперечныку!
Заклычимъ мы та два янголы,
Нехай измиряють небо и землю.
— Якъ измирялы, то й извирилы....

(Ср. Чубинскій, т. Ш, стр. 344—346; Головацкій, кн. II стр. 32).

Такая неуступчивость въ спорѣ и настойчивая защита своего взгляда составляетъ не случайно попавшую въ колядку черту, а основной фонъ, выясняющій внутреннюю сущность характера малороссіянина. Малороссъ любитъ самъ обсудить всякое дѣло, рѣшить всякій вопросъ, и не легко

заставить его потомъ поступиться разъ принятымъ рѣшеніемъ и измѣнить его. Такимъ стремленіемъ все обсуждать самому, все пересуждать объясняется и данное ап. Петру въ нѣкоторыхъ изъ народныхъ заговоровъ названіе „пересудья", какъ напр. въ заговорахъ „отъ перелоговъ":

1) Ишовъ судья, за нымъ пырысудья; судья найшовъ рукавыци, а пырысудья—нагалыцю. Пишли воны соби въ чисте поле. Въ чистимъ поли вырба стоить; за тію вырбою скамья стоить, на скамьи прысвята мать Богородыця сыдыть. „Прысвята мать Богородыця, розсуды насъ! судья найшовъ рукавыци, пырысудья—нагалыцю".—Тоби, судья, рукавыци, а тоби, пырысудья, нагалыцю. А вы, пырылогы, пидитъ туды, де витеръ ны віе, де Божій глазъ нызаходы! (Сл. Преображенная). А что „пересудьею" въ настоящемъ заговорѣ названъ именно ап .Петръ, а не кто-либо другой, это видно изъ слѣдующаго заговора противъ той же болѣзни:

2) Господы, поможи! Въ чистимъ поли престолъ; за тымъ престоломъ Маты Хрыстова и Спасъ. За столомъ святый Петро, а передъ столомъ лукавый у порози. Божа Маты плытеть Спасу рукавычкы, святому Петру—наговычкы, лукавому—перелогы на рогы. Иды соби въ ухаба, въ очерета, въ болота, де витеръ не віе, де сонце не гріе, зъ усякого скота духъ, гласъ не заходе. Зъ билои кости, зъ разнои шерсти перелогы одвесты (Хуторъ Маліевъ).

Усматривая такимъ образомъ во всѣхъ подобныхъ народныхъ легендахъ, значительную цѣнность для серьезнаго этнографа, и признавая научное изслѣдованіе ихъ весьма желательнымъ, мы предлагаемъ еще нѣкоторые изъ относящихся сюда сырыхъ матеріаловъ, находящихся у насъ.

На поляхъ Украйны, при дорогахъ и по межамъ, между нивами, часто встрѣчается дикій цикорій (Cichorium intybus L.), по малорусски „Петривъ батигъ" (хлыстъ, кнутъ). Растеніе это съ длиннымъ стеблемъ и голубыми цвѣтами, сидящими на концахъ вѣточекъ одиночно, а въ пазухахъ листьевъ пучками, извѣстно въ малороссіи подъ именемъ „Петровы батоги". Проф. А. Потебня въ своемъ сочиненіи „Объясненія малорусскихъ и сродныхъ народныхъ пѣсень" (Варшава 1883, I, стр. 98) говоритъ относительно малорусскаго

названія дикаго цикорія слѣдующее: „названіе растенія cichorium intybus, *Петривъ батигъ* (великор. солнцева сестра), съ голубыми цвѣтами, сидящими какъ узлы на плети, не можетъ быть вполнѣ высновано изъ христіанскаго преданія". Но намъ удалось узнать о происхожденіи народнаго названія этого растенія нѣсколько разсказовъ.

1. Однажды Спаситель съ учениками своими шелъ изъ одного селенія въ другое. Дорога лежала мимо того мѣста, гдѣ мальчики пасли овецъ. Увидавъ Господа, пастушки бросили свои стада, побѣжали съ кнутиками въ рукахъ на дорогу, по которой шелъ Христосъ и окружили Его со всѣхъ сторонъ, такъ что мѣшали Ему продолжать путь. Прикрикнулъ на нихъ ап. Петръ, чтобы они разступились, но они, не обращая вниманія на его окрикъ, продолжали лѣзть къ Спасителю, цѣловать Ему руки, ноги и края одежды. „Вотъ я васъ!" крикнулъ на нихъ снова ап. Петръ и схватилъ у одного изъ мальчиковъ, бывшій у него въ рукахъ кнутъ; но пастушокъ, не выпуская изъ своихъ рукъ кнута, сталъ плакать и вырывать его изъ рукъ Петра. Петръ уступилъ, мальчику, отдалъ кнутъ его, а самъ наклонившись сорвалъ стебелекъ растенія и, размахивая имъ, повторялъ: „геть зъ дороги, а то покуштуете (попробуете) мого батижка"! Пастушки со смѣхомъ разступились, дали дорогу Христу. Петръ бросилъ тогда бывшій у него въ рукахъ стебелекъ и сказалъ шутя: „а що? злякалысь (испугались)! озьмитъ теперъ соби и мій батижокъ". Мальчики подняли брошенное ап. Петромъ растеніе и назвали его Петровымъ батогомъ. А такъ какъ цвѣты у этого растенія напоминаютъ по своей формѣ кисточку, то и пастушки стали съ тѣхъ поръ украшать свои кнутики махорками (кисточками) изъ кожи. (Сообщила О. Дѣдухова).

Если настоящій разсказъ воспользовался евангельскимъ повѣствованіемъ о недопущеніи учениками дѣтей къ Христу, а отчасти быть можетъ кое-чѣмъ и изъ талмудическихъ сказаній о томъ, что еврейскія дѣти всегда сбѣгались къ Христу и толпой сопровождали Его, потому что Онъ приносимыхъ ими слѣпленныхъ изъ глины птичекъ оживлялъ своимъ дуновеніемъ, чѣмъ и привлекъ къ себѣ дѣтей, то въ слѣдующей легендѣ ап. Петръ выступаетъ предъ нами съ чертами

какого-то языческаго бога полей, покровителя жатвы. Онъ, какъ говорила сообщавшая намъ это старуха, „бувъ дуже до всего любопытный“: ему извѣстны названіе и жизнь всякой полевой козявки; онъ знаетъ, чѣмъ каждая изъ нихъ питается. Шествіе его по полямъ уподобляется шествію бога полей: жучки, пчелки, мушки, бабочки пестрыми роями окружаютъ его, предшествуютъ ему и сопровождаютъ его.

2. „Иде св. Петро по межи, возьме бурьянынку и хлёскае, якъ батижкомъ. А жучки и мушки, яки сидять по колоскахъ, вже и знають: вси слетають и не смiють портыть хлиба. Пройде межу, кине свiй батижокъ на землю, винъ тамъ и прыймитця и росте. А вси жучки и мушки вже добре знають, що ту ныву, де росте Петривъ батигъ, треба обходыты: отто жъ воны и не смiють ту ныву трогаты Се бъ то було колысь, а теперъ и Петривъ батигъ не спасае хлиба“. (Отъ кр. Пр. Туровой).

Дѣятельность ап. Петра, по легендамъ, весьма разнообразна: онъ—то суровый учитель правды, то горячій защитникъ слабыхъ, то властный покровитель хлѣбныхъ полей, то скромный пастырь кроткихъ овецъ. Стада его бываютъ видны то на небѣ: это—тѣ мелкіе кучевыя легкія облачка, что извѣстны подъ названіемъ барашковъ,—то на землѣ: это — тотъ легкій, струящійся и бѣгущій надъ полями паръ, что бываетъ виденъ въ теплые солнечные дни надъ свѣже-вспаханной нивой или послѣ дождя.

3. „Въ сояшни (солнечные) дни бува часто выдно, що якъ будто въ поли бигають фыли (волны); ци то фыли въ народи и зовуця „Петровы сгоны,“ або—„Петро погнавъ овець пасты“. Разъ винъ якъ гнавъ овець пасты, то у ёго не було ни батога, ни палки, и встритывъ винъ дорогою неидому траву съ длинными пруткамы, зирвавъ соби прутъ и погнавъ имъ овець пасты. Съ тыхъ пиръ це растеніе и звется Петривъ батигъ“. (Слоб. Ново-Николаевка. Сообщ. учит. А. Склобинская).

Съ мая мѣсяца въ Малороссіи появляются большія мухи слѣпни (разные виды рода Tabanus, L: Tab. rusticus, Tab. solstitialis, Tab. bovinus и др.), которыхъ крестьяне называютъ вообще оводами; къ Петрову дню количество этихъ насѣкомыхъ сильно увеличивается, такъ что въ это время преслѣдуемый ими рогатый скотъ, съ ревомъ скачетъ по полямъ,

что крестьяне обозначаютъ словомъ „дроковыця“. Гдѣ нѣтъ знанія, тамъ всегда удобная почва для посѣва и произрастанія легендъ. Совпаденіе времени появленія наибольшаго числа оводовъ съ Петровскимъ постомъ вызвало, вѣроятно, желаніе найти въ жизни ап. Петра такой случай, который могъ бы послужить для объясненія такого явленія, какъ нападеніе оводовъ на рогатый скотъ. А при сильномъ желаніи это не можетъ представить большого затрудненія: подходящій случай всегда отыщется или сочинится. Впрочемъ, въ виду нашей задачи, то и другое имѣетъ для насъ одинаковую цѣнность.

4. „Колысь було такъ, шо вивци дрочылысь, а рогата скотына стояла у кучци такъ, якъ тыперъ у дроковыцю стоять уси вивци у кучци (дроковыця бува саме у Петривку). Одынъ разъ святый Петро йшовъ по полю и захотилось ёму воды: у горли пырысохло. Зайшовъ винъ до чырдныка, который пасъ рогату скотыну, та носе за собою ослиньчикъ (скамеечку) и сыдыть на ёму, а скотына ны бигае: стоить на одному мисти, якъ укопана. Дило було саме у Петривку. Ото св. Петро прыйшовъ и каже: „дай мини, чоловиче добрый, воды напыця!“ А той чырдныкъ тоди сыдивъ на ослиньчику и латавъ (чинилъ) свыту, тай каже: „васъ такыхъ багато, шо прыходять воды пыты, а мини іи нынаносыця для усякои сволочи. Ступай прочь! А колы хочышъ напыця, то бачъ де вода!“ Ногою указуе, а самъ сыдыть на ослиньчику; коло ёго и вода була у глечику (кувшинѣ), а винъ, бачъ, и ны давъ. Тоди св. Петро пишовъ до вивчаря, который пасъ овець. И бигае винъ за вивцямы, та все ихъ пырыймá, и нымá ёму спокою ны капылькы. Ото св. Петро прыйшовъ до ёго и каже: „дай, пожалуста, мини воды напыця, а то скоро умру безъ воды“. А той вивчарь каже: та у мене й була вода, та оце (вотъ) ныдавно выпывъ. Св Петро сказавъ: „ну пиды прынысы“. А вивчарь отвичае: „та я бъ пишовъ бы и прынисъ бы, та то горе, шо якъ пиду, то уси вивци рожбижаця и одныи тоди ны найду“. Св. Петро й сказавъ: „иды, воны ны розбижаця, стоятымуть, покы прыйдышъ“. Той вивчарь побигъ и прынисъ воды; св. Петро напывся и поблагодарывъ того вивчаря и сказавъ: „тыперъ вивци ни-

колы ны будуть дрочыця, а будуть стояты и пастысь на одному мисти; рогатый же скотъ тыперъ буде здорово дрочыця, такъ шой ны пырейме нихто". Тико винъ це сказавъ, якъ начала скотына бигаты того пастуха, шо ныдавъ воды св. Петру. Винъ, той чырыдныкъ, тоди й бросывъ свій ослиньчикъ и начавъ бигаты за скотыной, и ны було вже ёму николы спокою, а вивчаревы вивци стоялы на мисти, паслысь, а билшъ и ны дрочылысь. Съ тыхъ поръ скотына начала дрочыця, а вивци ни. Тыперъ якъ дрочыця скотына, то уси пастухи проклыняють того чырыдныка, шо св. Петру ныдавъ воды и росердывъ ёго. А якъ бы винъ ны росердывъ св. Петра, то цёго бъ ничого ны булобъ, а то чырызъ одного пастуха, та всимъ горе, шо скотына дрочыця". (Хут. Маліевъ. Отъ учит. М. Нетребы. Ср. у Манжуры: Чого вивци душаться, а скотъ дрочиться)

Слѣдующее сказаніе объ установленіи ап. Петромъ по просьбѣ женщины поста должно быть отнесено по своему происхожденію къ одной съ предъидущимъ серіи разсказовъ, возникающихъ обыкновенно въ объясненіе извѣстныхъ явленій, причины которыхъ остаются для народа непонятными. Въ подобнаго рода объясненіяхъ за основной ихъ мотивъ берется простое случайное совпаденіе или какая-нибудь изъ сторонъ даннаго же явленія, черезъ что оно становится уже легко доступнымъ народу, такъ какъ для пониманія его не требуется никакихъ особенныхъ знаній, а лишь знакомство съ самымъ фактомъ, вызвавшимъ объясненіе.

5. „Кажуть, шо въ старыну отъ Велыкодня ажъ до первого Спаса булы все мясныци: мужики и поидалы все молошне, а бабамъ ни съ чого було справыты ни для себе, ни для дитей. Отъ разъ зибралысь жинки и пишлы до Петра и Павла просыты, шобъ ти положилы четвертый пистъ, шобъ було время бабамъ зибраты маслычка, смытанки, сырця, шобъ було за вищо справыты, що треба, для дитей и для себе, тай Богу свичечку поставыты. Святый Петро, якъ бувъ зъ мужикивъ, такъ вже добре знавъ бабьячи нужды, и заразъ согласывся поставыты пистъ, а св. Павло не соглашавсь,— винъ бувъ зъ купцивъ и державъ руку мужикивъ, — и каже Петру: „Ни, я не согласенъ. Оце все бабьи выгадки. Якъ же можно мужикамъ безъ скоромного обійтысь, колы у ныхъ

тыперъ така важка робота: треба сино косыты и убыраты,— не согласенъ!“—„Ни, брате Павле, ця работа ны дуже важка: попоидять съ сыривчикомъ та цибулькою оселедця та горячои кашки зъ олійкою, та й потягнуть. А отъ жинкамъ якъ буты бизъ копійки при души? У ихъ дочки пидростають, треба въ скрыню кой-що готовыты: то скатыртыну, то рушнычокъ, то хустыну; та й соби и очипка ни за що купыты, хоть простоволоса ходы. Треба имъ уважиты, треба пистъ поставыты“! Довго винъ водывся съ Павломъ, а все такы уломавъ ёго, та тико и ёму уступочку здилавъ, каже: „нехай одынъ годъ пистъ буде довшій, а другый — коротшій“. Того жъ и Пытривка разна бува, одна довга, а друга коротка“. Поэтому и постъ получилъ названіе Петровки, а не Павловки, и въ нѣкотрыхъ слободахъ въ день ап. Петра и Павла (29-го іюня) крестьяне служатъ ап. Петру молебны. (Сл. Кабанья. Сообщ. учит. Марусовъ).

По взгляду народа, три главные момента въ жизни каждаго человѣка опредѣляютъ судьбу его; это—рожденіе, бракъ и смерть. И во всѣхъ этихъ моментахъ по малорусскимъ сказаніямъ ап. Петръ принимаетъ участіе или прямое, непосредственно вліяющее на долю человѣка, или косвенное, какъ это видимъ, напр., въ слѣдующемъ ниже разсказѣ, уясняющемъ, почему, для чего та или иная участь суждена человѣку.

6. Однажды Христосъ съ ап. Петромъ проходили полемъ и увидѣли тамъ красивую крестьянскую дѣвушку, которая такъ усердно жала жито, что даже не взглянула на нихъ. Петръ обращается къ Господу и говоритъ: „Господи, кому эта красавица достанется?“ Господь ничего ему на это не отвѣтилъ. Идутъ дальше и видятъ: стоитъ яблоня, а подъ той яблоней лежитъ, разинувъ ротъ, здоровенный парень, смотритъ на висящія надъ его головой яблоки и говоритъ: „нѣтъ, нѣтъ, да наконецъ упадетъ же мнѣ въ ротъ хоть одно изъ этихъ яблокъ!“ Господь обратился къ Петру и говоритъ: „та красавица, о которой ты спрашивалъ меня, достанется вотъ этому дураку, что лежитъ подъ яблоней“. — Почему же это такъ, Господи?—„А вотъ почему: этотъ дуракъ рожденъ глупымъ и ни къ чему неспособнымъ,—онъ и про-

кормить себя не можетъ; та же красавица—умница и труженица: она прокормитъ и себя и его". (Сл. Ново-Николаевка).

Изъ настоящаго разсказа вытекаетъ, что, по взгляду народа, личное счастіе или несчастіе не есть дѣло слѣпого случая, а высшаго промысла, устрояющаго все къ общему благу. Эта же цѣль—раскрыть въ жизненныхъ явленіяхъ, иногда по видимому противорѣчащихъ идеѣ справедливости, сокрытый въ нихъ утилитарный принципъ, положена въ основаніе извѣстной, приведенной у Афанасьева, сказки „Людьська доля" (т. 3, стр. 425), гдѣ говорится, какъ св. Николай связывалъ попарно хорошее съ плохимъ волокна лыка, обозначавшія, какъ это онъ объяснилъ спросившему его о томъ казаку, людскую долю, и дѣлалъ онъ это для того, что если бы вѣнчали отдѣльно все злыхъ со злыми, а добрыхъ съ добрыми, то первые не могли бы и жить на свѣтѣ, а вторые забыли бы Бога.

Религіозная пытливость не ограничивается предѣлами земной жизни; вопросы эсхатологическіе, вопросы о кончинѣ міра и будущей загробной жизни неизбѣжно возникаютъ въ умѣ не только отдѣльныхъ лицъ, но и цѣлаго народа, особенно во времена общественныхъ бѣдствій, во времена религіозныхъ преслѣдованій, международныхъ столкновеній и междоусобныхъ войнъ. Малороссія втеченіе своей исторической жизни испила полную чашу всевозможныхъ бѣдствій какъ вслѣдствіе внутреннихъ безпорядковъ, такъ въ особенности вслѣдствіе внѣшнихъ нападеній и притѣсненій. Но и среди кровавой борьбы на жизнь и смерть встрѣчали малороссы между представителями разныхъ національностей и религій людей съ любвеобильной душою, людей, въ которыхъ билось человѣческое сердце, полное сочувствія къ страданію ближняго, будь этодъ ближній даже изъ числа враговъ. Такіе примѣры не могли пройти безслѣдно. Цѣною тяжкаго опыта научились малороссы уважать человѣка не за то, что онъ принадлежитъ къ тому или иному общественному строю, къ той или иной націи, религіи, а за его дѣла. Въ мирное время религіозный фанатизмъ и національная исключительность должны были уступить мѣсто другому руководящему началу жизни, другому принципу и формальному, и мораль-

ному. Въ этомъ, такъ сказать, скептическомъ отношеніи малоросса къ формальной правдѣ, въ этомъ, такъ сказать раціонализмѣ мы находимъ ключъ къ объясненію появленія въ Малороссіи слѣдующей легенды, по которой рай равно доступенъ для всѣхъ, безъ различія вѣроисповѣданія, людей, если они умерли согласно съ требованіями своей религіи.

7. Стоитъ апостолъ Петръ съ ключемъ въ рукахъ у дверей рая, появляется передъ нимъ еврей съ обрывкомъ веревки на шеѣ и проситъ отпереть райскія двери и пропустить его въ рай къ праотцу Аврааму. „Кто ты, откуда и какъ попалъ сюда?" спрашиваетъ ап. Петръ. — Я еврей изъ Бердичева, повѣшенъ татарами за вѣру. — „Какой же ты вѣры?" — Моисеева закона. — „Сядь тамъ, подожди!" сказалъ ему Петръ, указавъ головой въ ту сторону, гдѣ стояла длинная скамья. Не успѣлъ еврей и трехъ шаговъ отойти отъ райскихъ дверей, какъ на его мѣстѣ стоитъ уже татаринъ съ обломкомъ пики въ груди. „Кто, откуда и какимъ образомъ попалъ сюда?" снова слышенъ голосъ Петра: — Татаринъ изъ Бахчисарая, убитъ казакомъ въ сраженіи съ невѣрными. — „Какой вѣры?" продолжается допросъ.—Послѣдователь ислама.—„Посиди вонъ тамъ, на скамьѣ!" Важно поклонился Петру татаринъ, медленно подошелъ къ скамьѣ и сѣлъ сбоку еврея, кивнувъ ему головой. А передъ Петромъ ужъ новый претендентъ на райское блаженство — казакъ съ разрубленнымъ черепомъ. Слѣдуютъ обычные вопросы: кто, откуда, какъ? и отвѣты: запорожскій казакъ, убитый ляхомъ въ битвѣ за православную вѣру. „Подожди съ тѣми," отсылаетъ ап. Петръ и казака къ сидящимъ уже на скамьѣ просителямъ. Между тѣмъ къ Петру подходитъ полякъ и на предложенные ему Петромъ вопросы отвѣчаетъ: „шляхтичъ изъ Кракова, застрѣленъ москалемъ - схизматикомъ въ сраженіи за католическую вѣру", и, получивъ предложеніе обождать, отходитъ къ скамьѣ и садится сбоку казака. Появляется русскій съ раной во лбу. На вопросы Петра говоритъ: „изъ московскихъ боярскихъ дѣтей, православной каѳолической вѣры, положилъ животъ на брани за вѣру, царя и отечество." Онъ отсылается также на скамью, гдѣ и садится рядомъ съ полякомъ. А тѣмъ временемъ къ Петру подходитъ, низко кланяясь хохолъ, съ из-

битой спиной и спрашиваетъ его: „скажитъ, будьте ласкави, чи пускають сюды(указывая на рай) такихъ, якъ оце мы?“— А кто ты? — „Та якъ бы вамъ сказаты: булы мы колись не наче бъ казакы, а теперь — крыпакы, звуть нас и черкасы. Такъ, выбачайте, не можу вже и самъ сказаты, шо мы за люды“,— посматривая на сидящихъ,—„крестьянинъ та й годи.“ — Ну ладно. А вѣры какой? — „Якои виры? Та вже-жъ и виры мабуть крестьянскои“.—Христіанской?— „Аже-жъ“. (Къ сожалѣнію листикъ, на которомъ записано было продолженіе бесѣды хохла съ ап. Петромъ, затерянъ, поэтому помѣщаемъ окончаніе легенды). Когда и хохолъ усѣлся на скамьѣ, встаетъ еврей и говоритъ: „братья! чего мы молча сидимъ, развѣ мы всѣ не дѣти одного Бога? Будемъ же каждый по своему славословить Его святое имя!“ Всѣ поднялись и начали прославлять правосудіе Божіе, а Петръ обратился къ нимъ и говоритъ: „давно бы такъ—идите всѣ въ рай!“

Настоящая легенда записана со словъ бывшаго учителя начальнаго училища въ слободѣ Сеньковъ, Куп. у., крестьянина Ив. Тура, весьма симпатичной личности, похищенной смертію на 5-мъ году служенія народной школѣ. Эту же самую легенду, но въ нѣсколько измѣненной редакціи, слышали мы отъ одного изъ мѣстныхъ священниковъ, наконецъ, одно знакомое намъ въ г. Купянскѣ лицо передавало ее, какъ историческій анекдотъ изъ жизни Фридриха II Великаго, въ слѣдующемъ видѣ: Въ прусскомъ государственномъ совѣтѣ поднятъ былъ вопросъ объ установленіи въ Пруссіи государственной религіи. Состоялось нѣсколько засѣданій совѣта, не приведшихъ ни къ какому положительному результату. Тогда король Фридрихъ II объявилъ, что онъ самъ явится лично въ засѣданіе по этому вопросу, и назначилъ день и часъ. Въ назначенное королемъ время собрался весь совѣтъ. Короля нѣтъ. Проходитъ въ ожиданія часъ, другой, а король все нейдетъ. Наконецъ, отворяется дверь и входитъ въ залъ совѣта Фридрихъ, потягиваясь и зѣвая, и говоритъ: „Извините, господа, что заставилъ васъ такъ долго себя ожидать: проспалъ. Какой чудный сонъ я видѣлъ. Представьте, сижу я передъ райскими дверями на скамьѣ, а у дверей стоитъ апостолъ Петръ. Появляется еврей да такъ прямо и лѣзетъ въ рай. Часовой

говоритъ: „не время, подожди тамъ на скамьѣ“. Еврей сѣлъ рядомъ со мною. За евреемъ у дверей рая появился полякъ, за нимъ русскій, далѣе турокъ, калмыкъ и всѣхъ ихъ апост. Петръ отослалъ ко мнѣ на скамью. Сидимъ мы всѣ рядкомъ на скамьѣ и молчимъ. Скучно намъ становится, а ап. Петръ ни малѣйшаго на насъ вниманія не обращаетъ. Вдругъ встаетъ еврей и говоритъ: „воспоемъ славу Отца нашего небеснаго“, и запѣлъ; остальные подхватили, каждый по своему. Петръ отперъ рай и говоритъ: „входите всѣ, всѣ идите: для всѣхъ васъ найдется мѣсто“. Тутъ я и проснулся“. Сказавши это, Фридрихъ снова зѣвнулъ и, сказавъ: „прощайте, господа!“ вышелъ изъ зала.

Насколько въ приведенномъ анекдотѣ есть фактическая подкладка, мы не знаемъ; но интересно уже и то, что въ немъ усматриваютъ нѣмецкую основу, на которой вытканъ узоръ нашей малорусской легенды съ реалистическимъ фономъ. Хотя по нашему личному взгляду источникомъ данной легенды могли послужить вообще международныя столкновенія, но если допустить, что въ образованіи ея нѣмецкія вліянія играли значительную роль, то все же мы готовы видѣть въ ней скорѣе отраженіе протестантскихъ идей въ формѣ крайняго социніанства, столь сильно распространеннаго въ концѣ XVI вѣка во многихъ частяхъ Малороссіи, чѣмъ новѣйшія протестантскія вліянія, выражающіяся между прочимъ въ штундѣ.

2. Васильки (Ocymum basilicum, L.).

Въ „Этнографическихъ замѣткахъ“ проф. Сумцова, помѣщенныхъ въ III-ей книгѣ „Этнограф. Обозрѣнія“, въ статьѣ „Васильки“ (стр. 123), сказано: „религіозное значеніе васильковъ основывается на древней греческой легендѣ о нахожденіи креста, въ которой разсказывается, что на мѣстѣ, гдѣ евреи умышленно закопали крестъ Спасителя, выросла трава пахучая и врачующая; врачи зовуетъ ее okimon, а народъ basilikon—украинскіе васильки (*Мочульскій*, О Голуб. книгѣ, 169)“. Считаемъ не лишнимъ привести здѣсь слѣдующія извѣстныя намъ легенды о происхожденіи названія васильковъ.

а. Сняли со креста пречистое тѣло Христа, помазали его благовонными мазями, обвили чистыми пеленами и похоронили въ саду, въ пещерѣ. И приказали жиды закопать въ горѣ пречестный крестъ Господень; мѣсто надъ нимъ разровнять, навалить потомъ на него навозу и всякаго мусору и засѣять сѣменами вонючаго бурьяна, чтобы люди и близко не подходили къ нему. Такъ и сдѣлали. Навозили на святое мѣсто навозу и всякаго мусору и посѣяли тамъ сѣмена дій-дерева (дурмана, Datura stramonium L.) и блекоты (бѣлены, Hyosciamus niger L.). Видитъ Богъ злобу жидовскую, даетъ Василію (какому—неизвѣстно) сѣмянъ „пахучаго зилья" и посылаетъ посѣять ихъ на томъ мѣстѣ, гдѣ посѣяны дій-дерево и блекота. И стало то мѣсто свято, а вокругъ него мерзость запустѣнія. И вспало царицѣ Еленѣ на мысль отыскать честный крестъ Господень. И пріѣхала она въ Іерусалимъ, и приказала копать гору Голгоѳу. Копали гору, копали, шукали креста, шукали—не найдутъ. И молилась благовѣрная царица Елена Богу, слезно просила: „дай, Господи, найти Твой честный крестъ!" И услышалъ Господь молитву благовѣрной царицы Елены. Явился къ ней нѣкто и говоритъ: „шукайте пахучаго зилья Василья; де его найдете, тамъ и крестъ обрящете". Пошли на гору Голгоѳу, нашли среди мусору мѣсто, поросшее васильками, стали тамъ копать и отрыли три креста. Два изъ нихъ положили, вынувши изъ ямы, на мусоръ, а третій, крестъ Господень, межъ васильки. Съ тѣхъ поръ и убираютъ крестъ васильками. (Купянскъ. Отъ М. Столяровской).

У Безсонова (Калѣки перехожіе. М. 1863. в. 5, стр. 61—62), въ стихахъ изъ западной Болгаріи, Македоніи, объ обрѣтеніи креста сообщаются нѣкоторыя черты, дополняющія нашъ разсказъ о василькахъ. Тамъ говорится, что на вопросъ: гдѣ тутъ кресты Христовы? такъ отвѣчала жидовка-вдовица: „Въ работницы здѣсь нанята я—поливать мнѣ велику навозную кучу: растетъ ночью здѣсь трава вонючка, растетъ ночью, я полю на утро; денно-ночно сижу себѣ здѣсь я. Сказали (объ этомъ) ему, царю Константину. Царь пустилъ молодцовъ триста видѣть, что тамъ за чудо велико. Не была то, не была трава вонючка: только былъ то Христовъ василёкъ. И стали тогда молодцовъ триста открыли велику навозную кучу, была

она куча очень маленька: въ глубину была она триста сажень, въ ширину она полтораста. И нашли они кресты Христовы".

Въ настоящихъ стихахъ мы не находимъ объясненія для чего вдова-еврейка должна поливать навозную кучу и полоть выростающую тамъ за ночь вонючку. Но цѣль такой работы станетъ для насъ понятна, если мы обратимъ вниманіе на помѣщенный выше разсказъ Купянской крестьянки. Евреи наняли вдову поливать навозную кучу для того, чтобы скорѣе взошли и выросли посѣянные тамъ ими дурманъ и бѣлена. Но какъ, вмѣсто этихъ сорныхъ растеній, на навозной кучѣ выростаютъ за ночь душистые васильки, которые еврейка называетъ вонючкой, то вдовѣ этой и приходится днемъ выпалывать ихъ. Такимъ образомъ эпизодъ о поливкѣ навозной кучи, стоящій безъ мотивировки въ стихахъ, записанныхъ въ западной Болгаріи, находитъ себѣ достаточное объясненіе въ словахъ крестьянки въ г. Купянскѣ.

б. По словамъ другихъ разсказчицъ, васильки получили свое названіе отъ имени св. Василія Великаго, который, молъ, при жизни очень любилъ цвѣты и зелень и всегда украшалъ ими свою келію. Когда потомъ открытъ былъ гробъ съ мощами Василія Великаго, то нашли въ немъ пахучее растеніе съ скромными цвѣточками. Въ честь святителя это любимое имъ растеніе названо Василькомъ. (Купянскъ. Отъ А. Корчиковой).

в. Въ слободѣ Двурѣчной, Куп. у., ходитъ объ этомъ растеніи иной разсказъ. Въ царствованіе Ивана Васильевича Грознаго жилъ въ Москвѣ Василій блаженный, Христа ради юродивый. Ходилъ онъ по Москвѣ и зиму, и лѣто босой, въ одной сорочкѣ, съ веригами на плечахъ. Бывалъ онъ въ царскихъ палатахъ, и въ боярскихъ хоромахъ, и въ крестьянской избѣ. Ночевалъ всего чаще на кладбищахъ; тамъ же и умеръ. Нашли тѣло его въ травѣ. Вокругъ него такъ хорошо пахло. Думали, что то тѣло угодника Божія пахнетъ, а оказалось: пахла та трава, въ которой онъ лежалъ. И назвали ту траву травою Василія, васильками. И теперь эта трава пахнетъ ладаномъ и мертвецомъ. (Сообщ. кр. Гр. Коломійцевъ).

Приводимъ здѣсь кстати сообщенное намъ преданіе о томъ, какъ Василій блаженный выплеснулъ въ окно вино,

поднесенное ему царемъ (срв. *Архим. Іосифъ.* Путеводитель къ святынѣ и св. достопам. Москвы. М. 1882., стр. 100).

Въ древнія времена жилъ въ Москвѣ одинъ святой, по имени Василій. Однажды въ праздничный день пошелъ Василій въ церковь. Въ церкви было тотъ день много сановниковъ, а также царь и царица. По выходѣ изъ церкви царь подозвалъ Василія и спрашиваетъ: „А что, Василій блаженный, много-ли народу было сегодня въ церкви?"—Нѣтъ, царь-батюшка, только двое: я да царица; да и царица-матушка была лишь до половины обѣдни, а затѣмъ ушла себѣ домой и была тамъ до конца службы. „Какъ же такъ?" сказалъ царь: „развѣ ты не видишь, сколько народу было въ церкви,—посмотри! Да неужели ты не замѣтилъ, что и я былъ въ церкви?"—Нѣтъ, государь, ты не былъ въ церкви, отвѣчалъ Василій: ты строилъ на одномъ островѣ городъ. „Правда, твоя, Василій блаженный!" сказалъ царь, вспомнивши, что, стоя въ церкви, онъ дѣйствительно думалъ о томъ, какъ бы построить на одномъ островѣ городъ. Потомъ царь пригласилъ Василія къ себѣ во дворецъ. Когда святой вошелъ въ царскія хоромы, царь поднесъ ему чарку вина. Василій взялъ чарку, подошелъ къ окну и выплеснулъ черезъ открытое окно вино изъ чарки на дворъ. Царь, не говоря ни слова, поднесъ Василію еще двѣ чарки, но и тѣ онъ вылилъ за окно. И только четвертую чарку выпилъ. Тогда царь и спрашиваетъ его: „Скажи же мнѣ, Василій блаженный, для чего ты первыя три чарки вина вылилъ за окно?"—А вотъ для чего я это сдѣлалъ, отвѣчалъ святой: въ Іерусалимѣ горитъ монастырь, такъ я подалъ туда помощь. Государь тотчасъ же послалъ въ Іерусалимъ гонца, чтобы убѣдиться въ справедливости словъ святого. Когда гонецъ возвратился изъ Іерусалима, то разсказалъ, что тамъ дѣйствительно загорѣлся было монастырь и пожаръ сталъ сильно распространяться, но набѣжали изъ Россіи одна за другою три дождевыя тучи и залили пожаръ. (Сл. Араповка. Отъ учит. М. Скjбакъ).

І. Мандельштамъ въ своемъ „Опытѣ объясненія обычаевъ, созданныхъ подъ вліяніемъ миѳа" (С. Петербургъ. 1882, стр. 58) говоритъ, ссылаясь на Маркевича, что „о Василькѣ существуетъ разсказъ, что нѣкогда это былъ молодой и кра-

сивый юноша, котораго въ Троицынъ день заманила русалка въ поле, защекотала и превратила въ цвѣтокъ; поэтому и цвѣтокъ называется именемъ Василія". Но этотъ разсказъ о превращеніи юноши въ растеніе отнесенъ Маркевичемъ не къ душистому васильку малорусскихъ пѣсенъ, какъ ошибочно заключаетъ г. Мандельштамъ, а къ малорусскимъ волошкамъ (Centaurea Cyanus L), какъ объ этомъ опредѣленно сказано у Маркевича (см. *Маркевичъ*. Обычаи, повѣрья и пр. Кіевъ. 1860, стр. 86).

г. Въ числѣ собранныхъ нами въ г. Купянскѣ сказокъ находится одна, въ которой говорится о превращеніи мальчика въ душистое растеніе—василекъ. Приводимъ ее здѣсь для пополненія циркулирующихъ въ народѣ разсказовъ объ этомъ столь любимомъ малороссами растеніи.

Въ большомъ лѣсу жилъ старый лѣсникъ съ дочерью-красавицей Машей. Отецъ ежедневно ходилъ на охоту, а дочь занималась домашними работами. Сидитъ-ли подъ окномъ за работой, собираетъ-ли въ лѣсу валежникъ, идетъ-ли къ рѣкѣ за водой,—звонкая пѣсня всюду выдаетъ ея присутствіе. Веселый смѣхъ Маши также нерѣдко нарушалъ тишину темнаго лѣса. И полюбилась красавица Маша водяному ужу, что жилъ за рѣкою, въ озерѣ. Какъ только подходила къ рѣкѣ Маша, тотчасъ на противоположномъ берегу появлялся молодецъ и слушалъ пѣніе Маши, не сводя съ нея глазъ. Сперва Маша, увидя незнакомаго человѣка, переставала пѣть, но такъ какъ онъ всегда начиналъ умолять ее продолжать пѣніе, то она чувствовала себя не въ силахъ отказать ему въ этомъ, и потомъ незамѣтно для себя самой стала все чаще и чаще приходить къ рѣкѣ не только за водой, но и съ работой, и по долгу просиживать на берегу. Маша разсмотрѣла, что незнакомецъ строенъ, молодъ и красивъ, только какая-то непонятная ей грусть замѣчалась и въ словахъ и во взглядахъ его. Прошла весна и лѣто было уже на исходѣ. Однажды къ старому лѣснику, въ его скромную хату, явился богато одѣтый молодой человѣкъ съ товарищами, такими же, какъ и онъ, молодыми людьми, и сталъ просить руки красавицы Маши. При этомъ назвался онъ владѣльцемъ озера съ окружающими его лугами. Лѣсникъ благодарилъ за честь, но не хотѣлъ разставаться съ единственной дочерью и

тѣмъ болѣе выдавать ее замужъ за человѣка ему совершенно неизвѣстнаго. Но когда на эти слова своего отца Маша объяснила ему, что она уже давно знакома съ молодымъ человѣкомъ и даже давно любитъ его, лѣсникъ вынужденъ былъ согласиться принять предложеніе незнакомца и отпустить съ нимъ свою дочь, такъ какъ это происходило въ т время, когда бракъ не освящался еще церковью, а совершался по благословенію однихъ родителей. Получивъ благословеніе, женихъ и невѣста сѣли въ прекрасный экипажъ и въ сопровожденіи свиты съѣхали со двора стараго лѣсничаго, который со слезами на глазахъ провожалъ свою красавицу Машу до самыхъ воротъ, а тамъ, въ послѣдній разъ поцѣловавши и благословивши ее, громко зарыдалъ, глядя въ слѣдъ экипажа, быстро уносившаго его послѣднее сокровище. Поѣздъ скоро подкатилъ къ рѣкѣ, женихъ щелкнулъ, и на рѣкѣ мгновенно появился красивый мостъ съ желѣзными перилами. Переѣхали на другой берегъ; снова щелкнулъ женихъ, и моста какъ не бывало. Вотъ и озеро; экипажъ, не останавливаясь, въѣхалъ въ воду и погрузился на дно. Маша очутилась въ великолѣпномъ хрустальномъ дворцѣ, горѣвшемъ всѣми цвѣтами радуги. Маша прожила въ этомъ подводномъ дворцѣ съ мужемъ-ужемъ нѣсколько лѣтъ счастливо и имѣла уже двухъ дѣтей: мальчика Васю и дѣвочку Горпушу. И захотѣлось Машѣ провѣдать своего старика отца. Долго не соглашался ужъ отпустить свою жену съ дѣтьми къ тестю, но наконецъ уступилъ просьбамъ и слезамъ жены, но предварительно взялъ клятву сохранить его тайну: не открывать своему отцу, что мужъ ея ужъ. Опять появился прекрасный экипажъ; ужъ съ женою и дѣтьми сѣлъ въ него и тотчасъ же очутились на берегу озера. Поѣхали далѣе по цвѣтущему лугу къ рѣкѣ и остановились на берегу ея. Здѣсь ужъ вышелъ изъ экипажа, наклонился надъ водой и вдругъ перекинулся черезъ рѣку красивымъ деревяннымъ мостомъ, по которому Маша съ дѣтьми и переѣхали на другую сторону. Подъѣзжая къ своей тихой хаткѣ, Маша подтвердила Васѣ и Горпушѣ, чтобы они ни за что не открывали дѣду, кто ихъ отецъ, не говорили бы, что ихъ отецъ ужъ, иначе со всѣми случится бѣда. Старый лѣсникъ сильно обрадовался, увидѣвъ послѣ столькихъ лѣтъ

разлуки свою любимую дочь да притомъ еще съ внукомъ и внучкой. Разспрашивалъ ее о житьѣ-бытьѣ, ласкалъ то ее, то дѣтей; лаская выговаривалъ, что не собралась раньше провѣдать его. Маша хвалилась отцу, что они съ мужемъ живутъ въ прекрасномъ дворцѣ, что мужъ ея весьма богатъ, а главное и до сихъ поръ очень любитъ ее. Но лишь только старый лѣсникъ начиналъ разспрашивать дочь о томъ, далеко ли отъ рѣки ихъ дворецъ, потому что ни о какомъ дворцѣ вблизи рѣки онъ никогда не слышалъ, какъ веселость покидала Машу и, вмѣсто точныхъ отвѣтовъ, она отдѣлывалась неопредѣленными: нѣтъ, не далеко, совсѣмъ не далеко, и спѣшила перемѣнить предметъ разговора. Такая уклончивость дочери отъ прямого отвѣта показалась лѣснику подозрительной; онъ понялъ, что здѣсь скрывается отъ него какая-то тайна, и порѣшилъ вывѣдать ее отъ дѣтей. Послѣ обѣда, когда Маша по предложенію отца прилегла отдохнуть, лѣсникъ повелъ Васю и Горпушу въ садъ, началъ угощать ихъ разными фруктами и лаская спросилъ Васю: „скажи мнѣ, Вася, какъ вы въ экипажѣ переѣхали черезъ рѣку, вѣдь она очень глубока, ни моста, ни парома на ней нѣтъ,—какъ же вы черезъ нее переѣхали?“ — Папа сдѣлалъ мостъ, мы переѣхали,—отвѣчалъ Вася. Но Горпуша возразила: „нѣтъ, не такъ: папа легъ на воду и самъ сдѣлался мостомъ, а мы по папѣ и переѣхали; онъ и теперь еще лежитъ мостомъ и ждетъ, пока мы переѣдемъ назадъ, на другую сторону рѣки. „Кто-жъ такой, Горпушенька, вашъ папа, что самъ сдѣлался мостомъ?“ Хотя Вася и останавливалъ свою сестру и напоминалъ ей о запрещеніи матери, но Горпуша увлеклась своей болтовней и все разсказала дѣду: и гдѣ они живутъ, и кто ихъ отецъ, и что онъ лежитъ теперь черезъ рѣку красивымъ деревяннымъ мостомъ. Дѣдъ расцѣловалъ внучку, одѣлилъ дѣтей румяными яблоками и сладкими грушами и оставилъ ихъ играть въ саду; самъ же пошелъ въ сарай, взялъ острый топоръ, отправился къ рѣкѣ и изрубилъ мостъ въ куски. Прогостивъ у отца до вечера, Маша сѣла съ дѣтьми въ экипажъ и быстро покатили къ мосту. Подъѣзжаютъ къ рѣкѣ — моста нѣтъ, а на берегу, о, ужасъ! гдѣ былъ мостъ, вездѣ кровь. Сразу поняла Маша все: „кто же изъ васъ, дѣти,

ты ли, Вася, или ты, Горпуша, сказалъ дѣдушкѣ, что отецъ вашъ сдѣлался мостомъ, кто?" вскричала рыдая Маша. „Что же вы молчите! ты, Вася?"—Нѣтъ, мама, я ничего не говорилъ дѣдушкѣ, отвѣчалъ Вася, плача.—„А, такъ значитъ это ты, Горпуша, сдѣлала насъ всѣхъ несчастными? Ну, будь же ты за это крапивой! Пусть твою сердцевину постоянно такъ же точатъ черви, какъ теперь мое сердце точитъ злое горе! И будешь ты всегда причинять людямъ жгучую боль, какъ теперь ты причинала ее мнѣ! А ты, мой милый Вася, будь ты душистымъ василькомъ. Люди будутъ наслаждаться твоимъ запахомъ и будутъ они всегда имѣть тебя и въ своихъ хатахъ и въ своихъ церквахъ!" И еще сильнѣе зарыдала Маша и полетѣла въ лѣсъ кукушкою, а дѣти остались на берегу рости: Вася—душистымъ василькомъ, а Горпуша—жгучей крапивой. (Купянскъ. Отъ крест. Ив. Тура).

Такая же сказка доставлена намъ изъ сл. Араповки; кромѣ того, въ нашемъ собраніи сказокъ находится еще одна, но въ ней говорится о превращеніи мальчика въ соловья, а дѣвочки въ лягушку. (Ср. Эрленвейнъ. Нар. русскія сказки, стр. 169. Про ужака. Записки о южной Руси, т. 2, стр. 33: близнецы превращаются въ соловья и кукушку).

3. *Двѣ легенды на мотивъ о золотой рыбкѣ.*

Кому изъ насъ неизвѣстна прелестная сказка „о рыбакѣ и рыбкѣ" Пушкина? Въ ней золотая рыбка играетъ ту же роль, какую въ приведенныхъ ниже разсказахъ исполняютъ дерево—липа и кумъ—Богъ. Помѣщаемъ оба эти разсказа въ виду, во-первыхъ, того, что въ нихъ высказывается взглядъ народа на вѣчное недовольство людей своимъ положеніемъ, какъ бы хорошо оно ни было, и на безграничное стремленіе ихъ все къ высшему и высшему; во-вторыхъ, потому, что въ этихъ разсказахъ такая ненасытная жадность къ власти приписывается не одной женщинѣ, какъ это обыкновенно выводится въ подобнаго рода сказкахъ, но болѣе сообразно съ дѣйствительной жизнію—и мужчинѣ, и, наконецъ, потому, что въ нашихъ разсказахъ дается отвѣтъ на вопросъ о происхожденіи медвѣдей,—вопросъ, уже вызвавшій нѣсколько цѣнныхъ сообщеній на страницахъ „Этногр. Обозрѣнія" (IV,101 и VI, 143, 233).

1. *Липа.*—„Изъ чего, дѣдушка, медвѣди?“ спросилъ однажды маленькій внучекъ своего стараго дѣдушку, сидя съ нимъ вечеромъ на печи. „Отчего, дѣдушка, лапы и ноги у медвѣдей похожи на людскія?“ — Видишь, внучекъ, медвѣди изъ людей. — „Какъ, дѣдушка, изъ людей?“—А такъ, внучекъ. Вотъ слушай и замѣчай. Жилъ себѣ да поживалъ мужичекъ бѣдно, пребѣдно: ни кола, ни двора, ни зерна; день ѣлъ, а два въ пустую печку глядѣлъ; зипунишка—вотъ и весь его пожитокъ. И надоѣло мужичку сидѣть въ холодной хатѣ: взялъ салазки, топоръ и побрелъ въ лѣсъ нарубить дровецъ. Долго-ли, коротко-ли ходилъ онъ по лѣсу—неизвѣстно, началъ онъ рубить дрова и встрѣтилась ему липа; онъ и захотѣлъ срубить ее. Поднялъ уже топоръ, чтобы рубнуть, какъ отзовется къ нему липа: „Мужичекъ, мужичекъ! не рубай меня; я тебѣ буду въ великой пригодѣ!“ Мужикъ опустилъ свой топоръ и спрашиваетъ липу: „въ какой-такой ты будешь пригодѣ?“ —Я тебѣ дамъ все, что тебѣ нужно. „Ежели такъ“, говоритъ мужикъ: „то вотъ мой дворъ не огороженъ, на немъ ни хлѣвушка, ни амбарчика съ хлѣбомъ, ни скотинки, ни курочки, да и мы съ бабой не одѣты и не обуты. Словомъ: голъ, какъ соколъ, зипунишка - весь пожитокъ. Такъ сдѣлай, чтобы мой дворъ былъ огороженъ и чтобы въ немъ было всего много: и хлѣба, и скота, и птицы. чтобы мы съ бабой были и сыты, и одѣты, и обуты“. Липа ему отвѣчала: „ступай себѣ домой, всего этого добра будетъ у тебя много“. Пришелъ мужикъ домой, а у него скотина ужъ въ загородѣ мычитъ, хозяина встрѣчаетъ, а старуха ключами отъ амбара бряжчитъ, да зерно птицѣ посыпаетъ. Хорошо зажилъ мужикъ. Пожилъ немного да и снова пошелъ въ лѣсъ къ липѣ. Приходитъ, подошелъ и ударилъ ее обухомъ топора. Липа и спрашиваетъ: „чего пришелъ мужичекъ? чего тебѣ нужно?—Вотъ у меня жена старая, рябая и хворая: сдѣлай такъ, чтобы она была молодая, красивая и здоровая. „Ступай себѣ домой: все будетъ по твоему“. Приходитъ мужикъ домой, встрѣчаетъ его жена—красавица писаная. Живетъ мужикъ, поживаетъ; всего у него много, жена красавица, — словомъ, живетъ въ свое удовольствіе. Вдругъ не понравилось ему ломать шапку передъ старшиною. Снова пошелъ въ лѣсъ къ липѣ. Приходитъ

въ лѣсъ, подошелъ и ударилъ ее обухомъ. Липа и спрашиваетъ: „чего пришелъ мужичекъ? чего тебѣ нужно?"—„Вотъ я ломаю передъ старшиной шапку: сдѣлай такъ, чтобы я самъ былъ старшиною". „Ступай себѣ домой", сказала липа: „все будетъ по твоему". Не успѣлъ онъ домой придти, какъ звенитъ уже колокольчикъ: подъѣхало нѣсколько почетныхъ людей, просятъ его въ волость и поздравляютъ старшиною. Послужилъ онъ немного старшиною и не захотѣлъ служить больше потому, что приходилось ему шапку ломать и передъ становымъ, и передъ исправникомъ, и передъ губернаторомъ. Пошелъ онъ опять къ липѣ. Приходитъ, ударилъ по ней обухомъ и говоритъ: „Липа, я хочу тебя срубить".—„Чего пришелъ, мужичекъ? спрашиваетъ его липа: чего тебѣ еще нужно?" Отвѣчаетъ ей мужикъ: „вотъ я передъ становымъ, исправникомъ и губернаторомъ шапку ломаю: сдѣлай такъ, чтобы я самъ былъ губернаторомъ".—„Ступай себѣ домой", сказала ему липа: „все будетъ по твоему". Назначили мужика губернаторомъ, но все же ему пришлось ломать шапку передъ царемъ. Пошелъ онъ опять въ лѣсъ къ липѣ и намѣревается ее рубить. „Чего же тебѣ еще нужно? спрашиваетъ мужика липа: развѣ ты не губернаторъ"?—„Губернаторъ то я, губернаторъ, отвѣчаетъ ей мужикъ: а все приходится ломать шапку: сдѣлай-ка такъ, чтобы былъ я царемъ". Тогда липа сказала мужику: „вспомни-ка, мужичекъ, что ты былъ и чѣмъ сталъ, и чего тебѣ еще нужно? Быть царемъ! да вѣдь царь избирается самимъ Богомъ, а ты хочешь быть царемъ; такъ будь же ты медвѣдемъ, а жена твоя медвѣдицей!" И въ ту же минуту мужикъ сталъ медвѣдемъ, а жена его—медвѣдицей. „Такъ вотъ видишь, внучекъ, изъ чего медвѣди, и почему у нихъ ноги и лапы похожи на людскія", сказалъ дѣдушка своему внучку. (Сл. Преображенная. Отъ крестьянина И. Галенко).

Въ Купянскомъ уѣздѣ кромѣ того извѣстенъ разсказъ общераспространенный о происхожденіи медвѣдя изъ человѣка, желавшаго испугать Христа и ап. Петра, когда они проходили по мосту.

Кумъ.—„Бувъ соби чоловикъ та жинка; воны жылы въ лиси и бидно. Родылась у ихъ дотынка,—чоловикъ и пишовъ шукаты кумивъ, шобъ дытыну перехрыстыты. Куму найшовъ,

а кума такъ не найды: нихто ны хочыть. Винъ уже тры дни ходывъ, и нихто ны согласывся до ёго иты кумуваты, шо винъ дуже бидный. Отъ иде винъ додому тай плачыть. На дорози зустривъ ёго старый, старый дидъ тай пыта: „чого ты, чоловиче добрый, плачышъ?“ — Якъ мини, дидусю, ны плакаты, що третій день кума не найду: прыйдыця моему сыночкови ище остатьця нехрыщеному. Дидъ той и кажы: „та давай я пиду покумую“. Чоловикъ обрадовався, повивъ ёго въ свою хату. Кума все ждала,—снарядыла и отправыла кумивъ съ детыною до попа хрыстыты. Воны пишлы, перехрыстылы, прынеслы до дому. Кумъ и каже: „ну, вы закусюйты, а я до дому пиду. Ты, кума, одужуй та кормы сына, а шобъ швыдче поправлялась, такъ возьмы, кумъ, мишокъ та ходимъ, я тоби насыплю пшеныци, шобъ було шо куми исты“. Чоловикъ взявъ мишокъ и пишовъ за старымъ дидомъ, своимъ кумомъ. Той прывивъ ёго въ лисъ густый, густый, пидвивъ до товстого дуба, одиткнувъ у нёму чипъ— пшеныця, якъ золото, и полылась изъ дуба. Цей пидставывъ мишокъ, насыпавъ повенъ изъ верхомъ и завьязавъ. Старый кумъ кáжы: „якъ поисте́ цю пшеныцю, такъ прыйдышъ ище,—я ище дамъ пшеныци“. Якъ прынисъ чоловикъ додому пшеныцю, жынка рада и гомоныть: „отъ, Богъ давъ, нажылы кума, такъ кума! Це такый кумъ, шо ощаслыве насъ“. Якъ не стало пшеныци, жинка кажы: „беры, чоловиче, мишокъ та йды до кума за пшеныцею, та попросы у ёго сто рублівъ грошей на волы“. Винъ иде дорогою и думае: „якъ бы кумъ давъ двисти рублівъ, тоди бъ мы зажылы ны такъ!..“ Прыйшовъ до кума и сказавъ, шо жинка просыла, кроми пшеныци, ще сто рублівъ грошей. „Та ни, куме“, сказавъ ёму старый дидъ: „ты, куме, дорогою думавъ двисти рублівъ грошей попросыты, такъ на тоби двисти рублівъ, та купуй волы“. Той узявъ гроши и пшеныцю, подякувавъ и пишовъ додому. И ради булы воны, шо розжылысь на гроши. Сичасъ купылы воливъ и корову—началы богатиты. Упьять жинка кажы своему чоловикови: „пиды, чоловиче, до кума и попросы ёго, шобъ наставывъ тебе началныкомъ“. Пишовъ винъ до кума, поздоровкався и говóры: „ты знаишъ, куме, чого я до тебе прыйшовъ?“—А чого?—„Поставъ мене якымъ-небудь

начальныкомъ!“ Винъ узявъ и наставывъ ёго старостою. Походывъ, не походывъ винъ старостою,—жинка упьять до кума посыла: „Пиды такы, чоловиче, до кума, ныхай винъ устроить тебе царемъ“. (Воны, бачъ, уже щиталы свого кума за самого Бога, чого и надіялысь на ёго що все винъ зможы зробыты). Чоловикъ прыходыть до кума и просыть наставыты ёго царемъ. Кумъ ничого, — поставывъ ёго царемъ. Оце винъ уже и царюи. Жинци показалось нызько буты и царыцею: посыла вона свого чоловика-царя ище до кума, шобъ винъ зробывъ ёго Богомъ, — бачъ, ій захотилось побуты богынею. Прыйшовъ винъ до старого кума и просыть зробыты ёго богомъ. Кумъ сказавъ ёму: „шожъ, пожалуй, я зроблю тебе и богомъ, та тилкы гляды, хто шо не буды робыты, хоть якъ неправедно, такъ ты мовчы, не осуждай никого и никому ничого ны кажы“. Винъ согласывся, — и посадывъ ёго дидъ богомъ на драбынци.. Сыдыть винъ вгори на драбынци и богуи надъ усимъ. Отъ дывыця: два браты сталы дилыця; прышлось имъ розсыпаця пшеныцею, а миркы не було. Одынъ изъ ихъ и побигъ до сусида за мыркою, а той братъ, шо остався, черкъ коробкою пшеныци та въ свои мишкы, шобъ той ны бачывъ. Богъ той, шо на драбынци сыдивъ, якъ закрычыть: „а що ты, дьяволивъ сыну, робышъ, на шо ты соби крадышъ!“ Оце вже, бачъ, богъ, шо на драбынци, не исповнывъ свого обищання кумови. Отъ прыходы до ёго старый кумъ и кажы: „чого жъ ты, боже, не исповнывъ мого прыказання? Не будь же ты богомъ, а будь выдмедемъ!“ Тай турнувъ ёго изъ драбыны геть додому. И побигъ той чоловикъ выдмедемъ. Такъ выдмеди изъ людей и пишлы плодыця, отъ того чоловика, шо бувъ богомъ. Того выдмеди здорово и похожи на людей, шо воны изъ людей. Первый выдмедь, шо бувъ богомъ, побигъ до жинкы додому,— тилкы прытулывся до неи и до детыны, воны тожъ сичасъ зробылысь медвежыхою и медвыжамъ, и вси трои побиглы въ лисъ, тамъ сталы и жыты“. (Сл. Ново-Екатеринославль. Записалъ крест. Ив. Рудичъ).

П. И.

Дѣтскія игры бѣлорусскихъ евреевъ.

Въ исполненіе одного изъ безчисленныхъ предписаній талмуда, еврейскія дѣти, собственно мальчики, обязаны, по достиженіи пяти или шести-лѣтняго возраста, посѣщать хедеры, еврейскія школы, въ которыхъ невѣжественные меламеды-фанатики обучаютъ ихъ еврейской грамотѣ и начаткамъ вѣроученія по талмуду. [1]) Въ извѣстномъ Описаніи Могилевской губерніи г. Дембовецкаго мѣстный гебраистъ Жуковскій совершенно справедливо говоритъ, что меламеды имѣются вездѣ, гдѣ есть малѣйшее поселеніе еврейское, хотя бы, прибавимъ отъ себя, одна изба. По наружному виду они кажутся идіотами и въ сущности не имѣютъ никакихъ, даже самыхъ элементарныхъ, научныхъ свѣдѣній, и умѣя только читать, передаютъ это умѣнье (самыми допотопными пріемами) своимъ ученикамъ безъ всякихъ разъясненій. Книги, читаемыя здѣсь, исключительно талмудистическія. [2])

Въ этихъ грязныхъ и вонючихъ хедерахъ дѣти правовѣрныхъ евреевъ проводятъ почти все свое дѣтство, до тѣхъ поръ, пока по достиженіи извѣстнаго возраста (13 лѣтъ и 1 дня) будутъ приняты въ число членовъ синагоги и получатъ право употреблять при молитвѣ традиціонное полосатое покрывало и надѣвать на руки и на лобъ *тефилинъ*—гузы,

[1]) Въ настоящее время, по сообщенію газетъ, этотъ вопросъ обратилъ на себя вниманіе правительства, и составленъ проектъ преобразованія системы начальнаго обученія еврейскихъ дѣтей. Нынѣшніе хедеры съ меламедами и ихъ помощниками бегельферами, а также бесъ-гамидроши, или молитвенныя школы, имѣютъ быть замѣнены правительственными учрежденіями, въ которыхъ обученіе будетъ происходить подъ контролемъ особой инспекціи. *Ред.*

[2]) Томъ I, стр. 729.

какъ зовутъ ихъ бѣлоруссы,—и слѣдовательно фанатическимъ ученіемъ, въ духѣ ненависти къ иновѣрцамъ, еврейскія дѣти пропитываются съ самыхъ раннихъ лѣтъ. Неудивительны поэтому, съ одной стороны, полное почти отсутствіе свободныхъ, чисто дѣтскихъ игръ у еврейскихъ дѣтей, а съ другой стороны тотъ проникнутый религіозною нетерпимостью характеръ, который приданъ немногимъ существующимъ играмъ.

Можетъ быть, наши долголѣтнія наблюденія и поверхностны, но намъ удалось найти у еврейскихъ дѣтей *только одну* игру, не имѣющую никакого отношенія къ религіи. Это—игра *въ косточки*. [1])

Игра эта состоитъ вотъ въ чемъ. Играющіе берутъ 11 косточекъ (изъ бараньей ноги) и усаживаются на полу или на гладкой землѣ. Здѣсь они устанавливаютъ между собою очередь въ игрѣ и условливаются въ величинѣ „пульки". Мальчики въ этой игрѣ принимаютъ участіе весьма рѣдко, и она сдѣлалась почти исключительно игрою дѣвочекъ.

Итакъ, первая по очереди участница игры беретъ въ обѣ руки косточки и бросаетъ ихъ на полъ, стараясь бросить такъ, чтобы онѣ не легли группами. Затѣмъ изъ ихъ числа выбираетъ одну, которая лежитъ ближе къ другимъ, и, подбрасывая ее кверху, въ то же время хватаетъ съ пола другую косточку и опять ловитъ на лету первую, не давая ей упасть на землю. Когда такимъ образомъ въ рукѣ будетъ двѣ косточки, играющая одну откладываетъ въ сторону, а другую снова подбрасываетъ кверху и хватаетъ съ пола третью, не давая упасть и подброшенной. Когда будутъ схвачены съ пола такимъ образомъ всѣ десять косточекъ, кончится первая фигура игры. Тогда играющая снова беретъ всѣ косточки въ обѣ руки и бросаетъ ихъ на полъ, стараясь, чтобы онѣ

[1]) Дѣвушки изъ еврейскихъ семей, изолированно живущихъ въ деревняхъ, нерѣдко принимаютъ участіе въ играхъ бѣлорусской молодежи; онѣ прекрасно говорятъ по-бѣлорусски, и часто, принявъ христіанство, выходятъ замужъ за бѣлорусскихъ парней—участниковъ игръ. Еврейскія дѣтскія *забавы* носятъ характеръ болѣе или менѣе коммерческій. Въ настоящее время распространилась игра «въ классы» (царства, городки), но она перенята исключительно въ городахъ и дальше не распространяется.

уложились или группами или невдалекѣ одна отъ другой. Затѣмъ берется косточка, которая лежитъ неудобно—въ данномъ случаѣ слишкомъ далеко отъ другихъ; подбрасывая ее кверху, играющая хватаетъ съ полу по двѣ косточки, ловя каждый разъ на лету и косточку, подброшенную кверху. При третьей фигурѣ съ пола хватается по три косточки. Четвертая фигура заключается въ томъ, что дѣвочка беретъ въ одну руку всѣ косточки и подбрасываетъ ихъ слегка кверху, стараясь уловить перевернутою рукою (ладонью книзу). Подхваченныя такимъ образомъ косточки сейчасъ-же подбрасываются снова кверху и подхватываются опять же перевернутою рукою (ладонью кверху). Каждая подхваченная такимъ образомъ косточка считается за *десять*, и условленная пулька уменьшается на столько десятковъ, сколько въ послѣдній разъ подхвачено косточекъ. Игру начинаетъ тогда слѣдующая по очереди участница. Но если игравшая подхватитъ перевернутою рукою (ладонью книзу) всего одну косточку, или при вторичномъ подхватываніи (ладонью кверху) уронитъ косточку, то ходъ считается проиграннымъ, и игра передается слѣдующей. Равнымъ образомъ ходъ считается проиграннымъ и тогда, если въ первыхъ трехъ фигурахъ играющая не успѣетъ подхватить на лету подброшенную вверхъ косточку, или вмѣсто одной схватитъ двѣ, вмѣсто двухъ одну и т. д. Когда очередь снова дойдетъ до первой, она начинаетъ игру съ той фигуры, на которой она ошиблась — „спортилась", какъ говорятъ бѣлоруссы. Пулька назначается обыкновенно не менѣе 100 и не болѣе 400. Въ южной части Могилевской губерніи косточекъ бываетъ только пять, но фигуры сохраняются всѣ. Тамъ впрочемъ это любимая игра всѣхъ дѣтей, въ томъ числѣ и христіанскихъ. Но бѣлоруссы и великоруссы играютъ не косточками, а „камушками". А игра въ камушки, какъ извѣстно, распространена и въ другихъ мѣстахъ Россіи. [1])

Всѣ остальныя извѣстныя намъ игры еврейскихъ дѣтей имѣютъ большее или меньшее отношеніе къ религіи, почти

[1]) Покровскій, Дѣт. игры, стр. 341; Ивановъ, Дѣт. игры Купян. у. 39. Баловъ, Этн. Обозр. VI, 112.

всѣ проникнуты религіознымъ фанатизмомъ, или, какъ выражается одна изъ нашихъ почтенныхъ корреспондентокъ, „установлены въ память велихъ событій еврейской исторіи“. Но и такихъ игръ весьма немного.

Главное мѣсто среди нихъ принадлежитъ игрѣ *въ орѣхи* Это, можно сказать, національная еврейская игра.

Какъ извѣстно, давать дѣтямъ орѣхи въ первыя двѣ ночи Пасхи предписывается тѣмъ же всепроникающимъ талмудомъ, въ тѣхъ видахъ, вѣроятно, чтобы дѣти не засыпали во время безконечнаго чтенія, на древнееврейскомъ языкѣ, исторіи о выходѣ евреевъ изъ Египта. Такимъ образомъ, съ невинной повидимому игрой въ орѣхи у еврейскихъ дѣтей уже связывается память о „великомъ событіи“ въ жизни ихъ предковъ. Самая причина, по которой дѣтямъ даются для игры именно орѣхи, а не другое что, также оригинальна. По толкованію ортодоксальныхъ евреевъ, *орѣхъ есть подобіе еврея*, какъ-бы его символъ. Сильнѣйшее сходство между ними оказывается вотъ въ чемъ: Божій избранникъ, еврей, силою обстоятельствъ принужденъ вращаться среди такихъ нечистыхъ созданій, какъ *гои*, то есть христіане. Но еврей—орѣхъ. Какъ бы онъ наружно ни загрязнился сношеніями съ нечистыми гоями, внутренній міръ его остается всегда однимъ, чистымъ и невредимымъ, какъ ядро въ испачканномъ случайно орѣхѣ. Признаніе, слышанное лично нами, весьма характерное.

Существуетъ нѣсколько видовъ игры въ орѣхи; болѣе обыкновенный слѣдующій: играющіе ставятъ на конъ по орѣху, одинъ за другимъ (отъ играющихъ, но не въ рядъ, не справа налѣво) становятся на десять—двацать шаговъ отъ кона, нѣсколько въ сторону и катятъ по очереди чугунные шарики, по-бѣлорусски—галки, въ конъ, стараясь непремѣнно попасть въ орѣхи. Если галка попадетъ въ первый орѣхъ, попавшій въ него беретъ только этотъ одинъ орѣхъ, если во второй—берется два орѣха, въ третій—три, въ послѣдній—всѣ. Выигрывающій имѣетъ право бросать галку до тѣхъ поръ, пока не промахнется или не выиграетъ всѣ орѣхи, стоящіе на кону. Съ другой стороны, если покатившій ядро промахнется или покатитъ его такъ слабо, что оно столкнувшись съ орѣхомъ, не сдвинетъ его съ мѣста, то ходъ считается проиграннымъ и проигравшій

приставляетъ на конъ еще орѣхъ. Когда такимъ образомъ отъ частаго проигрыша конъ приблизится къ играющимъ, тогда проигрывающіе начинаютъ ставить орѣхи перпендикулярно къ первому ряду, дѣлая для него такимъ образомъ прикрытіе, которое не должно затрогиваться ядрами при дальнѣйшей игрѣ.

Второй видъ игры въ орѣхи составляетъ катанье ихъ съ лубка или съ доски, подобное нашему катанью яицъ на Пасхѣ, съ тою только разницею, что у насъ, при столкновеніи яицъ, выигравшимъ берется одно яйцо, а у евреевъ при столкновеніи орѣховъ, берутся всѣ находящіеся у лубка орѣхи.

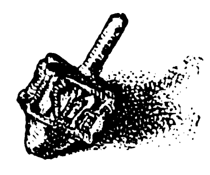
Для третьяго вида игры въ орѣхи берется остроконечная ермолка (которая надѣвается подъ шапку евреями); на вдавленную нѣсколько вершину ея играющіе кладутъ по орѣху, и затѣмъ по очереди стараются на нѣкоторомъ отдаленіи выбить изъ ермолки сначала однимъ орѣхомъ два, потомъ двумя три, тремя, пятью, и т. д. Въ случаѣ же неудачи, брошенные орѣхи остаются въ ермолкѣ вмѣстѣ съ ставкю. Въ Могилевской губерніи игра эта имѣетъ много варьяцій, нося названія: патэс, сэлэ-мэлэ-бомбэ и др.

Наконецъ четвертый видъ игры съ орѣхами состоитъ въ слѣдующемъ. Три игрока складываютъ по два орѣха. Одинъ игрокъ остается съ орѣхами, прочіе уходятъ въ другую комнату. Оставшійся беретъ три тарелки и прячетъ подъ ними орѣхи: подъ одной одинъ, подъ другой два, подъ третьей три. Тогда входитъ одинъ изъ выходившихъ игроковъ и вскрываетъ любую тарелку, выигрывая находящіеся подъ нею орѣхи. Второй выбираетъ уже изъ двухъ тарелокъ. Тому, который пряталъ орѣхи, остается послѣдняя. Затѣмъ по очереди у тарелокъ остается второй игрокъ и т. д.

Какъ уже сказано выше, игра въ орѣхи предписывается талмудомъ только въ Пасху; но въ виду отсутствія, вѣроятно, другихъ игръ она допускается и въ нѣкоторые другіе праздники (говорю—въ праздники, такъ какъ въ будни дѣти сидятъ въ хедерахъ съ утра до вечера). Къ такимъ праздникамъ принадлежатъ Пятидесятница, Кущи и день Освященія (ханука), установленный въ память побѣдъ Маккавеевъ.

Въ этотъ послѣдній праздникъ, впрочемъ, дѣти играютъ

еще *въ волчекъ* или *юлу*, на деньги, также и на орѣхи. Волчекъ выливается обыкновенно изъ свинца. Онъ состоитъ изъ небольшого кубика, съ конической ножкой внизу и небольшой ручкой вверху. По боковымъ сторонамъ кубика или на крыльяхъ, которыя нерѣдко прикрѣпляются къ его боковымъ ребрамъ, вырѣзываются четыре еврейскія буквы: *н*, *г*, *х*, *ш*, по одной на каждой сторонѣ. Это начальныя буквы древне-еврейскихъ словъ: *нэс*, *годэл*, *хойё*, *шом*, означающихъ въ переводѣ: великое чудо совершилось тамъ (въ Палестинѣ).

נ ג ה ש

Такимъ образомъ, и такая невинная игра, какъ волчекъ (кажется *горнъ*), имѣетъ также религіозную подкладку. Практическія дѣти замѣнили впрочемъ древнееврейскія слова словами жаргона: nichts, gar, halb, stell-zu (ничего, совсѣмъ, половина, приставь). Каждый изъ играющихъ по очереди пускаетъ волчекъ и, смотря по тому, какою буквою кверху онъ ляжетъ, играющій или ничего не получаетъ изъ ставки, или беретъ все, половину, или приставляетъ къ прежней ставкѣ новую. Эта игра должна продолжаться недѣлю,

Къ числу праздничныхъ дѣтскихъ игръ сами евреи относятъ и слѣдующіе обычаи и обряды:

Въ *девятый день Кущей* въ синагогѣ читаются послѣднія главы Пятикнижія, чѣмъ завершается годовой кругъ чтенія его при богослуженіи. Къ этому дню каждый мальчикъ заранѣе приготовляетъ цвѣтную свѣчу, разукрашенную палочку, въ видѣ подставки для свѣчи, и спеціально для этой цѣли изготовленную картинку краснаго, зеленаго и т. п. яркихъ цвѣтовъ. На оригинальной картинкѣ этой съ одной стороны въ центрѣ находится изображеніе священной торы, увѣнчанной короною и поддерживаемой символическими звѣрями и птицами. Подъ торою одни сыны Израиля, въ древнихъ костюмахъ, несутъ въ сопровожденіи дѣтей свитки закона, а другіе правовѣрные пируютъ съ чашами въ рукахъ и танцуютъ, такъ какъ, по предписанію талмуда, въ этотъ день (шалёное свято) всякій еврей непремѣнно долженъ быть пьянъ, иначе онъ будетъ сочтенъ за еретика,

не радующагося Моисееву законодательству. Здѣсь же находится и надпись: радуйтесь, радуйтесь празднику Шимхась-торѣ! На другой сторонѣ картинки изображаются символическія животныя, чаще всего левъ и олень, съ соотвѣтствующими надписями, въ родѣ: будь силенъ, какъ левъ, и быстръ, какъ олень, въ исполненіи заповѣдей Божіихъ. Видовъ такихъ картинокъ есть нѣсколько. Продѣвая картинки эти сквозь помянутыя подставки для свѣчей, дѣти дѣлаютъ изъ нихъ родъ флага, съ которымъ при наступленіи вечера, зажегши свѣчи, толпами бѣгутъ въ синагогу и тамъ участвуютъ въ процессіи семикратнаго обнесенія свитковъ вокругъ алтаря, „восхваляя Моисея за его законодательство". Само собою разумѣется, что мальчики стараются перещеголять другъ друга красотою своей картинки, свѣчи и палочки.

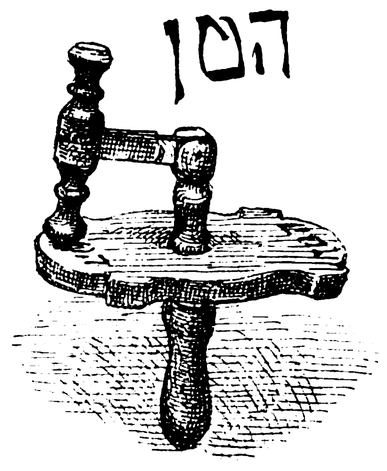
Затѣмъ, готовясь къ празднику *Пуримъ*, въ который воспоминается избавленіе евреевъ Эсфирью отъ поголовнаго истребленія, дѣти начинаютъ копить деньги и покупаютъ на нихъ спеціально изготовленные къ этому празднику еврейскими кондитерскими сахарныя фигурки животныхъ, посуды, утвари и т. п. Съ наступленіемъ Пурима дѣти, подражая взрослымъ, разсылаютъ чрезъ бѣдныхъ мальчиковъ эти фигурки въ подарокъ своимъ товарищамъ, по ихъ старшинству, всячески стремясь къ тому, чтобы взамѣнъ получить болѣе дорогой подарокъ, и приходя въ отчаяніе отъ подарка болѣе дешеваго. Желаніе узнать поскорѣе, не обманетъ ли товарищъ отвѣтнымъ подаркомъ, настолько сильно овладѣваетъ дѣтьми, что они, не дожидаясь возвращенія своего посланца, сами бѣгутъ къ дому товарища и, притаившись у дверей или у окна, наблюдаютъ за его дѣйствіями [1].

Съ праздникомъ Пурима соединяется и еще одна дѣтская игра. Какъ извѣстно, въ чтеніяхъ этого дня упоминается имя Амана, царедворца Ксеркса, который, вѣроятно, по чувству патріотизма, намѣревался освободить свою родину отъ евреевъ, употребивъ для этого средство во вкусѣ того времени—поголовное истребленіе. Намѣреніе Амана не осуществилось. Но евреи его не забыли, хотя съ того вре-

[1]) Подробности эти сообщены намъ еврейкою.

мени прошло 2365 лѣтъ, и весьма оригинально выражаютъ свою ненависть къ Аману. Къ этому дню дѣтьми устраивается особая трещотка. Она состоитъ изъ трехъ частей: доски эллиптической формы, продѣтой чрезъ нее ручки, съ длиннымъ концомъ поверхъ доски, и молотка. Молотокъ прикрѣпленъ на шарнирѣ къ выдающемуся поверхъ доски концу ручки такъ, что свободно ударяетъ по обоимъ концамъ доски. На этихъ концахъ, въ точкахъ ударовъ молотка, вырѣзано имя Амана. И вотъ этими-то молотками еврейскія дѣти бьютъ Амана при каждомъ упоминаніи въ чтеніяхъ имени ненавистнаго амаликитянина. Старые евреи при этомъ немилосердно стучатъ каблуками, а молодежь заранѣе припасенными палками.

Не свободна отъ вліянія религіи и слѣдующая игра, представляющая нѣчто въ родѣ нашихъ *жгутовъ*. Одинъ изъ играющихъ садится на стулъ; другой нагибается къ нему лицомъ на колѣни, чтобы не видѣть происходящаго сзади; остальные играющіе кладутъ ему на спину свои руки, въ кругъ, кромѣ одного, который, читая строфу изъ *утренней молитвы*, бьетъ по очереди, при каждомъ словѣ, по рукамъ играющихъ. На чьей рукѣ пришелся ударъ при послѣднемъ словѣ, на той и останавливается читавшій и спрашиваетъ у лежащаго: чья это рука? Если лежащій угадываетъ, его замѣняетъ тотъ, чья рука; въ противномъ случаѣ игра продолжается по прежнему, но читаемая строфа начинается уже съ руки другого мальчика, чтобы послѣднее слово ея не приходилось на одномъ и томъ же.

Вотъ и всѣ игры несчастнаго еврейскаго ребенка.

Отъ коментаріевъ мы воздержимся. Это скорѣе дѣло газетной прессы. Наша же цѣль была—приподнять нѣсколько завѣсу, отдѣляющую отъ насъ этотъ своеобразный, во многомъ еще ветхозавѣтный міръ... **Е. Романовъ.**

О народной медицинѣ въ Переяславскомъ уѣздѣ Полтавской губ.

Настоящія замѣтки составлены по личнымъ наблюденіямъ въ Переяславскомъ уѣздѣ Полтавской губ., въ волостяхъ: Демянской, Скопецкой и Барышевской. Мѣстность эта до сихъ поръ сравнительно мало подвергалась вліянію городской и фабричной жизни. Ближайшій большой городъ (отъ названныхъ волостей въ 60—80 верстахъ) привлекаетъ изъ Переяславскаго уѣзда сравнительно мало рабочихъ. Много крестьянъ, особенно молодежи, уходитъ на заработки, но не въ большіе города, а „на низъ",—въ губерніи Екатеринославскую, Херсонскую, и въ Кубанскую область. Населеніе же этихъ мѣстностей въ большинствѣ однородно съ населеніемъ Полтавской губерніи по языку и міровоззрѣнію. Гораздо болѣе сильное, чѣмъ города и отхожіе промыслы, вліяніе на народныя понятія имѣютъ мѣстныя причины. Уже съ давнихъ поръ духовенство и администрація ведетъ борьбу съ народнымъ „язычествомъ", съ вѣрой въ силу заклинаній и ворожбу всяческихъ видовъ. Но борьба эта по настоящее время не даетъ ощутительныхъ результатовъ, и, не смотря на строгіе законы, народные цѣлители—ворожки продолжаютъ благоденствовать. Нерѣдко даже приходится наблюдать, какъ само начальство проникается вѣрою въ силу предразсудковъ, прибѣгаетъ къ помощи ворожекъ или борется съ знахарями ихъ-же оружіемъ. Для уничтоженія „закрутки" и дурныхъ послѣдствій отъ нея, въ нѣкоторыхъ селахъ крестьяне обращаются къ священнику, который, за извѣстное вознаграж-

деніе, выѣзжаетъ на мѣсто найденной закрутки и читаетъ надъ нею заклинанія по старинному требнику Петра Могилы.

Если духовенство и администрація безсильны поколебать міросозерцаніе, сложившееся вѣками, то задачу эту съ замѣтнымъ успѣхомъ выполняетъ народная школа и земская медицина. Народные учителя стараются освободить своихъ учениковъ отъ предразсудковъ, — и села, гдѣ давно существуетъ школа, даютъ наибольшее количество больныхъ, обращающихся за помощью въ земскія амбулаторіи. Но школъ сравнительно мало (число ихъ колеблется отъ 30 до 33 на 120 тысячъ населенія уѣзда), народныхъ библіотекъ и читаленъ совсѣмъ нѣтъ, а сами учителя не всѣ свободны отъ суевѣрій и предразсудковъ. Не имѣя возможности продолжать умственное развитіе послѣ школы чтеніемъ хорошихъ книгъ, читая только изданія лубочныя, крестьяне вносятъ въ свои взгляды на жизнь и природу новые элементы, весьма сомнительнаго достоинства,—получается новая путаница въ міровоззрѣніи, хуже прежней. Не имѣя умственныхъ силъ и подготовки отвѣтить на столь близкіе для человѣка вопросы, какъ вопросы о жизни, болѣзни, смерти,—многіе крестьяне, въ сознаніи своего безсилія, рѣшаютъ, что объ этомъ „грѣхъ думать".

И на народное міровоззрѣніе вообще, и на народную медицину въ частности, имѣетъ замѣтное вліяніе земская медицина, благодаря, главнымъ образомъ, практичности своей постановки и доступности для народной массы. До введенія земскихъ учрежденій въ уѣздѣ былъ только одинъ врачъ, внушавшій народу страхъ и отвращеніе своими разъѣздами для производства судебныхъ слѣдствій и вскрытій. Собственно лѣченіемъ народа онъ не занимался, да это было бы для него и невозможно. Теперь въ уѣздѣ имѣется 4 врача и 21 фельдшеръ (съ 1891 г.—5 врачей), и всѣ они завалены работой. Число больныхъ, обращающихся за помощью въ земскія амбулаторіи, быстро растетъ (въ 1889 году было около 80 тысячъ на 120 тысячъ населенія).

Но большинство крестьянъ видитъ въ медицинѣ не раціоналистическое искусство, а тоже область мистическую, знахарскую, хотя и въ меньшей степени, чѣмъ доморощен-

ная медицина. Пріемы изслѣдованія и вся обстановка врача (постукиваніе, выслушиваніе, термометръ и всякіе приборы и инструменты) настолько же непонятны и таинственны для крестьянина, какъ и пріемы ворожекъ. Лѣкарство, получаемое крестьяниномъ въ земской амбулаторіи, есть для него всё то же „зилля“. Вслѣдствіе этого многіе крестьяне лѣчатся попеременно то въ земскихъ амбулаторіяхъ, то у ворожекъ. Земскій медицинскій персоналъ не старается распространять свѣдѣнія по естествознанію, физіологіи и гигіенѣ, отчасти по недостатку времени, отчасти по отсутствію сознанія въ необходимости взять на себя эту культурную задачу ради цѣлей научной медицины.

Въ отношеніяхъ крестьянъ къ ворожбѣ и всякимъ суевѣріямъ не замѣчается существенной разницы по поламъ. Съ перваго взгляда кажется, что мужчины свободнѣе отъ этихъ суевѣрій, чѣмъ женщины. На самомъ дѣлѣ они только сдержаннѣе, скрытнѣе въ этомъ отношеніи. Если только кто нибудь, особенно изъ ихъ-же среды, будетъ серьёзно отрицать сверхъестественныя знанія и силу ворожекъ, крестьянинъ обыкновенно проявляетъ непріязнь и нетерпимость къ такому свободомыслію. Молодежь вообще свободнѣе отъ этихъ предразсудковъ, отчасти по своему легкомыслію, отчасти потому, что выросла при новыхъ условіяхъ. Солдаты и люди, жившіе въ городахъ, также часто проявляютъ это свободомысліе по отношенію къ всему старомодному и самобытному и съ большимъ довѣріемъ обращаются за помощью къ земской медицинѣ.

На болѣзнь вообще смотрятъ какъ на службу Богу, искупленіе за содѣянные грѣхи. Наказаніе можетъ быть ниспосылаемо главнымъ образомъ за несоблюденіе праздниковъ; въ такихъ случаяхъ обыкновенно говорится, что „покаравъ“ тотъ святой, праздникъ котораго былъ нарушенъ работой: „покаравъ святый Иванъ Воинный“, или „святый Полу-Петро“ и т. п. Болѣзнь можетъ приключиться и отъ нѣкоторыхъ урочныхъ дней; такъ, за пряденіе въ пятницу можетъ разболѣться рука („пучку скрутыло, — свята Пьятинка покарала“). Вообще, по народнымъ понятіямъ, высшія существа требуютъ для себя почитанія празднованіемъ дней,

посвященныхъ имъ, и сердятся за несоблюденіе этой обязанности. Отъ этой причины могутъ происходить всякія болѣзни, но преимущественно слѣдующія: внезапный обморокъ, апоплексическій и солнечный ударъ, острыя заболѣванія желудка, подпираніе подъ ложечкой, рвота; далѣе — раненіе ножомъ или топоромъ себя или домочадца или скотину и всякія несчастныя случайности, особенно во время самой работы. Большая часть этихъ болѣзней происходитъ во время лѣтнихъ полевыхъ работъ, когда по недостатку времени чаще всего приходится нарушать небольшіе праздники.

Далѣе я ограничусь простымъ перечисленіемъ признаваемыхъ народомъ въ данной мѣстности причинъ болѣзней, такъ какъ онѣ уже много разъ были описаны. Отъ „уроку" (сглаза) можетъ разболѣться и распухнуть рука или нога, что также чаще всего случается во время лѣтнихъ полевыхъ работъ. Кромѣ того, „урокъ" можетъ причинить и общія страданія дитяти: безсонницу, исхуданіе безъ видимыхъ причинъ и т. п. Отъ „прыстриту" происходятъ: легкое недомоганіе, ознобъ, зѣвота, колотье въ бокахъ, „пропасныця" (лихорадка).

Далѣе слѣдуютъ, какъ причины болѣзней, злые умыслы и дѣянія людей, владѣющихъ для того особенною силою или знаніями. Отъ „закрутки", смотря по тому, съ какимъ умысломъ она сдѣлана, можетъ произойти тяжелая болѣзнь и смерть. Чаще всего сюда относятся болѣзни: тифъ, тяжелыя формы воспаленія легкихъ, скоротечная чахотка. Отъ „данна", т. е. отравы зельемъ или снадобьемъ изъ гадюкъ, ящерицъ, и всякой „погани", можетъ произойти боль въ животѣ, хроническое страданіе желудка и другихъ органовъ. Въ такихъ случаяхъ говорятъ, что въ желудкѣ заводятся гадюки, жабы и пр. Отъ „данна" же происходятъ и страданія центральной нервной системы,—ипохондрія, меланхолія, тихое помѣшательство, страданія любви. Въ этихъ случаяхъ „данна" обыкновенно состоитъ изъ отвара мозга кошки, птицы сойки, который даютъ пить и имъ же кропятъ того, на кого хотятъ подѣйствовать.

Отъ „скаженои" (бѣшеной) собаки часто заболѣваютъ люди: у нихъ появляются подъ языкомъ маленькіе „щеняты";

болѣе тяжелыя заболѣванія встрѣчаются рѣдко. Названное страданіе приключается не только отъ укушенія бѣшеной собаки; для этого достаточно, чтобы на человѣка повѣялъ вѣтеръ съ той стороны, гдѣ она пробѣжала.

Если кто ступитъ на то мѣсто, гдѣ „качалась" лошадь, то у него могутъ появиться прыщи, лишаи, сыпь на рукахъ и ногахъ.

Къ прилипчивымъ болѣзнямъ, по народнымъ понятіямъ, относятся: венерическія болѣзни, чесотка, всякіе прыщи, угри, бородавки. Передаваться онѣ могутъ не только черезъ прямое соприкосновеніе съ больнымъ человѣкомъ. Бородавки и прыщи можно передать другому такъ: вымыть больныя руки мыломъ, или сосчитать число бородавокъ, и вырѣзать по числу ихъ зарубки на трости или маленькіе дырочки на лентѣ, и оставить эти предметы, кусокъ мыла, или трость, или ленту, гдѣ нибудь на дорогѣ; кто возьметъ ихъ, къ тому и перейдетъ болѣзнь. Въ заразительность дифтерита, скарлатина, дизентеріи и прочихъ эпидемическихъ болѣзней народъ не вѣритъ. Онъ признаетъ только фактъ множественности однородныхъ заболѣваній и говоритъ, что это „пошесть", т. е. эпидемія, что болѣзнь „тягаеця" по селу на подобіе того, какъ напр. ходитъ смерть. Отъ болѣзни и смерти въ такихъ случаяхъ нельзя спастись даже „замазавшись" въ печи, а потому всякія мѣры предосторожности безполезны. Исключеніе представляетъ развѣ оспа: не мало крестьянъ вѣритъ въ полезность оспопрививанія. Новое поколѣніе, учившееся въ школахъ и побывавшее въ солдатахъ, охотнѣе исполняетъ мѣры предосторожности, предписываемыя медицинскимъ персоналомъ, духовенствомъ и полиціей.

Въ отношеніи народа къ смерти преобладаетъ убѣжденіе, что „одъ смерти не (о)дперты", что каждый человѣкъ живетъ именно столько, сколько ему предназначено; а потому и лѣченіе помогаетъ больному въ томъ только случаѣ, когда ему суждено жить: „якъ на викъ, то й ликъ". Но въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ смерть домочадца оцѣнивается далеко не одинаково; это опредѣляется значеніемъ, какое имѣлъ умершій для семьи. Смерть маленькаго ребенка, когда у родителей, особенно не богатыхъ, уже и такъ много дѣтей,—яв-

ляется желанною. Но насильственное лишеніе жизни ребенка во всякомъ случаѣ почитается великимъ грѣхомъ; фактовъ такого рода мнѣ не приходилось наблюдать въ супружеской жизни крестьянъ. Даже и среди „покрытокъ", родившихъ дѣтей внѣ брака, такіе случаи весьма рѣдки. Но вытравленіе плода отъ незаконнаго сожительства очень распространено, и почти всѣ „согрѣшившія" женщины или дѣвушки прибѣгаютъ къ различнымъ способамъ избавиться отъ общественнаго позора.

Среди населенія Переяславскаго уѣзда сильно развита жажда стяжанія земли. А потому смерть домочадца часто оцѣнивается съ экономической точки зрѣнія: старшіе братья бываютъ довольны смертью меньшаго, въ надеждѣ получить въ наслѣдство и его долю. А люди религіозные,—чаще старые,—утѣшаются тѣмъ, что умершіе дѣти блаженствуютъ на томъ свѣтѣ, потому что они безгрѣшны. Тамъ они молятся за грѣхи родителей, и потому Богъ часто беретъ именно лучшихъ дѣтей, какъ болѣе способныхъ молиться и служить ему. Во всякомъ случаѣ смерть дитяти не имѣетъ такой важности, какъ смерть взрослаго человѣка, особливо мужа и отца: „якъ умерла дытына, то щаслыва годына, а якъ умерла дружина, то лыхая годына!" Но смерть очень старыхъ людей, выжившихъ изъ силъ и ума, является желанною, даже и среди зажиточныхъ семействъ.

Персоналъ народной медицины распредѣляется очень не равномѣрно по различнымъ спеціальнымъ отдѣламъ. Прежде всего есть средства, знаніе цѣлебной силы которыхъ свободно циркулируетъ въ массѣ народа; или же знаніе это является случайнымъ результатомъ личнаго опыта людей, не занимающихся спеціально ворожбой и лѣченіемъ. Обыкновенно средства эти предлагаются нуждающимся не только безплатно, но даже и безъ просьбы.

Умѣнье „замовлять кровь" хотя и является принадлежностью спеціалистовъ, но спеціалисты эти, въ лицѣ людей обоихъ половъ и весьма различныхъ возрастовъ, имѣются въ каждомъ „кутку", маленькомъ участкѣ села. Люди эти по большей части не умѣютъ лѣчить никакихъ болѣзней, кромѣ кровотеченія. Умѣнье „замовлять кровь" состоитъ въ знаніи „молитовки" и несложныхъ пріемовъ. Передается оно кому

угодно, безъ различія пола, но съ условіемъ, чтобы перенимающій былъ моложе передающаго.

Типичными представителями сельской бабы-знахарки являются лица, умѣющіе шептать отъ зубной боли, „прыстриту", „пропасныци", „соняшныць" (острый желудочно-кишечный катарръ), „уразу" (маточная болѣзнь; крестьяне вѣрятъ, что и у мужчинъ есть матка), „порухи" (боль живота отъ тяжелой работы), „бышыхи" (рожа). Такихъ бабъ бываетъ по нѣскольку (3—4) въ каждомъ селѣ. Знанія пріобрѣтаются ими по наслѣдству отъ матери или свекрови, если послѣдняя не имѣла дочерей или не пожелала передать имъ своихъ знаній. Такія бабы не отличаются отъ толпы ни образомъ жизни, ни какимъ-либо особеннымъ отношеніемъ къ нимъ крестьянъ; развѣ только въ ссорѣ сосѣдка назоветъ ее вѣдьмою, но, по общему убѣжденію, весьма неосновательно, потому что такая знахарка не дѣлаетъ никому зла, и для облегченія страждущихъ шепчетъ „молитовки", въ которыхъ нѣтъ ничего худого или богопротивнаго. Вознагражденія за услуги берутъ онѣ самое скромное: „паляныця" (небольшой мягкій хлѣбъ), полдесятка яицъ и, самое большее, кусокъ полотна „на рукава" (ок. 2 арш.).

Лицъ, умѣющихъ лѣчить отъ укушенія змѣй и бѣшеныхъ животныхъ, а также отъ „дання" (отравленіе, дѣйствующее хронически, производящее страданія желудка и другихъ внутренностей, а также психическія болѣзни),—гораздо меньше, чѣмъ лицъ предыдущаго типа: знахари этого рода имѣются даже не въ каждой волости. Обыкновенно это мужчины—старики, но есть и бабы. За свои чрезвычайныя таинственныя знанія они пользуются большимъ уваженіемъ, и къ нимъ ѣдутъ паціенты часто за десятки верстъ, привозя вознагражденіе въ видѣ мѣшковъ муки или зерна и денегъ до 1 рубля. Спеціалисты этого рода обыкновенно уже не работаютъ какъ всѣ, т. е. не занимаются земледѣліемъ, отчасти по своей старости, отчасти потому, что обезпечены своимъ ремесломъ. Знанія свои они передаютъ одному изъ сыновей, наиболѣе любимому, а за отсутствіемъ его—постороннему человѣку, оказывавшему помощь и уваженіе старику.

Настолько же, если не болѣе, малочисленны ворожки

10*

отъ „закрутки“, онѣ же угадчицы и прорицательницы по всѣмъ вопросамъ, съ какими къ нимъ обращаются. Обыкновенно это не старыя, часто совсѣмъ молодыя, женщины, ловкія пройдохи, сознательно надувающія народъ. Дѣлаются онѣ ворожками, какъ онѣ сами разсказываютъ, по особому вдохновенію, высшему велѣнію, получаемому во снѣ или въ часы уединенія. Народъ не столько ихъ уважаетъ, сколько боится, и ходитъ много разсказовъ о томъ, что онѣ сами дѣлаютъ закрутки, чтобы потомъ уничтожать ихъ за плату. Онѣ отгадываютъ, кто испортилъ корову, кто укралъ лошадь и куда увелъ, возьмутъ ли парня въ солдаты и т. п. Гадаютъ на водѣ, водкѣ, картахъ. Отвѣты даютъ неопредѣленные, двусмысленные. Нѣкоторые изъ такихъ ворожекъ прикрываются строгой набожностью, вносятъ ее въ свою систему ворожбы. Такъ, покинутой дѣвушкѣ предлагаютъ отслужить панихиду по покинувшемъ, вслѣдствіе чего тотъ долженъ возвратиться. Ворожки эти мало занимаются обыкновеннымъ крестьянскимъ дѣломъ, потому что ихъ хорошо обезпечиваетъ ремесло и отнимаетъ много времени: для уничтоженія закрутки иногда нужно выѣзжать на мѣсто верстъ за 20—30. Къ этому типу близко подходятъ по своей дѣятельности цыганки-ворожки. Онѣ тоже надуваютъ сознательно, тоже даютъ отвѣты на всякіе вопросы, гадаютъ по всѣмъ способамъ. Но онѣ, какъ люди бродячіе и неизвѣстные, не пользуются такимъ довѣріемъ, и имъ рѣдко поручаютъ, напримѣръ, такое важное дѣло, какъ уничтоженіе закрутки.

Есть еще одинъ типъ представительницъ народной медицины, занимающихся лѣченіемъ „пранцивъ“ и всякихъ хроническихъ худосочныхъ болѣзней. Это нѣчто вродѣ знаменитой Сумской бабы (Харьковск. губ.). Всякая полуграмотная или безграмотная попадья, дьячиха, небогатая „пани“, живя въ селѣ, занимается, между прочимъ, лѣченіемъ больныхъ, изъ состраданія и любви къ искусству. Обыкновенно она предлагаетъ страждущимъ сушеную малину, шалфей, мяту, варенье. При случайныхъ обстоятельствахъ изъ такой „любительницы“ можетъ выработаться заправская знахарка. Если мужъ умретъ, она останется безъ дѣтей и безъ средствъ къ жизни, то ей остается утилизировать свои скромныя зна-

нія по медицинѣ. Отъ ея способностей и такта будетъ зависѣть—добиться большей или меньшей популярности. Во всякомъ случаѣ это уважаемыя народомъ женщины. Ремесло доставляетъ имъ хорошее обезпеченіе. Онѣ устраиваютъ у себя дома нѣчто вродѣ маленькихъ больничекъ, куда принимаютъ больныхъ, требующихъ продолжительнаго и сложнаго лѣченія (напр. декоктомъ, отваромъ сарсапарилли, ваннами и проч.). Иногда онѣ совмѣщаютъ собственно свою профессію съ гаданіемъ на картахъ и ворожбою другихъ видовъ.

Остается еще упомянуть о всякихъ святошахъ, странныхъ людяхъ и юродивыхъ, тоже играющихъ нѣкоторую роль въ народной медицинѣ. Почти въ каждомъ селѣ есть нѣсколько личностей, выбившихся изъ обычной колеи, чаще всего по причинѣ органическихъ ненормальностей, пороковъ юности, приведшихъ къ хроническимъ заболѣваніямъ центральной нервной системы. Если они не кончаютъ смертельнымъ пьянствомъ, поступленіемъ въ такъ называемую „босую команду", а оттуда въ тюрьму, то уходятъ въ крайній мистицизмъ. Народъ относится къ этимъ людямъ съ уваженіемъ, нѣкоторыхъ считаетъ чуть ли не святыми и пророками. Жизнь свою они оканчиваютъ на попеченіи благочестивыхъ людей или въ психіатрическихъ больницахъ.

Близко стоящіе къ нимъ юродивые, дурачки отъ рожденія, въ настоящее время очень рѣдко играютъ роль прорицателей и знахарей. Народъ называетъ ихъ калѣками, относится къ нимъ съ состраданіемъ и мало обращаетъ вниманія на ихъ болтовню. Причиною такого калѣчества признается грѣхъ матери или козни злыхъ людей надъ ребенкомъ. Есть легенды, указывающія на то, что въ прежнее время такіе больные играли иногда роль „божіихъ людей" и предсказателей.

Послѣ этихъ общихъ замѣчаній мы постараемся впослѣдствіи посвятить отдѣльную замѣтку описанію разныхъ пріемовъ лѣченія, практикуемыхъ въ народѣ описываемой мѣстности, причемъ перечислимъ извѣстныя намъ лѣкарственныя средства.

Г. Коваленко.

---

† Л. П. Загурскій.

25 Апрѣля скончался въ Тифлисѣ Леонардъ Петровичъ Загурскій, *) правитель дѣлъ Кавк. Отдѣла Русскаго Геогр. Общества. Смерть этого человѣка лишила Кавказъ одного изъ неутомимыхъ дѣятелей въ области этнографіи Кавказа и въ особенности библіографіи по Кавказовѣдѣнію. Не смотря на свои преклонныя лѣта, не смотря на свою болѣзнь, Л. П. постоянно и съ юношескимъ рвеніемъ занимался какъ изученіемъ кавказскихъ языковъ, такъ и кавказскою этнографіею. Широко образованный и начитанный, онъ былъ пріятнымъ и полезнымъ собесѣдникомъ для молодыхъ людей, занимающихся Кавказомъ въ томъ или другомъ отношеніи; его оцѣнка ученыхъ произведеній по Кавказу (напр.: „Краткій списокъ книгамъ, статьямъ и изданіямъ, относящимся къ Кавказовѣдѣнію") отличалась остроуміемъ и широтою взгляда; это не былъ кропотливый труженикъ и компиляторъ, подобно многимъ изъ кавказскихъ научныхъ дѣятелей; всегда и вездѣ онъ обнаруживалъ свои критическія способности; словомъ, это былъ безспорно талантливый человѣкъ. Не получивъ спеціальнаго лингвистическаго образованія, онъ подъ вліяніемъ отчасти бар. Услара, въ особенности-же благодаря почтенному профессору В. Ѳ. Миллеру, принялся за изученіе лингвистики для того, чтобы примѣнить результаты этого изученія къ изслѣдованію Кавказскихъ языковъ. Къ сожалѣнію, такихъ изслѣдованій, въ смыслѣ этнографическихъ работъ, посвященныхъ спеціальному изученію одного какого-либо языка, покойный Л. П. не оставилъ. Изъ болѣе или менѣе серьезныхъ работъ, которыя можно отнести къ лингвистикѣ, извѣстна его: „Замѣтка объ изслѣдованіи Кавк. языковъ", въ которой онъ обстоятельно излагаетъ литературу этого пред-

---

*) Некрологи Л. П. Загурскаго были въ Тифлисскихъ газетахъ („Нов. Обоз". № 2525; „Иверія" № 89); въ „Русскихъ Вѣд". № 115.

мета и результаты научныхъ работъ. Въ послѣднее время онъ готовилъ къ печати изслѣдованіе о Табассаранскомъ языкѣ, котораго не докончилъ покойный бар. Усларъ. Неумолимо съѣдавшая жизнь его болѣзнь и многочисленныя работы его, какъ правителя дѣлъ Отдѣла, не давали ему возможности привести въ систему и выпустить въ свѣтъ многія изъ рукописныхъ лингвистическихъ работъ его; редактированіе „Извѣстій" и „Записокъ" Отдѣла отнимало у него положительно все время, тѣмъ болѣе, что онъ былъ очень аккуратенъ относительно срока выпусковъ этихъ трудовъ Отдѣла. Кому приходилось видѣть „Извѣстія" или „Записки", тотъ, вѣроятно, не станетъ отрицать, что покойный Л. П. въ своей болѣе, чѣмъ 10-ти лѣтней дѣятельности въ качествѣ правителя дѣлъ Отдѣла былъ безукоризненъ; самъ Отдѣлъ, безъ сомнѣнія, понесъ почти незамѣнимую утрату въ лицѣ покойнаго.

Если дѣятельность Л. П. въ качествѣ лингвиста была не особенно обширна, то въ качествѣ этнографа она была и обильна и весьма плодотворна; онъ былъ лучшій знатокъ Кавказ. этнографіи; написалъ много статей, какъ въ мѣстныхъ періодическихъ изданіяхъ, такъ и въ „Извѣстіяхъ" и „Запискахъ" Отдѣла. Всякій занимающійся этнографіею Кавказа не могъ обойтись безъ совѣтовъ и указаній покойнаго Л. П., всегда съ готовностью оказывавшаго услуги какъ своими познаніями, такъ и подробнымъ указаніемъ литературы вопроса. Статьи его по этнографіи Кавказа не всѣ представляютъ одинаковую научную важность и серьезность; но между ними есть весьма цѣнныя, напр.: „Этнологическая классификація Кавк. народовъ" (Прилож. къ „Кавк. календ". за 1888 г.); въ этой статьѣ, правда, небольшой, можно найти статистическія данныя, географич. размѣщеніе, этнографическую группировку Кавк. народовъ и краткую исторію каждаго изъ нихъ. Перечислять другія его этнографическія работы мы не станемъ, ихъ очень много и онѣ не представляютъ особенныхъ научныхъ достоинствъ; но не можемъ обойти молчаніемъ одной его антропологической работы, также небольшой, какъ всѣ вообще работы покойнаго Л. П.: „Слѣдуетъ-ли бѣлую расу называть Кавказскою"; работа эта впрочемъ въ печати появилась урѣзанною по какимъ-то цензурнымъ, кажется, соображеніямъ. При несомнѣнныхъ и неоспоримыхъ способностяхъ своихъ, покойный Л. П. не оставилъ, къ большому сожалѣнію друзей и учениковъ его, объемистыхъ научныхъ трудовъ, но и то, что удалось ему сдѣлать въ области Кавказовѣдѣнія, весьма цѣнно; и если бы не побочныя его занятія, какъ преподавателя въ мѣстныхъ учебныхъ заведеніяхъ, и не общественная обстановка,

неблагопріятная для научной дѣятельности, мы бы имѣли много серьезныхъ и цѣльныхъ ученыхъ трудовъ его.

Покойный Л. П. былъ не менѣе извѣстенъ, какъ педагогъ, оставившій лучшія воспоминанія въ ученикахъ своихъ, изъ которыхъ нѣкоторые—извѣстные профессора. Преподаваніе исторіи, которымъ онъ занимался въ теченіе 40 лѣтъ, у него велось не рутиннымъ порядкомъ „отселѣ доселѣ"; онъ старался выяснить своимъ юнымъ слушателямъ значеніе ея въ ряду другихъ гимназическихъ предметовъ; картинно представлялъ прошлую жизнь человѣчества и съ любовью останавливался въ особенности на изложеніи новой исторіи; ученики его имѣли представленіе объ исторіи, уже какъ наукѣ, а не какъ „повѣствованіи", какъ обыкновенно понимаютъ воспитанники средне-учебн. заведеній; онъ старался заинтересовать ихъ и вводилъ въ область научной разработки исторіи.

Какъ человѣкъ, Леонардъ Петровичъ отличался всю жизнь честностью и иногда былъ весьма строгъ къ поступкамъ другихъ; эта черта и въ особенности мнительность и подчасъ недовѣріе по отношенію къ окружавшимъ его лицамъ усилили его болѣзнь, разстроили нервы. Но никто не помянетъ его зломъ; это былъ человѣкъ, который никому въ жизни не повредилъ, и если въ немъ были недостатки, то они развились благодаря неудачамъ послѣдней его жизни и той атмосферѣ кавказской ученой и общественной жизни, которая отличается своею специфичностью. Мы отступаемъ отъ обыкновенной поговорки: de mortuis aut nihil, aut bene; но правда всегда необходима; эта правда во всякомъ случаѣ не во вредъ покойному Л. П., котораго пямять дорога для всѣхъ его друзей и учениковъ.

М. Тк—въ.

---

† Францъ Миклошичъ.

Въ субботу 23 февраля (7 марта), послѣ продолжительной болѣзни, скончался въ Вѣнѣ, на 78 году, знаменитый славистъ Францъ Миклошичъ.

Миклошичъ родился 8 (20) ноября 1813 года въ Радмештакѣ, что въ Лютомерскомъ (Луттенбергскомъ) округѣ юговосточной Штиріи, значитъ въ словенской части этой почти онѣмеченной области.

Покойный не сразу попалъ на тотъ путь, который доставилъ ему ученую славу: хотя уже въ гимназіи онъ выка-

зывалъ любовь и способность къ изученію языковъ, но въ университетѣ не избралъ ихъ своею спеціальностью, а занялся преимущественно философіей, а также (совсѣмъ уже уклоняясь въ сторону) правовѣдѣніемъ. Гимназическое образованіе Миклошичъ получилъ въ Мариборѣ (Марбургѣ) и въ Вараждинѣ; университетское, по юридическому и „философскому" факультетамъ,—въ Градцѣ (Gratz). Пріобрѣтши тамъ степень доктора философіи, Миклошичъ въ 1837 году началъ въ томъ же градецкомъ университетѣ преподавать философію. Но уже въ слѣдующемъ году онъ бросилъ эту науку и, переселившись въ Вѣну, начинаетъ адвокатскую карьеру и пріобрѣтаетъ степень доктора правъ. Въ Вѣнѣ однако Миклошичъ встрѣтился съ человѣкомъ, который далъ его дѣятельности совершенно иное направленіе, при коемъ ей суждено было принести обильные плоды; человѣкъ этотъ былъ землякъ его, знаменитый славистъ Варѳоломей Копы́тарь (или, какъ обыкновенно неправильно произносятъ, Копитáръ). Подъ вліяніемъ Копытаря Миклошичъ занялся славистикой и въ 1844 году, бросивъ адвокатуру, получилъ мѣсто библіотекаря при Вѣнской императорской библіотекѣ. Въ 1848 онъ сдѣлался экстраординарнымъ профессоромъ славянской филологіи въ Вѣнскомъ университетѣ, а въ 1850, когда ему предлагали ординатуру въ Бреславльскомъ университетѣ, былъ возведенъ въ званіе ординарнаго профессора. Впослѣдствіи Миклошичъ занималъ также должность декана философскаго факультета, а потомъ ректора.

Покойный, благодаря своимъ многочисленнымъ и важнымъ сочиненіямъ, можетъ считаться наставникомъ всѣхъ современныхъ славистовъ, изъ числа же непосредственныхъ учениковъ его можно назвать громкія имена сербскаго ученаго Юрія Даничича († 5 (17) ноября, 1882 года) и Игнатія (Ватрослава) Викентьевича Ягича.

Отличительную черту сочиненій Миклошича составляетъ чрезвычайная сжатость изложенія при богатствѣ содержанія. Ради краткости же онъ въ своей Сравнительной грамматикѣ обыкновенно излагаетъ только свой собственный взглядъ на разсматриваемыя явленія, и было бы совершенно ошибочно видѣть въ этомъ неуваженіе къ чужимъ мнѣніямъ: въ монографіяхъ мнѣнія предшественниковъ всегда приводятся и разбираются, притомъ вполнѣ серьезно и дѣловито. Нерѣдкій у иныхъ ученыхъ (столь неумѣстный особенно въ научныхъ разборахъ) пренебрежительный тонъ мы встрѣчаемъ у Миклошича только въ его отвѣтѣ на рецензію Вячеслава Ганки; но тамъ этотъ тонъ былъ вызванъ придирчивою и вмѣстѣ невѣжественною критикой, а сверхъ того обиднымъ обвиненіемъ въ

плагіатѣ, будто-бы совершенномъ надъ дорогимъ наставникомъ Копытаремъ. Не могу не упомянуть здѣсь объ одномъ мелкомъ, но довольно характерномъ случаѣ изъ моихъ личныхъ сношеній съ Миклошичемъ—о научномъ спорѣ, который мнѣ пришлось вести съ покойнымъ, когда я посѣтилъ его въ Вѣнѣ, будучи еще совсѣмъ молодымъ кандидатомъ: съ какою любезностью знаменитый ученый выслушивалъ мои возраженія и какъ спокойно онъ ихъ опровергалъ, напирая исключительно на факты, а не на свой научный авторитетъ!

Миклошичъ, хотя былъ добрымъ австрійскимъ гражданиномъ, а сочиненія свои писалъ почти исключительно по-нѣмецки (отчасти по-латыни), отнюдь не былъ чуждъ славянскимъ симпатіямъ: не даромъ всѣ выдающіеся ученики его принадлежатъ къ славянскому племени. Если же эти симпатіи не проявляются въ его сочиненіяхъ, такъ тому причина—съ одной стороны, самое свойство разбираемыхъ (больше всего грамматическихъ) вопросовъ, а съ другой—вполнѣ объективное къ нимъ отношеніе.

Приводимъ возможно полный библіографическій перечень ученыхъ работъ Миклошича, который указываетъ на плодовитость его дѣятельности и на разнообразіе затронутыхъ имъ научныхъ вопросовъ. Выдѣляя особо труды чисто-этнографическіе, мы этимъ не хотимъ сказать, что въ другихъ отдѣлахъ нѣтъ ничего, касающагося этнографіи, хотя бы и одной ея стороны—народнаго творчества и языка.

Труды Миклошича.

По этнографіи:

Die Rusalien. Ein Beitrag zur slavischen Mythologie. Sitzungsb. XLV. 1864 *).
Ueber die Nationalität der Bulgaren. Miscellanea di filologia dedicata alla memoria dei professori Caix e Canello. Firenze 1885.
Die Blutrache bei den Serben. Denkschriften XXXVI. 1887.

По литературѣ:

Die serbische Epik. Oesterreichische Revue. 1863 II.
Die Volksepik der Kroaten. Denkschriften XIX. 1870
Beiträge zur Kenntniss der slavischen Volksepik. I.
Psaltir s tumaćenjem pisan 1346 za Branka Mladenovića Starine na sviet izdaje Jugoslavenska Akademija Knj. IV. U Zagrebu 1872.

По исторіи:

Marija kći Angjelinina i Konstantin Arijanit. Rad Jugoslavenske Akademije. Knjiga XII. U Zagrebu 1870.
Die serbischen Dynasten Crnojević. 1884.
Ueber die altrussischen Kolbjager. Arch. f. slav. Phil. B. X. Berlin 1887.

*) Т. к. сочиненія М—ча почти всѣ изданы въ Вѣнѣ, то мѣсто изданія въ этомъ спискѣ большею частью не будетъ указываться.

По грамматикѣ:

Vergleichende Grammatik der slavischen Sprachen: I Vergleichende Lautlehre 1852, 2-е изд. 1879. II. Vergleichende Stammbildungslehre. 1875. III. Vergleichende Formenlehre. 1856, 2-е изд. (Vergl. Wortbildungslehre) 1876. IV. Vergleichende Syntax. 1868—1874.

Altslovenische Formenlehre in Paradigmen. 1874.

Ueber den reflexiven Gebrauch des Pronomens сѧ und der damit zusammenhängenden Formen für alle Personen. Sitzungsberichte der phil.-hist. Classe der Kais. Akademie der Wissenschaften. I. 1848.

Lehre von der Conjugation im Altslovenischen. Denkschriften der philosophisch-historischen Classe der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften. 1850.

Lautlehre der altslovenischen Sprache. 1850.

Formenlehre der altslovenischen Sprache. 1850, 2 изд. 1854.

Lautlehre der bulgarischen Sprache. Slavische Bibliothek *). B. I. 1851.

Ueber die Sprache der ältesten russischen Chronisten, vorzüglich Nestors. Sitzungsberichte. XIV. 1854.

Die Sprache der Bulgaren in Siebenbürgen. Denkschriften. VII. 1856.

Die Bildung der Nomina im Altslovenischen. Denkschr. IX. 1858.

Verba intensiva im Altslovenischen. Beiträge zur vergleichenden Sprachforschung. I B. Berlin 1858.—Das Suffix—ъ,—й im Altslovenischen. Тж.

Die Wurzel *sru* im Slavischen. Тж.—Suffix лъ. Slavische Bibliothek. B. II. 1858.

Zusätze zu meiner Abhandlung „Die Sprache der Bulgaren in Siebenbürgen". Тж.

Die Bildung der Personennamen in den slav. Sprachen. Denkschr. X. 1860.

Die slavischen Elemente im Rumunischen. Denkschr. XI. 1861.

Ueber die nominale Zusammensetzung im Serbischen. Denkschr. XIII. 1863.

Die slavischen Ortsnamen aus Personennamen. Denkschr. XIV. 1864.

Die Verba impersonalia im Slavischen. Denkschr. XV. 1865.

Die slavischen Monatsnamen. Denkschr. XVII. 1867.

Die Fremdwörter in den slavischen Sprachen. 1867.

Die Negation in den slavischen Sprachen. Denkschriften. XVIII. 1869.

Ueber den Accusativus cum infinitivo. Sitzungsberichte LX. 1869.

Ueber die Genitivendung *go*. Sitzungsberichte LXII. 1869.

Die slavischen Elemente im Neugriechischen. Sitzungsberichte. LXIII. 1869.

Die slavischen Elemente im Albanesischen. Denkschriften. XIX. 1870. (I выпускъ „Албанскихъ изслѣдованій"—Albanesiche Forschungen).

O slovima з, s. Rad Jugoslavenske Akademije znanosti i umjetnosti. Knjiga IX. U Zagrebu. 1870.

Die slavischen Elemente im Magyarischen. 1871. 2-е изд. 1884.

Die slavischen Elemente im Zigeunerischen. 1872. (1 выпускъ изслѣдованія „Ueber die Mundarten und Wanderungen der Zigeuner Europas").

Ueber die zusammengesetzte Declination in den slavischen Sprachen. Sitzungsberichte. LXVIII. 1871.

Ueber das Imperfect in den slavischen Sprachen. Sitzungsb. LXXVII. 1874.

Ueber den Ursprung einiger Casus der pronominalen Declination. Sitzungsberichte. LXXVIII. 1874.

Beiträge zur altslovenischen Grammatik: 1) Das Part. praet. act. I. 2) Das Part. praes. act. auf e statt auf y. 3) Aorist. 4) Die Personalsuffixe der Dualis 5) Imperativ. 6) Sing. loc. der consonantischen Stämme. Sitzungsb. LXXI. 1875.

Die christliche Terminologie der slav. Sprachen. Denkschriften. XXII. 1875.

Ueber den Ursprung der Worte von der Form altslovenisch Trot. Denkschriften. XXVII. 1877.

---

*) Журналъ или вѣрнѣе сборникъ, издававшійся М—чемъ сначала однимъ а потомъ вмѣстѣ съ историкомъ Іос. Фидлеромъ. Вышло 2 тома.

Ueber den Ursprung der Worte von der Form altslovenisch Trêt und Trat. Denkschriften. XXVIII. 1878.

Ueber die Steigerung und Dehnung der Vocale in den slav. Sprachen. Тж.

Ueber die langen Vocale in den slav. Sprachen. Denkschriften. XXIX 1879.

Subjectlose Sätze. 1883.

Geschichte der Lautbezeichnung im Bulgarischen. Denkschriften XXXIV. 1883.

Ueber Fremdwörter. Archiv für slavische Philologie. B. XI. Berlin 1888..

Die türkischen Elemente in den südost- und osteuropäischen Sprachen. 1884—1890.

Разборъ Сравнительной грамматики Боппа: Vergleichende Grammatik des Sanskrit, Zend, Griechischen, Lateinischen, Gothischen und Deutschen. Berlin 1833—1840. (Со II тома сюда вошелъ староцерковный языкъ). Wiener Jahrbücher der Literatur 1844.

Разборъ Востоковскаго изданія Остромірова Евангелія. Тж. 1847.

Разборъ славянской части Ауеровой Sprachenhalle *) (вмѣстѣ съ Вукомъ Стефановичемъ Караджичемъ). Sitzungsberichte 1848. I.

Entgegnung auf Herrn Wenzel Hanka's Albernheiten und Lügen. Slav. Bibl I. 1851.

Словарные труды:

Lexicon linguae slovenicae veteris dialecti. 1850. 2-е изд.: Lexicon palaeoslovenico graeco-latinum emendatum auctum. 1862—1865.

Radices linguae slovenicae veteris dialecti. Lipsiae, 1845.

Die Wurzeln im Altslovenischen. Deukschriften. B. VIII. 1858.

Etymologisches Wörterbuch der slavischen Sprachen 1886.

Изданія:

S. Joan. Chrysostomi homilia in ramos palmarum slavice, latine et graece. 1845.

Vitae sanctorum. Accedunt epimetra grammatica 1847.

Vita S. Clementis episcopi Bulgarorum. 1847.

Popevka od Svilojevića. Slav. Bibl. B. I. 1851.

Glagolitisches Fragment: Evang. Joann. 19, 9 bis 19, 28. Тж.

Monumenta linguae palaeoslovenicae e codice suprasliensi. 1851.

Apostolus e codice monasterii Sišatovac. 1853.

Chrestomathia palaeo-slovenica. 1854.

Evangelium S. Matthaei palaeo-slovenice e codicibus. 1856.

Lex Stephani Dušani. Fasc. I textum continens. 1856.

Barth. Kopitars Kleinere Schriften sprachwissenschaftlichen, geschichtlichen, ethnographischen und rechts-historischen Inhalts. I Theil. 1857.

Monumenta serbica spectantia historiam Serbiae, Bosnae, Ragusii. 1858.

Das Recht von Pskov („Псковская судная грамата, составленная на вѣчѣ въ 1467 г." Н. Мазуркевича. Одесса 1847). Slav. Bibl. II, 1858.

Denkmal der neuslovenischen Sprache. Aus einer Handschrift der XV Jahrhunderts. Slav. Bibl. II. 1858.

Die altslovenischen Legenden vom heiligen Wenzel. Тж.

Brief des hl. Brun an Kaiser Heinrich II.

Zum Glagolita Clozianus. Denkschriften X. 1860.

Chronica Nestoris. 1860.

Acta et diplomata graeca medii aevi sacra et profana. V. I 1860. V. II. 1862. (Вмѣстѣ съ Іос. Мюллеромъ).

---

*) Отче нашъ на 608 языкахъ и нарѣчіяхъ съ прибавленіемъ „Die Schriftzeichen des gesammten Erdkreise in 104 Alphabeten — изданіе извѣстнаго вѣнскаго типографа Ауера.

Monumenta spectantia ad unionem ecclesiarum graecae et romanae. (Вмѣстѣ съ Тейнеромъ).

Словенская христоматія: Slovensko berilo za osmi gimnazijalni razred. 1865.

Die Legende von Heiligen Cyrillus. (Вмѣстѣ съ Эрнстомъ Дюммеромъ). Denkschriften. XIX. 1870.

Trojanska prića Starine. Izdaje Jugoslavenska Akademija znanosti i umjetnosti. Knj. III. U Zagrebu 1871.

Izvješćaj od god. 1772 o manastirih Fruškoj gori u Sriemu, padastrt kr. dalm.-hrv.-slov. namjestnickomu vieću. Тж. VIII. 1876.

Brief von Niebuhr an Kopitar. Arch. f. slav. Philol. B. I. 1876.

Novonadjeni spomenici iz IX a XI vieka za panonsko-moravsku, bugarsku i hrvatsku poviest (Вмѣстѣ съ Рачкимъ). Тж. XII. 1880.

Briefe Dobrovsky's an Kopitar. IV, V, VI. 1880—1882.

Eine Sprachprobe des kroatischen Dialektes von Neuprerau bei Nikolsburg. Тж. XII. 1890.

Романъ Брандтъ.

---

† И. Я. Порфирьевъ.

Иванъ Яковлевичъ Порфирьевъ, профессоръ Казанской духовной академіи, извѣстный своими цѣнными трудами въ исторіи русской литературы, умеръ 26 октября 1890 г. Смерть его не можетъ быть обойдена молчаніемъ на страницахъ нашего изданія въ виду его заслугъ въ области изученія народно-апокрифической литературы. Онъ былъ сынъ сельскаго священника Вятской губ., Уржумск. у., с. Атаръ; родился въ 1823 г., учился въ Вятской семинаріи, потомъ окончилъ казанскую академію, гдѣ по окончаніи курса состоялъ преподавателемъ въ теченіе 42 лѣтъ. О своей молодости до поступленія въ академію покойный оставилъ воспоминанія, которыя еще не напечатаны, а его пространная біографія, начиная съ поступленія въ академію, помѣщена въ „Православномъ Собесѣдникѣ“ 1890 г. (ноябрь). Неизвѣстный біографъ характеризуетъ покойнаго какъ образецъ „симпатичной и многосторонне развитой личности, идеально благородной, какой-то эстетически-изящной, глубоко-человѣчной и любящей души“. Въ то же время покойный былъ типомъ истиннаго труженика, всею душою преданнаго своей наукѣ, и еще за нѣсколько дней до смерти писалъ о литературной дѣятельности Крылова; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ готовилъ къ печати Карамзинскій періодъ русской словесности, долженствовавшій составить продолженіе его „Исторіи русской словесности“. Оба эти сочиненія вѣроятно будутъ изданы. Свободное отъ академическихъ занятій время покойный посвящалъ учено-литературной дѣятельности, которая выразилась въ двухъ направленіяхъ: 1) въ оригинальныхъ сочиненіяхъ и 2) въ изданіи памятниковъ письменности, которые обыкновенно сопровождались его учеными предисловіями, замѣтка-

ми и цѣлыми изслѣдованіями. Большая часть памятниковъ изданы имъ по Соловецкимъ рукописямъ. Изъ его оригинальныхъ сочиненій, кромѣ всѣмъ извѣстной обширной „Исторіи русской словесности" (въ 2-хъ частяхъ, изъ которыхъ 1-я печатается 5-мъ изданіемъ), мы перечислимъ только то, что ближе насъ касается.

А именно:

Употребленіе книги Псалтирь въ древнемъ быту народа. П. С. *) 1857. IV, 314.

О чтеніи книгъ (о почитаніи книжномъ) въ древнія времена Россіи. П. С. 1858 II. 173, 443.

О почитаніи среды и пятницы въ древнемъ русскомъ народѣ. П. С. 1859. I, 181.

Объ источникахъ свѣдѣній по разнымъ наукамъ въ древнія времена Россіи. П. С. 1860. I, 181.

Аллегорическія изображенія временъ года. П. С. 1860. I, 441.

Домострой Сильвестра П. С. 1860. III, 279.

Объ успѣхахъ церковной проповѣди въ народѣ. Правосл. Обозр.1862, кн. 1.

Апокрифическія сочиненія въ древней русской письменности. П. С. 1869. II, 62, 156.

Народные духовные стихи и легенды. П. С. 1869. III, 56. 134.

Апокрифическія сказанія о ветхозавѣтныхъ лицахъ и событіяхъ (докторская диссертація). Казань. 1873.

Апокрифическія сказанія о ветхозав. лицахъ и событіяхъ по рукописямъ Соловецкой библіотеки. (Собраніе памятниковъ ихъ). Сборникъ отдѣленія рус. языка и словесн. Имп. Акад. Наукъ, т. XVII, № 1, и отдѣльно СПБ. 1877.

Апокрифическія сказанія о новозавѣтныхъ лицахъ и событіяхъ по рукописямъ Соловецкой б-ки. Сборникъ 2-го Отдѣленія И. Ак. Н. и отдѣльно, СПБ. 1890.

Разборъ сочиненія В. Мочульскаго: „Историко-литературный анализъ стиха о Голубиной книгѣ, составленный для И. Ак. Наукъ. См. Отчетъ о присужд. наградъ гр. Уварова въ 1889 г.

О Соловецкой библіотекѣ, находящейся въ Каз. дух. академіи,—рефератъ, читанный на IV археол. съѣздѣ (въ Казани). Труды съѣзда, т. II. Казань. 1878.

Апокрифическія молитвы по рукописямъ Соловецкой библіотеки,—рефератъ. читанный на томъ же съѣздѣ. Тамъ же.

Я.

---

*) П. С.—„Православный Собесѣдникъ", откуда мы заимствуемъ и этотъ перечень. (1890, нояб.).

КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ.

1. Книги, ученыя и справочныя изданія.

Michael von Źmigrodzki. — Die Mutter bei den Völkern des arischen Stammes. Eine anthropologisch—historische Skizze als Beitrag zur Lösung der Frauenfrage. München. 1886 (*М. Жмигродзкій*, Мать у народовъ арійскаго племени).

Желаніе автора этой книги, приславшаго ее въ редакцію нашего журнала съ просьбой о рецензіи, заставляетъ насъ дать о ней нѣсколько запоздавшій отзывъ. Если мы не ошибаемся, изслѣдованіе это очень мало извѣстно въ Россіи и вызвало только одну (правда прекрасную и обстоятельную) рецензію въ «Кіевской Старинѣ», написанную покойнымъ Чернышевымъ (1887, сент., стр. 159—174), а между тѣмъ оно, по нашему мнѣнію, заслуживаетъ полнаго вниманія.

Во введеніи г. Жмигродзкій разсматриваетъ вопросъ о первобытномъ населеніи Европы (Urbevölkerung Europas), въ частности поднимаетъ вопросъ о разселеніи аріо-европейцевъ, преимущественно славянъ, и о скиѳахъ. По его мнѣнію для вопроса о разселеніи славянъ, громадное значеніе имѣютъ „die *reinslavischen* Sagen". Авторъ особенно упираетъ на „reinslavischen", мотивируя это такъ: „denn man nimmt häufig alle grossrussischen Sagen als slavische an, obwohl der grössere Theil derselben den benachbarten slavisch-finischen oder slavisch-tartarischen (?) Stämmen angehört und zuweilen nicht eine Spur vom slavischen Character an sich trägt". Чисто-славянскими преданіями онъ считаетъ тѣ, „которыя разсказываются населеніемъ Кіевской губ. Волыни и Подоліи". (стр. 1—2). Не говоря уже о странности и ненаучности такихъ терминовъ, какъ „slavisch-finische und slavisch-tartarische Stämme", можно указать автору на тюркское вліяніе, размѣры котораго пока не опредѣлены точно, но несомнѣнно были на югѣ очень велики, и на западноевропейскія вліянія (главнымъ образомъ нѣмецкое) въ южной Руси (черезъ Польшу и Чехію), сыгравшія тоже видную роль въ южно-русской народной поэзіи. Съ другой стороны, очень смѣло, при настоящемъ состояніи разработки литературъ, отрицать присутствіе чисто-славянскихъ элементовъ въ сѣверно-русской поэзіи; кромѣ того, сравни-

тельно-литературная критика съ полной несомнѣнностью обнаружила массу инородческихъ примѣсей въ народной поэзіи *всѣхъ* русскихъ племенъ.

Г. Жмигродзкій довольно своеобразно оперируетъ надъ этими „reinslavische Sagen“: его пріемы напоминаютъ отчасти нѣкоторыя подробности извѣстнаго изслѣдованія г. Стасова о происхожденіи русскихъ былинъ. Въ этихъ сагахъ упоминаются деревья съ золотыми яблоками (это, конечно, Pomeranzen und Zitronen) деревья съ серебряными листьями (конечно, Lorbeerbäume und asiatische Pappeln); упоминаются въ нихъ и „lebendige, singende und spielende Bäume“: это, конечно, „Ausgeburt der Volksphantasie“, но и въ нихъ есть „kern der Wahrheit“, нужное автору: „ein ungebildetes mit frischer Phantasie begabtes Volk von der Ueppigkeit der ihm vor Augen stehenden Natur so angesprochen und bezaubert werde, dass es dieselbe aufs höchste idealisirte“ (стр. 3). Если вы перейдете къ міру животныхъ въ этихъ сагахъ, то встрѣтите много такого, чего нѣтъ и не можетъ быть въ Россіи, но что свойственно южной Азіи; тоже относительно растеній: „Glühvogel mit einem grossen feurigen weitleuchtenden Schweife“—конечно, „eine phantasische Darstellung des Paradiesvogels“ (ib.); попадаются обезьяны, слоны (гдѣ?), верблюды, которые носятъ названія, свойственныя только славянскому языку (słoń, małpa, wielbłąd) и пр. Герои этихъ сагъ тоже часто приводятъ насъ къ востоку. Всѣ эти подробности „keineswegs von Aussen gekommen, sondern aus dem Volke selber enstanden sind“ (стр. 7), ибо вѣдь народъ неграмотенъ и не могъ почерпнуть эти свѣдѣнія изъ книгъ. Онѣ принесены славянами съ мѣста ихъ прародины и такимъ образомъ ясно указываютъ на нее и даютъ возможность довольно подробно характеризовать даже праславянскій бытъ: славяне уже земледѣльцами покинули свою азіатскую прародину, выселились по принужденію, гонимые соціальной борьбой. Для приблизительнаго опредѣленія времени ихъ переселенія авторъ переходитъ къ вопросу о скиѳахъ и литовцахъ, которые, по его мнѣнію, жили на теперешнихъ своихъ мѣстахъ еще до Геродота, даже до переселенія скиѳовъ; собственно скиѳами были кочевники; ихъ рабы, земледѣльцы, были арійцы, остатки киммерійцевъ и треровъ, съ которыми ихъ господа впослѣдствіи слились совершенно и пр. Все это приводитъ автора къ такимъ выводамъ: „ganze *arische* Stamm, aus dem im Laufe der Zeit die einzelnen *slavischen* Völker enstanden sind, ungefähr um die gleiche Zeit in Europa eingewandert ist“ (стр. 86); „die Arier des nordöstlichen Europa sind mit den Ariern des südlichen Europa zur selben Zeit nach Europa gekommen“ (стр. 89); „die primäre arische Bevölkerung Europas etwa in der Nähe des heutigen Konstantinopel einwanderte und sich von hier austheilte; ein Theil zog nördlich von Balkan Gebirde, ein anderer gelangte nach Griechenland hinab“ (стр. 90).

На такихъ нехитрыхъ подпоркахъ зиждутся столь широкіе выводы! Все очень просто и ясно, даже черезчуръ; для автора такъ-таки и не существуютъ результаты, добытые послѣдователями сравнительно-истори-

ческаго метода въ исторіи языка и всеобщей литературы! Мы не будемъ спорить съ авторомъ, но думаемъ, что его „Einleitung“ не можетъ имѣть никакого научнаго значенія, ибо все оно построено на „щучьемъ велѣніи“ и переполнено фантастическими гаданіями.

Далѣе г. Жмигродзкій переходитъ къ характеристикѣ той культурной ступени, на которой стояли „первобытные арійцы Европы“ (стр. 97); для этого онъ считаетъ нужнымъ сравнить саги, нравы и суевѣрія по крайней мѣрѣ двухъ племенъ — Славянъ и Германцевъ и выбираетъ 4 пункта, наиболѣе чисто сохранившіе, по его мнѣнію, старину: Краковщину, Баварію, Украйну (правый берегъ Днѣпра) и Бретань. Подобный выборъ мотивированъ нѣсколько странно: напр., Украинцы ни отъ кого не могли позаимствовать своихъ преданій, ибо они держатся очень замкнуто, настолько, что „unser Bauer geneigt ist nur sich allein den Namen“ Mensch „zu geben und ihn allen über ihm stehenden Ständen zu verweigern“ (стр. 44, 102). Печатныя и рукописныя этнографическія данныя относительно этихъ 4 пунктовъ г. Жмигродзкій кладетъ въ основу своего изслѣдованія, даже не сдѣлавши попытки разобраться въ нихъ, даже не допуская, видимо, возможности разновременныхъ историческихъ наслоеній. Намъ кажется, что авторъ пошелъ по совершенно ложному пути: нужно много еще потрудиться надъ очисткой матеріала, не ограничивая его узкими предѣлами нѣсколькихъ областей, подобрать не только современныя, но и древнія указанія, и только тогда перейти къ реконструировкѣ. Авторъ облегчаетъ себѣ работу — конечно, не въ пользу ея серьезности и научности. Его знакомство съ этнографической и этнологической литературой очень поверхностно, вездѣ чувствуется недостатокъ методологической подготовки; въ особенности слабо у него знакомство съ современной постановкой затрогиваемыхъ имъ вопросовъ.

Придерживаясь схемы, предложенной Бахофеномъ и давно ужъ признанной далеко не удовлетворительной, авторъ подбираетъ данныя изъ своихъ немногочисленныхъ источниковъ, доказываетъ существованіе въ современномъ народномъ быту отголосковъ различныхъ эпохъ семейной эволюціи, намѣчаетъ исторію матери и развитія ея власти въ быту „первобытныхъ арійцевъ“. По пути онъ дѣлаетъ много счастливыхъ замѣчаній, но чаще предается гаданіямъ, безъ всякой критики повторяетъ давно отвергнутые зады, перемежая ихъ слабо обоснованными собственными гипотезами.

Заключеніе носитъ публицистическій характеръ и трактуетъ о „Lösung der Mutterfrage“. Приложенія посвящены вопросамъ о „Volksornamenten, Volksmelodien und Tänze“ и „Mongolomanie“. (Поверхностная полемика съ бенфеевскимъ направленіемъ). Въ концѣ приложено нѣсколько рисунковъ.

Мы очень жалѣемъ, что недостатокъ мѣста не позволяетъ намъ болѣе остановиться на подробностяхъ главной части труда нашего автора: это заняло бы слишкомъ много мѣста; большей части ихъ намъ придется еще касаться въ своихъ будущихъ работахъ, гдѣ и можно будетъ поговорить

о нихъ болѣе детально: послѣднее уже и сдѣлано отчасти Чернышовымъ, съ которымъ мы въ общихъ чертахъ согласны.

Трудъ г. Жмигродзкаго имѣетъ много недостатковъ, крупныхъ и мелкихъ промаховъ, но заслуживаетъ вниманія, какъ попытка сказать по многимъ вопросамъ свое слово, не всегда, правда, вѣское и убѣдительное.

К.

Матеріалы для этнографіи Латышскаго племени Витебской губерніи. Собралъ и снабдилъ объясненіями *Э. А. Вольтеръ*. Часть I. Спб. 1890 г. (Изд. И. Р. Геогр. Общ.).

Новый трудъ неутомимаго изслѣдователя литовской и латышской народностей г. Вольтера представляетъ результатъ двухъ поѣздокъ, предпринятыхъ имъ въ 1882 и 1884 годахъ въ Витебскую губернію, съ цѣлью изученія быта и языка Латышей уѣздовъ Динабургскаго, Рѣжицкаго и Люценскаго. Латышское населеніе названныхъ уѣздовъ было до сихъ поръ рѣдко затрогиваемо русскими изслѣдователями, и русская литература о немъ крайне бѣдна. Но зато польская и отчасти нѣмецкая литература относительно богаты статьями и изслѣдованіями объ этихъ бѣлорусскихъ Латышахъ (X).

Матеріалы, напечатанные г Вольтеромъ въ I-й части, даютъ массу разнообразныхъ и точныхъ свѣдѣній объ обрядовой сторонѣ жизни Латышей и ихъ пѣсенномъ творчествѣ. Въ первомъ отдѣлѣ, озаглавленномъ „Праздники Витебскихъ Латышей", собраны и размѣщены въ календарномъ порядкѣ пѣсни, пріуроченныя къ извѣстнымъ днямъ и временамъ года, а также сопровождающіе ихъ обряды, вѣрованія, примѣты и прибаутки. Особый интересъ представляютъ пѣсни объ Юсинѣ (стр. 7 слѣд.) и этюдъ г. Вольтера. посвященный этому доселѣ загадочному эпическому имени въ связи съ русскимъ пѣсеннымъ Овсенемъ. Авторъ видитъ въ латышскомъ Юсинѣ (Усенѣ) языческаго бога. замѣненнаго впослѣдствіи св. Георгіемъ (стр. 31). Сравненіе различныхъ пѣсенныхъ мотивовъ выясняетъ, что Усень то же, что солнце, въ особенности „весеннее солнце". Русскій *Овсень* восходитъ этимологически къ тому же корню (*us*, лат. urere, лит. латыш. aust. auśti—свѣтать, санскр. ushas—заря etc.) и первоначально имѣлъ то же значеніе. Передвиженіе праздника Усеня на зиму и пріуроченіе къ Васильеву вечеру объясняется введеніемъ новаго календарнаго (январскаго) года, между тѣмъ, какъ земледѣльческій годъ крестьянина-хлѣбопашца начинается весною (стр. 42). Въ общемъ съ этимъ объясненіемъ личности Юсиня (Усеня) нельзя не согласиться, хотя при объясненіи отдѣльныхъ выраженій относящихся сюда латышскихъ пѣсенъ авторъ иногда слишкомъ поспѣшно прибѣгаетъ къ миѳологіи. Такъ. въ одной пѣснѣ у Спрогиса (Пам., стр. 105 № 1), обращенной по началу къ жаворонку, говорится весьма странно:

Жаворонокъ пташечка, не спи при дорогѣ!
Завтра поѣдутъ *большіе господа*.

Заберутъ тебя въ карету,
Повезутъ въ *нѣметчину*,
Тамъ заставятъ тебя *молоть бобы*,
Бить въ мѣдный барабанъ.

Пѣсня представляетъ, очевидно, комическое искаженіе чего-то другого и не производитъ впечатлѣнія глубокой старины. А между тѣмъ г. Вольтеръ комментируетъ: „*молоть бобы*“ — это означаетъ борьбу бобовъ-звѣздъ съ ночнымъ „свѣтомъ“; оборотъ „*бить въ мѣдный барабанъ*“ относится, можетъ быть, къ звуку свѣтилъ, о которомъ говоритъ Л. Воеводскій. (Введеніе въ миѳологію Одиссеи, стр. 15—25); жаворонокъ замѣняетъ Усеня и солнце (стр. 35). Конечно, ставъ на *эту* точку зрѣнія, можно (вмѣстѣ съ г. Воеводскимъ) найти миѳологію въ чемъ угодно, но, къ сожалѣнію, мало гарантіи въ томъ, что эта миѳологія—*древняя*, а не миѳологія конца XIX-го столѣтія. *Нѣсколько* правдоподобнѣе предположеніе г. Вольтера (стр. 39), что *заяць*, упоминаемый въ пѣсняхъ вмѣстѣ съ Усинемъ, фигура миѳологическая. Если Усинь, что довольно вѣроятно, былъ древнѣйшимъ языческимъ богомъ у Латышей, то я припомнилъ бы литовскаго „заячья бога“, упоминаемаго Волынской лѣтописью: „жряше (Миндогъ) богомъ своимъ в(ъ) тайнѣ, первому Нънадѣеви, и Телявели [1]), и *Диверикъзу заячему богу*, и Мѣйдѣйну: егда выѣхаше на поле и выбѣгняше заяць на поле, в лѣсъ рощѣния не вохожаше вну и не смѣяше ни розгы уломити“ [2])

Впрочемъ, г. Вольтеръ лишь изрѣдка увлекается миѳологіей. Напротивъ, онъ иногда находитъ простыя и научныя объясненія тамъ, гдѣ другіе предполагали миѳологію. Такъ, онъ весьма успѣшно изгналъ изъ латышскаго „пантеона“ богиню Лиго, водворившуюся въ немъ съ весьма сомнительными правами на божественность, собственно говоря, лишь на основаніи пѣсеннаго припѣва. „О богинѣ *Лиго*, *Лиги*, говоритъ онъ (стр. 56), не можетъ быть и рѣчи: лиго, лейго не богъ, а повелительное наклоненіе отъ глагола *лейгот* и значитъ: играй, сіяй, плясай (читай: пляши).

Второй отдѣлъ, озаглавленный „короткія пѣсни-четверостишія“, содержитъ *семейныя* пѣсни: А. Родинныя и крестинныя. В. Свадебныя. С. Похоронныя. Приводя пѣсни, г. Вольтеръ всюду сопровождаетъ ихъ детальнымъ описаніемъ обрядовъ, при которыхъ онѣ поются. Особенно богата въ этомъ отношеніи рубрика свадебныхъ пѣсенъ, въ которой мы находимъ рядъ свадебныхъ обрядовъ изъ разныхъ волостей Динабургскаго уѣзда. Насколько плодотворны и обильны результатами были поѣздки г. Вольтера въ Витебскую губернію, можно судить по тому, что во 2-й части своихъ „Матеріаловъ“ онъ предполагаетъ дать полную характеристику отличительныхъ особенностей быта и языка Латышей Витебской губерніи

---

[1]) Искажено изъ *тевялелис*—„батюшка?“.
[2]) Лѣтоп. по Ипатск. списку. 1871, стр. 542.

и представить: a) пѣсни четверостишія: общественныя, гулевыя, рабочія, миѳическія и символическія; b) длинныя пѣсни или зингесъ; c) сказки и легенды; d) пословицы, загадки и разные мелкіе этнографическіе тексты; e) свѣдѣнія о языкѣ; f) извлеченія изъ путевого дневника; g) указатели предметовъ, лицъ и мѣстностей (стр. XII). Въ виду извѣстной тщательности, съ которою собираетъ и обработываетъ г. Вольтеръ этнографическіе и лингвистическіе матеріалы, трудъ его несомнѣнно будетъ капитальнымъ вкладомъ въ литературу по быту и языку Витебскихъ Латышей.

М.

Сборникъ Общества Любителей Россійской Словесности на 1891 г. Москва, 1891. Стр. 582,8°. Ц. 4 р.

Весьма цѣннымъ для исторіи русской литературы изданіемъ подарило насъ Общ. Люб. Рос. Слов. Общество обладаетъ интереснымъ архивомъ, считаетъ въ ряду своихъ членовъ многихъ извѣстныхъ литераторовъ и ученыхъ, во главѣ его стоитъ такой знатокъ русской литературы, какъ академикъ Н. С. Тихонравовъ, и однако изданія Общества принадлежатъ къ явленіямъ крайне рѣдкимъ: долгіе годы отдѣляютъ выпуски трудовъ Общества. Причина такой скупости Общества очень прозаическая — недостатокъ средствъ. Общество Л. Р. Сл. бѣдно, страшно бѣдно. Оно живетъ безъ ренты, безъ субсидіи... даже безъ членскихъ взносовъ, и только случайное стеченіе благопріятныхъ обстоятельствъ даетъ ему возможность дарить насъ рѣдкими, но цѣнными изданіями.

Главное содержаніе Сборника, за исключеніемъ мелкихъ (по объему и содержанію) беллетристическихъ произведеній (П. Д. Боборыкина, Л. Н. Розиной), составляютъ разные историко-литературные матеріалы. Одно изъ первыхъ мѣстъ между ними занимаетъ юношеская драмма В. Г. Бѣлинскаго—„Димитрій Калининъ". Какъ драмматическое произведеніе, пьеса знаменитаго критика крайне слаба. Написана она всецѣло въ романическомъ пошибѣ, наивно сантиментальнымъ языкомъ начала нынѣшняго вѣка. Дѣйствующія лица изливаютъ свои чувства въ длинныхъ по нѣсколько страницъ тирадахъ въ самомъ приподнятомъ романическомъ тонѣ. Но для характеристики самого автора пьеса имѣетъ несомнѣнно важное значеніе: она написана съ искреннимъ, горячимъ чувствомъ пылкаго и честнаго юноши, до слезъ, до щемящей душевной боли возмущеннаго неправдою жизни. Это горячій и страстный протестъ противъ главной болѣзни нашего дореформеннаго періода, крѣпостного права.

Подробный разборъ содержанія этого интереснаго изданія, конечно неумѣстенъ на страницахъ Этногр. Обозр.,—исторія литературныхъ нравовъ и судьбы литераторовъ пока еще стоятъ за предѣлами задачи этнографа... Однако и въ этомъ историко-литературномъ изданіи нашлась крупица для этнографа: О. М. Бодянскій въ своемъ весьма любопытномъ дневникѣ передаетъ народную легенду, которую считаемъ не лишнимъ отмѣтить здѣсь.

„Пріѣхавшій изъ Петербурга П. А. К—шъ (Кулишъ) сказывалъ, что онъ въ поѣздѣ на чугункѣ встрѣтился съ однимъ помѣщикомъ, недавно купившимъ имѣніе въ Орловской губ., который между прочимъ и о слѣдующемъ поразившемъ его обыкновеніи въ его деревнѣ, передавалъ. «Разъ, легши уже спать, вдругъ пробужденъ я былъ, говорилъ онъ, какимъ-то страннымъ шумомъ на дворѣ; гляжу въ окно: вся деревня, т е. та часть, которая была въ виду моего дома, освѣщена, словно въ какой высокоторжественный день; выбѣгаю на дворъ, и что же вижу? Девять бабъ (именно девять) съ распущенными волосами, въ бѣлыхъ сорочкахъ, съ пуками лучинъ въ рукахъ и косой, о которую молотками и другими желѣзными орудіями, что есть силы, ударали и производили тѣмъ страшный шумъ, идя рядкомъ, одна за другой чинно и важно по улицѣ. На вопросъ мой у дворовыхъ людей, что бы это значило, отвѣчали, что бабы, де, наши прогоняютъ смерть, отъ которой вотъ намнясь пало нѣсколько въ ихъ деревнѣ коровъ да быковъ, безъ всякой видимой причины. При этомъ я замѣтилъ, что онѣ тащили за собою и соху, которою, вышедши на поле, сбирались провести борозду кругомъ деревни, послѣ чего, по мнѣнію ихъ, лиходѣйка не посмѣетъ больше показаться въ ихъ пріютъ. Говорятъ, что когда попадется имъ въ ту пору незнакомый человѣкъ, то плохаго до смерти заколотятъ, полагая, что это-то и есть то самое, что онѣ прогоняютъ изъ своего жилья». Кто при семъ не вспомнитъ (замѣчаетъ О. М. Б—скій) остатки нашей языческой старины, когда за тысячу и больше лѣтъ назадъ предки наши точно такъ провожали зиму, какъ символъ смерти, передъ наступленіемъ первыхъ вешнихъ дней, извѣстную у нѣкоторыхъ славянъ подъ именемъ Мораны, Мараны и т. п.". (Стр. 117—118).

Этнографическій интересъ имѣетъ недурной разсказъ Д. Мамина: „Баймаганъ"—сценка изъ нравовъ киргизовъ. Любопытенъ словарь словъ простонародныхъ, старинныхъ и малоупотребительныхъ Н. В. Гоголя. Составъ словаря весьма тщательно разобранъ въ объяснительной къ нему статьѣ Н. С. Тихонравова.

Л.

Ал. С. Фамицынъ. — Гусли—русскій народный музыкальный инструментъ. *Историческій очеркъ.* СПБ. 1890.

Настоящій очеркъ г. Фамицына является только началомъ цѣлаго ряда работъ по очень мало еще разработанному вопросу объ исторіи русскихъ народныхъ музыкальныхъ инструментовъ. Нельзя не привѣтствовать такого начинанія, особенно въ виду того, что въ лицѣ г. Фамицына мы имѣемъ удачное соединеніе замѣчательнаго знакомства съ исторіей музыки и рѣдкой начитанности въ этнографической литературѣ.

Настоящая книга распадается на 3 главы: 1) Гусли—струны, струнный инструментъ вообще, 2) гусли какъ спеціальный русскій народный инструментъ и 3) постепенное усовершенствованіе формы русскихъ гуслей. Въ приложеніи авторъ говоритъ о цимбалахъ—инструментѣ, родствен-

номъ русскимъ гуслямъ-псалтирю, даетъ дополненія къ тексту и ноты для гуслей, взятыя изъ сочиненія: „Новѣйшая полная школа или Самоучитель для гуслей“ Ѳ. Кушенова-Дмитревскаго, 1808 г.

Слово „гусли“ (отъ густи, гудѣть) свойственно всѣмъ славянскимъ нарѣчіямъ, хотя не вездѣ оно употребляется въ одинаковомъ значеніи; по мнѣнію автора это слово сначала соотвѣтствовало, вѣроятно, латинскому fides, chorda, затѣмъ обозначало струнный инструментъ вообще и только позже специализировалась. Въ русскихъ историческихъ памятникахъ гусли въ тѣсномъ значеніи этого слова встрѣчаются не раньше первой половины XVI столѣтія. Многочисленные факты, собранные авторомъ изъ всевозможныхъ источниковъ, приводятъ его относительно русскихъ собственно гуслей къ такимъ выводамъ: гусли струнный, не смычковый инструментъ, ручной, легкій, небольшого размѣра; состоятъ онѣ изъ доски, струнъ, шпенечка; играютъ на нихъ всегда сидя. Въ 3-й главѣ г. Фаминцынъ слѣдитъ за различными фазами развитія и усовершенствованія этого инструмента. Старинныя миніатюры даютъ ему возможность намѣтить характеръ первобытныхъ русскихъ гуслей, параллельное явленіе къ которымъ представляютъ: Kantele Финновъ, Kannel Эстовъ, Kankles или Kanklys, Kankle, Kanklai, Kunkles и т. п. Литовцевъ и Ku°kles Латышей. Авторъ предполагаетъ, что инструментъ этого типа первоначально вошелъ въ употребленіе въ средѣ одного котораго-нибудь изъ названныхъ народовъ, а затѣмъ уже отъ него заимствованъ прочими (стр. 51); въ виду того, что „гусли“ вполнѣ естественно объясняются изъ славянскаго языка, между тѣмъ какъ о другихъ названіяхъ подобнаго нельзя сказать,—авторъ отдаетъ первенство гуслямъ славянскимъ: по его мнѣнію, которое кажется намъ не особенно убѣдительнымъ, Ku°kles произошло изъ Kankles, Kankles и Kannel изъ Kantele, послѣднее изъ гусль или гусли. Создателями гуслей были Славяне южные, отъ которыхъ заимствовали ихъ русскіе. Дальше г. Фаминцынъ прослѣживаетъ, насколько это позволяли имѣвшіеся у него подъ руками матеріалы, исторію гуслей отъ ихъ первобытной формы до формы новѣйшей, усовершенствованной, при чемъ даетъ довольно много поясняющихъ рисунковъ.

Богатство собранныхъ данныхъ, оригинальность нѣкоторыхъ выводовъ и новизна темы*) дѣлаютъ трудъ г. Фаминцына цѣннымъ вкладомъ въ этнографическую литературу; нѣкоторыя положенія его вызываютъ въ читателѣ сомнѣнія, но разрѣшить ихъ можетъ только тотъ, кто произведетъ надъ сырымъ матеріаломъ такую же гигантскую работу, какую произвелъ г. Фаминцынъ.

К.

Сборникъ матеріаловъ для статистики Самаркандской области за 1887—88 гг. Вып. I. Изд. Самарк. областн. Статист. Комитета, подъ ред. и. д. Секретаря *М. М. Вирскаго.* Самаркандъ. 1890. Стр. XXI + 444. 4°.

*) Если мы не ошибаемся, эту тему затрогивали въ своихъ статьяхъ только Кугачъ и проф. Сумцовъ (Культ. пережив.). Gołębiowski въ соч. „Gry i zabawy“ (Warsz. 1831) мимоходомъ упоминаетъ о гусляхъ (стр. 220, 241).

Настоящій сборникъ является первымъ опытомъ свода статистическихъ свѣдѣній по Самаркандской области на основаніи болѣе достовѣрныхъ данныхъ, собранныхъ Комитетомъ отъ административныхъ учрежденій, а также другихъ вѣдомствъ и частныхъ лицъ. Названная область, недавно учрежденная и существующая всего лишь четыре года, представляется чрезвычайно интересною въ культурномъ, экономическомъ и этнографическомъ отношеніяхъ. Но новизна дѣла, сопряженнаго еще притомъ здѣсь съ особенными мѣстными затрудненіями, потребуетъ еще многихъ усилій, чтобы можно было прійти хоть къ установленію какихъ нибудь прочныхъ и вѣрныхъ пріемовъ изслѣдованія, не говоримъ ужъ о выводахъ. Такъ, напр., первый вопросъ представляющійся для статистика основнымъ, вопросъ о числѣ населенія въ краѣ, можетъ быть рѣшенъ при настоящихъ условіяхъ лишь весьма приблизительно, такъ какъ со времени занятія области русскими подробныхъ списковъ населенія не велось; въ таблицахъ эта цифра показана по приблизительному разсчету 5 душъ на каждый дворъ или кибитку. Вышло всего населенія въ области въ 1888 г. 712,420 душъ, изъ коихъ 1, 42% европейцевъ (славянъ), 68,74% узбековъ, 23,04% таджиковъ, 2,4% арабовъ, 2,86% киргизовъ, 0,78% иранцевъ, 0,63% евреевъ, 0,09% авгановъ, 0,03% цыганъ, 59 чел. индусовъ и 20 ч. татаръ. При средней плотности 10,7 на 1 кв. вер., изъ четырехъ уѣздовъ: Самаркандскаго, Катта курганскаго, Ходжентскаго и Джизакскаго,— плотнѣе всего населенъ второй (24,3), и менѣе всего послѣдній (4,7). Долина р. Зеравшана, отдѣльно взятая, по плотности (128,9) населенія не уступаетъ населеннѣйшимъ частямъ Европ. Россіи, причемъ число жителей на каждое населеніе или аулъ приходилось тамъ въ 1888 г. почти вдвое болѣе, чѣмъ въ Евр. Россіи. Что касается движенія населенія въ области, то свѣдѣній по этому вопросу Комитетъ пока дать не могъ, такъ какъ въ Туркестанскомъ краѣ метрическихъ записей туземцевъ не существуетъ. Съ 1888 г. Стат. Комитетъ принимаетъ мѣры къ тому, чтобы организовать какъ-нибудь отчетность по этому вопросу: имъ разсылаются по всѣмъ имамамъ, раввинамъ, народнымъ судьямъ и т. п. особыя книги для записи рожденій, браковъ, и смертности туземцевъ магометанскаго и еврейскаго исповѣданій. Эти данныя, по ихъ обработкѣ, войдутъ въ слѣдущій выпускъ сборника. Въ настоящемъ же выпускѣ даны пока итоги, кромѣ вышеуказанныхъ, также по торговлѣ, промышленности урожаю, ирригаціи, народному здравію, нравственности, просвѣщенію и пр., при чемъ каждый отдѣлъ представленъ въ подробныхъ числовыхъ таблицахъ. Въ видѣ пособія для оріентировки при пользованіи матеріалами Сборника къ нему приложена фотографическая карта области въ масштабѣ нѣсколько большемъ 40-верстной карты Туркестанскаго военнаго округа, съ которой и снята фотографія

Туркестанскій край представитъ еще немало хлопотъ для статистиковъ, но, судя по сдѣланному Самаркандскимъ Комитетомъ началу, можно ожидать отъ мѣстныхъ изслѣдователей хорошихъ результатовъ. Успѣхъ мѣстной статистики порадуетъ и этнографа, которому поневолѣ приходится

нерѣдко имѣть дѣло со статистическими выводами, особенно, когда рѣчь зайдетъ о малоизслѣдованномъ краѣ.

Я.

Н. Маевъ.—Туркестанская выставка 1890 г. *Путеводитель по выставкѣ и ея отдѣламъ*. Ташкентъ. 1890. in 8°. Стр. 162.

Туркестанская выставка 1890 г. по мнѣнію автора даетъ наглядное понятіе о томъ, что представляетъ изъ себя Туркестанъ черезъ 25 лѣтъ владычества надъ страною русскихъ. Разсматривая различные отдѣлы выставки (отдѣлы: военно-историч., садоводства, винодѣлія, охоты, горной промышленности, шелководства и т. д.), авторъ даетъ краткія и вмѣстѣ съ тѣмъ не безъинтересныя свѣдѣнія о положеніи различныхъ отраслей промышленности и хозяйства какъ у туземцевъ, такъ и у русскихъ въ странѣ. При описаніи отдѣла охоты и рыболовства приведены различные пріемы охоты, способы употребленія нѣкоторыхъ орудій охоты; нѣсколько страничекъ посвящены охотѣ соколиной и любимому удовольствію туземцевъ: бою различныхъ животныхъ—рябчиковъ, верблюдовъ, барановъ и т. д. Интересенъ также краткій обзоръ научныхъ изслѣдованій о Средней Азіи. Къ сожалѣнію, слишкомъ коротко описанъ павильонъ кустарныхъ промысловъ.

Х.

Извѣстія Общ. Археологіи, Исторіи и Этнографіи при Имп *Казанскомъ* Университетѣ, т. IX, вып. 1. Казань, 1891 г. Ц. 1 р. 25 к.

Н. Н. Ѳирсовъ разсматриваетъ „вопросъ о бѣглыхъ и разбойникахъ", какъ онъ былъ поставленъ и рѣшенъ въ комиссіи для составленія проекта Новаго Уложенія при Екатеринѣ II (1767).—*Н. А. Ѳирсовъ* (предсѣдатель Общества) помѣстилъ статью „памяти П. Д. Шестакова" (перваго предсѣдателя Общества), въ которой изложилъ „мысли его объ общественномъ воспитаніи въ Россіи вообще и о просвѣщеніи инородческаго населенія сѣв.-восточной Россіи въ частности". Въ заключеніи авторъ между прочимъ говоритъ, что полезно было бы издать особою книгой труды Шестакова по исторіи и этнографіи.—*Н. З. Тиховъ* напечаталъ „Матеріалы для исторіи развитія славянскаго жилища". Въ данный очеркъ входитъ только „Болгарскій домъ и относящіяся къ нему пристройки по даннымъ языка и народныхъ пѣсенъ". *В. К. Магницкій* представилъ статейку „объ прихахъ (домашнихъ идолахъ) у чувашъ", въ которой онъ даетъ сводъ существовавшихъ до сихъ поръ свѣдѣній о нихъ и присоединяетъ свои.—*А. И. Соколовъ* доставилъ сборникъ русскихъ „мірскихъ" именъ (т. е. ненаходящихся въ святцахъ) и прозвищъ, извлеченныхъ изъ рукописныхъ документовъ, касающихся Казанскаго и Нижегородскаго края и относящихся къ XVII столѣтію. Списку предпослано небезъинтересное предисловіе, освѣщающее вопросъ о значеніи подобныхъ именъ и прозвищъ. На первый взглядъ мы бы подумали, что такія имена, какъ Потѣха, Невѣжа, Жданъ и т. п., ничто иное, какъ прозвища (фамиліи), но выра-

женія въ родѣ: Потѣха Ивановъ сынъ Опаринъ, или Жданъ Клементьевъ сынъ Облоуховъ и т. п. ясно указываютъ. что Потѣха, Жданъ и т. д. имена личныя, замѣняющія собою христіанскія. Интересно, что еще въ XVII в., судя по приводимому списку, употреблялись многія имена и прозвища, напоминающія собою имена былинныхъ, сказочныхъ и т. п. лицъ. Напримѣръ, *имена:* Буславъ, Будило, Добрыня, Дружина, Жданъ, Кисель, Залѣшенинъ, Кобякъ, Май. Манъ, Несмѣянъ, Нечай, Рахманъ, Садонка, Салтанъ, Соловей, Чура, Шебяка, Уланъ, Юшманъ, и др.; *прозвища:* Басарга, Буслай, Вишата, Дунай, Дюкъ, Кирша, Ладило, Муромецъ, Скоморохъ, Сотко, Суханъ, Торопъ, Тутаринъ, Шемяка, Ярило и др. *).—Томъ заканчивается интересною статьею *М. Н. Пинегина:* „Свадебные обычаи Казанскихъ татаръ". Авторъ, не довольствуясь подлиннымъ описаніемъ обычаевъ, попытался во второй главѣ, на основаніи данныхъ языка, коснуться семейно-общественнаго устройства въ болѣе отдаленную эпоху жизни татаръ и разбираетъ вкратцѣ такіе вопросы. какъ матріархатъ, патріархатъ, левиратъ и т п.

Я.

Памятная Книжка Московскаго Архива Министерства Юстиціи. Москва 1890. стр. II+234.8°. Ц. 2 р.

Книжка распадается на два отдѣла: I. Составъ Архива и обозрѣніе хранящихся въ немъ документовъ (156 стр.) II. Управленіе Архивомъ и его дѣятельность. Цѣль изданія книжки, по словамъ введенія, двоякая: съ одной стороны—дать въ руки постороннимъ лицамъ, посѣщающимъ Архивъ для ученыхъ занятій. пособіе къ первоначальному знакомству съ общимъ составомъ архива и въ частности съ тѣми видами историческихъ документовъ, которые въ немъ хранятся, съ—другой для служащихъ въ Архивѣ справочную книгу по всѣмъ предметамъ, которые входятъ въ кругъ ихъ обязательныхъ занятій. Вмѣстѣ съ тѣмъ Пам. кн. можетъ служить отчетомъ о нынѣшнемъ состояніи и текущей дѣятельности Архива, просуществовавшаго со времени своего образованія 38 лѣтъ." Эта цѣль несомнѣнно вполнѣ оправдываетъ изданіе книжки и достигается ею. Для насъ, конечно, болѣе важна первая часть книжки: она даетъ вполнѣ ясное представленіе о содержимомъ Архива, отличающагося значительнымъ богатствомъ. Вся эта часть раздѣлена на главы и подраздѣленія, но трудно указать точно, которыя изъ нихъ болѣе интересны въ этнографическомъ отношеніи, и какія не представляютъ интереса. Въ каждой почти главѣ можно найти указанія на матеріалъ для характеристики внутренняго рускаго быта прошлыхъ вѣковъ или въ сословномъ отношеніи, или въ экономическомъ, или въ семейномъ и т. д Напримѣръ, одни дѣла Вотчиннаго архива, Суднаго и Сыскнаго приказовъ, дѣла Юстицъ-коллегіи вмѣстѣ съ разными грамотами (напр. мировыми) могли-бы дать матеріалъ для вполнѣ яркой характеристики старинныхъ нравовъ какъ городского, такъ и сельскаго населенія. Кромѣ дѣлъ, касающихся непосредственно Москвы и нынѣшней центральной

*) См. ниже, Библіографъ (журналы).

Россіи, здѣсь хранятся также дѣла, относящіяся къ окраинамъ, каковы: дѣла Малороссійскаго и Сибирскаго приказовъ, дѣла, касающіяся Литвы и Бѣлоруссіи (Шкловское имѣніе, Литовская метрика), Остзейскаго края и т. д. Изъ II отдѣла книжки представляетъ интересъ глава 8-я о дѣятельности Архива по составленію описей и приведенію въ извѣстность важнѣйшихъ документовъ, далѣе перечень изданій Архива (въ 9-й гл.) и біографія управляющаго Архивомъ достоуважаемаго Нила Александровича Попова съ подробнымъ указателемъ его учено-литературныхъ статей и сочиненій (всѣхъ 227) за 1854—1889 гг. Помѣщены также въ этомъ родѣ свѣдѣнія о другихъ лицахъ, служащихъ въ Архивѣ. Однимъ словомъ, это изданіе для лицъ, интересующихся Архивомъ и особенно живущихъ внѣ Москвы, является весьма полезнымъ.

Я.

Матеріалы къ изученію способовъ народнаго врачеванія въ Восточной Сибири. 1) Сообщеніе *В. Гандельсмана* съ предисловіемъ и дополненіями *В. Крутовскаго.* 2) Сообщеніе *I. Ф. Черневскаго.* Красноярскъ. 1891 (Печатано по опредѣленію Общества врачей Енисейской губ.). 39 стр.

Въ первой статьѣ указано болѣе сорока, во второй около тридцати народно-врачебныхъ средствъ; матеріалы г. Гандельсмана собраны въ селѣ Идринскомъ Минусинск. окр., матеріалы г. Черневскаго въ дер Ершовой Карапчакской вол по р. Ангарѣ. Г Гандельсманомъ записано 35 мѣстныхъ названій растеній, и кромѣ того, сообщены народныя повѣрья о болѣзняхъ и заговоры, въ томъ числѣ два заговора отъ уроковъ, т. е. отъ наколдованныхъ болей. Въ заговорѣ № 2 встрѣчается представленіе объ островѣ среди океанъ-моря, на островѣ Божья церковь, въ ней престолъ, на престолѣ серебряное блюдо, на которомъ лежитъ 77 ножей; у престола сидитъ Пресвятая Богородица, Іисусъ Христосъ и всѣ святители. Въ № 9 отъ уроковъ же: „Матушка всевостошница, Соломонида, катися и валися въ окіанъ-море, смывай крутые берега и желтые пески"…. Уроки могутъ быть „выколоты" (ножами?) или смыты (рѣкой?) Соломонидой.

П.

Статистическій Сборникъ Саратовской губерніи. 1890 г. Сост. секретарь стат. комитета *Ф. С. Шиманскій.*

Протоколъ годичнаго Собранія Саратовскаго Губернскаго Статистическаго Комитета 24 февраля 1890 г. даетъ нѣкоторыя свѣдѣнія о движеніи научной разработки края. Свѣдѣнія библіографическаго характера можно почерпнуть въ отдѣлахъ Сборника: „Свѣдѣнія о состояніи Комитета за 1889 г.", и „Приложенія", въ числѣ которыхъ слѣдуетъ въ особенности замѣтить „Перечень работъ Стат. Комитета за 1885—1889 гг.", и записку Н. Ф. Хованскаго о значеніи статистики. „Историческій очеркъ заселенія края" помѣщенъ въ въ отдѣлѣ „Статистическое Обозрѣніе Саратовской губерніи за 10-лѣтіе 1880 — 1889 гг.", въ которомъ тща-

тельно обозрѣвается статистика губерніи, въ особенности ея населеніе съ весьма разнообразныхъ сторонъ (23 рубрики), и обзоръ иллюстрируется значительнымъ количествомъ таблицъ.

Б.

Труды Саратовской Ученой Архивной Коммиссіи. Саратовъ. 1890. Т. II, вып.—2. *А. Н. Минхъ.* 1) Историческій очеркъ начала заселенія Саратовскаго уѣзда. 2) Матеріалы для исторіи заселенія Саратовскаго края.—*С. А. Харизоменовъ.* Матеріалы по четвертному землевладѣнію Саратовской губерніи.—*С. С. Краснодубровскій.* На раскопкахъ „Кудеярова Обрыва", о которомъ см. „Этногр. Обозр." VIII, 256.—Свѣдѣнія о движеніи научной разработки матеріаловъ по исторіи и этнографіи края можно найти въ „Протоколахъ Общихъ Собраній Саратовской Ученой Архивной Коммиссіи". Остальныя статьи имѣютъ болѣе историческій интересъ.

Новороссійскій Календарь на 1891 г., издаваемый Одесскимъ Городскимъ Обществен. Управленіемъ при Городской Публичной Библіотекѣ. Ц. 1 р.

Календарь содержитъ справочныя свѣдѣнія по Херсонской губ., Таврической, Бессарабской, Екатеринославской, и Одесскому градоначальству. Въ числѣ литературныхъ приложеній прежде всего находимъ «библіографическую справку» о «Новороссійскомъ Календарѣ», въ которой между прочимъ перечислены научныя статьи, появившіяся въ этомъ изданіи съ 1839 г. Далѣе слѣдуетъ обширная статья *В. Яковлева* (пользовавшагося также рукописными работами по тому же вопросу покойнаго О. В. Юрченка): «Аббатъ Николь и первые годы Ришельевскаго Лицея». Статья представляетъ весьма интересную страницу изъ исторіи просвѣщенія Россіи вообще и Новороссійскаго края въ частности. Іезуитъ Доминикъ Шарль Николь (род. 1758 г., умеръ 1835 г.) былъ въ Россіи съ 1793 по 1820 г., былъ другомъ герцога Ришелье и директоромъ его лицея въ Одессѣ, для котораго онъ написалъ и уставъ, поставившій лицей внѣ зависимости отъ Харьковскаго университета, на ряду съ высшими учебными заведеніями. Обладая замѣчательными педагогическими способностями, онъ былъ также извѣстенъ отчасти и какъ политическій дѣятель (во Франціи). Подробностей статьи, не имѣющей прямого отношенія къ этнографіи въ тѣсномъ смыслѣ, мы не передаемъ, и прямо переходимъ къ «Опыту программы—вопросника для собиранія географическо-историческихъ свѣдѣній по Новороссійскому краю (его мѣстностямъ и поселеніямъ)», сост. *А. А. Матвѣевымъ* (къ юбилею Имп. Рус. Геогр. Общества). Составитель этой программы извѣстенъ уже изданіемъ 3-хъ выпусковъ своихъ программъ подъ общимъ заглавіемъ: «Къ вопросу объ археологическихъ изслѣдованіяхъ въ южной Россіи» (вып. I—Этнографія, вып. II—Программа историко-географич. свѣдѣній, вып. III—Археологія). Одесса. 1884. Эти изданія, которыя были приноровлены къ Одесскому археологическому

съѣзду, давно разошлись, и г. Матвѣевъ, пользуясь предложеніемъ редакціи возобновившагося изданія «Новороссійск. Календаря», счелъ полезнымъ напечатать новый «вопросникъ», съ нѣсколько инымъ планомъ. «Желаніе наше, — говоритъ онъ въ предисловіи (стр. 102),—замѣнить бывшія спеціальныя программы и инструкціи одной общей программой, въ которой если не детально, то зато по возможности въ полномъ комплектѣ фигурировали бы всѣ отдѣлы, подъ рубрики которыхъ можно бы подвести и естественно-историческій, и этнографическій и экономическій, и историко-археологическій матеріалъ». Конечно, составленіе программы по такимъ разнообразнымъ вопросамъ однимъ лицомъ можетъ и должно отразиться невыгодно на самой программѣ, потому что врядъ ли одно лицо можетъ обладать такими энциклопедическими познаніями со стороны теоретической и даже самой практики, какія для этого требуются, тѣмъ болѣе при такомъ характерѣ программы, какъ настоящая, въ которой составитель не ограничивается одними вопросами, но старается вполнѣ цѣлесообразно «снабдить отдѣлы программы должными на каждый случай объяснительными примѣчаніями и инструктивными замѣтками». Авторъ впрочемъ и не считаетъ свой трудъ вполнѣ безупречнымъ и совершенно справедливо замѣчаетъ, что, благодаря указаніямъ работающихъ по программѣ лицъ, недостатки ея могутъ быть устранены. Программа распадается на 3 части: 1) *Страна* (физико-географическая часть), 2) *Населеніе* (этнографія съ народнымъ хозяйствомъ), 3) *Исторія* (со включеніемъ археологіи). Но напечатана пока только 1-я часть. Какъ всѣ предыдущія изданія г. Матвѣева, такъ и это имѣетъ въ виду главнымъ образомъ южную Россію, въ частности Новороссію, и результаты преслѣдуемой авторомъ цѣли представляются ему въ такомъ видѣ: «Собранный матеріалъ можетъ послужить наукѣ къ составленію или географическо-историческаго описанія Новороссіи или къ не менѣе полезному изданію историко-географическаго словаря ея, гдѣ бы географическія территоріальныя единицы не лишены были точныхъ и подробныхъ (даже до урочищъ включительно) топографическихъ элементовъ, были снабжены физико-географическимъ матеріаломъ, этнологическими и этнографическими данными, а послѣднія обставлены статистическими и экономическими картинами быта и дѣятельности населенія; въ свою очередь исторія края и мѣстныхъ народностей, освѣщенная этнологіей и этнографіей, имѣла бы для себя документальный матеріалъ въ общественныхъ памятникахъ мѣстности, указанныхъ и описанныхъ въ современномъ ихъ состояніи, не лишена была бы археологическихъ данныхъ и т. п. Такой словарь есть давнишнее желаніе русской науки, а письменному и вещественному для него матеріаламъ,—смѣемъ думать, говоритъ авторъ, — всегда найдется пріютъ и желанный научный ходъ въ стѣнахъ возникающаго Одесскаго музея» (103). Само собою разумѣется, что такого рода работа требуетъ извѣстнаго средоточія въ спеціальномъ мѣстномъ ученомъ учрежденіи, которое могло бы руководить этой работой. Въ крайнемъ случаѣ трудъ могъ бы быть раздѣленъ между мѣстными университетскими обществами соотвѣт-

ственно ихъ спеціальности, а еще несравненно лучше цѣль могла бы быть достигнута однимъ обществомъ, имѣющимъ отдѣлы географіи, этнографіи и археологіи. Въ Одессѣ такого общества нѣтъ, и намъ кажется, что прямая задача мѣстныхъ ученыхъ была бы составить подобное общество и взять въ свои руки мѣстный музей. Во всяномъ случаѣ трудъ г. Матвѣева и высказанныя авторомъ мысли во введеніи вызываютъ къ себѣ полное сочувствіе съ искреннимъ пожеланіемъ наилучшихъ результатовъ. Программа несомнѣнно будетъ заготовлена и распространена въ значичельномъ количествѣ отдѣльныхъ оттисковъ, иначе она тѣмъ менѣе достигнетъ своей цѣли.

Я.

Памятная книжка Волынской губ. на 1891 г. Изд. Губ. Стат. Комитета. Составлена подъ ред. Секретаря Комитета *И. Ф. Мацкевича.* Житоміръ. 1890 г.

Литературно-научныхъ приложеній книжка за текущій годъ не имѣетъ, и вся она занята статистикой, разработанной довольно подробно и разнообразно. Статистическія данныя здѣсь помѣщены за два года 1888 и 1889, а прошлый годъ еще не вошелъ, такъ что свѣдѣнія разрабатываются Комитетомъ довольно медленно. Притомъ годъ 1888 представленъ уже въ выводахъ, а 1889 только въ подробныхъ таблицахъ безъ выводовъ. Мы, конечно понимаемъ, что Комитетомъ сдѣлано то, что можно было сдѣлать, но не можемъ не сказать, что если бы были даны выводы и за 1889 г., то это дало бы возможность по нѣкоторымъ рубрикамъ провести сравненіе, которое такъ или иначе могло бы для насъ освѣтить тотъ или иной вопросъ, теперь же не всегда это возможно безъ особенныхъ вычисленій. Населенія въ губерніи въ 1889 г. считалось 2,351,051 душъ (въ 1888 г. — 2,303,602 д.), а такъ какъ пространство ея равняется 63126 кв. верстамъ, то слѣдовательно приходится около 37,2 ч. на 1 кв. версту, что не свидѣтельствуетъ о сильной плотности населенія. По вѣроисповѣданіямъ въ 1889 г. населеніе распредѣлялось такимъ образомъ въ процентномъ отношеніи: правосл. 73,2%, еврейск. 13,4%, католич. 8,2%, протест. 4,4%, чехо-гуситск. ок. 0,3%, раскольник. 0,2%, баптист. тоже 0,2%, кромѣ того магометанъ ок. 0,02% и караимовъ ок. 0,004% (180 ч.). Сравненіе съ предшествующимъ 1888-мъ годомъ указываетъ только на уменьшеніе чеховъ на Волыни (въ 1888 г. ихъ считалось 9614 ч., а въ 1889 г. — 8003 ч.), что вѣроятно объясняется ихъ обратными переселеніями болѣе, чѣмъ смертностью. Данныхъ, характеризующихъ составъ населенія по народностямъ, въ книжкѣ мы не находимъ, и только по указаннымъ вѣроисповѣднымъ отношеніямъ можемъ составить себѣ объ этомъ нѣкоторое представленіе, хотя, конечно, очень не точное. Сословныя таблицы также не могутъ помочь выясненію этого важнаго для мѣстной этнографіи вопроса. Мы не будемъ останавливаться на другихъ вычисленіяхъ, укажемъ еще только, что помѣщенный въ книжкѣ списокъ озеръ съ обозначеніемъ ихъ вели-

чины по уѣздамъ (большинство ихъ сосредоточено во Владимірволынскомъ и Ковельск. уу.) даетъ намъ нѣкоторое представленіе о физическомъ устройствѣ страны и ея поверхности (болѣе 100 кв. в. подъ озерами), а списокъ городовъ и мѣстечекъ можетъ служить полезной справкой.

Я.

Памятная книжка Ковенской губ. на 1891 г. Изд. Губ. Стат. Комитета. Сост. Секретарь Комитета *К. Гуковскій*.

По примѣру прошлогодней эта книжка представляетъ интересъ своими послѣдними отдѣлами. Отдѣлъ III даетъ намъ краткій „Статистическій обзоръ" губерніи за 1889 г. (главнымъ образомъ въ итогахъ по обычнымъ рубрикамъ). Отдѣлъ IV содержитъ въ себѣ двѣ статьи: одна—члена Комитета *П. М. Силина*—„Сурдегскій Св.-Духовскій третьеклассный монастырь" въ Вилкомирскомъ уѣздѣ; другая, подъ заглавіемъ: „Вилкомирскій уѣздъ", принадлежитъ г. Секретарю *К. Гуковскому* и представляетъ собою болѣе или менѣе цѣльный очеркъ уѣзда, имѣющій значительный интересъ для этнографа. Очеркъ написанъ приблизительно по той-же программѣ, что и описаніе Тельшевскаго уѣз. того-же автора въ Пам. кн. за прошлый годъ (Этн. Обозр. кн. VII, 203). Вслѣдъ за описаніемъ географическимъ (топографія, флора, фауна и т. д.) авторъ подробнѣе трактуетъ о населеніи уѣзда, которое принадлежитъ къ группѣ собственно литовцевъ (всего 130,000 д.), отличающихся отъ соплеменныхъ жмудиновъ по языку и по сравнительно большей культурности. Языкъ мѣстныхъ литвиновъ разсматривается авторомъ не подробно, а указываются вкратцѣ главнѣйшія отличія его отъ западныхъ верхне-литовскихъ говоровъ въ отношеніяхъ фонетическомъ, морфологическомъ и лексическомъ. Важнѣйшую часть статьи представляетъ глава о народно-юридическихъ обычаяхъ, составленная по рѣшеніямъ волостныхъ судовъ. Далѣе довольно много мѣста удѣлено экономическому очерку уѣзда. Наконецъ, небольшія замѣтки посвящены самому г. Вилкомиру и достопримѣчательностямъ уѣзда, интереснымъ болѣе для археолога.

Я.

Труды Курляндскаго Губернск. Статистич. Комитета, т. XVIII, изд. подъ ред. Секретаря Комитета *Я. И. Лудмера*. Митава. 1890. Ц. 1 р. Стр. 338, 8°

Въ настоящемъ томѣ можно отмѣтить лишь тѣ главы, которыя свидѣтельствуютъ о томъ, какая печальная судьба постигаетъ большею частью разныя хорошія начинанія вслѣдствіе инертности и неотзывчивости нашего образованнаго общества къ научнымъ вопросамъ и другихъ обстоятельствъ Такъ, напр., Имп. Академія художествъ обратилась въ 1886 г. къ начальникамъ губерній и другимъ лицамъ съ программой для собиранія свѣдѣній о русскихъ древностяхъ, могущихъ характеризовать древнее отечественное искусство. Программа была разослана кому слѣдуетъ по губерніи (она напечатана въ этомъ томѣ и содержитъ всего 13 вопросовъ) По-

лучено всего 41 отвѣтъ, изъ которыхъ большая половина ничего не даютъ, а остальные даютъ очень мало (отвѣты тоже напечатаны). Также окончилось и воззваніе С.-Петербургскаго Общ. Естествоиспытателей объ устройствѣ мѣстнаго естественно-историческаго музея, и обращеніе Моск. Археол. Общества по случаю Ярославскаго съѣзда (стр. 38). Слѣдуетъ отмѣтить еще доставленный библіотекаремъ Моск. Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ И. Ѳ. Токмаковымъ перечень матеріаловъ по Курляндской губ., хранящихся въ названномъ Архивѣ (стр 110).

N.

Памятная книжка Сѣдлецкой губ. на 1891 г.

Второй отдѣлъ книжки занятъ статьею *Н. Янчука:* „Малорусская свадьба въ Корницкомъ приходѣ Константиновскаго уѣз. Сѣдлецкой губ. Статья перепечатана (съ пропусками) изъ VII кн. Трудовъ Этнографич. Отдѣла Имп. Общ. Люб Естествозн., Антр. и Этногр. („Извѣстія" Общества, т. 48, вып 1) Эта перепечатка можетъ имѣть значеніе, между прочимъ для мѣстныхъ любителей этнографіи, для которыхъ изданія ученыхъ обществъ остаются неизвѣстными. Можно только пожелать чтобы среди этихъ любителей нашлись желающіе подражать примѣру автора въ описаніи мѣстныхъ обычаевъ и другихъ особенностей народнаго быта, тѣмъ болѣе, что эти особенности на этой окраинѣ сглаживаются все быстрѣе и быстрѣе подъ вліяніемъ не только общихъ условій, разрушающихъ повсюду старину, но и спеціально-мѣстныхъ.

N.

Ярославскій Календарь на 1890 г. (Изд. Губ Стат. Комитета).

Д. А. Невскій Указатель матеріаловъ по Ярославской губерніи, помѣщенныхъ въ Журналѣ Министерства Внутреннихъ дѣлъ съ 1829 по 1861 г.

2. Журналы.

Библіографъ, 1890, № 7—8. *Чечулинъ.* Личныя имена въ писцовыхъ книгахъ XVI в., не встрѣчающіяся въ православныхъ святцахъ. Отмѣтимъ въ этой любопытной статьѣ имена, приводящія насъ къ былевымъ именамъ и прозваніямъ или интересныя сами по себѣ. Стр. 76 (прим.): *Соловей* ямщикъ, стрѣлецъ *Суровецъ*, стрѣлецъ *Смородинка*, боярскій сынъ *Жаворонокъ*, *Рыба* Аверкіевъ, *Соболь* Олферьевъ, *Козелъ* Зенденинъковъ, *Волкъ* Курицынъ; стр. 77 (прим.): *Беркутъ* Глѣбовъ, *Дунай* Кузьминъ, *Ратміръ* Антиповъ с. *Казарьина*, *Персидъ* Никитинъ; стр. 79: Семенъ *Рахманинъ*; стр. 80: *Дрyгиня*, *Воробей*, *Ворона*, *Соловей*, *Суханъ*, *Чернава*, *Чужаня*,—какъ личныя имена; стр. 81: *Селянинъ*, *Селяникъ*, *Муринъ*, *Тарханъ*; стр. 82: *Добрыня*, *Дородка*, *Жданъ*, *Путило*, *Путята*, *Ратай*, *Томила*, *Чудилко*, *Чурила*, *Шумилко*, *Шумята*, *Щелканъ*, *Щуръ*, *Щурка*, *Волга*, *Дунай*; стр. 83: *Батута*, *Казаринъ*, *Лотычя*, *Мамай*, *Макоша*, *Макуша*, *Манко*, *Ратманъ*, *Ратміръ*, *Рахманинъ*, *Рахманко*, *Рыкуня*, *Садыкъ*, *Селюга*, *Смага*, *Созыка*, *Сура*, *Сурикъ*, *Сурьянъ*; стр. 84: *Хотко*, *Хотѣй*, *Чуръ*, *Шаврукъ*, *Шахъ*, *Шемяка*, *Ярецъ*, *Ярило*, *Купава*, *Духаня*, *Некраса*. (См. выше, стр. 169).

Wisła, 1891, zeszyt I. *Smoleńcówna.* Gry dziecięce (дикіе гуси, птичка, заяцъ,

птица или цвѣта, котъ и мышь, просо, морковь, перстень, граница и забава взрослыхъ парней). *Korotyński*, Ze starej książki: нѣсколько легендъ, выбранныхъ изъ книгъ 1683 и 1730 года (любопытна на стр. 25—6 легенда о Владиславѣ, поставившемъ черту 2 свѣчки, а святымъ по одной). *Karłowicz*, Raz jeszcze do Brzozy Gryżyńskiej (наказаніе дѣтей за непочтительность къ родителямъ, намѣреніе ихъ побить или убить). *Jastrzębowski*, Sobotka we wsi Mikułowice (gmina Wojchiecowice w powiecie opatowskim): 6 пѣсенъ и нѣсколько повѣрій. *Iks*, Kopernacka: авторъ считаетъ kopernacka или kopernocka „przekręceniem wyrazu Kupała—nocka" (?); замѣтка не уясняетъ этого страннаго названія (приведено 6 купальскихъ пѣсенъ и нѣсколько обрядовъ). *Karłowicz*, Podanie o Madeju: нѣсколько дополненій къ прежнимъ статьямъ на основаніи печатныхъ и рукописныхъ источниковъ. *Wawrzeniecki*, Okienko w chatach u zakończenia dachów. *Biegeleisen*, Motywy ludowe w balladzie A. Mickiewicza: „Lilje". *Jabłonowski*, Najnowsze teorje heraldyczne pochozenia polskiego społeczeństwa szlachetskiego, ze stanowiska etnograficznego (по поводу „Studja heraldyczne" Малецкаго и „O dynastycznem szlachty polskiej pochodzeniu" Пекосинскаго). Zabawki dziecięce. *Mo....ów*, Bajka-zagadka o zabitym kochanku (къ литературѣ вопроса прибавимъ трудъ по миѳологіи Воеводскаго, разобранный В. Ѳ. Миллеромъ въ „Критическомъ Обозрѣніи"). Wieśniak z Radzyńskiego. (съ рис.). *Dowgird*, Buława kamienna. *Sembrzycki*, Zagadki mazurskie. *Karłowicz*, Piosnka o babulence i jej koziołku. *Malinowski*, Народная медицина. *Kolberg*, *Gacki i Skrzyńska*, Kula. *Plichta*, Chata. *Jastrzębowski*, A pochylone. *Ciszewski*, pismo obrazowe (на основаніи замѣчаній Neurla и Václavka). *Krzywicki*, Pilkalnie. *Ciszewski и Wawrzeniecki*, Niecienie ognia przez tarcie. *Rokossowska*, названія коровъ и воловъ, *Gloger*, Najdawniejsza wiadomość o pisankach. *Ciszewski*, Pisanki w Serbji. *Rokossowska и Dowojna-Sylwestrowicz*, Liście makowe. *Z. W.*, W sprawie czytelnictwa ludowego (замѣтка Радославскаго) *Lubicz*, Sobotka (подробныя и недурно составленныя программы). Рецензіи на „L'evolution juridique" Let urneau, „Очерки изъ исторіи средневѣковой литературы" (хожденіе по мукамъ и изъ исторіи демонологіи), „Къ вопросу объ антроп. типѣ Литовцевъ" Н. А Янчука. Обзоръ журналовъ: Zeitschrift des Vereins für Volkskunde, Живая Старина, Revue des traditions populaires, La tradition, Revue mensuelle de l' Ecole d' Anthropologie de Paris, Květy, Vesna, Literární Listy, Vienac, Iavor, Русскій Филологическій Вѣстникъ, Gazeta Lubelska, Gazeta Radomska u Słowo. *Sembrzycki*, Rogi jelenie jako pająki. *Вл. Каллашъ и Ciszewski* Skalecz ne nazwiska polskie (см. Этн. Обозр., VIII, 219) *Krauss* M. kro kumstwo, *Sembrzycki*, Starożytne p sągi kamienne. Очень короткій некрологъ Миклосича

Вѣстникъ Европы. *Мартъ. Ив. Ив. Янжулъ*: Изъ психологіи народовъ. Экономическое значеніе „времени" и „пространства". Эта статья была прочитана проф. Янжуломъ въ засѣданіи Этнографич. Отд. Имп. Общ. Люб. Естест., Антроп. и Этнографіи. Написанная на основаніи книги Эммануила Германа: „Sein u. Werden in Raum und Zeit" (Wirthschaftliche Studien) эта статья доказываетъ, что чѣмъ культурнѣе народъ, тѣмъ больше онъ цѣнитъ какъ время, такъ и пространство.—Рец. на кн. А. Карнѣева: Матеріалы и замѣтки по литературной исторіи „Физіолога". Изд. Имп. Общ. любителей древней письменности. СПБ. 1890.—Рец. на кн. Н. Сумцова: Культурныя переживанія. Изд. журн. „Кіевская старина". Кіевъ. 1890.—Рец. на кн. Ch. Letourneau: L'evolotion juridique dans les diverses races humaines. Paris 1891.—Рец. на кн. гр. Сергія Шереметева: Суздаль. СПБ. 1891.—*Апрѣль. Ѳ. Ѳ. Воронововъ*: Среди молдаванъ. Изъ путевыхъ замѣтокъ. Статья посвящена способамъ владѣнія землей у молдаванъ Бессарабской губерніи.—Рец. на кн. „Алтай". Историко-статистич. сборникъ по вопросамъ экономическаго и гражданскаго развитія алтайскаго округа. Изд. В. А. Г—ва. Подъ редакціей П. А. Голубева. Томскъ. 1890.—Рец. на кн. Fustel de Coulanges: Histoire des institutions politiques de l'ancienne France. La Gaule romaine—Ouvrage revu et complété sur le manuscrit et d'après les notes de l'auteur par Camille Jullian. Paris. 1891.

Джеджили, кн. III (журналъ на грузинскомъ языкѣ, „Нива"). Легенда о

пастухѣ. Содержаніе легенды заключается въ томъ, что Богъ заранѣе предрѣшаетъ судьбу живущихъ и счастье или несчастье, свыше опредѣленное, не можетъ быть измѣнено человѣческими усиліями.—Сказка о томъ, какъ одинъ крестьянинъ спасъ своего царя отъ смерти.—Пѣсня грузинскаго рапсода.

Живая Старина. III.—Письма *Прейса* къ Куторгѣ, Срезневскому, Шафарику и др. Эти письма представляютъ драгоцѣнный матеріалъ для характеристики чрезвычайно симпатичной и, къ сожалѣнію, мало извѣстной у насъ личности Прейса, одного изъ первыхъ русскихъ славистовъ.—*Приклонскій*. Три года въ Якутской области. Интересны данныя относительно того, что мужъ, во время беременности жены, подчиняется тѣмъ же правиламъ и ограниченіямъ, какъ и она (стр. 62—3), зарожденіе отъ вѣтра (стр. 66), преданіе о закапываніи жены при похоронахъ мужа (стр. 77) и пр. Вообще въ этой статьѣ много интересныхъ и новыхъ данныхъ. *Патканов*ъ. Стародавняя жизнь остяковъ и ихъ богатыри, по былинамъ и сказаніямъ (глава I, остяцкая эпическая поэзія; глава II, княжество и ихъ центры—городки; глава III, внѣшній видъ и образъ жизни прежнихъ остяковъ).—*Потебня*. Этимологическія замѣтки (багачъ, богачъ, богатьтя—жаръ, горячіе уголья; бдинъ—моментъ поминокъ, отличный отъ тризны; Бѣлая Русь; буртальники—колдуны, предсказатели; бычокъ дристунокъ; превращеніе воды въ вино; волотъ, велетень; обычай втыкать на колъ лошадиный черепъ; подопри—свѣтъ; попа въ рѣшетѣ возить; русалки и петрушка; Соловей Разбойникъ на дубахъ; туръ нечной; пигмеи; ягуны; ярчукъ, марчукъ).—*Майковъ*. Отрывокъ былины въ Сибирской лѣтописи.

Отдѣлъ II. Ермакъ взялъ Сибирь (перепечатка изъ Древ. Рос. Стихотв. изд. 1818 г.). *Майковъ*. Заговоры Донскихъ казаковъ (изъ рук. XVII в.). Свадебный обрядъ въ Угорской Руси. Болгарскія нар. пѣсни, записанныя въ Прилѣпѣ (юначки). *Минаевъ*. Пересказы нѣкоторыхъ неизданныхъ Джатакъ Палійскаго Канона. *Приклонскій*. Якутскія нар. повѣрья и сказки. Рецензіи о Сборникѣ лирич. пѣсенъ Лопатина и Прокунина, „Культ. пережив." Сумцова, Этногр. Обозр. VII. *Ольденбургъ*, Шемякинъ судъ (указатель литературы). *Лось*, Библіографическій указатель изслѣдованій и наблюденій по польской діалектологіи. *Евсѣевъ* и *Успенскій*, О псковскомъ говорѣ. *М. И. Соколовъ*, Урочные посты, русская гигіена XVI в. и Лунникъ. *Мамакинъ*, Народныя дѣтскія игры (игра въ тюленя и въ ворона или коршуна). *Баловъ*, Слѣды древнихъ вѣрованій въ народномъ иконопочитаніи. *Н—ій*, Къ вопросу о религіозныхъ вѣрованіяхъ и культѣ Черемисъ. *Врайловскій*, Праздникъ „Рипей" и способъ лѣченія отъ сглазу. *Спрогисъ*, Похоронный обрядъ у Латышей въ 40-хъ годахъ. *Соснинъ*, Замѣтки о Русскихъ и Калмыкахъ (клады, отношеніе калмыковъ къ русскому населенію). *Потанинъ*, Монгольскія легенды о монастырѣ Эрдени—Цзу. *В И Ламанскій*, Прусскіе нѣмцы и Судонскіе Габери въ Кимре „на дубахъ", Бѣлая Русь, некрологъ Миклошича, слово проф. Ягича о Миклошичѣ въ Нео-филологическомъ Обществѣ. Журналъ засѣданій отдѣленія Этнографіи И. Р. Геогр. Общ.

Иверія. *Мартъ*. 1891 г.. Большая историческая монографія подъ названіемъ „Царь Ираклій II", соч. царевича Теймураза. Разсказъ о вторженіи въ Грузію Ага-Магометъ-хана, шаха персидскаго, сопровождается нѣкоторыми указаніями, имѣющими этнографическое значеніе. — *Апрѣль*. Царь Соломонъ и рыболовъ, народная легенда. Содержаніе легенды касается того цикла сказаній, который А. Н. Веселовскимъ названъ сказаніями о Соломорѣ и Китоврасѣ. На грузинскомъ языкѣ напечатаны три варіанта этой легенды.—Народный разсказъ о Таріелѣ, героѣ поэмы XII вѣка Шота Руставели. Записанный въ Тіонетскомъ уѣздѣ, этотъ разсказъ представляетъ новый и весьма любопытный варіантъ извѣстныхъ намъ народныхъ сказаній о Таріелѣ. Вопросъ объ отношеніи народнаго Таріела къ герою Шота Руставели въ поэмѣ „Барсова Кожа" настолько важенъ, что требуетъ, по крайней мѣрѣ, цѣлой статьи на первое время.—Хевсурскія народныя пѣсни.

Кіевская Старина 1889. *Сентябрь*.*) *К. А. Трутовскій*, Изъ воспоминаній о поѣздкахъ по Малороссіи (съ рисунками). *Васильевъ*, Рекрутчина въ малорусской пѣснѣ. *Сумцовъ*, Культутурная переживанія: „водить тополю"; игра въ короля; игра

въ кугникы; игра въ воротаря; Кострубонько; кулачки; паци; глиняныя свистулькисопилка; бандура; къ исторіи южно-русскихъ бандуристовъ; къ вопросу о происхожденіи думы о смерти казака бандуриста; цимбалы, гусли. *Боржковскій*, Лирники (пѣсня для выпрашиванія милостыни, „жебранка", дума о Коновченкѣ, панщина, правда и неправда, житіе, прыказаня, сыритка, Олексѣй, Грыгорій, Іосифъ, псальма св Василію, псальмы страсти, страшный судъ, 12 пятницъ, суха бабка, теща, бида; словарь, въ которомъ попадаются любопытныя слова, напр.: бармусъ—шуба, гальомый—большой, кримъ—грѣхъ, терыга—земля, хаза—хата, хоры—село, сисара—4, дикона—10 (см. также апрѣль 1890).—*Равита*, Ѳома Падурра. *Познанскій*, Замѣтки о саранчѣ, бывшей въ Кіевщинѣ въ 1861 г. *Манжура*, Легенда о „Петровомъ батогѣ" (см. выше, стр. 112). У гуцуловъ (изъ Kraj'a, съ подписью Enigma), *Кравченко*, Изъ народныхъ разсказовъ о проклятыхъ дѣтяхъ.

Октябрь. Сумцовъ, Культурн. переж.: къ исторіи развитія понятій народа о нравственномъ значеніи кумовства; кувада; наказанія мужа за родовыя боли жены; развязываніе узловъ и отмыканіе замковъ при родахъ; ночные роды; обрядовое употребленіе перстня при родахъ; дѣтская сорочка; предпочтеніе мальчика; обрядовое усыновленіе; одмина; обрядная продажа ребенка; размывки; коронування; досвитки; малорусская свадебная терминологія.—*Старицкая*, Живая могила (малорусская легенда).—*Динниченко*, Два дѣла о волшебствѣ.—Рецензія на Этногр. Обозр., I, Wisła 1887—1888.—*И. З.*, По поводу слова „перемотъ".

Ноябрь. Познанскій, Воспоминанія о рекрутчинѣ по прежнему порядку. *Сумцовъ*, Культ. пережив.: палка сватовъ; могорычъ; постъ невѣсты; значеніе „весилья"; гарбуза пиднесты; состязаніе загадками; пбкрытка; остриженіе волосъ, какъ наказаніе; обмазываніе дегтемъ головы и волосъ; обычай запрягать въ телѣгу или надѣвать хомутъ; свадебный разводъ; злыдни; демоническое значеніе болѣзней; гостецъ; лихорадка—пропасныця; поганка; пристритъ; данна; сглазъ; уроки; божевильный; обмираніе; украинскіе знахари.—*Левицкій*, Очеркъ стариннаго быта Волыни и Украины. Рецензія на „Сборникъ рус. нар. лир. пѣсенъ" Лопатина и Прокунина.

Декабрь. Сумцовъ, Культ. переж.: цыганка — ворожка; ворожба по слѣду; ворожба по волосамъ и ногтямъ человѣка; ворожба по восковой фигурѣ человѣка; обидящая свѣча; веревка отъ висѣльника; могильная земля; свѣча изъ человѣческаго жира; закрутка; порча коровъ; собираніе росы.

1890. *Январь. Г. Лебедевъ*, О борьбѣ духовныхъ властей въ бывшей епархіи бѣлогородской съ суевѣріями. Въ этой статьѣ приведенъ цѣлый рядъ цѣнныхъ этнографическихъ данныхъ, интересъ которыхъ еще болѣе увеличивается тѣмъ, что онѣ относятся къ XVII—XVIII вв. и взяты авторомъ статьи изъ неизданныхъ, главнымъ образомъ, источниковъ. *Г-жа Юніе*, Воспоминанія о Н. И. Костомаровѣ. *Проф. Сумцовъ*, Культурныя переживанія: похищеніе звѣздъ; къ статьѣ о ворожбѣ надъ тучами; происхожденіе упырей; нападеніе упырей на село; повѣріе о чертяхъ, бросающихъ въ домахъ камни; украинскіе инкубы и суккубы; обрядовое прикосновеніе къ землѣ; гаданія (метеорологическія, по снамъ, физіологическія, по слову, письменныя, по жребіямъ, по животнымъ, по птицамъ, яйцами, по водѣ, по растопленному воску, олову, золоту, по огню, по золѣ, по хлѣбу, на рѣшетѣ, по камню, по полѣньямъ дровъ, по кольямъ, палкамъ, на зеркалѣ); сравнительно-этнографическія аналогіи и параллели къ русскимъ, въ частности малорусскимъ, примѣтамъ и повѣрьямъ; поговорка про женскую разговорчивость; флёндра, флёрка, финдюрка; бабье лѣто; лѣсъ—bonum nullius. *Проф. Потебня*, Малорусскіе домашніе лѣчебники XVIII в. (прод. въ февр. и мар.). *Манжура*, Къ статьямъ проф. Сумцова: „Культурныя переживанія" (къ вопросу о кумовствѣ). *Левитскій*, Къ вопросу о церковныхъ и монастырскихъ пасѣкахъ. *Ящуржинскій*, Остатки языческихъ обрядовъ, сохранившіеся въ малорусскомъ погребеніи.

Февраль. Проф. Сумцовъ, Культ.: пережив. повѣрья о томъ, что ужъ любитъ

*) См. Этн. Обозр., кн. II.

молоко и сосетъ коровъ; конь малыковатый; повѣрья и обряды, связанные съ покупкой лошади; повѣрья о пчелахъ; повѣрья о саранчѣ; зинське щеня. *Я. Ш.*, Убійство упыря въ Кіевщинѣ во время чумы 1770 года. *Архим. Леонидъ*, Отрывокъ изъ записокъ русскаго паломника первой половины XVII в., о Кіевѣ (новое драгоцѣнное извѣстіе о Чеботкѣ). *X.*, Замѣтка объ археологической выставѣ при VIII арх. съѣздѣ въ Москвѣ.

Мартъ. Проф. Багалѣй, VIII Археологическій съѣздъ въ Москвѣ. Рецензія на „Бѣлорусскія древности" Сементовскаго.

Апрѣль. Бѣляшевскій, Первобытный человѣкъ на берегахъ Днѣпра вблизи г. Кіева. *Проф. Сумцовъ*, Культ. пережив: пѣтухъ царикъ; происхожденіе зозули; вѣщее значеніе кукушки; превращеніе кукушки въ ястреба, крагулецъ; сычъ и сова; волове очко; ремезъ; Божія коровка—солнышко;вырій; кодло и кубло; полозъ. *Миронъ*, Сожженіе упырей въ с. Нагуевичахъ въ 1831 г. *Николайчикъ*, Отголосокъ лирницкаго языка (нѣкоторыя слова интересны, напр.: гальмо—молоко, деканъ—10, пленый—бѣлый, хаза—хата, терыга—земля, гальомый—великій) *). *Степовичъ*, Замѣтка къ статьѣ проф. Потебни о лѣчебникахъ. *Манжура*, Къ повѣрьямъ о томъ, что ужъ любитъ молоко и сосетъ коровъ.

Май. Сумцовъ, Культ. переж.: повѣрья объ орлѣ; повѣрья о дятлѣ; кукушка и удодъ; о происхожденіи и значеніи слова харцызъ; изъ остатковъ жертвоприношенія животныхъ (бросаніе золы въ лицо солнца, сохраненіе костей быка); украинскій народный массажъ, чесаніе пятокъ, „ськаніе" въ головѣ, медвѣжій массажъ, сѣченіе крапивой. *Хлопицкій*, Отъ Случи до Буга (на стр. 359 отрывокъ пѣсни о Дмитріи Вишневецкомъ). *О. Л.*, Пасхальныя вирши въ спискѣ XVIII ст.

Іюнь. Проф. Сумцовъ, Культ. переж.: сябры; толока; разбойничьи братства; нищенскія братства; цеховыя братства; церковныя братства; парубоцкія братства. Рец. на „Игры крестьянскихъ дѣтей въ Купянскомъ уѣздѣ", П. Иванова.

Іюль Проф. Сумцовъ, Культ. пережив.: шпитали; шпитальные, какъ сторожа у коворота; полевые кресты, или фигуры; религіозно-мистическое значеніе каменныхъ бабъ; къ вопросу о значеніяхъ и происхожденіи слова „кабыця"; женитьба свѣчки. *Кудринскій*, Цеховыя братства въ м. Степани. *В. М.*, Свадебныя пѣсни въ Лубен. у., Полт. губ.

Августъ. Васильевъ и В. К., Малорусскіе похоронные обряды и повѣрья. *Баньковскій*, Изъ народныхъ разсказовъ, характеризующихъ національные типы (казаки, нѣмцы, малороссы, татары, евреи). *Катрухинъ*, Разсказъ о происхожденіи табаку. *В. М.*, Свадебныя пѣсни.

Сентябрь. Ѳ. Рыльскій, Къ изученію украинскаго народнаго міровоззрѣнія (прод. въ окт. и ноябр.). *Левицкій*, Украинскіе шутники и юмористы (прод. въ окт., ноябр. и дек.). *Ѳ. К.*, Урна со жженными человѣческими костями въ Хотинскомъ уѣздѣ и погребеніе мертворожденныхъ въ горшкахъ. *В. М.*, Свадебныя пѣсни. *Соколовъ*, Сватьбы и свадебныя пѣсни у малороссовъ и великороссовъ м. Дмитровки Александр. у., Херсон. губ. (оконч. въ дек.).

Октябрь. Сумцовъ, Культ. переж.: дукаты и намысты; обрядовое употребленіе хустки; амулеты; демоническое значеніе удачной стрѣльбы; дивъ; обаясныки; многочисленность небесъ; основа земли; лунный человѣкъ; призываніе дождя; роковое значеніе громового удара; повѣрье, что пожаръ отъ молніи можно потушить только молокомъ; pro domo sua. *Твердохлѣбовъ*, Къ литературной исторіи разсказа: „Вусы". *Манжура*, Полозъ.

Ноябрь. Арх. Леонидъ, Келейный лѣчебникъ Варлаама Линицкаго. *Ящуржинскій*, Замѣтка о купальскомъ праздникѣ въ Уманскомъ у. Рецензіи на „Нову збирку прыказокъ" Комарова и на „Древности сѣв.-зап. края". (С. П. Б. 1890 г).

Декабрь. И. Ж., Лубочныя картинки на малорусскія темы. *Мякотинъ*, Дѣло о волшебствѣ. *Ящуржинскій*, Колядки.

*) См. также сентябрь 1889 г. и Э. О. VIII, 253.

1891. ***Январь.*** Рецензія на „Опытъ указанія книгъ и статей, относящ. къ Херсон. губ.“ (въ этомъ „опытѣ“ указаны и этнографическія изданія).

Февраль. Галицко-русскій „savoir vivre“. *Н. В.*, Указъ о кулачныхъ бояхъ и вечерницахъ. Рецензія на „М. Дмитровка. Опытъ ист.—стат. и этн. описанія“ и „Пинчуки, этн. очеркъ“.

Мартъ. *Ящуржинскій*, О превращеніяхъ въ малорусскихъ сказкахъ (сводъ отдѣльныхъ случаевъ превращеній, приведенныхъ въ сборникахъ Чубинскаго и Драгоманова (оконч. въ апр.).

Апрѣль. *Миронъ*, Мистерія страстей Христовыхъ. *А. Л.* Мамаевъ дубъ. *Е. С*, Семейная жизнь въ Подоліи въ первой половинѣ прошлаго вѣка.

Май. *Проф. Сумцовъ*, Писанки (см. ниже: Извѣстія и Замѣтки). Рецензіи: *В. Я.* на „Этнографическое Обозрѣніе“ и „Живую Старину“; *Я. Щ.* на „Литературное наслѣдіе“ Костомарова.

Мукенеи (журналъ духовно-нравственный на грузинскомъ языкѣ). Начиная съ конца прошлаго года по настоящее время печатаются „грузинскіе церковные акты — гудвары“, проливающіе, между прочимъ, свѣтъ на состояніе горцевъ въ ту эпоху, когда распространялось среди нихъ христіанство. Проповѣдники часто прибѣгали или къ угрозамъ, или къ наградамъ за крещеніе.

Русская Мысль. 1891. ***Февраль.*** *Некрасова*, Журналы для народа.—Рецензія на „Вотяковъ“ г. Смирнова и „Сборникъ землевѣдѣнія“, I. Замыцкаго.

Мартъ. *Гл. И. Успенскій*, Кочевники и русскіе переселенцы. *Некрасова*, Журналы для народа. Рецензіи на „Сочиненія“ Котляревскаго, I и II, „Слово о нѣкоемъ старцѣ“ Лопарева и „Матеріалы и замѣтки по старинной русской литературѣ“ Майкова.—*В. Ѳ. Миллеръ*, Экскурсы въ область русскаго эпоса, II, Добрыня-змѣеборецъ. „Имена Владиміра и Добрыни такъ тѣсно связаны въ нашей лѣтописи, что естественнымъ представляется вопросъ, сохранились ли хоть какіе-нибудь историческіе отголоски въ эпическомъ Добрынѣ“. Прежніе изслѣдователи считали былевой типъ Добрыни менѣе опредѣленнымъ, чѣмъ типъ Ильи Муромца, и признавали былины и сказки о немъ довольно пестрой мозаикой, состоящей изъ не особенно хорошо сплоченныхъ кусковъ, заимствованныхъ изъ разныхъ источниковъ и подвергнутыхъ самой незначительной переработкѣ (Безсоновъ, Ровинскій, О. Миллеръ, Ѳ. И. Буслаевъ)“. Дѣйствительно, сопоставленіе былинъ о Добрынѣ и духовныхъ стиховъ (главнымъ образомъ о Георгіи) обнаруживаетъ цѣлый рядъ сходныхъ чертъ въ сказаніяхъ о Добрынѣ, Георгіи и Ѳеодорѣ Тиронѣ. „Вопросъ—чѣмъ объясняются вышеприведенныя совпаденія въ деталяхъ между былинами о Добрынѣ змѣеборцѣ и духовными стихами о Егоріи, Ѳеодорѣ Тиронѣ, —рѣшается предположеніемъ взаимодѣйствія этихъ пѣсенъ, вслѣдствіе сходства въ основномъ сюжетѣ, иначе сказать—нѣкоторыя черты изъ стиховъ о святыхъ змѣеборцахъ могли быть переносимы на Добрыню, и, быть можетъ, наоборотъ“. „Гораздо интереснѣе другой вопросъ: почему эпическій мотивъ борьбы съ змѣемъ былъ прикрѣпленъ въ нашемъ эпосѣ именно къ богатырю Добрынѣ, который въ немъ является змѣеборцемъ по преимуществу“. „Для насъ. въ связи съ общимъ нашимъ взглядомъ на генезисъ былинъ, стоитъ на первомъ планѣ то обстоятельство, что богатырь—змѣеборецъ носитъ имя историческаго лица Добрыни, дяди историчискаго князя Владиміра, и мы считаемъ поэтому далеко не празднымъ вопросъ, почему ближайшій помощникъ кн. Владиміра, его лѣтописный дядя, его воспитатель и руководитель, сначала ревностный поборникъ національнаго идолослуженія, затѣмъ ревностный распространитель христіанства, получилъ въ нашемъ эпосѣ ту же роль, которая въ духовныхъ стихахъ принадлежитъ Егорію или Ѳедору Тирону“ „Формулирую свою гипотезу такъ: нельзя ли объяснить змѣеборство Добрыни, какъ эпическій отголосокъ какихъ-нибудь народныхъ преданій объ историческомъ Добрынѣ, дядѣ князя Владиміра?“ „Кто слѣдилъ за судьбами *историческихъ* народныхъ пѣсенъ, за искаженіями историческихъ фактовъ въ народной памяти, вслѣдстіе контаминаціи ихъ со сказочными мотивами, для того а priori не покажется фантастичнымъ и невозможнымъ предположеніе, что змѣеборство можетъ быть эпической оболочкой, подъ которой скрывается какой-нибудь историческій фактъ, поблекшій въ народной памяти“. „Въ виду множества примѣровъ фантастической разма-

левки историческихъ фактовъ въ народныхъ сказаніяхъ, а priori ничего нельзя сказать противъ нашего предположенія, что въ змѣеборствѣ Добрыни можетъ скрываться какое-нибудь глухое историческое воспоминаніе, принявшее фантастическую окраску". Детальное сопоставленіе былинъ о Добрынѣ и извѣстнаго разсказа т. наз. „Іоакимовской лѣтописи" о крещеніи новгородцевъ приводитъ автора къ тому выводу, что „прикрѣпленіе сюжета змѣеборства къ историческому имени Добрыни" основано было на „глухихъ отголоскахъ древнихъ уже забытыхъ народныхъ преданій о какой-то упорной борьбѣ, въ которыхъ имя Добрыни поминалось, вѣроятно, вмѣстѣ съ именемъ Путяты". Такова основная точка зрѣнія почтеннаго автора; по пути онъ даетъ рядъ драгоцѣнныхъ указаній для литературной исторіи былинъ о Добрынѣ и сюжета змѣеборства вообще.

Апрѣль.—В. Ѳ. Миллеръ, Экскурсы въ область русскаго эпоса III. Илья и Рустемъ. Между эпическими подвигами Ильи Муромца и похожденіями иранскаго Рустема нѣтъ „такого поразительнаго сходства, которое давало бы основаніе для выставленія нашей гипотезы, предполагающей вліяніе восточнаго типа Рустема на былевой типъ Ильи". „Чтобы представиться убѣдительнымъ, наше предположеніе, что личность Рустема *значительно* повліяла на образованіе эпическаго типа Ильи Муромца, должно быть обставлено подробными и детальными разысканіями, которыя должны, между прочимъ, уяснить путь, которымъ иранскіе отголоски достигли Южной Руси. и послѣдовательныя измѣненія, постигнувшія личность Ильи Муромца въ развитіи нашего эпоса". Въ дальнѣйшемъ изложеніи В. Ѳ. Миллеръ руководствуется слѣдующимъ планомъ: сначала онъ сопоставляетъ Илью и Рустема въ общихъ чертахъ характера и уясняетъ сходство въ основномъ типѣ, затѣмъ детально разсматриваетъ отдѣльные эпизоды эпической исторіи того и другого богатыря. Указавъ цѣлый рядъ сходныхъ черть и ситуацій, авторъ приходитъ къ тому выводу, что „между *личностями, типами* иранскаго и русскаго главнаго богатыря существуетъ значительное сходство и что для дальнѣйшаго сопоставленія того и другаго въ пхъ *дѣятельности* есть достаточное основаніе". Въ концѣ этого экскурса В. Ѳ. Миллеръ разсматриваетъ нѣкоторыя свойства русскаго матеріала, надъ которымъ ему приходится оперировать, говоритъ о томъ состояніи, въ которомъ дошли до насъ сказанія иранскаго эпоса въ поэмѣ Фирдоуси, и доказываетъ, что Исфендіаръ—alter ego Рустема, въ виду чего сказаніями о первомъ можно пользоваться наравнѣ со сказаніями о послѣднемъ.

Русское Обозрѣніе. 1891. *Январь.—Е. М. де-Вогюе*: Недѣля въ Самаркандѣ. Краткія замѣтки и наблюденія, вынесенныя изъ недѣльнаго пребыванія автора въ Самаркандѣ. --*Е. Ѳ.* По вопросу объ египетской миѳологіи и религіи. Гл. I—III. (Оконч. см. февр.) Авторъ, основываясь на сочиненіяхъ извѣстныхъ эгиптологовъ (какъ напр. Видеманъ, Маріеттъ, Пичманъ, Масперо п др.), указываетъ на трудность изученія египетской религіи, опровергаетъ мнѣніе нѣкоторыхъ ученыхъ, которые склонны видѣть въ египетской религіи стремленіе къ монотеизму и указываетъ на преобладаніе среди египтянъ вѣры въ магію. Подробно статья касается божественнаго происхожденія царской власти въ представленіи египтянъ, поклоненія животнымъ, кот. авторъ признаетъ за наслѣдіе фетишизма, и представленій египтянъ о загробной жизни. (Гл. IV и V.)—Рец. на кн. проф. Э. Ю. Петри: Антропологія. Т. I. Основы Антропологіи.—Рец. на „Живую Старину" Вып. I. СПБ. 1890.—*Апрѣль.—Димитрій Гессе*: Новый изслѣдователь центральной Африки. Рец. на книгу *E. Trivier*: Mon vogage au continen tnoir. 1891.

Сборникъ Херсонскаго Земства 1891. *№ 2.* „Щербановская волость. Историко-этнографическое и хозяйственно-статистическое описаніе". III—IV главы.—Указавъ на взаимныя отношенія мѣстныхъ національностей (малоруссовъ и молдаванъ), авторъ описываетъ ихъ внѣшній бытъ; затѣмъ даетъ краткую „характеристику національныхъ особенностей населенія Щербановской волости". Слѣдующая (IV) глава посвящена описанію „семейныхъ отношеній, обычаевъ, игръ, удовольствій и времяпрепровожденія". Большая часть этой главы посвящена обычному праву, и хотя не заключаетъ въ себѣ никакихъ новыхъ свѣдѣній, но тѣмъ не менѣе представляетъ интересъ, благодаря той тщательности, съ кот-о

рою авторъ отнесся къ своей задачѣ.—„Статистическое описаніе Ананьевскаго уѣзда". Отдѣлъ II: Землевладѣніе и земледѣліе.

Сѣверный Вѣстникъ.—*Мартъ. Г. И. Куликовскій,* Изъ быта охотниковъ Олонецкаго края.—*А. Елисѣевъ*: Опіумъ, гашишъ и ихъ аналоги. Психологическій этюдъ. (Оконч.).—Рец. на „Этнографическое Обозрѣніе", кн. I-VII. М. 1889—1890, и на „Живую Старину". В. I. СПБ. 1890.—

Апрѣль. А. Кауфманъ: Вліяніе переселенческаго элемента на развитіе сельскаго хозяйства и общинной жизни въ западной Сибири. (Къ вопросу о сравнительной характеристикѣ переселенца и коренного сибирскаго крестьянина). Авторъ доказываетъ, что вопреки сложившемуся въ литературѣ мнѣнію вліяніе переселенцевъ на старожиловъ сибиряковъ весьма незначительно.—*Н. Астыревъ.* Въ гостяхъ у духоборцевъ Иркутской губерніи.

Ученыя Записки Имп. Казанскаго Университета.—1890 г. Сентябрь—Октябрь. *Н Тиховъ*: Очеркъ грамматики западно-болгарскаго нарѣчія по сборнику болг. пѣсенъ В. В. Качановскаго (продолжается еще и въ текущ. году).-*Н. Н. Ѳирсовъ*: Изъ области народныхъ картинъ. Авторъ на основаніи матеріаловъ, изд. Ровинскимъ, разсматриваетъ три вопроса: 1) злоупотребленіе виномъ (критическое отношеніе къ пьянству), 2) любовныя похожденія (образчики романа), 3) нравственный идеалъ.—*И. Смирновъ*: Некрологъ М. П. Веске.—

1891. Январь — Февраль. Оконч. упомянутой статьи *г. Тихова* — Мартъ—Апрѣль. *Тиховъ*, реценз. на соч. Миклошича: Die slavischen, magyarischen und rumunischen Elemente im türkischen Sprachschatze. *Т—въ*, рец. на Академич. изданіе труда И. И. Срезневскаго: Матеріалы для словаря древнерус. языка по письм. памятникамъ. Вып. I, СПБ. 1890.

3. Газеты.

Акмолинскія Обл. Вѣд.—7, 9, 11, 12. Очеркъ крестьянскаго земледѣльческаго хозяйства въ зап. Сибири.

Ардзаганкъ (Эхо, армян. еженед., изд. въ Тифлисѣ). **1890.—1.** „Кейноба и карнавалъ". Описаніе грузинскаго карнавала, въ первый день Великаго поста. (См. Э. О. I, 156). Съ 1617 г. послѣ нашествія Шахъ-Абаса, Грузія подпала подъ власть Персіи. Во время Теймураза I (1635 г.) народъ возмутился и прогналъ персовъ. Въ память этого событія въ первый день Великаго поста по Тифлису ходятъ группы туземцевъ съ мѣстною музыкою въ маскарадныхъ костюмахъ. Въ процессіяхъ фигурируютъ также лошади, ослы и верблюды. Во главѣ процессіи ѣдетъ всадникъ, представляющій изъ себя шаха.—**2.** *А. Е.* „Кульпинскіе соляные промыслы". Описаніе промысловъ и жителей селенія Кульпы (Эриванской губ.). Кульпинскія пѣсни и хороводы. — **3.** *Н. К.* „Письмо въ редакцію" по поводу реферата о новомъ армянскомъ божествѣ „Ангехъ", читаннаго проф. Г. А. Халатьянцъ на археологическомъ съѣздѣ въ Москвѣ.—**5.** *С. Зелинскій*: „Дѣтскія игры". Авторъ описываетъ армянскую игру „Зли" или „Пелквоцъ", которую онъ видѣлъ въ деревнѣ Ярмича (Эриванской губ. Нахичеван. у.). Къ статьѣ приложена небольшая программа для собиранія свѣдѣній о дѣтскихъ играхъ.—**8.** „Ахарцинскій монастырь". Описаніе армянскаго монастыря въ Елизаветпольской губ. Названіе „Ахарцинъ" (игра орла), по преданію, произошло отъ того, что во время освященія храма св. Духъ въ образѣ орла явился въ церкви.—**19.** *С. Зелинскій*. „Шахсей-Вахсей"—изъ религіозныхъ обрядовъ магометанъ. Во время междоусобицъ послѣ смерти Магомета сынъ его племянника, Гуссейнъ, вслѣдствіе преслѣдованій халифа Ездры, выселился изъ Аравіи. У рѣки Ефрата его лошадь отказалась вступить въ воду. Перемѣнили 40 лошадей, но то-же явленіе повторилось. Тутъ его настигаетъ войско халифа. Всѣ спутники Гуссейна, отрѣзанные отъ воды, или погибли отъ жажды, или были убиты, когда шли за водой. Остались въ живыхъ только Гуссейнъ, его больной сынъ Зейнъ-алъ-Абуанъ, племянникъ Касымъ и женщины. Женивъ Касыма на своей дочери, Гуссейнъ благословилъ его пойти за водой. Касыма убиваютъ. На слѣдующій день идетъ

за водой самъ Гуссейнъ и погибаетъ, а женщинъ и его сына берутъ въ плѣнъ. Въ память этого событія ежегодно съ 1 до 10 числа мѣсяца „мхарламъ" у мусульманъ-шіитовъ совершается религіозное торжество, состоящее въ томъ, что самые благочестивые ходятъ по улицамъ, нанося себѣ раны кинжалами и шашками. Въ послѣдній день бываютъ народныя представленія, сюжетъ которыхъ заимствованъ изъ трагической исторіи Гуссейна.—21. *Нуширванъ*. Рецензія на „Путешествіе по Турецкой Арменіи" Леона Саргисянца, печатавшееся въ журналѣ „Мурчъ". (Э. О., VIII, 221 съ искаженнымъ именемъ автора).

Варшавскій Дневникъ. 1891 — 26. Замѣтка объ этногр. выставкѣ въ музеѣ промышленности и сельскаго хозяйства въ Варшавѣ (о коллекціи Нестеровича изъ ю. Америки). — **41.** *К. Я.* Коляда въ Холмской Руси. Сообщаются нѣкоторыя интересныя подробности, не общеупотребительныя въ Холмской Руси, но, къ сожалѣнію, не указана точно мѣстность описываемыхъ обычаевъ.

Витебскія Г. В. 1891 — 18, 22, 23 и 24. Бѣлоруссія и Литва. Очеркъ изъ исторіи городовъ въ Бѣлоруссіи.—**29.** О племени Шивіи въ Африкѣ. У людей этого племени вмѣсто ушей—одни только продолговатыя отверстія. (Гражд.).

Владивостокъ. — 5. *И. К.* Торгово-промышленный вопросъ восточныхъ окраинъ Сибири (эксплоатація чукчей иностранными промышленниками).—*А. Г.* О „полѣ" (судебномъ поединкѣ).—**7.** *И К.* Промыселъ котиковъ.

Владимірскія Г. В. 1891.—1, 8, 10, 12, 14. Историческій очеркъ города Шуи.

Волжскій Вѣстн. 1891. — 43. „Вредныя суевѣрія"—корр. изъ с. Чардано Елисаветп. г. о заразныхъ болѣзняхъ, кот. считаются въ Закавказьи посѣщеніемъ особаго духа Хрештакъ и почитаются за милость Божью: заболѣвшаго и его семью поздравляютъ и лѣчить болѣзнь не позволяютъ („Кавказъ").—**58.** *Инн. Анарскій.* Записка о карагазахъ, посвященная вымирающему племени сибирскихъ аборигеновъ. (Вост. Обозр.).

Волынь. 1890 г.—15, 49. Тараща. О новой сектѣ штундистовъ въ этой мѣстности (изъ Кіев. Сл.) **20, 21.** *В. Бернацкій*: Скиѳы, геты, готы. Авторъ доказываетъ, что это одинъ и тотъ же народъ, и видитъ въ нихъ рассу не—монгольскую, основываясь на Геродотѣ и Аристотелѣ. Онъ отрицаетъ, что „скиѳъ" есть греч. передѣлка слав. „чудь"—chtchoud, и приводитъ названіе народа „схета", побѣжденнаго египетскими царями (іероглиф. надписи), сближаетъ съ нимъ также и названіе „геты", отсюда—тирагеты (на р. Тирасѣ-Днѣстрѣ), тиссагеты (на Волгѣ) и массагеты (или большіе геты, на Яксартѣ). Другіе источники: Страбонъ, Геродотъ и арабск. географъ Эдризи (сакита). Далѣе, между прочимъ, по китайскимъ лѣтописямъ упоминается народъ хунъ-ну, въ кот. авторъ видитъ гунновъ. О готахъ авторъ думаетъ, что это—геты, но скорѣе не дунайскіе, а принадлежавшіе къ найдревнѣйшему племени скиѳовъ, носившихъ имя боговъ: Rohae (опечатка: Bohae?), Boghae. Эти скиѳы, пришедши въ землю германцевъ и слившись съ ними, сохранили свое завоевательское имя, но только на германскомъ нарѣчіи: готы, т. е. боги, отъ Gott-богъ. Так. обр., авторъ видитъ въ скиѳахъ, гетахъ и готахъ разныя этническія и мѣстныя названія одного и того же народа.—**64.** С. Гапчица Бердич. у. (изъ К. Сл.). О вѣдунахъ.—**74—83** *С. Гамченко.* Памятники старины бассейна р. Корчеватой. Авторъ касается преимущественно археологической стороны.—**81.** Рец. на книгу И. П. Филевича: Борьба Польши и Литвы—Руси за Галицко-Владимірское наслѣдіе С-ПБ 1890.—**96.** Маленькій фельетонъ: О древности малороссійскаго табаководства. Такъ какъ у насъ на Руси существуютъ особыя повѣсти о табакѣ и его миѳическомъ происхожденіи, то интересно было бы, конечно, знать древность существованія самаго табака на Руси для опредѣленія древности повѣстей о немъ. Но фельетонъ этотъ разрѣшаетъ затронутый имъ вопросъ очень неудовлетворительно. Указывается на очень распространенное мнѣніе, будто бы до 1560 г. табакъ не былъ извѣстенъ въ Европѣ, куда онъ въ этомъ году былъ привезенъ изъ Америки, а потомъ есть ссылка на статью В. Котельникова (послѣдн. № „Земл. Газеты"), который полагаетъ, что впервые это зелье появилось не изъ Америки, а отъ крымцевъ и турокъ или даже отъ монголовъ центр. Азіи во время нашествія потом-

ковъ Чингисхана на южную Русь.—**126.** *Ом. Реньякъ.* Толока (этнографическій очеркъ). — **144, 145, 153 — 157.** *В. Михайловъ.* Городъ Овручъ (историческій очеркъ). Исторія его существованія съ X в. по источникамъ: „Г. Овручъ" А. Сендульскаго, „Памятники" П. Батюшкова, „Исторія Малороссіи" И. Маркевича и др.—**152.** С Ясноградъ, Житомир. у. Небольшой ист. очеркъ этого села. Преданіе говоритъ, что въ давнія времена здѣсь былъ большой городъ, а иные относятъ эту давность къ каменному вѣку, судя по находкамъ каменныхъ вещей, сходиныхъ съ мѣстными каменными породами —**158, 172, 175, 178, 180, 186, 191** и **198** *Н. Горбачевскій.* Георгій Конисскій и его время.—**161.** М. Трояновъ, Житомир. у. (корр.) Толки о холерѣ. Какъ о предвѣстницѣ холеры говорятъ о какой-то страшной женщинѣ съ распущенными до пятокъ волосами, окутанной длиннымъ бѣлымъ саваномъ. Она ходитъ ночью и подъ окнами жалобно плачетъ. Мы слышали зимой 1890 г. приблизительно то-же самое въ Смоленскѣ отъ жителей средняго класса, только они не называли женщину, а просто высокаго человѣка съ большое пяти-или шести-саженное дерево. По другому сказанію въ Трояновѣ предвѣстницей холеры считается собака на курьихъ ногахъ съ саженнымъ хвостомъ, такъ-же, какъ и женщина, жалобно плачущая —**210.** „Забужный край". Историко-этнографическій очеркъ.—**217.** С. Корковцы, Жит. уѣз. (корр.). Объ эпидеміи. Крестьяне устраивали на погостѣ около церкви обѣдъ для дѣтей, думая этимъ прекратить всякія болѣзни.—**219.** Луцкій уѣз. (корр.). О празднествахъ на Андрея Первозваннаго (30 ноября), которыя, по своему содержанію и пѣснямъ, поющимся въ этотъ день, не имѣютъ ничего общаго съ личностью апостола.

Восточное Обозрѣніе—6. *Инн. Ангарскій.* Замѣтки о карагазахъ (положеніе женщины и воспитаніе дѣтей).—**7.** *С. Ч.* Реценз. на кн.: „Алтай". Историко-статистическій сборникъ по вопросамъ экономическаго и гражданскаго развитія Алтайскаго горнаго округа. Изданіе В. А. Г—ва, подъ ред. П. А. Голубева, Томскъ, 1890. Ц. 2 р. 50 к.—**8—11.** *В. Вагинъ.* Эрикъ Лаксманъ („Эрикъ Лаксманъ, его жизнь, путешествія, изслѣдованія и переписка". Съ шведскаго перевелъ Э. Паландеръ. Изд. Имп. Акад. Наукъ. СПБ., 1890 г.).—**10.** Женщина, какъ проводникъ общечеловѣческой культуры среди инородцевъ.—**11.** *А. Ивановскій.* Театръ въ сѣверной Маньчжуріи. — Свящ. І. П. Родіоновъ (некрологъ). Покойный въ теченіе слишкомъ сорока лѣтъ трудился надъ составленіемъ монголо-бурятскаго словаря, который скоро появится въ печати.—**12.** Къ вопросу о Камчаткѣ и торговлѣ на берегахъ Охотскаго моря (объ эксплуатаціи чукчей иностранцами).—*М. З.* Инородческое управленіе (у бурятъ и татаръ Минусин. окр.).—**13.** Отчетъ о засѣданіи Отдѣленія Этнографіи Вост -Сиб. Отд., въ которомъ сдѣланы были сообщенія: *И. А. Подгорбунскаго* — „Объ установленіи въ изданіяхъ Отдѣла однообразной транскрипціи монгольскихъ звуковъ русскими буквами" и *Д. А. Клеменца*—„О дикихъ людяхъ Челюгдаяхъ" (по поводу труда проф. Д. Н. Анучина: „О человѣкахъ незнаемыхъ въ восточной странѣ").—**13, 14.** *А. Гейкель.* Надписи долины Орхона.

Донская Пчела. 1891.—15 *Ѳ.* „Мустафа" (турецкая сказка).

Донскія Епарх. Вѣд. 1891.—8 Краткое описаніе станицъ Области Войска Донского. II. Станицы по Донцу: 25) Усть-Быстрянская; курганы: Поповъ, Каменный, Юхневы. 26) Екатерининская; курганы: Частые, Казанскіе.

Екатеринбургская Недѣля. — 13, 16. *Копаловъ.* Памятники старины въ Киргизской степи.

Енисейскія Г. В.—6. *Ник. Бакай.* О составленіи переписныхъ книгъ городовъ Мангазеи и Туруханска во второй половинѣ XVII вѣка.

Иркутскія Г. В.—9, 11. Общественное призрѣніе въ селахъ.

Казанскій Биржевой Листокъ. 1891.—3. Торговля людьми въ Иркутской губ. (корресп.). Сообщеніе о рабствѣ у инородцевъ Иркутской губ. (Нов. Вр.)—**7.** Плоды суевѣрія. Сообщеніе изъ Люблина о похищеніи съ кладбища головы, ногъ и рукъ похороненнаго тамъ еврея вслѣдствіе суевѣрія, что голова, руки и ноги умершаго еврея придаютъ особенную цѣлебность лѣкарствамъ, въ которыя будутъ положены.—Сообщеніе о появленіи въ Воронежской губ. новой

секты „атетуевъ".—8. Китайцы въ канунъ новаго года. Объ умилостивленіи ими злого духа.—25. Минусинскіе татары и китайскіе сарты. — 28, 30. *П. Пономаревъ*. „Древній Укекъ исчезаетъ". I. Краткій обзоръ данныхъ о древнемъ городѣ Укекѣ, близъ Саратова. Печальная судьба укекскихъ древностей. Возможныя заключенія объ Укекѣ и его культурѣ. Вопросъ о раскопкѣ Укекскаго городища. Попытка связать съ мѣстностью монгольскаго Укека представленіе о двухъ предшествующихъ ему культурахъ — греческой и буртасской. Исключительныя условія быстраго разрушенія Укекскаго городища и гибели его бытовыхъ памятниковъ.—34. Засѣданіе Общества археологіи, исторіи и этнографіи. Сообщеніе *А. А. Штукенберга* объ одной изъ могилъ Спасскаго у.; *А. И. Александрова*: „Внѣшній бытъ сербовъ"; *И. З. Тихова*: „о Болгарскомъ жилищѣ".—35. Индѣйскіе похороны (въ Америкѣ). — 41, 42. Казачьи промыслы на морѣ (Уралецъ). Своеобразная организанія труда въ этихъ промыслахъ. — 47. Продажа престарѣлыхъ родителей. Корреспонденція изъ с. Петровскаго Одесскаго уѣзда.—57. Сообщеніе о появленіи въ Кіевской губ. новой секты „малеванцевъ".—61. Въ засѣданіи Общества археологіи, исторіи и этнографіи. *И. Н. Смирновъ*: О семейномъ и общественномъ бытѣ Пермяковъ.—62. Вѣрованія китайцевъ въ загробную жизнь. — 63. Въ шабрахъ. Выдержки изъ сочиненія Загоскина: „Казанскіе мятежи въ первые пять лѣтъ послѣ покоренія Казани русской державѣ."—66. Переселенцы въ Бразилію. Выдержка изъ письма г. Дыгасинскаго о положеніи польскихъ переселенцевъ въ Бразиліи.—67. Новооткрытыя катакомбы (на берегу рѣки Орето, въ окрестностяхъ Палермо).—72. Засѣданіе Общества археологіи, исторіи и этнографіи. *М. И. Пинегинъ*: „О свадебныхъ обычаяхъ Казанскихъ татаръ"; *И. Н. Смирновъ*: „О погребальныхъ обычаяхъ и остаткахъ языческой старины у пермяковъ".—74. Бытъ „сидячихъ чукчей". Описанъ Норденшильдомъ.—75. У сектантовъ. Описаніе новой секты „христіанъ". (Самар. Газ.).—86, 87. *А. Л—ій*. Рецензія на статью „Періоды бытовой жизни народовъ", помѣщенную въ журналѣ „Помощь самообразованію". — 89. Засѣданіе Общества археологіи, исторіи и этнографіи. *В. К. Магницкій*: О чувашкомъ идолопоклонствѣ (моленіе духу „ириху"). Этотъ докладъ вмѣстѣ съ другими здѣсь перечисленными вошли въ составъ IX т. „Извѣстій" Каз. Общ. (см. выше).

Казанскія Г. В. 1891.—11, 13, 15. Очерки народнаго юридическаго быта. 3. Бирки и инородческіе знаки собственности сравнительно съ русскими.—12, 14, 18.—Списокъ населенныхъ мѣстъ Казанской губ. съ краткимъ описаніемъ ихъ. Лаишевскій уѣздъ. VIII. Казыльская волость.—17. Очерки народнаго юридическаго быта. 4. Употребленіе знаковъ для рукоприкладства, оффиціальныхъ распоряженій и другихъ цѣлей въ значеніи письменъ.—20. Очерки народнаго юридическаго быта. 5. Условія существованія юридическихъ знаковъ. — 21, 23. Очерки народнаго юридическаго быта. 6. Роль знаковъ собственности, какъ доказательствъ на судѣ.—39. Городища и замѣчательныя мѣстности въ Сарапульскомъ уѣздѣ (Прав. Вѣст. № 24).—40. Развалины Укека близъ города Саратова.

Кіевское Слово. 1890. — 1134. Рождество въ Малороссіи. (Не обозначена точно мѣстность).

Киргизская Газета (особое прибавл. къ „Акмол. Обл. Вѣд.").—7. Китайцы въ канунъ Новаго года (жертвы, приносимыя китайцами злому духу Гуй-цза).—Народный судъ у киргизовъ (извлеч. изъ „Положенія объ управленіи степными областями").—11. Охота въ Туркестанскомъ краѣ.—12. *Ѳ. Полотебновъ*. Описаніе ловушки „ступы" и способовъ ловли ею дичи.—13. Честность или розовый кустъ (восточ. сказка).—14 Тазъ—тагъ или Лысая гора (киргиз. легенда).—*Султанъ Зулкарнаинъ Чокіевъ Нурали-хановъ*. Нѣсколько словъ о послѣднихъ ханахъ Букеевской орды.—15. *Его-же*. Значеніе слова: „орда".—16. Скотоводство и коневодство въ Средней Азіи.

Костромскія Г. В. 1891.—3, 4. *И Миловидовъ*. Новыя свѣдѣнія о древностяхъ Костромскаго края, полученныя Архивной Коммиссіей. 1) Свѣдѣнія о городищахъ и старинныхъ насыпяхъ. 2) О курганахъ. 3) О пещерахъ и ямахъ (могилахъ). 4) О плитахъ и камняхъ. 5) О старинныхъ монетахъ. 6) О находкахъ оружія и разныхъ старинныхъ вещей. 7) О церковныхъ древностяхъ.

Крымскій Вѣстникъ 1891 —4. Рабство у бурятъ и другихъ инородцевъ Иркутской губерніи (Нов Вр.)—**86** Большое, „соборное" моленіе черемисовъ Вятской губ, Уржумскаго у., доброму духу (Юмо). (Волж. Вѣстн).—**56** Сообщенія объ открытіи въ с. Америкѣ пещеры съ человѣческимъ скелетомъ въ толстомъ, и глубокомъ пластѣ каменнаго угля, въ окрестностяхъ Чарльстоуна.—**59**. Обрядъ обрѣзанія волосъ въ Сіамѣ (Восточно-Азіатскій Ллойдъ)

Крымъ. 1891.—10. Экспедиція кап. Громбчевскаго. Выдержки о его экспедиціи въ Центральную Азію.—**24**. В. В. Жизнь древне египетскихъ женщинъ (Изъ Berl. Tageblatt). — **39**. Восточная легенда, рисующая отношеніе визирей другъ къ другу и къ султану. (Переводчикъ).—**40, 41, 42**. *А. Ярошко*. „Характерныки" (чародѣи). Народный взглядъ на предводителей „гайдамаччины" и на чумаковъ, какъ на чародѣевъ.—**42**. Засѣданіе Архивной коммиссіи. Сообщеніе *Косиюшко-Валюжинича* „О стѣнѣ Страбона" между Казачьей бухтой и берегомъ моря.—**44**. Сообщеніе о находкѣ въ Судакской генуэзской крѣпости плиты, надпись на которой упоминаетъ о двухъ Солдайскихъ консулахъ; Бернардо ди Амико и Бартоломео ди Санто Амброджіо (1471 г.).—**45**. Описаніе Китая въ рукописи конца XVII или начала XVIII-го вѣка; доставлено И. Русс. Геогр. Обществу.—**46**. Вербное воскресенье въ XVII столѣтіи. „Шествіе на осляти".—**50**. День Св. Георгія. Празднованіе Юрьева дня въ Новороссіи и въ Сѣверныхъ губерніяхъ. Юрій — покровитель скота. Народная пѣсня, въ которой выражается просьба, обращенная къ Юрію, поберечь скотину: Мы вокругъ поля ходили, Егорья окликали: Егорій, ты, нашъ храбрый, ты спаси нашу скотину въ полѣ и за полемъ, подъ свѣтлымъ подъ мѣсяцемъ, подъ краснымъ солнышкомъ, отъ волка отъ хищнаго отъ медвѣдя лютаго, отъ звѣря лукаваго.—Легенда объ Александрѣ Македонскомъ. (О покореніи Чернаго моря).—„Первообразъ". (Индійская легенда о сотвореніи Магадевой женщины).

Минскія Г. В. 1890 г.—58. Объ этнографич. изученіи Сѣверо-Зап. края за истекшій годъ—**60**. „Историческій музей въ Калугѣ".Кал. дворянство хотатайствуетъ объ устроеніи этого музея въ домѣ Марины Мнишекъ. Въ Калугѣ хранится много историческихъ предметовъ эпохи самозванцевъ.—**81** Памятникъ прошлаго: о церкви въ Посошкѣ Смол. г., Ельн у., построенной, по преданію, Петромъ I, по случаю ослѣпленія лошадей, на которыхъ ѣхала его дружина мимо того мѣста, и исцѣленія ихъ водою изъ тамошней „криницы". Эта церковь построена въ честь Св. Фрола и Лавра (18 авг.), покровительствующихъ животнымъ, и въ ихъ день окрестные жители служатъ молебны, приведши лошедей, кот. окропляются освященной водой—**83**. О суевѣріи и предразсудкахъ. Между прочимъ разсказывается, что въ с. Обвалѣ Чембарскаго у. крестьяне вырыли трупъ псаломщика и положили его въ трясину, чтобы этимъ вызвать дождь во время засухи—**119**. Фальсифицированная молитва. Письмо о. Іоанна Кронштадтскаго объ апокрифической молитвѣ, которую ложно приписываютъ ему. — **122**. *Данилевичъ*. Идеалъ воспитанія у калмыковъ (по книгѣ И. Тимощенкова: „Борьба съ земельнымъ хищничествомъ".—**1891—1, 4, 5, 6**. *Т*. Объ интеллектуальномъ развитіи полѣшуковъ (жителей Полѣсья). Представленія ихъ 1) о Богѣ (разсказы о превращеніи Христомъ курицы въ черепаху, о воскрешеніи птицъ и др.), 2) о добрыхъ и злыхъ духахъ (ангелы, ангелицы, ангелята,—черти, чертихи, чертята), 3) о душѣ (отличие ея отъ „пары", принадлежащей скотинѣ, жиду и т. п.). Въ характерѣ такихъ представленій о Богѣ, о духахъ и о душѣ авторъ видитъ ту косность традицій, чуждую яснаго сознанія и пониманія, которая легко миритъ въ полѣшукѣ религію съ суевѣріями и повѣрьями и дѣлаетъ его глухимъ ко „вновь навѣваемымъ вѣроисповѣднымъ убѣжденіямъ". Традиціонность въ міровоззрѣніи полѣшуковъ отразилась и на ихъ преданіяхъ о принятіи православной вѣры, по мнѣнію автора, еще во времена Св. Ольги: Іовжины колодцы (Іовга—Ольга); отношенія къ лицамъ христіанскаго времени: Спаситель („образное"), Илья и Юрій (языческое); роль польск. королевы Боны въ исторіи Полѣсья—нравственная, политическая и даже географическая (отъ ея проклятія полѣсская мѣстность получила теперешнюю свою форму, сюда же относятся и нѣсколько другихъ легендъ и сказаній). Рож-

девіе, бракъ, болѣзни, несчастія, знахари (значеніе завитки, или завивки, изъятіе вѣдьмами молока у коровъ и т. п.), судьба, вліяніе школы, духовенства, „соціальныя“ отношенія полѣшуковъ (простота, цѣломудріе и скромность) Матеріальное состояніе полѣшука, роль евреевъ, бытовая обстановка (жилище, костюмъ, обыдённое времяпровожденіе, пища), физическое состояніе, проявленіе мысли (бесѣды, ворожба и гаданіе, пѣсни), языкъ, характеръ жизни (замкнутость, робость, напр. передъ судомъ и т. п.). Авторъ оговаривается, что рисовалъ лишь основной типъ полѣшанъ, но что есть среди нихъ и исключенія.

—2. Покупка дѣтей у инородцевъ Иркутской губ.—„Крещенскій вечерокъ“ (2, 3 и 4 янв.).—5, 10 и 15 *В. Л. Т...чъ*. Народныя пѣсни. Пѣсни, записанныя въ Пинскомъ уѣздѣ. Вотъ начало ихъ:

(1). Кажуть людэ, я щастлива,—я съ того тишуся;
А не знають, якъ дэтына, я слезой зальюся и. т. д.
(2). Ой, стояла труна двадцать штыры роки,
А на двадцать пятомъ стала промовляты:
Докуль же я буду порожня стояты? и т. д.
(3). Осталася я самая, якъ былинка въ поли;
Нема кому жалуваты менэ молодои и т. д.
(4). Ой, поихавъ мій мылэнькій на полэ гораты,
Кинувъ мене молодэньку обидъ готуваты и т. д.
(5). Бувайтэ здоровы тутейши пороги,
Кудою ходылы мои билы ноги и пр.
(6). Ой, волы жъ мои, да й половыи,
Чому жъ самы не горетэ? и т. д.
(7). Чумакъ волы попасаэ, да й до дому пригоняе и т. д.
(8). Заспивай, сырита, съ горя писенку и т. д.

Особенности говора повидимому не точно соблюдены собирателемъ.

— 8 *А. Слупскій*. Бѣглый обзоръ исторіи евреевъ въ Польшѣ и Литвѣ до присоединенія ихъ къ Россіи.—13. Періодическая печать. Извлеченіе изъ „Кіевс. Слова“ о рукописяхъ, принадлежащихъ мѣстному домовладѣльцу П. С. Соломкѣ: 1) роспись походу царя Ивана Васильевича на Полоцкъ изъ Новгорода въ 1563 г. (безъ конца); 2) больш. рукоп. книга оффиціальныхъ записей. выходахъ и пріемахъ царскихъ съ 1589 по 1610 г.; 3) тоже за 1668 г. и другіе (въ громадномъ свиткѣ); 4) нѣск. граматъ Алексѣя Мих. 5) „Сказаніе о Задонскомъ бою“XVII в. 6) повѣсть Евстратія о Тушинскомъ самозванцѣ. XVII в.; 7, 8, 9 и 10) письма государственныя и церковныя XVII, XVIII и XIX вв.

Могилевскія Г. В. 1890.—44. *М. Ф.* День въ Шкловѣ. Дорога туда отъ Могилева; описаніе города.—46. *Я. К.* Заклинанія: 1) отъ лихорадки (упоминаются „Ироды“ „Иродовы дочки“ числомъ девять-семь, св. отцы Ісакъ и Іаковъ, бѣлая и Святая Русь, дорогу на которую должны забыть иродовы дочки), 2) отъ укушенія змѣи (упом.: Архистр. Михаилъ, чудный Іерема). 3) отъ „звиху“ (вывиха: Ѣхавъ звихъ по зеленому лугу“ и т. д.), 4) отъ суроцы (дурнаго глаза), 5) отъ худого глаза, 6) заклинаніе ружья (упом. Михаилъ Архангелъ, стрѣляющій съ небеси), 7) на успѣшный ловъ рыбы удочкой (упом. „царь Нептунъ“). —1891. 8. Гаданье надъ больнымъ: воскъ, плывущій по водѣ на востокъ, знаменуетъ скорое выздоровленіе, на югъ—нескорое, на сѣверъ—смерть послѣ долгой болѣзни, на западъ—смерть скорую (изъ Горецк. и Могил. уѣздовъ).—58. *М. Ф.* Нѣсколько словъ о Могилевскомъ музеѣ.—60. Что такое южная Сибирь? (По поводу помѣщеннаго въ одной изъ одесс. газетъ перевода обширной статьи о Сибири изъ нѣм. газ. Köln. Zeit.)—73. *В. Штернъ*. День въ Самаркандѣ. — 95. Суевѣрія и предразсудки простого народа въ отношеніи небесн. свѣтилъ: падающія и неподвижныя звѣзды (первымъ, между пр., придается значеніе огненныхъ змѣй, летающихъ къ женщинамъ, лишившимся мужей, и дѣвушкамъ потерявшимъ отца, мать или близкаго человѣка: при этомъ приводится заговоръ: „Иду я по чистому полю, на встрѣчу бѣгутъ мнѣ бѣсы съ полуидолами“ и т. д.); затмѣнія солнца и луны. Связь этихъ суевѣрій съ временами языческими.

Московская Иллюстрированная Газетка. 1891 — 17. Днѣпровскій уѣздъ (Корресп.). О появленіи новой секты „марьяновцевъ". (М. В.)—Вильно (Корресп.) О вынутіи изъ могилы трупа повѣсившейся старухи и о зарытіи ея въ болотѣ вслѣдствіе существующаго у литовцевъ предразсудка, что душа самоубійцы ходитъ послѣ смерти и причиняетъ много зла. — **18.** Начало книгопечатанія въ Китаѣ (Смѣсь).—**19.** Привислянскій Край (Корресп.). Сообщеніе объ обычаѣ мѣстныхъ жителей ставить кресты при дорогахъ, на перекресткахъ и пр.—**27.** Старинный англійскій обычай „приношенія королемъ золота, ладона и мирры". —**29.** Открытіе египтолога г. Гробо двухъ сотъ гробницъ жрецовъ Аммона.—**30.** Сообщеніе Б. Л. Громбчевскаго о своемъ путешествіи въ Центральную Азію въ Моск. Политехнич. Музеѣ.—**33.** Карнавалъ въ Римѣ.—Послѣдній вождь Ирокезовъ, Томъ Старръ.—**37.** Строгость публики въ прошломъ столѣтіи. (Смѣсь) —**45.** Масляничный карнавалъ въ Москвѣ при Петрѣ Великомъ.—**50.** Открытіе пещеры въ Америкѣ (въ толстомъ слоѣ каменнаго угля, съ письменами на стѣнахъ). —**64.** Вопросъ объ учрежденіи въ Курскѣ архивной коммиссіи для изученія и охраненія памятниковъ древности документальныхъ и вещественныхъ.

Московскія Вѣд. 1891.—**69.** „Церемонія круговращенія Майдари у Калмыковъ"; ея введеніе въ кругъ буддійскихъ обрядовъ со временъ Цзонхавы въ 1409 году по Р. Х. Приготовленіе двухколесной телѣги, въ формѣ большой арбы, на которой совершается круговращеніе идола Майдари. Шествіе изъ кумирни съ идоломъ Майдари, который ставятъ на телѣгу; порядокъ процессіи. Въ калмыцкихъ степяхъ Астраханской губ. эти процессіи не многолюдны по сравненіи съ Монголіей. Самое круговращеніе состоитъ въ обнесеніи статуи Майдари съ молитвами кругомъ храма.—**71.** *Мур—евъ.* Письма изъ Персіи. Суевѣрія Персидскаго народа и слѣпая вѣра въ астрологію, многочисленные поводы для гаданій; гаданіе по лунѣ и звѣздамъ; священное гаданіе по Корану; гаданіе по четкамъ; поддержка суевѣрій въ народѣ духовенствомъ съ корыстными цѣлями; семь классовъ духовенства; дервиши или странствующіе монахи, власть духовенства и его антагонизмъ со свѣтской властью. Совершеніе займовъ въ Персіи и частые обманы кредиторовъ должниками.—**72** *И. Востоковъ.* Штунда въ Рязанской губ.—**82.** *Гульбатъ* (псевд.). „Тритино"—грузинская легенда. —**84.** *Я.* „Археологическая загадка",—развалины города, находящіяся въ южной Африкѣ, среди земель Кафровъ, у подошвы холма, на которомъ расположились становища Мамона, и называемыя мѣстными жителями Симбабье; описаніе этихъ развалинъ. Предположеніе покойнаго географа Петермана, что Симбабье, находящійся почти среди золотоносныхъ полей Южной Африки, и есть городъ Офоръ или Сафиръ, о которомъ упоминается въ Книгѣ Царствъ и куда Соломонъ посылалъ за золотомъ для храма. Возраженіе берлинскаго профессора Роберта Гартмана, основанное на томъ, что характеръ построекъ Симбабье и нѣкоторые найденные предметы указываютъ, что городъ былъ построенъ первоначальными чернокожими обитателями Южной Африки, потомки которыхъ дошли до современнаго низкаго состоянія культуры. Опроверженіе этого послѣдняго мнѣнія Поссельтомъ на основаніи скульптурныхъ находокъ, напоминающихъ финикійскія изображенія. (См. № 108).—**88.** Дѣти у племени Карагазъ, населяющаго Иркутскую губернію (извлеченіе изъ статьи И. Ангарскаго въ Восточномъ Обозрѣніи). Близость къ исчезновенію этого племени, единственными въ литературѣ памятниками существованія котораго могутъ остаться, насколько извѣстно автору, 15 страницъ священника Преловскаго и 2, 3 стран. въ сочиненіи одного нѣмецкаго путешественника. Женщина у Карагазъ является въ юртѣ полновластной хозяйкой; о дѣтяхъ ея забота ограничивается кормленіемъ и пеленаніемъ; отсутствіе ухода за ребенкомъ со стороны матери; роль собаки въ воспитаніи; лакомство дѣтей— „бурдукъ", приготовляемый изъ растенія сараны; пріученіе ребенка къ звѣропромышленности и жестокое обращеніе, проявленіе самолюбія охотника. — — **90.** *В. П—ло.* Засѣд. Имп. Московскаго Археологич. Общества (26 марта). Рефератъ *В. И. Сизова* о коллекціи предметовъ, найденныхъ при разрытіи Дьякова городища и въ курганахъ деревни Котлярово подъ Москвой. Первобытные обитатели городища повидимому принадлежали къ тѣмъ же народно-

стямъ, которыя населяли когда-то Пермскій край и Вятскую губернію; предметы эти рѣзко отличаются отъ вещей, находимыхъ въ курганахъ Московскаго типа. По мнѣнію референта, насельники городища жили въ періодъ перехода каменнаго вѣка въ бронзовый и въ первый періодъ желѣзнаго вѣка. Въ сообщеніи графини *П. С. Уваровой* говорится о населеніи Закаспійскаго края, которое состоитъ изъ Таджиковъ иранскаго племени, самыхъ древнихъ насельниковъ, и Узбековъ тюркскаго происхожденія, позднѣйшихъ покорителей края. Кромѣ этихъ двухъ главныхъ народностей живутъ еще Арабы, Индѣйцы, Евреи, Цыгане; въ горахъ Заравшанскаго округа живетъ народъ Галячане или правильнѣе Гальчи, по мнѣнію многихъ горные Таджики, слѣдовательно арійскаго корня. Французскіе антропологи видять въ нихъ родственниковъ Кельтовъ. — **98.** Похоронные обряды у Негровъ Африки (изъ Hamburger Nachrichten). Траурный цвѣтъ у Негровъ (бѣлый); мнѣніе Негровъ, что будущая жизнь не отличается отъ настоящей; принесеніе кушанья на могилу покойника, а у нѣкоторыхъ воинственныхъ племенъ желѣзнаго блюда съ кровью. Описаніе похоронныхъ обрядовъ. Вѣрованіе, что душа покойника переселяется въ тѣло оставшагося въ живыхъ родственника, или мужа, или жены.—**96**. Сообщеніе о Пермскихъ инородцахъ, сдѣланное *Д. П. Никольскимъ* въ СПБ. Географич. Обществѣ. Преданность старинѣ у инородцевъ, особенно Мещеряковъ; обычаи при похоронахъ, и при рожденіи дѣтей; въ то же время вѣра въ медицинскую помощь и почетъ ко врачамъ. Коллекція предметовъ быта и обстановки жизни, собранная референтомъ.
— **100.** *Гульбатъ* (псевд.). „Счастье внутрь васъ есть“,—грузинская легенда.
— **101.** Празднованіе масляницы у Жмудиновъ (изъ Ковенскихъ Губ. Вѣд.). Съ перваго дня масляницы толпа ряженыхъ отправляется на саняхъ, привязанныхъ однѣ къ другимъ, въ сосѣднія деревни, требуя со встрѣчныхъ извѣстной платы, евреевъ же обмазываютъ дегтемъ, приговаривая: „чертенка надо сдѣлать чертомъ“; встрѣча ряженыхъ въ деревнѣ и требованіе „бурно“ (выпивки) за въѣздъ; угощеніе; танецъ „ринге“, напоминающій русскую „барыню“. — **106.** *Н. Балабуха.* „Обряды и Легенды Страстной недѣли въ Тавридѣ“. Первое изъ приведенныхъ преданій связано съ Лазаревою субботой и разсказываетъ о чудесномъ исцѣленіи красавицы Пелагіи, дочери Мангупскаго князя, правившаго еще во время владѣнія Крымомъ православными греками; когда мѣстные врачи отказались спасти заболѣвшую княжну, Мангупскій князь послалъ въ Цареградъ за знаменитымъ врачемъ Никифоромъ. Вечеромъ въ Лазареву субботу, когда князь и народъ ожидали съ нетерпѣніемъ прибытія Никифора, у городскихъ воротъ появился благообразный старецъ, назвавшійся врачемъ; его привели къ княжнѣ, но она лежала уже мертвою; старецъ утѣшилъ отца ея и велѣлъ принести вина, князь самъ принесъ кубокъ и увидалъ дочь свою здоровою; врачъ не взялъ предложеннаго вознагражденія и велѣлъ раздать его нищимъ, а самъ удалился, далеко за городъ, сопровождаемый молодежью съ факелами въ рукахъ. Но ко всеобщему удивленію ночью вернулись посланные для встрѣчи Никифора царедворцы и принесли вѣсть, что корабль, на которомъ плылъ цареградскій врачъ, еще молодой человѣкъ, утонулъ. Кто былъ старецъ, исцѣлившій княжну узнали черезъ много лѣтъ: Пелагія, не желавшая по смерти отца править страной удалилась въ монастырь, гдѣ снова заболѣла, и таинственный врачъ опять явился, на этотъ рзъ—во снѣ епископу Мангупа, и сказалъ ему, что онъ Лазарь четырехдневный и что тогда, не желая омрачить горемъ Мангупцевъ въ день своего воскресенія, онъ просилъ у Бога разрѣшить ему явиться на землю для исцѣленія больной, теперь же дни ея сочтены. Въ Крыму существуетъ обычай въ Лазареву субботу устраивать за городскія ворота скачку,—это молодежь спѣшитъ встрѣтить Лазаря и княжну Пелагію; обычай этотъ отъ грековъ перешелъ и къ малороссамъ Таврической губерніи, хотя у нихъ обратился въ простое состязаніе въ ловкости и въ силѣ коней. Обычай въ Вербную субботу ходить въ крестномъ ходѣ съ ваіями за городъ въ воспоминаніе входа Господня въ Іерусалимъ, при чемъ въ Симферополѣ еще недавно верба освящалась „за столбами“, т. е. за городской стѣной, теперь же въ центрѣ города на площади. Строгій постъ у грековъ въ Страстную недѣлю; собираніе въ первые три дня

бабами первыхъ травъ, которыя хранятся, какъ лѣкарства; вечерній столъ въ страстной четвергъ; обычай на утрени подъ пятницу выносить на середину церкви крестъ, который и остается тутъ до Воскресенія Христова. Къ чистому четвергу относится слѣдующее преданіе: жившій во времена хановъ въ Бахчисараѣ скупой и жестокій купецъ-грекъ, христіанинъ Михалаки, былъ строго наказанъ Богомъ: всѣ дѣти его умерли, а тѣло его покрылось тринадцатью гнойными ранами, по числу 13 раззоренныхъ имъ христіанскихъ семей. Послѣ тщетнаго лѣченія Михалаки покаялся въ грѣхахъ своихъ и обратился за помощью къ праведному отшельнику-схимонаху, жившему въ Георгіевскомъ монастырѣ (нынѣ Георгіевскій-Балаклавскій). Старецъ сказалъ ему, что Михалаки исцѣлится, когда подъ великій пятокъ прочтутъ 13 евангелій, и дѣйствительно черезъ много лѣтъ, когда, по случаю совпаденія Благовѣщенія съ великимъ пяткомъ, было прочитано тринадцать евангелій, язвы Михалали закрылись сами собой, потому что, какъ объяснилъ ему впослѣдствіи отшельникъ, нѣтъ выше и святѣе дня, когда зачатіе Сына Божія, грядущаго для искупленія грѣховъ, совпадаетъ съ самымъ искупленіемъ. Въ Крыму вѣрятъ, что въ день такого совпаденія молитва праведника имѣетъ двойную силу, и день этотъ называется „днемъ чудесъ". Выносъ плащаницы и особенность въ греческихъ и малороссійскихъ приходахъ. Вѣрованіе Болгаръ, что въ страстную субботу ходитъ по землѣ „черный гость", т. е. изгнанный изъ ада діаволъ. Болгарскій обычай—Георгіевскій курбанъ (турецкаго происхожденія), заключающійся въ торжественномъ закланіи въ Георгіевъ день барашка на церковной оградѣ и угощеніи.—112. *В. П. Желиховская*. „На берегахъ Ріона" (пасхальный разсказъ). Къ сожалѣнію, въ разсказѣ нѣтъ указаній, есть-ли передаанное дѣйствительно народное преданіе или же только вымыселъ автора. — Тамъ-же, въ отдѣлѣ „смѣсь" — Земля Отчаянія (Огненная Земля). Нѣсколько словъ объ ея обитателяхъ—туземцахъ.— *Л. Тихомировъ*.—122. Сибирскіе вопросы. Авторъ, по его словамъ, является простымъ популяризаторомъ соображеній преосвященнаго Веніамина, изложенныхъ имъ въ трудѣ: Жизненные вопросы православной миссіи въ Сибири 1885. Особенное вниманіе обращаетъ онъ на сильное распространеніе ламаизма среди бурятъ, отчуждающее ихъ отъ русскихъ и противодѣйствующее успѣхамъ христіанской пропаганды. „По отчету оберъ-прокурора, ламская организація росла съ ужасающею быстротой. Въ 1741 году за Байкаломъ было 150 ламъ, въ 1756—312, въ 1822—2,502, въ 1843 году 4,546 ламъ, въ настоящее время въ одномъ Забайкальѣ считается 15,000 ламъ. Соотвѣтственно росту организаціи ламъ растетъ количество населенія обращеннаго ими въ буддизмъ, которое нынѣ, конечно, далеко превышаетъ 200,000, и это не дикіе, слабые, разрозненные шаманцы, а крѣпкая, враждебная намъ организація, сплоченная духовно и матеріально. Изъ простого этнографическаго матеріала Буряты этимъ путемъ превращаются въ народность. Обстоятельство тѣмъ болѣе досадное, что оно создано нашими собственными ошибками, какъ это ясно доказано преосвященнымъ Веніаминомъ и сдѣлано общеизвѣстнымъ прекрасными статьями г. Воронца" По мнѣнію автора, усиленіе средствъ миссіонерской дѣятельности, русско-православное просвѣщеніе обращенныхъ, обдуманное приселеніе Русскихъ—и непремѣнно *православныхъ*, а не сектантовъ, повсюду гдѣ нуженъ примѣръ русской жизни и школа русскаго языка, уничтоженіе инородческихъ вѣдомствъ и самого понятія объ инородцѣ, сліяніе Русскихъ и инородцевъ въ однихъ общихъ волостяхъ, подъ одинаковымъ общимъ закономъ, допущеніе въ волостную администрацію лишь вполнѣ обрусѣлыхъ инородцевъ, уничтоженіе офиціальнаго значенія ламаизма—таковы главнѣйшіе пункты системы, которая должна наконецъ сдѣлать среднюю Сибирь *русскою* областью".—183. *Е. Бѣлозерскій*.—Курьозные промыслы Авторъ описываетъ 2 курьозные промысла—профессіональное воровство и нищенство,—существующіе въ нѣкоторыхъ волостяхъ Пензенск губерніи Единственный промыселъ одной половины деревни Шуриновки Керенск. уѣзда со времени крѣпостного права—воровство: „если который-либо шуриновскій крестьянинъ не сидѣлъ въ своей жизни въ острогѣ или не участвовалъ въ кражахъ, то онъ не пользуется уваженіемъ среди своихъ односельчанъ: ни одна дѣвушка-невѣста не

пойдетъ замужъ за такого парня, который не таскался по острогамъ и не судился за какія-либо воровскія продѣлки. Такимъ образомъ, воровство среди шуринцевъ обратилось въ форменную профессію и считается молодечествомъ". Объясняется это явленіе тѣмъ, что предки шуриновцевъ—воровъ находились въ крѣпостной зависимости отъ какого то помѣщика, который въ видѣ оброка со своихъ крестьянъ самъ посылалъ ихъ на воровской промыселъ и ставилъ предѣлъ, ниже котораго крестьянинъ не могъ принести домой, вернувшись съ подобнаго заработка. — Въ Саранскомъ уѣздѣ въ нѣкоторыхъ селеньяхъ волостей — Воеводской, Нерлейской и Архангельско-Голицынской развито нищенство, какъ профессія. Въ теченіе лѣта жители с. Архангельскаго-Голицынскаго обрабатываютъ землю, а на зиму заколачиваютъ дома и уѣзжаютъ на промыселъ преимущественно на югъ, Донъ, Кавказъ, Уралъ, и даже доѣзжаютъ до Восточной Сибири, живя Христовымъ именемъ, причемъ назойливость и умѣнье разжалобить голицынскихъ нищихъ доведены до артистичности. Такіе нищіе достигаютъ большой зажиточности и ѣздятъ на заработокъ съ своими работниками, которыхъ они нанимаютъ исключительно для нищенства, плата имъ по два рубля въ недѣлю.—187. *Г. Гзеліевъ*. Двѣ грузинскія легенды. Авторъ безъ указанія источниковъ сообщаетъ легенду о царицѣ Тамарѣ и объ Александрѣ Македонскомъ. Обѣ легенды уже извѣстны. (Срав. Сборн. матер. для описанія мѣстн. и племенъ Кавказа, вып. X, отд. 3, стр. 35 и 40).

Новое Время. 1891.—**5367**. *Н. Оксанинъ*. Въ странѣ рябка и векши. Очерки древней Біарміи; путь отъ басейна Камы до басейна С. Двины.—**5368**. (Приложеніе). Генри Стенли. Карлики великаго африканскаго лѣса. (Окончаніе). — **5372**, **5380**. *М. И. П.* „Какъ ѣли встарину (въ XVII в.).—**5374**. Габріель Бонвало. Сообщеніе о путешествіи его по Тибету.—**5381**. О разрытіи кургановъ вблизи города Новозыбкова, причемъ отысканы слѣды сожженія труповъ.—**5388**. Въ Географич. Обществѣ. *Л. В. Вейнбергъ*: „О слѣдахъ Хазарской народности въ предѣлахъ Воронежской губерніи. — **5389**. *Ѳ. Булгаковъ*: Африканскіе ужасы и вопросъ о рабствѣ. Рецензія на книгу Разати: „Десять лѣтъ въ Экваторіи и возвращеніе съ Эминомъ-пашей". Данныя о каннибализмѣ и человѣческихъ жертвоприношеніяхъ въ Африкѣ.—**5397**. Въ Антропологическомъ Обществѣ: докладъ *Н. М. Ядринцева* (6 марта) въ годичномъ собраніи общества О „кочевыхъ народахъ и объ отношеніи ихъ къ общечеловѣческой цивилизаціи".—Грамотность въ древней Руси.—Рецензія на книгу Пыпина „Исторія Русской Этнографіи. (Приложеніе).—**5398**. *Вырубовъ*: „О зубангорскихъ татарахъ".—**5400**. Сообщеніе объ открытіи г. Ядринцевымъ въ долинѣ рѣки Орхона, въ Монголіи, древней столицы Монгольскихъ хановъ—Каракорума.—Воззрѣніе кавказскихъ мусульманъ на тюремное заключеніе (Каспій).—**5401**. Въ вольно-экономическомъ обществѣ. *А. А. Кауфманъ*: „О вліяніи переселенцевъ на мѣстное населеніе Сибири".—**5404**. Сообщеніе *Г. Е. Грумъ—Гржимайло*. Его докладъ о своемъ путешествіи на Тянь-Шань и на Куку-Норъ.—**5412**. Въ Географич. Общ. *Д. П. Никольскій*: „О пермскихъ мещерякахъ"—*В. П. Гайдебуровъ*: „О значеніи подарковъ въ свадебномъ обрядѣ русскихъ крестьянъ".—Въ археологическомъ обществѣ. Баронъ *Р. Гозенъ*: „Теорія Галеви о происхожденіи монгольскаго животнаго цикла".—**5417**. (Приложеніе). *В. О. Ключевскій*: „Земскіе соборы въ древней Руси". Изложеніе статей, помѣщенныхъ въ Рус. Мысли въ 90 и 91 гг.—Сообщеніе объ открытіи въ Ѳивахъ г. Гребо 180 мумій жрецовъ Амона. — **5418**. Въ Географич. Общ. *Д. П Никольскій*: О бытѣ пермскаго инородческаго населенія.—**5425**. (Приложеніе). Женская доля въ Африкѣ и въ Азіи. Нѣсколько извлеченій изъ сочиненія Антона Нагеле о положеніи женщины у различныхъ народовъ Азіи и Африки.—**5427**. Изъ Ровненскаго у. (Корресп.). Сообщеніе объ ожиданіи евреями пришествія „Месіяша", который поведетъ евреевъ въ Бразилію (Волынь). — **5430**. Объ умыканіи дѣвицъ въ Сербіи (Pester Lloyd).—**5431**. Новгородскіе раскольники, — корр. *А. Г. С.*— **5440**. *Ал. Амфитеатровъ*. Свѣтлый праздникъ. (Исландская легенда). Олафъ и царица эльфовъ (стихотвореніе).—**5442**. Пасха при Петрѣ Великомъ. Извлеченіе ихъ дневника Бергхольца: описаніе пасхи 1722 г.—Пасха при Екатеринѣ II. (Въ приложеніи).—**5443**. Въ Историческомъ Обществѣ. *С. А. Бершадскій*: Объ

общественной организаціи крестьянъ въ началѣ XVI вѣка.—**5447.** Японская коллекція В. В. Линдстрема, поступившая въ этногр. музей Имп. Академіи наукъ.

Новое Обозрѣніе. 1891. — 2502, 2505, 2509, 2519, 2537, 2510. Статьи г. Ерицова: „Католицизмъ въ Грузіи", гдѣ приводятся любопытные отзывы миссіонеровъ о нравахъ и обычаяхъ населенія Мингреліи и Грузіи. — **2508.** Легенда „Тамара и Каспій". — **2515.** Легенда объ Александрѣ Македонскомъ *Ил. Хонели.* — **2521.** *Мохаммедъ Ага Шахтахтинскій* Ремезанъ, мусульманскій постъ. Постъ заключается въ томъ, что правовѣрные отъ разсвѣта до заката солнца воздерживаются отъ всякой пищи, скоромной и постной, а съ наступленіемъ вечера принимаютъ и ту и другую безразлично. Во время поста грамотный мусульманинъ какъ можно больше читаетъ коранъ. Кто самъ не хочетъ читать, возлагаетъ этотъ трудъ на муллъ за деньги. — **2530.** Библіографическая замѣтка о „Живой Старинѣ" (вып. I и II) *А. Хах—ова.*—**2529.** Библіографическая замѣтка *Н. Гулака* о переводѣ на нѣмецкій языкъ грузинской поэмы Шота Руставели „Барсова кожа".

Новороссійскій Телеграфъ. 1891.—5050. *А. Скальковскій:* „Нѣсколько документовъ для исторіи Запорожья". Письма Луки Татищева и Павла Левашева къ Кошевому запорожскаго войска. — **5059.** *В. Шерцль*: „Китайскіе обычаи". Очерки обществ. жизни китайцевъ. — Проф. *А. И. Маркевичъ*: „О колонизаціи Слободской Украйны" (докладъ въ историко-филологическомъ обществѣ).—**5073.** Проф. *А. И. Маркевичъ*: „Южная Россія при Петрѣ Великомъ" (публ. лекція).—**5083.** Подземные города. Сообщеніе Бойера объ открытіи имъ въ окрестностяхъ Шахъ-Яра подземнаго города, построеннаго королемъ Афросіабомъ.—**5095.** *В. Шерцль*: О воззрѣніяхъ, народной поэзіи и философіи китайцевъ, поскольку онѣ отразились въ ихъ сказкахъ.

Новости 1891 г.—32. Причины переселенія въ Бразилію польскихъ крестьянъ изъ Ломжинской губ. (Варшав Дневн.). *Дыгасинскій*: Положеніе польскихъ переселенцевъ въ Бразиліи (Варш. Курьеръ).—**34.** *М. Венюковъ*: Новая дорога въ Тибетъ. Сообщеніе о путешествіи гг. Бонвало, д'Орлеана и Декена.—**35.** Эмиграція польскихъ крестьянъ въ Бразилію. (Варш. Дн.)—**39.** Пріемъ у Москингосскаго короля. (Изъ Нью-Іоркскихъ газетъ).—**40** *Ѳ. И. Чернышовъ*: Тиманская экспедиція: Сообщеніе объ изслѣдованіи Тиманскаго хребта.—**41.** О праздновавіи астраханскими калмыками своего національнаго праздника „уаганъ-сара" (С. От.)—**42.** *П. А. Ровинскій*: „Черногорія въ ея прошломъ и настоящемъ" (Рецензія на трудъ Ровинскаго подъ указаннымъ заглавіемъ).—**44.** С. Петровское (корресп.) Сообщеніе о продажѣ сыномъ отца и матери" на вѣки" за 25 р. (Южанинъ).—**45.** О путешествіи Бонвало черезъ Тибетъ въ Ганой. —**46.** *Гребо.* Свѣдѣнія о раскопкахъ его въ древнихъ Ѳивахъ. (Journal des Débats)—**58.** *Л. Б. Вейнбергъ*: О слѣдахъ хазарской народности въ предѣлахъ Воронежской губ. (Докладъ въ географич. общ.)—**59.** Ровно (корресп.) Сообщеніе о переселеніи въ Америку изъ Волыни русскихъ крестьянъ (Кіев. Сл.)—**64.** Проф. *Э. Ю. Петри*: Въ полярныхъ странахъ. Научные результаты путешествія Фритьофа Нансена черезъ Гренландію.—**65.** *Д. И. Эварницкій*: Народная легенда о происхожденіи водки (по словамъ легенды хлѣбная водка создана І. Христомъ).—**68.** Письмо изъ Бразиліи польскаго крестьянина, переселившагося туда. (Варш. Дн.)—**70.** Кочевой бытъ народовъ и его значеніе въ культурѣ (докладъ *Н. М. Ядринцева*).—**71.** Сообщеніе объ открытіи Н. М. Ядринцевымъ развалинъ древняго (VIII в.) города Каракорума—столицы Монгольскихъ хановъ въ долинѣ р. Орхона.—Перепеч. изъ „Нов. Обозр." описаніе обычая въ Кутаис. уѣз., называемаго „Маріамъ-шеноби" и заключающагося въ томъ, что старшая изъ женщинъ въ четвергъ мясопустной недѣли зажигаетъ по всѣмъ угламъ дома восковыя свѣчи и проситъ Богородицу о размноженіи куръ.—**72.** Нѣсколько свѣдѣній о результатахъ экспедиціи Г. Е. Грумъ-Гржимайло.—**73.** Экспедиція Г. Е. Грумъ-Гржимайло. Его докладъ въ Географическомъ обществѣ. — **85.** *Шерцль.* Китайскіе обычаи (изъ Новор. Телегр.)—**95.** *В. Португаловъ*: Буддизмъ.—**96** *Е С.* Рецензія на книгу Анны Столповской: „Очеркъ исторіи куль-

—**99** Проф. *В. Жуковскій*: Изъ прошлаго Султанбенда—

плотины на Мургабѣ. Краткая исторія этого края съ X вѣка (съ указаніемъ источниковъ).—**102.** *Е. Т. Смирновъ*: Способъ хивинскихъ рыбаковъ „мергеней" бить рыбу острогой (Туркестан. Вѣдом.).—**105** Начало пароходства на Волгѣ. Отношеніе народа къ первымъ пароходамъ (Каз. Г. Вѣд.).—**107** *Ивановскій*: Манджурскій театръ; описаніе одного представленія. (Восточное Обозр.)—*Мирзоевъ*: Нѣсколько изрѣченій восточныхъ мудрецовъ (Новое Обозр.)—**108** Въ Неофилологическомъ обществѣ. *Г. И. Потанинъ*: Параллели изъ Монгольскихъ сказокъ къ нѣмецкимъ средневѣковымъ поэмамъ о Вольфдитрихѣ, Гугдитрихѣ и Ортнитѣ.—**111** *В. П. Желиховская*: Пасха у Кавказскихъ народовъ. Празднованіе пасхи, соблюденіе православныхъ постовъ всѣми народами Кавказа, не исключая и мусульманъ. Обряды, сопровождающіе празднованіе пасхи.—**113.** Обычай носить церковныя иконы во время Святой. Описаніе „богоносцевъ". (Смол. Вѣст.)—Нѣсколько изреченій восточныхъ мудрецовъ (Новое Обозр.)—**115** *Клемансъ-Ройе*: Древность человѣческой расы въ Америкѣ.—**116.** Празднованіе пасхи у литовцевъ католиковъ. Обрядъ учрежденія стражи у Распятія. (Ковен. Губ. Вѣд.) — О. *Іоаннъ Шиповичъ*: О пасхальныхъ писанкахъ (Кіевское Слово).—Выдержка изъ доклада въ Подольск. стат. Комитетѣ. Проф. *С. А. Бершадскій*: Объ общественной организаціи крестьянъ въ Литвѣ въ началѣ XVI вѣка. (Докладъ въ Историческомъ обществѣ).—**118.** *А.* Положеніе польскихъ переселенцевъ въ Бразиліи. (Разсказъ эмигранта Мартина Цесли).

Новости дня 1891 г.—**2717.** *Н. Бочаровъ*: Народныя примѣты, пріуроченныя ко дню Св. Аѳанасія.—**2727.** *А. Дыгасинскій*: О положеніи польскихъ переселенцевъ въ Бразиліи. (Варш. Кур.)—**2729.** *Н. Бочаровъ*: Народныя примѣты, пріуроченныя къ первымъ днямъ февраля. Историческія справки. Заговоръ на мышей, имѣющій особенную силу на Трифона (1-го февраля): „Какъ желѣзо на водѣ тонетъ, такъ и вамъ, гадамъ, сгинуть въ преисподнюю, въ смолу кипучую, во адъ кромѣшный, не жить вамъ на бѣломъ свѣтѣ, не видать вамъ травы муравой, не топтать вамъ росы медвяной, не ѣсть вамъ бѣлоярой пшеницы, не таскать вамъ золотаго ячменя, не грызть вамъ полнотѣлой ржи, не таскать вамъ пахучаго сѣна. Заклинаю васъ мышей моимъ крѣпкимъ словомъ на вѣки вѣковъ, слово мое ничѣмъ-же нарушится". Повѣрье, считающее грѣхомъ дальнія поѣздки послѣ Срѣтенья, и относящаяся сюда легенда.—**2751.** *Д. М.* Памятникъ Колумбу. Выдержки изъ его тайнаго дневника, веденнаго имъ во время пути, приведшаго его къ открытію Америки.—*Н. Бочаровъ*: Народныя примѣты, пріуроченныя ко дню Обрѣтенія главы І. Предтечи (24 февр.) Дѣйство страшнаго суда при патріархахъ.—**2752.** Народные обычаи, пріуроченные къ масляницѣ.—**2755** *Н. Бочаровъ*: Народныя примѣты, пріуроченныя къ 28 февраля. Коляда.

Одесскій Вѣстникъ 1891.—**83.** Причины выселенія польскихъ крестьянъ Ломжинской губ. въ Бразилію (Варш. Дневн.).

Одесскій Листокъ 1891:—**31** и **42.** *Дыгасинскій*: О положеніи польскихъ переселенцевъ въ Бразиліи (Варш. Кур.)—**41.** *Оса* „Индѣйская легенда" о превращеніи вождя краснокожихъ „Орлиное крыло" въ коня.—**43.** Карнавалъ въ Римѣ; его обычаи и исторія.

Одесскія Новости 1891.—**1822.** „Китайцы въ канунъ Новаго года". Обычай китайцевъ умилостивлять различными приношеніями въ канунъ Новаго года злого духа.—**1830.** Торговля дѣтьми среди инородцевъ Иркутской губ. (Сибир. Вѣстн.).—**1833.** Путешествіе Б. Л. Громбчевскаго. Нѣсколько данныхъ изъ его экспедиціи по Центральной Азіи. (Пр. В.)—**1841,-2.** *Карменъ Сильва.* „Омулъ"—карпатская легенда.

Оренбургскія Г. В. 1891.—**17.** Указъ Екатерины Великой о высылкѣ изъ Россіи евреевъ.—**13—15.** *П. Юдинъ*: Исетъ Кутебаровъ. Одинъ изъ степныхъ батырей, типъ хищника киргиза. (Изъ дѣлъ Оренбургскаго Центральнаго Архива за 1853—56 гг.).

Орловскія Г. В. 1891.—**3.** Способъ китайцевъ выдавать паспорта.—Объ уничтоженіи въ Китаѣ обычая лишенія себя жизни вдовами по смерти мужа.—**12.** Какъ читаетъ книги китайскій богдыханъ.

Пензенскія Г. В. 1891.—39. *Н. Н-въ*: Ледокольныя артели въ Пензѣ.—**44.** *О. Ѳ. Чекалинъ*: Древнѣйшіе изъ городовъ Пензенской губ. Свѣдѣнія о древнѣйшемъ населеніи Пенз. губ.—**85** *С. Н. Н.* Письма изъ деревни. Сообщеніе о мочальномъ промыслѣ въ с. Юловѣ, Городищенскаго уѣзда.

Пензенскія Еп. Вѣд. 1891.—6. *Н. Быстровъ*, свящ. Поученіе противъ обычая давать невѣстѣ, на время совершенія таинства брака, списокъ „Сна Богородицы". Противъ нехристіанскаго обычая молодежи разъѣзжать, во время совершенія таинства брака, вокругъ церкви, пѣть пѣсни, водить хороводы и пр.—**8.** *Свящ. Ѳ. Тихоміровъ*. Празднованіе русскими царями XVI и XVII вв. Свѣтлаго Христова Воскресенія.

Пермскія Г. В. 1891.—**17** и **18.** *М. И. П.* „Какъ и что ѣли встарину, (Н. Вр. 5372).—**19.** Сообщеніе о появленіи среди черемисовъ новой секты „Кугу-Сарта" (Вят. Губ. Вѣд.)—**24.** *И. Н. Смирновъ*: „Семейный и общественный бытъ пермяковъ" Извлеченіе изъ доклада, читаннаго въ засѣданіи Казанскаго Общества, Арх. Ист. и Этнографіи.—**25, 27** и **28.** Программа для собиранія матеріаловъ для изученія Уральскаго края въ археологическомъ и антропологическомъ отношеніяхъ.—**29.** Проф. *И. Н. Смирновъ*: О погребальныхъ обычаяхъ и остаткахъ языческой старины у пермяковъ.—Пасха у евреевъ.—**30.** Засѣданіе Пермской коммиссіи Уральскаго Общества любителей естествознанія. Сообщеніе объ открытіи вещей каменнаго вѣка въ бассейнахъ рѣкъ Европейской и Азіатской Россіи.—**30** и **31.** *В. Б. Антоновичъ*: О погребальныхъ типахъ въ курганахъ Кіевской губ.—**33.** *Д. П. Никольскій*: О Пермскихъ мещерякахъ. Внѣшній бытъ.

Полтавскія Г. В. 1891—2. *А. Лисовскій*. Святочная пѣсня:

Ой сивъ Христосъ вечеряты; прыйшла до його Божа Матиръ:
Отдай, Сыну, райски ключи, одимкнуты рай и пекло,
Выпустыты гришны души, одніи души не выпустыты,
Що отця и неньку налаяла, не налаяла, а подумала.

Припѣвъ: „Щедрый вечиръ, добрый вечиръ". (Ср. Труды Этногр. Отд., кн. 13, стр. 20)—**4.** Капитанъ *Прастъ*. Легенда среди Сѣверо-Американскихъ индѣйцевъ о второмъ пришествіи І. Христа, для спасенія индѣйцевъ, причемъ два воина индѣйскихъ уже видѣли Христа. (С.-П.-В.)—**6.** *В. Станиславскій*. Валы, городища и курганы въ Кобелякскомъ у. Полтав. губ.—**10.** *В. Станиславскій*. Записки Т. В Каленичена о м. Голувѣ Кобелякск. у.—**15.** *Земскій Начальникъ*: Взглядъ крестьянъ на земельную собственность. (Кур. Г. В.).

Полтавскія Еп. В. 1891. **6.** *В. Щ.* Библіографическая замѣтка о грузинскомъ Евангеліи, находящемся въ Полтавскомъ Крестовоздвиженскомъ муж. монастырѣ. (Первое евангеліе, напеч. въ Грузіи на груз. яз.).—**8.** Свящ. *Николай Пирскій*. Историко-статистическій очеркъ села Солошина Кобелякскаго уѣзда.

Русскія Вѣдомости 1891—74. *А. Хах—овъ*. Рец. на трудъ М. М. Ковалевскаго: Законъ и обычай на Кавказѣ.—**92.** Корр. изъ Кіева о штундистахъ.—**102.** Московское Археологическое Общество. Докладъ *В. И. Сизова*: Раскопки въ Дьяковомъ городищѣ, близъ с. Коломенскаго, на берегу Москвы-рѣки. Описаніе найденныхъ тамъ предметовъ древняго происхожденія. Докл. *гр. Уваровой*: О поѣздкѣ въ Самаркандъ. Древнее городище „Афросіаба" близъ Самарканда.—**115** *В. Л. Б.* Рецензія на Нижегородскій Сборникъ, въ которомъ помѣщено нѣсколько статей по этнографіи.

Рязанскія Г. В. 1891.—25. *И. П. Золотницкій*: Матеріалы для историко-статистическаго описанія населенныхъ мѣстъ Рязанской геберніи. VIII. Касимовъ.—**27.** *М. П. П.* Какъ и что ѣли въ старину. (Нов. Вр. 5372).

Саратовскія Г. В. 1891.—14. Объ островѣ Цейлонѣ. Наружность цейлонцевъ и ихъ уличная жизнь.—**19.** Кр. *П. М. Суховъ*: Деревня Андреевка, Нижне-Добринской волости., Камышинскаго уѣз. Указанъ одинъ мѣстный обычай: передъ новымъ годомъ ходятъ по дворамъ и поютъ пѣсню съ припѣвомъ „Тауся Дуда",спросивъ сперва разрѣшенія, въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „Чанны ворота, посконна борода! не кричать-ли „Таусю Дуду?" (самой пѣсни не приведено).—**20.** Обряды передъ выѣздомъ на пахоту. А) Въ с. Руднѣ, Камышинскаго у., глава семьи

собираетъ вокругъ себя всѣхъ семейныхъ, кладетъ на столъ хлѣбъ-соль, хозяйка зажигаетъ лампаду передъ образомъ и начинаются поклоны и молитвы. В). Въ с. Пылковѣ, Кузнецкаго у. раннимъ утромъ хозяйка готовитъ пахарямъ обильный завтракъ, въ который непремѣнно входитъ яичница. Позавтракавъ, пахарь запрягаетъ лошадь, окончательно снаряжается, затѣмъ входитъ опять въ избу. На божницѣ зажигаютъ восковую свѣчу, всѣ домашніе присаживаются на минуту, затѣмъ встаютъ и кладутъ по три земныхъ поклона. С). Здѣсь-же, въ нѣкоторыхъ мордовскихъ домахъ на столъ приносится мѣра овса, въ нее вставляется восковая свѣча, причемъ хозяйка спѣшитъ для чего-то прислонить заслонку въ печи. Глава семьи беретъ изъ мѣрки двѣ горсти овса и бросаетъ ихъ подъ столъ, чтобы Богъ уродилъ на всѣхъ. Затѣмъ уже кладутъ три земныхъ поклона, произнося: „Зароди намъ, Вышній Создатель".—**24.** *Бѣляковъ*: С. Русская Норка, Мачкасской вол., Петровскаго у. Приведены двѣ наиболѣе распространенныя въ настоящее время среди молодежи пѣсни новѣйшаго происхожденія.—**25—28.** *А. Н. Минхъ*: Преданія объ основаніи городовъ Саратовской губ. Исторія ея заселенія.—**26.**—*скій*. Сл. Романовка (Корресп.) Моленія на дому передъ пахотой.—28 Вербное воскресенье въ древней Руси. (Моск. Вѣд. 1888 г.).- *Ѳед. Ерохинъ*. Слобода Большая Екатериновка, Аткарскаго у. Обычаи и обряды мѣстныхъ малороссовъ. Свадьба. Посидѣлки. Приведены пѣсни.—**30.** Легенда о „голомъ" человѣкѣ и „мохнатомъ". Мохнатый разорвалъ голаго на пашнѣ на части и предсказалъ крестьянамъ урожай.

Семипалатинскія Обл. В. 10—12. *Вл. фонъ-Гернъ*. Киргизскія пословицы.

Сибирскій Вѣстникъ.—**22.** *Н. Джетбысбаевъ*. Киргизская легенда о Тазъ-Тагъ (одна изъ вершинъ Тарбагатая). **35—36,** *И. Ковригинъ*. По рѣкѣ Енисею (этнограф. очерки): крестьян. свадьба.

Сибирскій Листокъ.—1,8 *Н.Н.Н.* Поѣздка въ Пелымскій край.—**8,9.** О рыбопромышленности тоболяковъ.—**9,10.** Терсюкская волость, Ялотуров. окр., Тобольской губ. (сел.-хоз. очеркъ). **11,23.** *С. М—въ*. Попытки водворенія хлѣбопашества въ Сургутскомъ краѣ.—**13,14.** Нѣсколько дней у остяковъ.—**18,19.** Очерки окраинъ Сибири: Тункинскій край Иркутской губ —**20,21.** *В. Штильке*. Землевладѣніе и земледѣліе въ Алтайскомъ горномъ округѣ.

Смоленскія. Еп. Вѣд. 1891 г.—3. Историко статистическое описаніе села Засижья, Васильевскаго тожъ, Дорогобужскаго уѣз. Религіозно-нравственное состояніе прихожанъ. Суевѣріе ихъ и его проявленія.

Смоленскій Вѣстникъ 1891.—29. Въ корреспонденціи изъ Сычевки говорится о „хватучей недѣлѣ" (послѣдней недѣлѣ Рождествен. мясоѣда). На этой недѣлѣ задумавшіе, но не успѣвшіе жениться „хватаютъ" поскорѣе невѣстъ и совершаютъ свадьбы „уходомъ" (самокрутки). Это особенно распространено среди старообрядцевъ. Нерѣдко бываетъ, что послѣ „запоинъ" и „рукобитья" невѣста не идетъ за нареченнаго жениха, а помощью какой-нибудь хитрости, напр., уѣздомъ въ кадушкѣ, является къ милому и, ничуть не медля, ѣдетъ съ нимъ вѣнчаться. Обманутому же жениху отецъ платитъ „за опороченье".—**36. 38.** *Ив. Виноградовъ*: Историческіе очерки Смоленской губерніи. I. Состояніе образованности въ г. Вязьмѣ прежде и теперь.—**38.** Отъ Музея. Пріобрѣтенъ между прочимъ рисунокъ каменнаго изваянія, находящагося при д. Болваны, Рославльск. уѣз.—**43.51.** *Деревенскій житель*. Дневникъ сельскаго обывателя.—**45.** Городскія извѣстія: содержаніе проекта устава Смоленскаго Общества Любителей Археологіи, Исторіи и Этнографіи.—Въ корреспонденціи изъ Рославля, по поводу возникшаго вопроса о невозможности продавать рославльскую городскую землю нерославлянину, приводятся нѣкоторыя весьма интересныя историч. справки, ярко характеризующія рославльцевъ въ ихъ историческомъ прошломъ.—**53.** *К. Ровинскій*. Необходимость учрежденія въ Смоленскѣ ученой коммиссіи для собиранія и разработки археографическаго матеріала. Указавъ въ довольно длинной замѣткѣ на богатый аргеографическій матеріалъ, хранящійся въ Смоленскихъ архивахъ за XIX столѣтіе (все, хранившееся отъ другихъ вѣковъ было сожжено велѣніемъ смоленск. губернатора въ 1812 году), и на безпощадное гніеніе его въ сырыхъ помѣщеніяхъ, авторъ считаетъ необходимымъ образовать

археогр. коммиссію при Смол. Историко-Археологическомъ Музеѣ, чтобы, съ одной стороны, охранять старину, а съ другой, расширить дѣятельность Музея.

Ставропольскія Еп. Вѣд. 1891.—5. Свящ. *Петръ Даниловъ*: Свѣдѣнія о сектантахъ ст. Кальниболотской, Кубанской обл. Шалопутская іерархія. Приведены слѣд. двѣ пѣсни, которыя поютъ шалопуты на своихъ молитвенныхъ собраніяхъ:

1. Поможи намъ, Духъ Святий, тайну Божію открыть,
Намъ про Батюшку Отца, про Искупителя Творца.
Хочетъ Батюшка родимый посмотрѣть златой престолъ.
Поскакалъ нашъ Государь по высокимъ облакамъ,
По соборамъ и церквамъ, по царямъ и кораблямъ.
Онъ такую рѣчь держалъ:
Вы, садовнички въ садахъ, прививайте древеса,
Вы пастыри въ церквахъ, погодуйте своихъ овецъ,
А васъ Батюшка родимый облекетъ въ златой вѣнецъ.

2. Въ девятнадцатомъ вѣкѣ народился богатырь,
Какъ по имени Порфиръ.
Его люди дуже знали и за Бога почитали.
Порфиръ людей набиралъ, къ Саваоѳу отсылалъ.
Саваоѳъ какъ увидалъ, и радостно закричалъ:
Эхъ, Порфировы сыны, пожалуйте вы сюды!
Я васъ, дѣтки, поселю во златые сады.
Сына моего вы узнали, слова его исполняли.
Я васъ, дѣточки, прославлю, безъ награды не оставлю.

Тверскія Г. В. 1891.—19. Тверской музей и его пріобрѣтенія въ 1889 г. I. Орудія каменнаго вѣка. Костяныя орудія.—**21.** То же II. Курганные предметы. III. Христіанскія древности.—**22.** Тоже (прод.) III. Христіанскія древности.

Туркестанская Туз. Газета.—11. *Закирджанъ Фиркатъ.* О музыкѣ и музыкантахъ, объ ихъ инструментахъ и производимомъ музыкой впечатлѣніи.

Уральскія Войсковыя Вѣд.—16. Коневодство въ Средней Азіи.

Уфимскія Г. В. 1891—11. Д-ръ *Д. П. Никольскій*: Изъ поѣздокъ по Башкиріи. (Прод.; см. № 38, 1890 года). Внѣшній бытъ башкиръ деревни Сырекульмакова, Саринской волости, на р. Такрюзакъ. Внутренняя обстановка башкирской избы. Распредѣленіе населенія деревни по поламъ и возрастамъ.—**12** Тоже, прод.: Занятіе земледѣліемъ жителей-башкиръ деревни Ишикъ.

Харьковскія Г. В. 1891.—3. Рецензія на книгу Я. Шульгина „Очеркъ Коліивщины".—**4.** Причины эмиграціи польскихъ крестьянъ въ Бразилію (Варш. Дн.)—Положеніе польскихъ переселенцевъ въ Бразиліи (см. также № 16 и 76).—Новохоперскій уѣздъ (корресп.): появленіе новой секты „атетуевъ", основной принципъ которыхъ—общность женъ.—**6.** Святки въ Малороссіи. Село Х. Полтавской губ., Переяславскаго у. Приведено много „колядокъ" и „щедривокъ".—**10.** Китайцы въ канунъ новаго года.—**25** *I. Чурилинъ.* С. Жихорь, Харьковскаго уѣзда Обычай, по которому женихъ, добившись расположенія невѣсты и ея согласія на бракъ, даетъ приданое невѣстѣ, которое передается отцу, въ размѣрѣ 30—100 руб., хотя это жениховo приданое не имѣетъ характера мусульманскаго „калыма".—**67.** Проф. *В. П. Бузескулъ.* Шлиманъ и его раскопки въ Троѣ, Микенахъ и Тиринеѣ.—**76.**—Смѣсь: „Мусульманская легенда" о сотвореніи человѣка.—**77. *Т.*** М. Зміевъ. (корресп.): Вечерушки крестьянской молодежи.

Черниговскія Г. В. 1891,—4. Новозыбковъ (корресп.). Сообщеніе о разрытіи нѣсколькихъ кургановъ, въ которыхъ найдено много угля и золы, что указываетъ на обычай трупосожженія.—**14.** *Ник. Вѣляшевскій*: Святыя Руины. Нѣсколько данныхъ изъ исторіи (велико-княжеской) с. Старогородки, древняго „Городца Остерскаго".

Южный Край. 1891.—3436. „Новый годъ въ старое время".—**3437.** Объ умилостивленіи китайцами злого духа „Гуй-цза" въ канунъ новаго года.—**3438** Капитанъ *Прастъ.* Ожиданіе С. Америк. Индѣйцами второго пришествія I.

Христа. Легенда о явленіи Его двумъ краснокожимъ воинамъ. (С. Петерб. Вѣд.). —**3439**. Люблинъ (Корресп.). Суевѣрное представленіе жителей мѣстности Модлибожице о цѣлебной силѣ лѣкарствъ, въ составъ которыхъ входятъ голова, руки и ноги еврея—покойника. (Моск. Лист.) —**3440**. „Крещенскія святки". Гаданія дѣвушекъ „по звѣздамъ". Цѣлебная сила снѣга, собраннаго со стоговъ.— День Богоявленія въ древней Руси.—**3443**. Челнокъ съ оо. Фиджи.—Д-ръ Фелькинъ у короля Уганды Мшезы. (Смѣсь).—**3447**. Иркутскъ (корресп.). О продажѣ дѣтей - дѣвочекъ.—**3451**. *Н. Н. Балабуха*. Письма о Слободской Украйнѣ. I. Когда и какъ населялась Слободская Украйна. Древніе казачьи города. Время возникновенія Сумъ, ихъ прошлое и настоящее.—Смѣсь. Способъ дѣвушекъ Галатіи заставлять своихъ возлюбленныхъ брать ихъ замужъ (ожиданіемъ разсвѣта у ихъ дверей).—**3454**. *Рудольфъ Шмидтъ*. „Тайны ночи". Финская народная сага.—**3455**. *Н. Н. Балабуха*. Письма о Слободской Украйнѣ. II. Г. Сумы, его прошлое и настоящее. Сумскій казачій поселенный полкъ и его участіе въ исторіи Слободской Украйны. Царь Петръ въ Сумахъ. Шведская война.— Вильно (корресп.). Фактъ погребенія живой женщины, ярко рисующій суевѣріе населенія. (Вил. Вѣстн.).—**3457**. Черниговская губ. (корресп.). Сообщеніе о разрытіи кургановъ въ окрестностяхъ г. Новозыбкова, съ признаками трупосожженія.— **3463**. *Н. Н. Балабуха*. Письма о Слободской Украйнѣ. III. Бѣлгородъ. Историческое прошлое его.—**3464**. *Д. И. Эварницкій*. „Вольности запорожскихъ казаковъ". (Библіограф. зам.).—**3469**. *Н. Н. Балабуха*. Письма о Слоб. Украйнѣ. IV. Сѣверозападный уголокъ Сумского уѣзда. Городъ Бѣлополье, Виры и другія древнія поселенія. Прошлое и настоящее этой части уѣзда.—**3472**. *Н. Н. Балабуха*. Тоже: V. Сѣверная часть Сумскаго уѣзда. Данныя о ея прошломъ и настоящемъ. Выѣздъ изъ Сумъ. Села: Бассы, Верхняя и Нижняя Сыроватки.—**3477**. *А. Дыгасинскій*. Прошеніе польскихъ эмигрантовъ, рисующее ихъ бытъ въ Бразиліи. (Варш. Дн.).—Смѣсь: Портретъ стараго вождя племени ирокезовъ, Тома Старра.—**3478**. *Н. Н. Балабуха*. Письма о Слоб Украйнѣ. VI. Окончаніе описанія Сумскаго уѣзда. Село Бездринъ: его преданія. Пасхальная ночь на Украйнѣ. Народные обычаи.—**3483**. *Н. Н. Балабуха*. Тоже: VII. Ахтырскій уѣздъ. Г. Ахтырка. Происхожденіе и время основанія его.—**3485**. Тоже. VIII. Ахтырка. Преданіе рода графовъ Паниныхъ. Участіе Ахтырскаго полка въ войнахъ казацко-татарскихъ и въ борьбѣ Петра I съ Карломъ XII, равно дальнѣйшая его судьба.—**3489**. *Б. И. Куракинъ*. „Исторія о Царѣ Петрѣ Алексѣевичѣ". (Архивъ князя Куракина). Утвержденіе православія на Волыни.—**3490**. Масляница въ древней Руси. Колодка или „Колодій". Маски. Карнавалъ въ Римѣ. Карнавалъ въ нынѣшнемъ году.—Смѣсь: потомки ацтековъ въ берлинскомъ Паноптикумѣ.—**3493**. *Павелъ Чугуевецъ*. Поэзія масляницы на Украйнѣ.—**3499**. *Н. Н. Балабуха*. Письма о Слоб. Украйнѣ. IX. Бывшій городъ Котельва; его исторія. Слободы: Бѣлка, Хухра, Скельское и Бѣльское городища. Общій взглядъ на эту часть Ахтырскаго уѣзда.—"Голоданіе переселенцевъ въ Кокчетавскомъ уѣздѣ". О положеніи русскихъ переселенцевъ въ Сибири. (Сибир. Вѣстн.).

Ярославскія Г. В 1891.—**2**, 6, 28. *А. Архангельскій*. Пѣсни и причеты Дмитревскаго прихода, Пошехонскаго уѣзда, Яросл. губ.—**4**. Приложенія къ статьѣ *С. Я. Дерунова*. Село Козьмодемьянское Щетинской волости, Пошех. у. Мѣстныя народныя сказки.—**5**. Тоже (прод.): сказка о двухъ хитрушкахъ.—**7**. **11**, **13**, **16**, **17**, **21**, **27**. Тоже: Пѣсни и причитанья.—**19**. *А. Князевъ*. Праздники и ихъ препровожденіе въ Рыбинскомъ уѣздѣ.

Указатель этнографическихъ статей и замѣтокъ, содержащихся въ сибирскихъ изданіяхъ отъ начала ихъ существованія.

Сост. А. А. Ивановскій.

Библіотека:

ученая, экономическая, нравоучительная, историческая и увеселительная въ пользу и удовольствіе всякаго званія читателей. Печатано съ указнаго дозволенія въ Тобольскѣ, въ Типографіи у В. Корнильева [1]).

1793 г.—**I—V**. Краткое повѣствованіе о происхожденіи художествъ: человѣческое одѣяніе, художество тканія, шелкъ, крашеніе, разные образцы и покрои одеждъ, архитектура или зодчество, земледѣліе, медицина, мореплаваніе, писаніе, дѣланіе стекла, глиняная посуда, верховая ѣзда, звѣриная и рыбная ловля, плавленіе металловъ.—**II**. О Алкоранѣ.—**II, IV**. Описаніе брачныхъ обрядовъ нѣкоторыхъ народовъ: у Галловъ, Гвебровъ, послѣдователей Сабеизма (секта въ Персіи), Персіянъ, Индѣйцевъ, Наировъ (Каликутскихъ дворянъ), въ Гренландіи, Исландіи, Мал. Бухаріи, Сіамѣ, на Филиппинскихъ о—вахъ, въ королевствахъ Юндскомъ и Ардрасскомъ (въ Африкѣ), на берегахъ Ориноко, на о—вѣ Цейлонѣ, Формозѣ, въ Лаоскомъ королевствѣ, въ Конго и на о-вѣ Таити. **IV**. Понятіе Американцевъ о будущей жизни (о Марратонѣ, видѣвшемъ міръ духовъ).—**V**. Гюльпа и Шалюмъ,—китайская сказка.

1794 г.—**VII**. О играхъ древнихъ народовъ (Олимпійскія, Писійскія, Немейскія и Истмійскія).

Владивостокъ [2]).

1883 г.—**1, 3, 5**. Изслѣдованія Ив. Сем. Полякова на о—вѣ Сахалинѣ.—**9**. Дикіе на Формозѣ (о путешествіи Ханкока изъ „Jap и Daily Herald").—**23**. Долина Сучана.—**29—32, 36**. По поводу колонизаціи Уссурійскаго края.—**36**. Звѣриный промыселъ въ Камчаткѣ.

884 г.—**1**. Поѣздка въ корейскую деревню Тяпигау.—**5**. *Мисс. Ф. Типцовъ*. Нѣсколько словъ о корейцахъ и ихъ хлѣбопашествѣ.—**9**. *Мисс. Ф. Типцовъ*. Успѣхи православной миссіи среди корейцевъ.—**16, 20**. *М. Ироновъ*. Къ вопросу о колонизаціи Южно-Уссурійскаго края.—**17**. Наши сношенія съ корейцами.—**29**. Изъ записокъ миссіонера (о корейцахъ, гилякахъ, гольдахъ, тунгусахъ, якутахъ, орочонахъ, чукчахъ, корякахъ и самогирцахъ) —**39, 40**. Китайцы и Амурскій край.—**44—46**. Сѣверно-Уссурійскій край (о китайцахъ, гольдахъ и орочонахъ).

1885 г.—**2**. Новый годъ въ Китаѣ.—**2, 4, 5**. Взглядъ на колонизацію Южно-Уссурійскаго края.—**7—9** О корейцахъ.—**17**. *В. П. Маргариновъ*. Кухонные остатки, найденные на берегу Амурскаго зал., близь устья рѣчки Седими.—**34—36, 38, 44**. Поземельный вопросъ въ Приамурскомъ краѣ.

1886 г.—**4—8, 10**. Инородческое населеніе Уссурійской страны (манзы, гольды, орочоны и корейцы).—**19**. *Миронъ Тугаринъ*. О мѣстныхъ корейцахъ.—**34—36**. О положеніи Зейскаго населенія.

1887 г.—**5**. Экономич. застой въ Нерчинскомъ краѣ.—**11**. *С. Люсьенъ*. Освященіе новой кумирни въ г. Хунчунѣ.—**32—38, 40, 41, 44—48**. *П. Першинъ*. По Амуру.—**37, 38**. *П. Першинъ* Нѣсколько дней на берегу Кореи.—**39**. Наши отношенія къ сосѣдямъ (по поводу ст. Н. Матюнина: „Наши сосѣди на крайнемъ Востокѣ" въ „Вѣстн. Евр." 1887 г. № 7).—**45**. Корея,—пут. замѣтки.—**48—52**. Рабочій вопросъ и колонизація въ Приамурскомъ краѣ.

1888 г.—**10**. По поводу лекціи г. Буссе: „О древностяхъ, находимыхъ по берегамъ р. р. Улу, Улахэ и Даубихэ."—**24**. Наша сосѣдка Корея.—**25**. Наши

---

[1]) Издавалась въ 1793 и 1794 гг.; вышло XII частей.

[2]) Издается въ г. Владивостокѣ съ 17 апрѣля 1883 г.

сѣв.-вост. окраины и американцы.—**31, 32, 35.** *Ф. Гекъ.* Отъ Владивостока до мыса Наваринъ.—**33.** Роль и значеніе общества изученія Амур. края.—**35.** Къ вопросу о составленіи біографіи И. С. Полякова.—**36, 37.** *Ф. Гекъ.* Отъ мыса Наваринъ къ мысу Сердце—Камень и обратно въ Владивостокъ (продолж.; см. №№ 31, 32 и 35).—**39.** *Ф. Гекъ.* Положеніе чукчей и китобойный промыселъ **51, 52** *В. К—въ.* Поѣздка въ Хуньчунъ.

Восточное Поморье [1]).

1865 г.—3, 4. Краткій обзоръ дѣйствій Амурской К° за 7 лѣтъ ея существованія на Амурѣ (манджуры, гиляки).—**10.** Извѣстіе изъ Гижиги (чукчи и коряки).—**12.** О тресковомъ промыслѣ.—**13—15.** *Бровцынъ.* О рыбномъ промыслѣ около Николаевска.—**17, 18, 21.** Изъ поѣздки на р. Амгунь акад. Мейера въ 1857 г.—**18.** О жень-шенѣ.—**20.** *Н. Бочаровъ.* Нѣсколько словъ объ Удскомъ краѣ.—**27.** *Іером. Николай.* Число народонаселенія въ Японіи.

1866 г.—1, 3, 5. Вліяніе Николаевскаго климата и пищи на человѣка.—**2—4.** Изъ поѣздки въ Анадырскъ въ 1860 г.—**5—9.** *В. Линдгольмъ.* Замѣтки объ Охотскомъ морѣ.—**12.** Нѣсколько словъ о населеніяхъ Амурской обл.—**13.** Объ языкахъ страны, пройденной пограничною коммиссіею въ 1861 г., и въ частности объ языкѣ китайскомъ.— Мѣстонахожденіе каменныхъ орудій въ 10 вер. отъ Николаевска по дорогѣ къ м. Чнырахъ, на р. Латха.—Шаманство у гилякъ.—**21, 22.** Корейская свадьба.—**21—23.** Обзоръ мѣстности о—ва Сахалина.—**24.** Кембанъ (объ японскихъ играхъ).

Енисейскія Губернскія Вѣдомости [2]).

1858 г.—43—45, 47. *М. Кривошапкинъ.* О причинахъ цынги въ Енисейскомъ окр.: 1) жизнь остяковъ, 2) жизнь тунгусовъ и самоѣди, 3) жизнь русскихъ отъ Енисейска къ морю и 5) г. Енисейскъ.—**48, 49.** *Князь Н. Костровъ.* Бельтиры (см. IV кн. „Запис. Зап.-Сиб. Огд. И. Р. Г. О.").

1859,—11—13, 15, 16, 20—27. *Кн. Костровъ.* Замѣтки о минусинскихъ инородцахъ и обитаемой ими мѣстности (татары, качинцы, сагайцы, койбалы).—**30.** *Кн. Костровъ.* Пѣсни минусинскихъ татаръ.—**37.** *И. Кирпевъ.* Объ измѣреніи времени у древнихъ народовъ (изъ популяр. астрономіи Араго).—**43.** *Кн. Костровъ.* Тесинская пещера (въ Минусин. окр.).—**45.** *Кн. Костровъ.* „Страна мраковъ" араб. путешественника Ибнъ-Батуты.—**46—52.** *М. Кривошапкинъ.* Изъ статист. описанія Енисейскаго окр.: остяки, происхожденіе ихъ, историч. данныя, ихъ настоящее.

1860 г.—1—4, 22—34, 36—51. *М. Ѳ. Кривошапкинъ.* Изъ статист. описанія Енисейскаго окр. (продолж.): тунгусы, самоѣдь, якуты (интересныя данныя о звѣропромышленности).—**19. 20.** *Кн. Костровъ.* День рожденія у древнихъ Римлянъ.—**35.** *Кн. Костровъ.* Очеркъ Шушенской вол. Минусинскаго окр.—**42.** *Кн. Костровъ.* Чешскія пѣсни.

1861 г.—2, 3, 6, 8—15, 19—24. *М. Кривошапкинъ.* Статистич. описаніе Енисейскаго окр. (продолж., см. 1859 и 1860 гг.).

1866 г.—36. Нѣсколько словъ о самозванныхъ лѣкаряхъ и лѣкаркахъ (знахари и знахарки).

1867 г.—5. *Свящ. П. Исполатовскій.* Предразсудки, какъ зло для здоровья и хозяйства (изъ „Тр. И. Вол.-Экон. Общ.").—**45.** Китайское земледѣліе (изъ „Симб. Г. В.").

1868 г.—14. Нѣсколько словъ о невѣжествѣ и предразсудкахъ, обусловливающихъ иногда жестокое обращеніе съ животными.

1871 г.—24. Погребеніе у мусульманъ въ Тифлисѣ (изъ „Вилен. Вѣстн.").—**25.** Народные киргизскіе обычаи (похороны) —**42—44.** О народныхъ обычаяхъ:

---

[1]) Издавалось въ Николаевѣ на Амурѣ (съ 5-го іюня 1865 г.), подъ ред. Ѳ. Якимова; закончилось изданіе 24-мъ № 1866 г.

[2]) Издаются въ Красноярскѣ съ 2-го іюля 1857 года. За 1857, 1862—1865, 69, 1870, 1872—1884, 1886—1888 г.г. этнографич. статей нѣтъ.

семейная жизнь въ Зарайскомъ у. Рязан. г., крестины, свадьба, похороны, болѣзни и повѣрья (изъ „Рязан. Губ. Вѣд.“).

1885 г.—39, 41—43. *А. К. Завадскій-Краснопольскій.* Очеркъ Енисейской губ. (геогр., этногр. и статист.).

Енисейскія Епархіальныя Вѣдомости *).

1884 г.—7. *Мисс. Сусловъ.* Поѣздка къ озеру Ессею въ Туруханскомъ краѣ, Енисейской губ. (объ якутахъ и тунгусахъ).—**13, 15, 19—21.** Путевой журналъ священника-миссіонера Мих. Суслова при поѣздкѣ къ озеру Ессею.—**13, 14, 18.** *П. Ѳ. Т.* Листки изъ записной книжки, веденной при архипастырскомъ обозрѣніи инородческихъ приходовъ Ачинскаго и Минусинскаго округовъ: 1) встрѣча съ шаманомъ; 2) нѣчто о шайтанахъ и 3) инородческіе улусы по берегамъ р. Чулыма.—**18.** Нѣсколько словъ объ инородцахъ (татарахъ) Кизыльской степной думы.—**21.** *Свящ. П. Суховскій.* Остатки языческой обрядности у кивинскихъ инородцевъ.

1885 г.—1, 5, 9, 12, 16, 19, 20. *Свящ. Н. Путиловъ.* Усинскій край.—**3.** *Свящ. Мих. Солодчинъ.* Къ статьѣ „Усинскій край.“—**7.** *Свящ. Путиловъ.* Отвѣтъ на замѣтку объ Усинскомъ краѣ.—**17.** *Свящ. Путиловъ.* Шаманы въ роли врачей.—**23.** *Свящ. Орфеевъ.* Брачные обычаи инородцевъ Минусинскаго окр.—**24.** *Свящ. Орфеевъ.* Суевѣріе простолюдина во время чумы рогатаго скота (опахиваніе села дѣвками).

1886 г.—1. *Свящ. Н. Орфеевъ.* Шаманство у инородцевъ Минусинскаго окр.—**3.** *Свящ. Н. Орфеевъ.* Суевѣрія и предразсудки инородцевъ Минусинскаго окр.—**4—8.** *Свящ. М. Сусловъ.* Поѣздка къ устью р. Енисея, на мѣста рыбной ловли при р. Гольчихѣ (о самоѣдахъ).—**8.** *Свящ. Н. Орфеевъ.* Поминки у инородцевъ Минусинскаго окр.—**11, 12, 14, 15.** *Свящ. Ник. Путиловъ.* Урянхаи или сойоты.

1887 г.—7, 8, 11. *Свящ. Ник. Путиловъ.* Урянхаи или сойоты.—**12.** *Свящ. Н. Орфеевъ*, Занятіе, жилище и пища инородцевъ Минусинскаго окр.—**15, 16.** *Свящ. Н. Орфеевъ.* Матеріалы для изученія инородческихъ вѣроученій: мѣсто обитанія душъ умершихъ людей—подземное царство; духи, управляющіе имъ, и наказанія грѣшниковъ, по сказаніямъ минусинскихъ инородцевъ (между прочимъ, о людоѣдѣ Талай-ханѣ и о дочери Изитъ-хана, превращавшейся въ „черную лисицу“).—**16.** *Свящ. Н. Орфеевъ.* Умственная пища инородцевъ Минусинскаго окр. (богатыр. поэмы; подвиги богатырей съ младенческаго возраста; богатыр. кони).—**17.** *Свящ. Н. Орфеевъ.* Бытъ минусинскихъ инородцевъ, какимъ онъ изображается въ ихъ поэмахъ (татар. поэма о князьяхъ, жившихъ на Абаканѣ и Енисеѣ).—**21.** *М. Александровъ.* Къ характеристикѣ религіозныхъ вѣрованій самоѣдовъ язычниковъ и ихъ быта (по ихъ сказкамъ и пѣснямъ).

1888 г.—1—4, 6. *М. Александровъ.* Къ характеристикѣ религіозныхъ вѣрованій самоѣдовъ-язычниковъ и ихъ быта (оконч.): сказки: 1) о Богѣ, принявшемъ видъ человѣка; 2) Итя (о людоѣдѣ Пинегуссе); 3) о самоѣдѣ, убившемъ, по совѣту куропатокъ, свою жену въ надеждѣ разбогатѣть; 4) споръ изъ-за первенства двухъ татибеевъ (шамановъ); 5) о семи дѣвушкахъ, прилетающихъ съ неба на землю, о душѣ человѣческой и о переселеніи нѣкоторыхъ людей на небо; 6) объ одноногомъ, однорукомъ и одноглазомъ старикѣ (здѣсь-же—вѣщій сонъ, оживленіе мертвыхъ и превращеніе людей въ камни); 7) эпическая пѣсня о богатырѣ Катъ Манъ-Пучѣ (о похищеніи невѣсты и о войнѣ, возгорѣвшейся по этому поводу между богатыремъ и братомъ невѣсты и другимъ женихомъ, „низовскимъ богатыремъ“, пришедшимъ съ войскомъ мстить Катъ Манъ-Пучу).—**7—9, 12—18.** *М. Александровъ.* О религіозномъ міросозерцаніи минусинскихъ инородцевъ.—**11.** *Свящ. Н. Орфеевъ.* Преданія о курганахъ у инородцевъ Минусинскаго окр. (сказанія о богатыряхъ-великанахъ и людяхъ, обращенныхъ въ „каменныя бабы“).

---

*) Издаются въ г. Красноярскѣ съ 1 февраля 1884 года.

СМѢСЬ.

Отголоски Рустеміады у Курдовъ

Въ моей статьѣ „Отголоски иранскихъ сказаній на Кавказѣ" *) я разсмотрѣлъ нѣкоторые наиболѣе популярные эпизоды изъ похожденій Рустема, извѣстные Грузинамъ, Сванетамъ, Пшавамъ и Осетинамъ. Къ такимъ эпизодамъ относится бой Рустема съ сыномъ и освобожденіе Рустемомъ Бижена (Бежана) .Не меньшей популярностью въ Иранѣ и за его предѣлами пользуется борьба Рустема съ *дивами*, особенно съ *Бѣлымъ* дивомъ, предпринятая имъ въ Мазендеранѣ съ цѣлью освободить изъ плѣна персидскаго царя Кейкауса. Отголости нѣкоторыхъ эпизодовъ мазендеранскихъ похожденій персидскаго національнаго пехлевана сохранились въ одной обширной курдской сказкѣ, напечатанной въ курманджійскомъ текстѣ съ русскимъ переводомъ г. Егіазаровымъ во 2-мъ выпускѣ XIII книжки„ Записокъ Кавказскаго Отдѣла И. Р. Геогр. Общества". Сказка, озаглавленная „Махмудъ-охотникъ, Озманъ-богатырь и Асадъ-воитель", содержитъ среди обычныхъ сказочныхъ похожденій трехъ братьевъ(напр. борьба съ разными *дивами* съ цѣлью освобожденія похищенныхъ ими красавицъ) одинъ эпизодъ, живо напоминающій похожденіе Рустема съ Ауладомъ.

Озманъ-богатырь во время своихъ странствованій доѣхалъ до одного луга и слѣзъ съ своего коня. Когда онъ сталъ привязывать свою лошадь, то замѣтилъ группу всадниковъ. Послѣдніе, подъѣхавъ къ нему, сказали: „О безумный всадникъ! развѣ ты не слыхалъ, что даже птицы не пролетаютъ отъ страха надъ этимъ лугомъ, который принадлежитъ Зоръ-Асланъ-беку". Озманъ просилъ ихъ оставить его въ покоѣ, но они потребовали, чтобъ онъ явился къ ихъ властителю, и хотѣли его схватить. Тогда богатырь, обнаживъ мечь, однихъ ранилъ, другихъ убилъ, а остальные бѣжали и разсказали Зоръ-Аслану о случившемся. Разгнѣванный властитель пріѣхалъ на лугъ, разразился угрозами противъ Озмана и потребовалъ, чтобъ онъ поцѣловалъ его стремя и сталъ его слугой. Озманъ отвѣчаетъ ему угрозами, и оба богатыря вступаютъ въ бой. Зоръ-Асланъ уже хотѣлъ было нанести Озману ударъ мечемъ, но тотъ схватилъ его за руку, вырвалъ у него мечъ, поднялъ его съ сѣдла, бросилъ на землю и *связалъ* ему руки и ноги. Зоръ-Асланъ молитъ о пощадѣ и обѣщаетъ съ своими слугами служить Озману. Дѣйствительно, онъ сообщаетъ ему о красномъ дивѣ, похитившемъ дочь у китайскаго царя Шаха Исмаила, и показываетъ къ нему дорогу. Озманъ побѣдилъ дива, отрубилъ ему голову, освободилъ царевну и привезъ ее въ городъ къ ея отцу. Царь выдалъ дочь за Озмана, а Зоръ-Аслана назначилъ *намѣстникомъ одной провинціи*. (Стр. 91—97 отд. оттиска).

Сравнимъ съ приведеннымъ эпизодомъ то, что разсказываетъ Фирдоуси о Рустемѣ и Ауладѣ.

Отправившись въ Мазендеранъ, страну дивовъ, съ цѣлью освобожденія Кейкауса, Рустемъ достигаетъ красивой мѣстности, гдѣ рѣшается отдохнуть. Разнуздавъ коня (Ракша), онъ приготовилъ себѣ на землѣ ложе изъ травы. Въ это время сторожъ поляны прибѣгаетъ съ крикомъ, ударяетъ Рустема палкой по ногамъ и ругаетъ его. Рустемъ вскочилъ и оборвалъ сторожу уши. Тотъ побѣжалъ къ властителю этой области, молодому богатырю Ауланду, который въ то время охотился въ лѣсу съ своей свитой, и сообщилъ ему о поступкѣ чужестранца. Разгнѣванный Ауладъ поскакалъ къ Рустему за объясненіемъ и съ угрозами спрашиваетъ его имя. Рустемъ отвѣчаетъ такими же угрозами и вступаетъ въ бой со всей дружиной Аулада. Онъ многихъ убилъ, многихъ ранилъ и обратилъ въ бѣгство всю дружину, настигъ Аулада и, набросивъ на него арканъ, стащилъ его съ коня на землю. Затѣмъ онъ *связалъ* ему руки, объявилъ

*) Этн. Обозр. Кн. II, стр. 1—36.

его своимъ плѣнникомъ, впрочемъ обѣщалъ ему не только пощаду, но и корону Мазендерана, если онъ будетъ служить ему вѣрнымъ проводникомъ въ странѣ *дивовъ*. Дѣйствительно, Аулядъ оказался вѣрнымъ проводникомъ: онъ сопровождалъ Рустема во время его битвъ съ дивомъ Арзенгомъ, съ Бѣлымъ дивомъ, съ царемъ Мазендеранскимъ, предупреждая его о предстоящихъ встрѣчахъ, и за это былъ Рустемомъ награжденъ по заслугамъ. Когда послѣдній, окончивъ свои подвиги, освободилъ царя Кейкауса, то просилъ его, чтобъ онъ *назначилъ* Аулада царемъ Мазендерана Кейкаусъ исполнилъ желаніе Рустема.(См. Mohl Livre des rois. I, pp. 415—418, 418).

Сходство разсмотрѣннаго эпизода курдской сказки съ эпизодомъ Рустеміады на столько близко въ общемъ и въ нѣкоторыхъ частностяхъ, что въ заимствованіи курдами этого сюжета у персовъ едва ли можетъ быть сомнѣніе. Замѣчу кстати, что въ той же курдской сказкѣ встрѣчается птица Рокъ, соотвѣтствующая персидскому Симургу, покровителю Рустема (стр. 89), и Бѣлый дивъ (Deve Spi=перс. Deve Sefid)—самый страшный противникъ персидскаго Рустема. (стр. 98). *В. М.*

Новые варіанты сюжета о Полифемѣ (одноглазѣ) *).

а) *Киргизскіе разсказы.*

На восьмомъ археологическомъ съѣздѣ, происходившемъ въ Москвѣ 8—24 января 1890 года, между разными другими сообщеніями, докладъ В. Ѳ. Миллера былъ посвященъ выясненію кавказскихъ народныхъ сказаній о циклопахъ **). „Сообщеніе проф. Миллера,—сказано въ одномъ отчетѣ о засѣданіяхъ съѣзда,—было добавлено весьма интересными указаніями И. Н. Смирнова на подобные же варіанты, сохранившіеся въ вотскомъ эпосѣ: одноглазый и однорогій великанъ, Палэсъ-муртъ, расщепливаетъ дерево и защемляетъ свою руку, по предложенію „Прошлаго года“. Учеремисъ тоже есть сказанія о богатыряхъ, которые прячутъ людей въ карманы“ ***).

Считаю съ своей стороны не лишнимъ передать содержаніе двухъ киргизскихъ разсказовъ на тему объ одноглазомъ циклопѣ, еще неизвѣстныхъ въ литературѣ.

Въ народныхъ киргизскихъ разсказахъ до сихъ поръ упоминаются разныя демоническія существа, вѣра въ которыя представляетъ собою остатокъ древней (шаманской) старины. Съ полною увѣренностью въ дѣйствительности существованія такихъ существъ и съ видимымъ страхомъ передъ ними, киргизы разсказываютъ о разныхъ встрѣчахъ своихъ съ *албасты*, *жезъ-тырнакъ*, *уббе*, *жалмаузъ-кемпиръ*, *кюлдыгышъ* и другими подобными существами. Разсказы объ этихъ существахъ до сихъ поръ еще не приведены въ извѣстность; только недавно Г. Миропіевъ напечаталъ въ запискахъ Императ. Русск. Геогр. Общества (т. X, вып. 3, С.-ПБ. 1888 г.) 27 разсказовъ киргизъ о разныхъ демоническихъ существахъ. Въ этихъ разсказахъ (№№ 10, 11 и 12) упоминаются *жезъ-тырнаки*, особыя человѣкообразныя существа съ мѣдными когтями на рукахъ. Они живутъ на землѣ и рождаютъ дѣтей, а отъ кого—неизвѣстно. Повидимому, они ищутъ встрѣчъ съ мужчинами, и всякій разъ стараются обольстить ихъ и умертвить своими когтями. Въ чемъ кроется такая необъяснимая вражда жезъ-тыр-

---

*) См. выше, стр. 102.

**) Докладъ напечатанъ въ „Этнограф. Обозрѣніи“, кн. IV; краткое изложеніе его см. въ отчетахъ о съѣздѣ, напр. „Занятія VIII Арх. Съѣзда“ (брош., напеч. по распоряж. Моск. Арх Общ, стр. 135); „Журн. Мин. Нар. Просв.“, май 1890 г.

***) „Журн. Мин. Нар. Просв.“ 1890, май. Современ. лѣтопись: „Восьмой археологическій съѣздъ“, стр. 40—41.

наковъ къ людямъ, изъ напечатанныхъ разсказовъ не видно, и намъ не удалось выяснить это. Обыкновенно они встрѣчаются съ мужчинами гдѣ-нибудь вдали отъ человѣческаго жилья, въ глухой степи, притомъ ночью. Запоздаетъ ли охотникъ въ степи, или путешественникъ расположится ночевать вдали отъ человѣческаго жилья, жезь-тырнакъ принимаетъ видъ молодой красивой женщины, подходитъ къ расположившемуся около разведеннаго костра киргизу и, желая соблазнить его на предстоящую ночь, пристально смотритъ ему въ глаза, а кисти своихъ рукъ тщательно скрываетъ въ рукавахъ своей одежды. Откушавъ пищи съ обольщаемымъ путникомъ, жезь-тырнакъ уходитъ отъ него до наступленія утренней зари. Но смѣтливый киргизъ догадывается, что соблазнительница—никто другой, какъ жезь-тырнакъ и потому пользуется ея уходомъ, кладетъ на мѣсто предназначенное для сна обрубокъ дерева или камень, прикрываетъ его своей одеждой, а самъ отходитъ въ сторону; если же встрѣча произойдетъ близъ дерева, то киргизъ укрывается на деревѣ и поджидаетъ прихода опасной прелестницы. При наступленіи зари, жезь-тырнакъ приходитъ и, принявъ закрытый одеждою чурбанъ за спящаго киргиза, бросается на этотъ чурбанъ, пронзаетъ его своими мѣдными когтями и такъ крѣпко запускаетъ ихъ въ предполагаемаго мужчину, что ужъ бываетъ не въ состояніи высвободить ихъ. А подстерегающій жезь-тырнака охотникъ стрѣляетъ тогда по ней и обрѣзаетъ кисти ея рукъ съ мѣдными когтями, которыя забираетъ съ собой домой.

Вотъ обыкновенная фабула киргизскихъ разсказовъ о жезь-тырнакахъ. Объясненіе появленія ихъ на свѣтѣ и ихъ вражды къ мужчинамъ должны составлять задачу мѣстной этнографіи. Нужно предполагать, что въ отдаленномъ прошедшемъ у жезь-тырнаковъ были какія-нибудь близкія отношенія къ людямъ: самый наружный видъ этихъ существъ ясно указываетъ на то, что они близки къ человѣку. Намъ, впрочемъ, приходилось слышать, что жезь-тырнаки имѣютъ туловище человѣка, голову собаки, мѣдныя когти на рукахъ и козьи копыта на ногахъ; когда жезь-тырнаки хотятъ обольстить человѣка, то принимаютъ видъ молодой красивой женщины, у которой мѣдные когти всегда наготовѣ и позвякиваютъ, когда она идетъ.

Въ какихъ отношеніяхъ находятся жезь-тырнаки къ одноглазому циклопу, о которомъ будетъ сейчасъ рѣчь, намъ не удалось хорошо уяснить себѣ. Изъ записаннаго г. Миропіевымъ разсказа (№ 12) видно, что одноглазый жилъ въ аулѣ и имѣлъ сына, котораго утащилъ у него медвѣдь. Одноглазый отецъ, по совѣту баксы, три года бродилъ по разнымъ мѣстамъ и въ поискахъ за сыномъ встрѣтился разъ съ барантачами и остановился съ ними ночевать въ степи. Когда ночью подошла къ нимъ неизвѣстная молодушка, то одноглазый тотчасъ же догадался, что это жезь-тырнакъ, и совѣтовалъ своимъ товарищамъ бѣжать съ этого мѣста, боясь, что жезь-тырнакъ умертвитъ ихъ всѣхъ. Но рѣшившись ночевать въ степи, одноглазый принялъ мѣры предосторожности: онъ наложилъ камней и накрылъ ихъ одеждой, а самъ со своими спутниками спрятался. Въ полночь пришла жезь-тырнакъ и начала искать одноглазаго. Подошедши къ камню, покрытому одеждой, она бросилась на этотъ камень, впустила въ него свои мѣдные когти и завязила ихъ. Тогда спрятавшіеся юноши—барантачи выстрѣлили въ нее и убили ее, а одноглазый раздѣлилъ между спутниками золото, которое оказалось на тѣлѣ жезь-тырнака.

Мнѣ привелось слышать разсказъ, въ которомъ также упоминается жезь-тырнакъ и одноглазый; подробности этого разсказа представляютъ тотъ особенный интересъ, что напоминаютъ собой весьма художественный разсказъ Гомера о встрѣчѣ Одиссея съ циклопомъ Полифемомъ (Одисс. п. IX). Привожу этотъ разсказъ въ томъ видѣ, какъ онъ записанъ мною со словъ Утюгуна Малдыбаева, киргиза Шаръ-бахтынской вол. Лепсинскаго уѣз., аула № 10: „За Лепсой въ горахъ Чибинды жилъ—былъ киргизъ охотникъ; звали его Буранъ-батырь *).

*) Это имя ясно указываетъ на стихійную природу богатыря. „Бураномъ“, какъ извѣстно, называется у киргизъ сильный вертящійся вѣтеръ, поднимающій съ земли столбы снѣга. *Авт.*

Каждый годъ, съ наступленіемъ весны, онъ забиралъ съ собой ружье (?) и уходилъ на охоту въ самыя отдаленныя и глухія мѣста въ горахъ и возвращался къ женѣ своей уже глубокою осенью, когда наступали холода. Однажды онъ замѣтилъ въ горахъ самку марала (оленя) и застрѣлилъ ее. Около убитой самки оказался только что родившійся теленокъ, который всталъ на ноги и ушелъ въ лѣсъ. Тогда Буранъ-батырь снялъ съ убитаго животнаго шкуру, разрѣзалъ мясо его на части, развелъ костеръ и сталъ жарить мясо на вертелѣ. Вдругъ на вершинѣ горы показалась красивая молодая женщина и закричала, что корова убита. Буранъ-батырь, услышавъ этотъ неожиданный голосъ въ такомъ дикомъ пустынномъ мѣстѣ, удивился. Когда мясо изжарилось и онъ сѣлъ ѣсть его около костра (день клонился уже къ вечеру), подходитъ къ нему красивая молодая женщина и сѣла противъ охотника, поджавъ одно колѣно подъ себя. Буранъ-батырь не сводилъ глазъ съ женщины, а она съ него Когда охотникъ уже доѣдалъ мясо, то воткнулъ одинъ кусокъ на ножикъ и предложилъ незнакомой женщинѣ. Она взяла кусокъ рукой, тщательно прикрытой рукавомъ одежды. Когда Буранъ сталъ глодать кости, она воскликнула: „Ахъ, алмазъ рѣжетъ алмазъ!“ (значеніе этого восклицанія мы не могли узнать отъ разсказчика). Покончивъ съ костями, Буранъ началъ вытирать руки о траву. Женщина увидѣла это и сказала: „сало саломъ обтираетъ!“ Послѣ этого она стала уходить отъ костра задомъ, т. е. не спуская глазъ съ охотника. Охотникъ подумалъ тогда, что это не простая женщина и, отрубивъ кусокъ дерева длиною и толщиною съ себя, положилъ его на приготовленную изъ травы постель и накрылъ своей одеждой, а самъ взлѣзъ на дерево съ ружьемъ и зорко слѣдилъ. Передъ разсвѣтомъ та самая женщина подошла къ постели сажени на три, а затѣмъ однимъ прыжкомъ бросилась на прикрытый одеждой отрубокъ дерева. Охотникъ услышалъ, какъ захрустѣло и затрещало дерево, и тотчасъ выстрѣлилъ въ женщину. Она подстрѣленная отпрыгнула и сказала: „не уйдешь ты, Буранъ, изъ нашихъ рукъ: кто-нибудь убьетъ тебя, либо отецъ мой, либо братъ, либо сестра,“ и умерла. Буранъ со страху не слѣзалъ съ дерева до наступленія утра. Когда разсвѣтало, онъ слѣзъ и подошелъ къ убитой. Оказалось, что у нея пальцы были мѣдные. По этому онъ догадался, что это была „джезь-тырнакъ“. Буранъ обрѣзалъ обѣ кисти ея рукъ, спряталъ ихъ въ карманъ и пошелъ. Въ другомъ мѣстѣ онъ убилъ брата этой женщины. Осенью онъ возвратился домой, прозимовалъ съ женой вмѣстѣ, а весной опять собрался на охоту; обрѣзанные мѣдные пальцы онъ спряталъ въ сундукъ, тайно отъ жены, и сундукъ заперъ. Теперь онъ пошелъ на охоту съ товарищемъ вдвоемъ. Когда они ходили опять по горамъ, то увидѣли одинъ разъ много разнаго скота и старика-пастуха съ палкой. Буранъ подошелъ къ незнакомому старику, который стоялъ опершись на свою палку и опустивъ голову. Когда они поздоровались со старикомъ и старикъ поднялъ голову, то оказалось, что онъ былъ съ однимъ глазомъ на лбу. Одноглазый старикъ спросилъ охотника, кто онъ? и когда узналъ, что это былъ Буранъ-батырь, старикъ сказалъ: „я давно васъ ждалъ, пойдемъ же ко мнѣ въ горы!“ Старикъ подвелъ ихъ къ горной пещерѣ, загналъ въ нее весь свой скотъ, и когда гости также вошли въ пещеру, одноглазый завалилъ входъ въ пещеру большимъ камнемъ. Ружья по приказанію старика они должны были оставить внѣ пещеры. Внутри перегородка отдѣляла помѣщеніе скота отъ помѣщенія самого старика. Расположившись на мѣстѣ, старикъ сказалъ своимъ гостямъ: „ну, теперь вы никуда не уйдете отъ меня; я лягу спать, а вы, по добровольному соглашенію, заколите одного изъ васъ и мясо его сварите въ этомъ котлѣ.“ Когда Буранъ-батырь зарѣзалъ своего товарища и положилъ его мясо въ котелъ, тогда одноглазый подалъ Бурану желѣзное остріе и сказалъ: „ты подкладывай огонь подъ котелъ, а самъ этимъ остріемъ пробуй мясо, и когда желѣзо покраснѣетъ, тогда ты разбуди меня.“ Мясо стало уже поспѣвать, а одноглазый заснулъ. Тогда Буранъ разжегъ до красна желѣзо на огнѣ и выкололъ единственный глазъ у старика, а самъ перепрыгнулъ черезъ перегородку и спрятался между животными. Одноглазый отъ боли проснулся и закричалъ: „ну, все равно, не уйдешь ты отъ меня, Буранъ! Завтра когда я стану выпускать изъ пещеры скотину, я

найду тебя!“ Но Буранъ выбралъ самаго большого козла, перерѣзалъ ему горло и, не отдѣляя головы и ногъ, снялъ шкуру и влѣзъ въ нее, такъ что голова, все туловище и копыта на ногахъ скрывали его обманъ. Утромъ старикъ отвалилъ камень отъ пещеры, сталъ при выходѣ и, пропуская каждое животное между своихъ ногъ, ощупывалъ его. И Буранъ въ козлиной шкурѣ благополучно прошелъ между ногъ старика и вышелъ наружу. Когда всѣ животныя вышли, старикъ закричалъ: „ты гдѣ же, Буранъ, выходи!“ Но Буранъ уже внѣ пещеры отвѣчалъ: „я уже здѣсь.“ Тогда старикъ съ отчаяніемъ воскликнулъ: „теперь я долженъ погибнуть, убей меня и возьми мой скотъ себѣ!“ Сказавъ это, старикъ подставилъ грудь свою Бурану. Буранъ выстрѣлилъ и убилъ старика, но скотъ его не взялъ, потому что это были все дикія неприрученныя животныя. Потомъ Буранъ возвратился домой По смерти одноглазаго старика, за скотомъ его никто болѣе не смотрѣлъ; разбрелись его животныя по горамъ и расплодились. Отъ нихъ-то и произошли разныя извѣстныя въ настоящее время дикія животныя: олени, куланы, архары и т. п.

И Буранъ батырь дожилъ наконецъ свой вѣкъ. Почувствовавъ приближеніе смерти, онъ разсказалъ окружавшимъ его людямъ всѣ свои приключенія и показалъ имъ мѣдные пальцы, отрѣзанные имъ въ разное время у жезь-тырнаковъ. Кромѣ того, своей дочери онъ сказалъ: „я убилъ мать, дочь и сына жезь-тырнаковъ, но мнѣ не удалось убить другую послѣднюю дочь, такъ ты берегись ея“. Что было потомъ съ дочерью Буранъ-батыря—неизвѣстно: записанный мною разсказъ заканчивается смертью Бурана.

Другой разсказъ объ одноглазомъ циклопѣ доставленъ мнѣ ученикомъ VI класса Ташкентской классической гимназіи, Аліемъ Кутебаровымъ, киргизомъ, уроженцемъ Перовскаго уѣзда Сыръ-Дарьинской области. Вотъ этотъ разсказъ въ русскомъ переводѣ.

„Въ давно прошедшія времена жилъ ханъ. Онъ имѣлъ привычку охотиться на дикихъ звѣрей со свитою изъ 40 человѣкъ. Однажды ханъ, въ сопровожденіи 40 своихъ приближенныхъ и многихъ другихъ подчиненныхъ ему людей, выѣхалъ въ степь съ цѣлью потѣшить себя охотою на дикихъ козъ. Съ самаго утра до часа пополудни бродилъ онъ по степи, не встрѣчая ни одного звѣря, только около двухъ часовъ на краю горизонта, между высокими горами, показался столбъ пыли, при видѣ котораго ханъ приказалъ одному изъ своихъ слугъ немедленно разузнать, что это за пыль. Будучи не въ силахъ отказаться отъ порученій хана, бѣдный слуга поскакалъ по указанному направленію. Не успѣлъ еще посланный отъѣхать на разстояніе одной версты, какъ начала выдѣляться изъ этой пыли фигура всадника. Въ рукахъ онъ держалъ лукъ, на поясѣ у него висѣла дорогая сабля изъ хорошо закаленной стали; стрѣлы имѣли 60 локтей въ длину, и ими былъ наполненъ весь колчанъ. Скачетъ онъ прямо къ ханскому посланному, прицѣливаясь выстрѣлить во что-то. Въ ту же минуту передъ всадникомъ показалась дикая коза, съ бѣлымъ туловищемъ и черною головою. Коза эта ростомъ была съ лошадь, а рога у нея были изъ чистаго золота. Человѣкъ, гнавшійся за козой, пускалъ въ нее стрѣлы, но онѣ не могли свалить козу съ ногъ, хотя и попадали въ нее. Какъ только увидѣлъ посланный хана, то сейчасъ же повернулъ лошадь назадъ и началъ погонять ее изо всѣхъ силъ. Не смотря на то, что лошадь летѣла какъ птица, ему не доскакать до хана раньше козы. Еще издали завидѣвъ передъ собой скачущаго человѣка, коза впала въ невольный страхъ и своротила въ гору. Было около трехъ часовъ. Всадникъ, который гнался за козой, прискакалъ къ хану вмѣстѣ съ его посланнымъ. Не теряя времени, посланный началъ разсказывать все, что видѣлъ, а незнакомый охотникъ подтвердилъ его слова. Выслушавъ обоихъ, ханъ приказалъ дать сигналъ. По этому сигналу собрались всѣ провожатые хана. Онъ передалъ имъ то, что ему разсказали, и приказалъ гнаться за дикой козой. Небольшой отрядъ всадниковъ, предводительствуемый ханомъ, поскакалъ за козой. Благодаря своей многочисленности, отрядъ хана черезъ нѣсколько времени окружаетъ козу между высокими горами. Видя, что быстрота ногъ не спасетъ ее, она спряталась въ глубокомъ ущельѣ. Тогда незнакомый охотникъ, первый гнав-

шійся за козой, по приказанію хана, сошелъ съ лошади и, держа въ рукахъ лукъ наготовѣ, пошелъ искать ее въ ущельѣ. Все стараніе его найти козу оказалось тщетнымъ, тогда весь отрядъ сошелъ съ лошадей и усилилъ поиски. Пѣшіе они разсѣялись по склонамъ горъ, какъ муравьи; и самъ ханъ принималъ участіе въ поискахъ козы. Прошло такимъ образомъ столько времени, сколько потребовалось бы, чтобы вскипятить полный котелъ молока, и толпа охотниковъ находитъ козу, скрывавшуюся въ ущельѣ. Пока не испугали ее, дали знать незнакомому охотнику, который умѣтилъ ей стрѣлу прямо въ глазъ. Тутъ она, по волѣ Бога, испустила необыкновенно сильный стонъ; поверхность земли покрылась густымъ мракомъ, а вслѣдъ за тѣмъ поднялась страшнѣйшая буря, вслѣдствіе чего охотники потеряли другъ-друга и пошли блуждать врозь. Но ханъ вмѣстѣ съ своими 40 приближенными очутился совсѣмъ въ другой сторонѣ. Въ этотъ день до самаго заката солнца мракъ не разсѣивался. На слѣдующее утро пошелъ сильный дождь, послѣ чего погода утихла, пыль улеглась и мракъ разсѣялся. Ханъ увидѣлъ себя вмѣстѣ съ своими 40 приближенными и незнакомымъ стрѣлкомъ въ глубокомъ ущельѣ. Въ тотъ день они бродили съ утра до вечера и не находили ничего съѣстного; передъ самымъ закатомъ солнца, будучи не въ состояніи уже больше бродить, они едва добрели до подножія одной горы, чтобы отдохнуть. Тамъ они увидѣли множество козъ, пасущихся на свободѣ. При видѣ козъ, голодные охотники очень обрадовались и, говоря, что это Богъ оказываетъ имъ свою милость, направились къ козамъ. Козы, завидя приближающихся людей, убѣжали въ горы и тамъ скрылись въ ущельѣ. Ханъ созвалъ охотниковъ; они подошли и увидѣли пещеру, а изъ пещеры выходилъ дымъ. Тогда ханъ сказалъ своимъ спутникамъ: „теперь намъ грозитъ неизбѣжная гибель отъ голода; быть можетъ, мы спасемся, если войдемъ въ эту пещеру". Спутники хана, считая слова его правильными, вошли въ пещеру. Тамъ жилъ какой-то великанъ. Охотники, изнуренные голодомъ, не обращая вниманія ни на что, начали ѣсть мясо, которое варилось въ котлѣ. Черезъ столько времени, сколько потребовалось бы, чтобы вскипятить полный котелъ молока, охотники, утоливъ свой голодъ, начали осматриваться и увидѣли себя въ огромномъ домѣ. Домъ до того былъ великъ, что въ одной сторонѣ его находился одноглазый великанъ *) ростомъ и дородствомъ съ маленькую гору, а въ другой сторонѣ далѣе находились его бараны. Этотъ великанъ заразъ съѣдалъ по 40 барановъ. Когда пришли къ нему охотники, онъ спалъ, и когда всталъ, то не нашелъ ничего въ котлѣ, потому что все было съѣдено охотниками, Разсердился великанъ и, открывъ свой глазъ, увидѣлъ непрошенныхъ гостей, которые съ удивленіемъ разсматривали принадлежности дома. Тутъ одноглазый, не долго думая, схватилъ за ноги того охотника, который преслѣдовалъ золоторогую козу, ударилъ его о камень и, убивъ, началъ пожирать его. Сожравъ несчастнаго охотника, циклопъ приказалъ прочимъ зарѣзать 40 барановъ и сварить мясо ихъ въ котлѣ, при этомъ онъ объявилъ, что каждый день будетъ съѣдать по одному охотнику за то, что они долго преслѣдовали его золоторогую козу и даже вышибли ей стрѣлой одинъ глазъ. Такъ сказалъ великанъ и улегся у выхода. Охотники испугались угрозъ великана и не знали что предпринять. Сначала они зарѣзали 40 барановъ и начали варить въ котлѣ ихъ мясо. Увидѣвъ это, великанъ заснулъ, думая, что охотники не уйдутъ никуда. Когда же раздался его храпъ, ханъ созвалъ своихъ людей на совѣщаніе, но всѣ 40 ничего не могли придумать. Тогда ханъ обратился къ нимъ съ слѣдующими словами: „что съ вами? вѣдь въ мирное время каждый изъ васъ казался достойнымъ быть правителемъ отдѣльнаго государства, а теперь вы и соединенными силами не можете придумать средства, какъ избавиться отъ одного великана: Но, друзья! мы такъ или иначе должны погибнуть, а пока есть время, надо рѣшиться на что нибудь. Я думаю, что каждый изъ насъ могъ бы, зарѣзавъ по барану и покрывшись его шкурой, выбраться отсюда, еслибы выколоть единственный глазъ у этого страшилища". Мысль хана всѣ одобрили и рѣшились попытать счастье. Между тѣмъ,

*) По киргизски: *бӧръ кюзли дiу*.

пока великанъ спалъ, ханъ положилъ въ огонь желѣзный вертелъ, и когда вертелъ накалился, ханъ воткнулъ его въ единственный глазъ великана, находившійся у него на лбу. Отъ боли великанъ началъ орать и искать руками пришедшихъ къ нему охотниковъ. Но какъ онъ ни искалъ, не могъ найти никого, потому что всѣ, по совѣту хана, спрятались между баранами. Послѣ тщательныхъ поисковъ великанъ сказалъ: „все равно, вамъ не уйти отъ меня; если не сегодня, то послѣ, когда-нибудь, я поймаю васъ, а пока вы подождите". Затѣмъ онъ опять заснулъ у дверей, а охотники, каждый выбравъ себѣ по большому барану, убиваютъ и сдираютъ съ нихъ шкуру цѣликомъ. На другой день они покрылись этими шкурами и стали вмѣстѣ съ баранами. Утромъ проснулся великанъ и отворилъ двери, чтобы выпустить барановъ на пастбище. Онъ сталъ у двери и началъ пропускать барановъ, предварительно ощупывая каждаго рукой, чтобы охотники не ушли вмѣстѣ съ баранами. Такимъ образомъ онъ выпустилъ по счету всѣхъ барановъ и началъ говорить такъ: „Охотники, гдѣ вы? Идите сюда!" А они кричали ему уже снаружи: „Эй, глупый, проклятый, мы здѣсь!" Не будучи въ силахъ перенести подобную обиду охотниковъ, великанъ началъ кричать и наконецъ умеръ отъ досады, ударившись головой о стѣну. По смерти циклопа, охотники, завладѣвъ его богатствомъ, возвратились домой, и всѣ желанія ихъ исполнились. Есть у киргизъ изреченіе, оставшееся отъ древнихъ: „*Ухана умъ равняется уму сорока человѣкъ*". По словамъ киргизъ Перовскаго уѣзда, изреченіе это появилось послѣ того, какъ съ помощью хана охотники избавились отъ одноглазаго великана.

Н. Остроумовъ.

Гор. Ташкентъ.
3 Января 1891 года.

б) *Алтайскій варіантъ.*

Нѣкоторыя *русскія* сказки перешли къ тюркскимъ инородцамъ Алтая. Въ своей статьѣ „Сказка у Алтайскихъ инородцевъ" (напеч. въ „Томск. Губерн. Вѣдом.", 1883 г., № 15), покойный В. Вербицкій приводилъ слѣдующій эпизодъ изъ алтайской сказки объ Иванѣ Царидычѣ (Царевичѣ), представляющій варіантъ широко-распространеннаго сказочнаго сюжета о великанѣ людоѣдѣ. „Иванъ Царидычъ, возвращаясь изъ царства змѣй, увидалъ на дорогѣ дворецъ, вошелъ въ него и узналъ, что этотъ дворецъ принадлежитъ слѣпому ельбегеню (чудовищу-многоглавому великану). Хозяинъ хотѣлъ было схватить гостя и съѣсть, но Иванъ Царидычъ остановилъ его и, назвавшись лѣкаремъ, обѣщался вылѣчить его глаза. „Если ты мнѣ вылѣчишь глаза, я дамъ тебѣ большую награду". Иванъ Царидычъ растопилъ кусокъ олова, связалъ ельбегеня желѣзнымъ арканомъ и влилъ лѣкарство прямо въ слѣпые глаза его. Ельбегень вскочилъ, разорвалъ желѣзный арканъ и началъ шарить-искать Ивана Царидыча. Но лѣкарь выбѣжалъ на дворъ. Ельбегень, смѣтивъ бѣгство врага своего, приказалъ воротамъ затвориться, и они затворились сами собою. Ельбегень началъ искать Ивана Царидыча по двору. Иванъ Царидычъ поймалъ овцу и, крѣпко ухватившись за нее, подсунулъ задъ ея подъ руки ельбегеня. Ельбегень схватилъ овцу и со словами: „моя же овца лѣзетъ на меня!"—швырнулъ овцу вмѣстѣ съ Иваномъ Царидычемъ черезъ заборъ. Иванъ Царидычъ, перекатившись чрезъ ограду, закричалъ ельбегеню: „Спасибо, ельбегень, что отпустилъ меня".—„Ну, хитеръ же ты, Иванъ Царидычъ! За твою мудрость я передаю тебѣ свое счастіе и силу, потому что я скоро умру. На, возьми!"—и бросилъ Ивану Царидычу бѣлый камень. Иванъ Царидычъ побоялся взять камень, но маленько задѣлъ его мизинцемъ. Камень такъ прицѣпился къ пальцу, что нельзя было оторвать его. Тогда ельбегень сказалъ: „Что, попался!" Но Иванъ Царидычъ отрѣзалъ свой мизинецъ и убѣжалъ". Сообщ. *М.*

в) Грузинскій варіантъ *).

....Мы отправились. Шли мы три дня, и вотъ видимъ, какая-то женщина сидитъ и плачетъ. Мы спросили ее: въ чемъ твое горе? Она такъ намъ сказала: „будьте нашими; я вотъ подумала о сынѣ Бадріамана, объ этомъ львѣ, и объ немъ я плачу. Тогда, когда посредствомъ чародѣйства его схватили девы, то и меня увели въ плѣнъ, за нимъ я сюда пришла и нахожусь съ этими чертями. Теперь пожалуйте, садитесь обѣдать". Какъ разъ въ эти дни мы не наловили дичи и были голодны. Мы отправились, впереди насъ повела эта женщина. Мы пришли къ подошвѣ скалы; она же отбросила дверь, вошла и, введя туда Амирана, завалила дверь большимъ камнемъ; она, какъ оказалось, была девъ. Мы остались снаружи. Когда вошелъ внутрь туда Амиранъ, то тамъ сидѣлъ одинъ человѣкъ, у котораго былъ глазъ на лбу. Тотъ сказалъ: „горе тебѣ, Амиранъ, сынъ Дареджана, горе тебѣ, что ты задумалъ сюда придти!" Амиранъ по своему обычаю, какъ онъ это дѣлалъ при бѣдѣ, этотъ левъ изо львовъ, закричалъ и сказалъ: „Думай лучше, что горе тебѣ. Лучше было бы, Господи, если бы ты его не видѣлъ!" Пришелъ маленькій мальчикъ, сталъ у этого человѣка съ глазомъ на лбу и такъ сказалъ: „папаша, я знаю, что ты хочешь убить этого человѣка, лучше дай мнѣ, я его убью". Мы же стояли у дверей и не могли войти. Амиранъ, сынъ Дареджана, засмѣялся надъ этимъ маленькимъ мальчикомъ, схватилъ его за ногу, пустилъ имъ въ лицо его отца, ударилъ и убилъ маленькаго мальчика. Тогда къ нему прыгнулъ этотъ старикъ, обвились они руками и долго боролись. Наконецъ Амиранъ одолѣлъ, вынулъ кинжалъ, ударилъ его въ глазъ и глазъ вырвалъ. Женщина-девъ закричала: „не убивай его, ты, молодецъ!" Амиранъ бросилъ старика-дева, схватилъ ту женщину, которая насъ обманула, и сказалъ: „такъ ты и другого кого-либо обманешь?" Съ этими словами онъ ее убилъ, отворилъ намъ двери и мы вошли. Девъ же лежалъ, чуть живой и не думалъ умереть отъ сына Дареджана. Но Усибъ вынулъ мечъ и убилъ его. Амиранъ разсердился. Тотъ-же такъ сказалъ: „не гнѣвайся, господинъ, а то онъ и другого кого-либо могъ обмануть". Мы тамъ нашли большой складъ сокровищъ, запечатали его и ушли.

Примѣч. Дѣло происходитъ послѣ того, какъ Девы уносятъ спутника Амирана, Бадріаманова сына, и тотъ отправляется на его поиски. Усибъ—имя проводника Амирана. Все это разсказываетъ старецъ, сынъ Саварсима царя Индійцевъ.

Сообщ. *А. Грепъ.*

Монгольское сказаніе о Хутула-ханѣ **).

(Къ былинному сюжету о продолжительной поѣздкѣ богатыря).

Въ монгольскомъ сказаніи о Гэсэръ-ханѣ находится между прочимъ тема о продолжительной поѣздкѣ его, во время которой его жену принуждаютъ выйти замужъ. Та же тема и въ русской былинѣ о Добрынѣ. Объ этомъ я говорилъ въ своей статьѣ о Гэсэрѣ, напечатанной въ сентябрьской книжкѣ «Вѣстника Европы» за 1890 г. Въ образцахъ, обращающихся въ народной памяти въ Монголіи, этой темы пока не встрѣчено; нѣтъ ея, кажется, и въ сборникахъ академика В. В. Радлова (Proben).

Въ ряду же книжныхъ сказаній сюда, можетъ быть, относится разсказъ о Хутула-ханѣ, который сообщаетъ въ Исторіи Монголовъ персидскій историкъ

*) Взятъ изъ грузинскаго рыцарскаго романа „Амиранъ сынъ Дареджана", приписываемаго Моисею Хонели (рукопись принадлежитъ моей библіотекѣ). Объ истинномъ времени написанія романа не могу сказать ничего положительнаго, хотя въ немъ и очень ярки слѣды вторженія арабовъ на Кавказъ, а затѣмъ борьбы ихъ съ хозарами.

**) См. Этн. Обозр. кн. VIII, стр. 143, 260.

Рашидъ-Эддинъ *). Хутулà-ханъ (у Рашидъ-Эддина Хӳтулà-каанъ) былъ одинъ изъ предковъ Чингисъ-хана. У Рашидъ-Эддина объ немъ сообщаются слѣдующія извѣстія.

Хутулà-ханъ былъ одинъ изъ шести сыновей Хабулъ-хана. «Хотя братья его всѣ были молодцы», говоритъ Рашидъ-Эддинъ, «онъ превосходилъ и ихъ силою и храбростью. Монгольскіе стихотворцы сложили много пѣснопѣній въ похвалу его и составили описаніе храбрости и богатырства его» (стр. 40). Подъ этими пѣснопѣніями, въ которыхъ описывались храбрость и богатырство Хутулы, намъ кажется, слѣдуетъ разумѣть богатырскія былины. То, что Рашидъ-Эддинъ разсказываетъ о необычайной силѣ Хутулы, можетъ только поддержать догадку, что Хутулà былъ монгольскій богатырь.

Вотъ дальнѣйшій текстъ Рашидъ-Эддина: «Говорятъ, у него былъ такой громкій голосъ, что звукъ крика его переходилъ за семь холмовъ и походилъ на эхо, раздающееся въ горахъ и горномъ хребтѣ. Пятерни его были подобны пятернѣ медвѣдя; человѣка, который не былъ крѣпче и сильнѣе его, онъ схватывалъ двумя руками, безъ труда и усилія переламывалъ на двое, какъ деревянную стрѣлу, сломивъ ему спину. Повѣствуютъ такъ, что въ зимнія ночи онъ клалъ деревья въ огонь и спалъ нагой подлѣ; отъ огня, который онъ жегъ, горячіе угли падали на его тѣло и жгли, онъ же не обращалъ на то вниманія, а когда просыпался, то думалъ, что его кусаетъ вошь, чесалъ тѣло и опять засыпалъ. Пищею его всякій разъ былъ одинъ большой баранъ и одинъ большой чанъ кумысу, и этимъ онъ еще не насыщался» (ibid.).

Приведенный отрывокъ изъ Рашидъ-Эддина повидимому есть общее мѣсто изъ древнихъ монгольскихъ былинъ, потому что одна изъ упомянутыхъ тутъ чертъ, именно переламываніе человѣка пополамъ, приписывается тѣмъ же Рашидъ-Эддиномъ и другому лицу монгольской исторіи, брату Чингисъ-хана, Хасару. О послѣднемъ Рашидъ-Эддинъ говоритъ слѣдующее: «Второй сынъ (Эсукэя) былъ Джучи-Хасаръ; Джучи есть имя, а значеніе Хасара—левъ. Такъ какъ онъ былъ великъ силою и крѣпостью, то онъ былъ обозначенъ этимъ свойствомъ. Говорятъ, что плечи и грудь его были такъ широки, а средина до такой крайности тонка, что, когда онъ спалъ на боку, собаки проходили подъ его бокомъ. Сила у него была такая, что, взявши человѣка обѣими руками, перегибалъ пополамъ на подобіе деревянной стрѣлы, такъ что переламывалъ спину» (ibid., 54).

Обоимъ и Хутулѣ и Хасару у Рашидъ-Эддина одинаково приписано переламываніе живого человѣка.

Разсказъ о богатырѣ, который не чувствуетъ боли, встрѣчается еще и въ современномъ эпосѣ монголовъ. Въ сѣверо-западной Монголіи я записалъ сказаніе о богатырѣ Сартактаѣ, которому во снѣ волки кусали пятки, а онъ думалъ, что его кусаетъ вошь (Очерки СЗ. Монг., IV, 287). Въ алтайскихъ сказаніяхъ имя богатыря Сартактай спаривается съ именемъ Кэзэръ (Кэзэръ-Сартактай (Radloff, Proben, I, 188).

Еслибъ насъ не останавливалъ вопросъ о филологическомъ тожествѣ именъ Кэзэръ и Хасаръ, то мы могли бы подумать, что мы тутъ имѣемъ двойное уравненіе; въ одну сторону Хутула приравнивается къ Кэзэру (своей нечувствительностью къ боли), въ другую къ Хасару (переламываніемъ спины человѣка); выходитъ, какъ будто всѣ три имени: Хутулà, Кэзэръ и Хасаръ—имена одного и того же богатыря. Но осторожнѣе пока будетъ конечно такое пониманіе этихъ сближеній: черты, которыми былъ обрисованъ какой-то богатырь, наприм. перенесены на личность, носившую созвучное имя Хасаръ, а также и на Хутулу. Хасаръ и Хутула считаются историческими личностями; историческій характеръ Хутулы впрочемъ очень слабъ. Но если и былъ дѣйствительно предокъ у Чингиса съ этимъ именемъ, пѣснопѣнія, о которыхъ говоритъ Ра-

*) Сборникъ лѣтописей. Исторія Монголовъ, соч. Рашидъ-Эддина, перев. И. Н. Березина въ Трудахъ Восточн. отдѣленія И. Археолог. Общества, ч. XIII (1868), стр. 40—45.

шидъ-Эддинъ, могли быть сложены не о немъ, а о другомъ, эпическомъ Хутулѣ, и на историческаго могли быть перенесены позднѣе разсказчиками, отъ которыхъ записывалъ Рашидъ-Эддинъ.

Тѣми фразами, которыя приведены нами выше, не ограничивается разсказъ Рашидъ-Эддина о Хутулѣ. Далѣе онъ сообщаетъ объ этомъ богатырѣ цѣлый эпизодъ, который мы здѣсь и излагаемъ вкратцѣ.

Амбагай-ханъ пріѣхалъ сватать невѣсту къ татарамъ, но они схватили его и передали Алтынъ-хану; Алтынъ-ханъ приказалъ пригвоздить его къ деревянному ослу. Нѣкто Булгачи, плѣненный вмѣстѣ съ Амбагай-ханомъ, далъ знать народу Амбагай-хана и его сыну Хаданъ-Тайши, что отецъ послѣдняго казненъ. Получивъ это извѣстіе, множество племенъ и улусовъ монгольскихъ составили совѣтъ, чтобы предпринять отмщеніе за смерть Амбагая; на совѣтѣ на ханство избрали Хутула-каана; были собраны войска и подъ начальствомъ Хутулы отправлены въ Китай противъ Алтынъ-хана. Войско Алтынъ-хана было разбито, и монголы возвратились съ большой добычей. На обратномъ пути Хутула, увлекшись охотой съ птицами, отдѣлился отъ войска; племя Дурбэны, увидѣвъ его одинокаго, напали на него. Спутники Хутулы разсѣялись, самъ онъ бѣжалъ и достигъ одного большого болота; лошадь съ разбѣга завязла въ болотѣ; Хутула спрыгнулъ съ нея на берегъ. Дурбэны подумали, что монголъ безъ лошади безпомощенъ и безсиленъ сдѣлать вредъ, и прекратили свое преслѣдованіе. Хутула вытащилъ коня изъ грязи и поѣхалъ.

Разбѣжавшіеся спутники Хутулы были увѣрены, что Дурбены убили его. Когда они съ такой вѣстью прибыли домой, Эсукэй-бахадуръ, приготовивъ поминальную трапезу, понесъ ее къ людямъ Хутулы и къ его женѣ, чтобы они услышали вѣсть о событіи и приняли бы заупокойную чашу. Дѣти Хутулы стали вопить громкимъ голосомъ, но жена Хутулы, услышавъ новость, не повѣрила. Она стала отрицать возможность событія въ родѣ того, какъ Настасья, жена Добрыни, не вѣритъ разсказамъ Алеши Поповича, будто онъ видѣлъ въ полѣ тѣло убитаго Добрыни.

Не былъ ты, Алеша, во чистомъ поли,
Не видалъ ты Добрыни убитаго,
А былъ ты съ собаками на задворки (Гильф. 969, 1026),—

говоритъ Настасья Алешѣ.

Жена Хутулы говорила: „Не даромъ о Хутулѣ сказали, что голосъ его подобенъ эху, достигающему до небесъ, и рука его подобна лапѣ трехъ-годовалаго медвѣдя. Не такой это человѣкъ, чтобъ Дурбэны могли его убить. Онъ занятъ какимъ-нибудь дѣломъ и, дастъ Богъ, неожиданно пріѣдетъ“.

Между тѣмъ Хутула не только не погибъ отъ руки Дурбэновъ, но еще успѣлъ отмстить имъ за нападеніе. Онъ заѣхалъ въ ихъ табуны, поймалъ хорошаго жеребца, отшибъ косякъ кобылицъ и погналъ ихъ домой. Тогда была весна; онъ нашелъ въ степи много яицъ дикихъ утокъ. Онъ снялъ съ ногъ сапоги, наполнилъ ихъ яицами дикихъ утокъ, повѣсилъ въ торокахъ своей лошади и, сѣвши нагой (босой?) на жеребца, продолжалъ гнать кобылицъ. Онъ прибылъ домой какъ разъ въ то время, какъ Эсукэй принесъ заупокойную трапезу и когда приступили къ поминкамъ. Жена Хутулы тогда сказала: „Не говорила ли я, что онъ не такой, чтобъ его могли убить“.

Конецъ этого разсказа отчасти напоминаетъ сюжетъ былинъ, въ которыхъ описывается, какъ богатырь увлекся охотой и замедлилъ свое возвращеніе домой, а въ это время жену его увѣряютъ, что онъ убитъ; такая тема въ русскихъ былинахъ, какъ сказано было выше, отнесена къ Добрынѣ, въ монгольскихъ къ Гэсэру. Въ разсказѣ объ охотѣ Хутулы нѣтъ одной черты, именно жену Хутулы не принуждаютъ выходить замужъ за другого мужа; ее заставляютъ только принять участіе въ поминкахъ.

Разсказъ Рашидъ-Эддина содержитъ только слабый намекъ на былинную тему. Мы сочли все-таки полезнымъ сдѣлать это сопоставленіе въ разсчетѣ, не вызоветъ ли оно у собирателей степныхъ сказаній желанія поискать у кочевниковъ подобной темы. Можетъ быть наша догадка, что въ разсказѣ Рашидъ-

Эддина содержится древняя монгольская былина, и подтвердится открытіемъ въ какомъ-нибудь уголкѣ Монголіи былины о Хутулѣ.

Еслибъ эта догадка оправдалась, эпизодъ съ сапогами, наполненными утиными яицами, могъ бы объясниться народной этимологіей. „Гутулъ"—по-монгольски „сапогъ". Въ былинѣ могло быть указаніе, что этотъ-то эпизодъ и подалъ поводъ назвать богатыря именемъ Хутулы, подобно тому, какъ герой одной барабинской сказки Идыгэ получилъ имя отъ тюркскаго „игукъ"—сапогъ. Идыгэ былъ найденымъ; старикъ, который нашелъ его на степи и потомъ воспиталъ его,—нашедши ребенка, засунулъ его за сапогъ и въ сапогѣ привезъ его къ своей женѣ. По этому-то случаю мальчику и дали имя Идыгэ (Radloff, Proben, IV, 35).

Ханскій титулъ, приданный Хутулѣ, не мѣшаетъ подозрѣвать въ разсказѣ Рашидъ-Эддина богатырскую былину. Въ тюркскихъ и монгольскихъ сказкахъ богатыри являются иногда съ такимъ титуломъ; въ монгольскихъ сказкахъ наприм. Гэсэръ-ханъ.

Въ китайскихъ лѣтописяхъ имя Гудулу встрѣчается два раза въ ряду ойхорскихъ (уйгурскихъ) хановъ и два раза въ ряду тукюэскихъ (О. Іакинѳъ, Собраніе свѣдѣній о народахъ Средней Азіи, I, 322 и 338, 403—411).

Г. Потанинъ.

Буддійская параллель къ ростовской легендѣ объ ордынскомъ царевичѣ Петрѣ.

Въ весьма замѣчательной по многимъ бытовымъ, историческимъ и легендарнымъ подробностямъ повѣсти о татарскомъ царевичѣ Петрѣ, переселившемся изъ орды въ Ростовъ и принявшемъ здѣсь христіанство во второй половинѣ XIII вѣка, разсказывается между прочимъ о томъ, какъ царевичъ вымѣнялъ на торгу три иконы и какъ купилъ у князя ростовскаго землю для постройки на ней церкви. Замѣчательнѣе всего самый способъ уплаты денегъ: царевичъ поверхность покупаемыхъ предметовъ выкладывалъ монетами. Вотъ сущность разсказа. По принятіи крещенія благочестивый царевичъ разъ во время соколиной охоты заснулъ на лугу близъ Ростовскаго озера. Во снѣ явились ему святые апостолы Петръ и Павелъ и сказали, что они посланы Богомъ вознаградить его за усердную молитву и щедрую милостыню (царевичъ, отправляясь въ Ростовъ, роздалъ все богатое имущество, оставшееся ему отъ отца, бѣднымъ). „И вдаша ему мѣшца и глаголаста: возми сія мѣшца, въ единомъ ти злато, а въ друзѣмъ сребро; утро идеши въ градъ и вымѣниши три иконы, икону святыя Богородица со Младенцемъ, икону святаго Димитрія и святаго Николы, и вдаси за нихъ, еже просятъ мѣнящіи". На вопросъ царевича: „Господіе мои, аще вопросятъ мѣнящіи мѣшцевъ за иконы, что сотворю",—апостолы отвѣчали: „мѣшца сія держи у себя въ пазусѣ, ивѣми невѣдоми, а просятъ мѣнящіи 9 серебревыхъ, а 10-ю злата, и ты дай же по единому, и возмъ иконы да идеши ко владыцѣ и рцы ему: Петръ и Павелъ, Христова апостола, посласта мя къ тебѣ, да устроиши церковь, идѣ же спахъ при озерѣ, а се знаменіе ею: иконы сія вымѣнихъ, а мѣшца сія вдаста ми, да что ими велиши сотворити". Петръ поступилъ по указанію апостоловъ. Владыка и князь проводили царевича Петра съ иконами на колесницѣ на мѣсто, гдѣ онъ спалъ при озерѣ, а „людіе клѣть (храмину *вар.*) сградиша повелѣніемъ князя и привезше изъ града плотомъ оградиша и возвратишася. И ту Петръ иконы постави. Князь же, всѣдъ на конь и глумяся, изрече Петру: „Петре, владыка тебѣ церковь устроитъ, а азъ мѣста не дамъ, что сотвориши?" Петръ же рече: Повелѣніемъ, княже, святыхъ апостоловъ азъ куплю у тебе, елико отлучитъ благодать твоя, и земля сія". Князь „рече играя Петру: „Петре, вопрошу тя, якоже вда на иконахъ, сице по моей земли кладеши ли 9 литръ серебра, а десятый злата, сотвориши ли тако?" Петръ же рече: „святіи апостоли рекоша ми, якоже владыка ми повелитъ сотворити, сотвори, да вопрошаю, господине". И вопросиша владыки. Владыка же... рече: „чадо Петре, Господь рече своими усты: всякому просящему дай, и ты убо

не пощади родителей имѣнія, пишется бо: чванецъ масла не умалися, горсть муки не оскудѣ... дай же князю волю, якоже хощетъ". Петръ же поклонися владыкѣ до земли, вѣруя въ глаголъ его, и пришедъ ко князю, рече ему: „да будетъ, княже, воля святыхъ апостоловъ и твоя". И повелѣ князь извлещи вервь отъ воротъ до воды и отъ воротъ до угла, отъ угла возлѣ озера, се мѣсто великое. Петръ же рече: да повелиши, княже, ровъ копати, якоже въ Ордѣ бываетъ, да не будетъ погибели мѣсту тому". И бысть тако. Граждане же, иже провождаху иконы, въ той часъ ископаша ровъ, иже есть и до нынѣ. Петръ же нача отъ воды класти, емля изъ мѣшецъ по единому 9 литръ серебра, а десятый златъ. И наполниша возила петровыхъ кунъ и тыя колесница, на нихъ же клѣть вожаху, едва можаху какъ подвизати ихъ. Видѣвъ же князь и владыка множество злата и сребра, еже бысть 10 выходъ дати, а мѣшцы цѣли, и рекоста къ собѣ: „что се есть, Господи, не по нашимъ грѣхомъ сія сотворишася, велію бо благодать человѣкъ сей обрѣте предъ Богомъ но силѣ святыхъ апостолъ" [1]).

Способъ пріобрѣтенія царевичемъ земли для церкви сравнивали съ преданіемъ о пріобрѣтеніи земли Карѳагенской въ такомъ количествѣ, сколько можетъ покрыть воловья шкура. Гораздо болѣе сходства съ ростовскимъ сказаніемъ представляетъ одна буддійская легенда. Въ книгѣ покойнаго И. П. Минаева: „Буддизмъ. Изслѣдованія и матеріалы. Спб. 1887", въ главахъ V и VI описывается Бхархутская ступа—буддійскій алтарь, построенный столѣтія за полтора до Рождества Христова и украшенный рельефными изображеніями разныхъ легендарныхъ сюжетовъ съ надписями. Въ одной изъ такихъ надписей рѣчь идетъ о покупкѣ земли съ религіозною цѣлію. Въ надписи читается: „Жеты (садъ) Анâтхапендико даритъ выкладываніемъ десяти милліоновъ купившій (его)". „Слова эти, говоритъ И. П. Минаевъ, поясняютъ легенду, разсказанную въ чуллавагѣ и изображенную на барельефѣ: Анâтхапиндико, одинъ изъ вѣрующихъ богачей, купилъ для Будды у Жеты садъ; купилъ это мѣсто за дорогую цѣну, деньгами уложивъ всю почву. На это обстоятельство и намекаютъ слова надписи: „выкладываніемъ десяти милліоновъ (т. е. монетъ)". Въ текстѣ чуллаваги, гдѣ разсказывается самая легенда, встрѣчается подобное же выраженіе, т. е. говорится слѣдующее: „Анатхапиндика домохозяинъ на телѣгахъ золото приказалъ свезти, Жеты садъ десяти милліоновъ выкладываніемъ приказалъ выложить". „Въ болѣе позднемъ текстѣ (Jâtaka, I, 92) при изложеніи той же легенды стоятъ слова: „выкладываніемъ десяти милліоновъ... купивъ" [2]).

Сходство ростовской и буддійской легендъ весьма замѣчательное: и тамъ и здѣсь земля пріобрѣтается для религіозной цѣли; и тамъ и здѣсь поверхность покупаемой земли выкладывается монетами. Это сходство сказанія о татарскомъ царевичѣ съ буддійской легендой особенно интересно въ виду той роли, какая приписывается монголамъ въ перенесеніи восточныхъ сказаній на западъ.

М. Соколовъ.

Изъ южно-русскихъ легендъ.

Легенды объ ап. Петрѣ въ родѣ тѣхъ, какія разобраны были въ предыдущихъ книгахъ Этногр. Обозрѣнія (V, 142 и VII, 71) [3]), очень распространены повсюду среди южно-русскаго населенія. Намъ случилось записать подольскій варіантъ, который сообщаемъ въ дополненіе къ собраннымъ уже другимъ сказаніямъ этого цикла.

---

[1]) Мы приводимъ текстъ сказанія по изданію: „Блаженный Петръ, царевичъ Ординскій, Ростовскій чудотворецъ. *Н. К.* Ярославль. 1880. По другой рукоп. текстъ изданъ въ „Прав. Собес." за 1859 г. и въ „Русской Хрестоматіи" Ѳ. И. Буслаева.

[2]) *И. П. Минаевъ*, Буддизмъ, стр. 138—139.

[3]) См. также выше стр. 110.

„Дуже давно цее було: ще тогди, якъ Господь за святыми Петромъ и Павломъ ходылы по земли. Якось, одного часу, Господь пославъ св. Павла въ свитъ, а самъ зостався зъ св. Петромъ. Отго, йдучи разъ шляхомъ, заходять воны въ трактову коршму. Була тогди зима и вже зовсимъ смерклось. Змерзлы Господь и Петро крипко, да й давай просытця у арендаря, щобъ позволывъ имъ обигриться, та пидночувать, бо на двори къ ночи бравъ страшенный морозъ. Въ коршми никого не було: коршмаръ не тилькы що позволывъ, але навить кынувъ имъ подушку и стареньку кожушинку. Въ трахтовыхъ коршмахъ, якъ звисно, кождный мае прытулокъ, хрещеный и нехрещеный. Отто заснулы Господь и Петро, положившись на полу (кровати) биля теплои грубкы (печки). Колы, отце писля полуночи, такъ, якъ четверти пивни заспивалы, въ коршму ввалюютця москали (солдаты), Померзлы дрижать—зразу такъ и кынулысь до грубкы, де спалы Господь зъ Петромъ: Господь зъ краю, а Петро пидъ самою грубкою, — та й почалы згоняты ихъ зъ полу. Господь зразу послухавъ, — вставъ и опроставъ мисце на полу; Петрови жъ дуже не хотилось зоставлять тепленьке мисце и кожушину. Отто винъ зразу не послухавъ, та ставъ сперычатьця Якъ розсердяцця москали, якъ почнуть штовхать Петра кулаками, а дали, якъ стягнуть на дилъ (полъ) та почнутъ лущыть по своему, то Петро ледве—ледве пиднявся на ноги—такъ ёго москали побилы. Писля такои оказіи ничого вже було оставатыся въ коршми; а тутъ якъ разъ и на день почало благословлятця. Зибралысь воны, тай пишлы зъ коршмы. Отъ св. Петро, одійшовшы гонъ двисти отъ коршмы, озирнувся назадъ, чи нейдуть ззаду москали, да и каже Господеви: „Боже мылосерный! Чи вжежъ Ты, Господе, не покараешъ оттыхъ москаливъ, що такъ безневынно знивычилы мене?“ Господь ёму и каже: „Гараздъ, Петре. Надруга надъ тобою дасця въ тямкы москалямъ до страшного моего суду. Я ихъ тяжко покараю. Якъ тилькы прийдетця москалямъ выступать въ походъ, то завше буде слёта (слякоть), холодъ, морозъ, хуртовына.“ Зъ того часу, якъ тилькы москалямъ повскажуть выступать въ походъ, заразъ таке робытця, що не можна и сказати: литомъ—дощъ, градъ, буря, слёта; а зимою – замить, та хуртовына. Такъ-то Господь покаравъ москаливъ за св. Петра.

(Записана въ с. Степановкѣ, Гайсинскаго уѣзда, Подольской губерніи).

Сообщ. *Т. І. Вержбицкій.*

Извѣстія и замѣтки.

Въ Имп. Рус. Географ. Общество, какъ сообщаютъ газеты (Спб. Вѣд.), было внесено предложеніе о снаряженіи экспедиціи для изслѣдованія Приамурскаго края, къ участію въ которой предположено пригласить Общество для содѣйствія русской промышленности и торговлѣ. Для выработки программы экспедиціи имѣется въ виду образовать соединенную коммиссію изъ членовъ обоихъ обществъ. Задачею экспедиціи послужитъ, между прочимъ, изученіе современнаго положенія Приамурскаго края и результатовъ его колонизаціи. Надо полагать, что къ этому дѣлу будетъ привлечено и мѣстное общество изслѣдователей Приамурскаго края, находящееся въ Благовѣщенскѣ.

По предложенію Имп. Рус. Географ. Общества, Г. Е. Грумъ-Гржимайло изъявилъ согласіе стать во главѣ новой большой экспедиціи, снаряжаемой въ Центральную Азію. Экспедиція разсчитана такъ, чтобы она пересѣкла Срединную Азію въ наименѣе изслѣдованной части и вышла въ Остъ-Индію или Тонкинъ.

Въ началѣ мая выѣхали изъ Петербурга участники экспедиціи въ Монголію, снаряженной Имп. Академіею Наукъ, для подробнаго изслѣдованія открытыхъ въ третьемъ году Н. М. Ядринцевымъ развалинъ большихъ городовъ въ долинѣ р. Орхона. Въ составъ экспедиціи входятъ: акад. В. В. Радловъ, его сынъ, Н. М. Ядринцевъ и правитель дѣлъ Вост.-Сибирскаго Отдѣла И. Р. Г.

Общ.—Д. А. Клеменцъ. Въ распоряженіе экспедиціи ассигновано 12,000 руб. Изслѣдованія продлятся четыре мѣсяца.

5 мая выѣхала изъ Самарканда экспедиція кап. Барщевскаго, направляющаяся въ южн. Бухару, Памиръ и Кафиристанъ на 4 мѣсяца для научныхъ изысканій, собиранія коллекцій и снятія возможно большаго количества фотографій мѣстныхъ достопримѣчательностей и типовъ.

Въ „Восточ. Обозр." пишутъ изъ Парижа, что Парижская Академія надписей и изящной литературы отправляетъ нынѣшнимъ лѣтомъ экспедицію въ Центральную Азію, преимущественно въ Китайскій Туркестанъ. Она будетъ состоять изъ двухъ лицъ: Дютрейля де Рена (Dutreil de Rhins), географа, недавно издавшаго обширный трудъ о Центр. Азіи, и г. Гренара (Grenard). Кромѣ географическихъ изслѣдованій, цѣлью экспедиціи будетъ и собираніе лингвистическаго и этнографическаго матеріала.

Въ послѣднихъ числахъ мая проѣхалъ чрезъ Москву г. Мартэнъ, командированный Географическимъ Обществомъ въ Стокгольмѣ въ Зап. Сибирь и Туркестанъ для этнографическихъ и археологическихъ изслѣдованій.

Между 15 іюля и 10 августа настоящаго года въ Уральскѣ, при посѣщеніи города Его Императорскимъ Высочествомъ Государемъ Наслѣдникомъ Цесаревичемъ, имѣетъ быть открыта областная выставка мѣстныхъ произведеній. Выставка будетъ состоять изъ отдѣловъ: сельско-хозяйственнаго, кустарно-ремесленнаго и историко-этнографическаго.

Въ г. Омскѣ къ пріѣзду Наслѣдника Цесаревича предположено открыть киргизскую этнографическую выставку. Въ другихъ сибирскихъ городахъ, какъ напр. въ Нерчинскѣ, Иркутскѣ, Минусинскѣ, къ пріѣзду Его Высочества мѣстные музеи приведены въ возможно лучшій видъ, для чего сдѣланы большіе заказы въ Москвѣ (напр. манекены по фотографіямъ мѣстныхъ народностей и т. п.).

Комитетъ Минусинскаго музея, вслѣдъ за перемѣщеніемъ коллекцій музея въ спеціально для него выстроенное зданіе (открыто 20 мая 1890 г.), озаботился изданіемъ „Краткаго описанія Музея и перечня его коллекцій". (Напечат. отдѣльной брошюрой, какъ приложеніе къ „Отчету по Минусинскому Мѣстному Музею и Общественной библіотекѣ за 1890 г."). Не ограничиваясь этимъ, Комитетъ имѣетъ въ виду издать болѣе подробный путеводитель по музею. Полные и подробные каталоги по отдѣламъ имѣются уже и теперь въ рукописяхъ. Музей состоитъ изъ 9-ти отдѣловъ, въ которыхъ по указанному описанію числилось 33,255 №№. Отдѣлы слѣдующіе: I. Естественно-историческій (классъ 1: минералогія, геологія, геогнозія; кл. 2: ботаника; кл. 3: зоологія и зоотомія; кл. 4: палеонтологія). II. Антропологическій отдѣлъ (кл. 1: антропологія; кл. 2: этнографія; кл. 3: народная медицина; кл. 4: предметы религіознаго культа инородцевъ). III. Археологическій отдѣлъ (каменныя орудія, костяныя орудія, глиняные предметы, издѣлія изъ стекла и цвѣтныхъ камней, мѣдные, бронзовые и латунные предметы, золотые и серебр. предм., желѣзные и чугун. предм., гипсовые предм., принадлежности литья, каменные бабы и столбы, археол. карты, планы, рисунки и т. п.). IV. Промышленный отдѣлъ (1, промышленность добывающая; 2, заводская; 3, соляная; 4, золотопромышленность; 5, производство желѣза, чугуна и стали; 6, кустарные промыслы, ремесла и рукодѣлія; 7, охотничій промыселъ; 8, рыболовство). V. Сельско-хозяйств. отдѣлъ (1, почвовѣдѣніе; 2, полеводство; 3, земледѣльческія орудія; 4, огородничество и бахчевничество; 5, садоводство; 6, скотоводство; 7, птицеводство; 8, пчеловодство; 9, лѣсоводство; 10, вредныя животныя и растенія; 11, молочное хозяйство; 12, техническія и сельско-хоз. производства). VI. Нумизматическій отдѣлъ: (1, Востокъ; 2, Россія; 3, Зап. Европа и Америка). VII. Образовательный отдѣлъ. VIII. Педагогическій отдѣлъ (учебныя пособія); IX. Лабораторія и рабочій кабинетъ. Кромѣ того, при Музеѣ имѣется метеорологическая станція и складъ земледѣльческихъ орудій. Такимъ образомъ изъ провинціальныхъ музеевъ Минусинскій является едва ли не самымъ обширнымъ и прекрасно устроеннымъ. Что касается въ частности этнографіи, то она

представлена во II (антропологич.) и въ VII (образоват.) отдѣлахъ. Именно, три послѣдніе класса антропологическаго отдѣла имѣютъ чисто-этнографическій интересъ; здѣсь довольно полно представленъ бытъ качинцевъ, сагайцевъ (Минус. окр.) и сойотовъ (жив. по Енисею); коллекціи, рисующія другія инородческія племена Минусинскаго края и окрестныхъ мѣстностей (финны, латыши, мордва, бельтиры, алтайцы, русскіе коренные сибиряки) пока только намѣчаются. Всего этнографическихъ предметовъ болѣе 1,000. Въ образовательномъ отдѣлѣ по классу этнографіи числится 863 предмета. Здѣсь богато представлены группы китайская и остяцкая (первая пожертвована Д. М. Мельниковымъ изъ ю.-зап. Китая, вторая—А. В. Адріановымъ изъ Нарымскаго края); кромѣ того, здѣсь же фигурируютъ въ меньшемъ обиліи предметовъ, японцы, корейцы, тунгусы и др. сибирскіе и туркестанскіе инородцы. Прилагая всѣ старанія, чтобы Музей приносилъ возможно больше пользы мѣстному населенію въ образовательномъ смыслѣ, комитетъ Музея взываетъ къ мѣстнымъ образованнымъ людямъ придти къ нему на помощь, чтобы открыть систематическія общедоступныя объясненія коллекцій, какъ это дѣлается, напр., въ Московскомъ Политехническомъ музеѣ, чтобы публика „выносила изъ своихъ посѣщеній музея, кромѣ стройнаго и отчетливаго представленія о немъ, и болѣе или менѣе значительный запасъ общеобразовательныхъ и практически-полезныхъ познаній“. (Отчетъ, стр. 7).

Находящійся при Томскомъ университетѣ музей археологіи и этнографіи изъ года въ годъ пополняется частными пожертвованіями и коллекціями отъ научныхъ командировокъ, снаряжаемыхъ университетомъ. Въ „Отчетѣ о состояніи Имп. Томскаго университета за 1890 г.“ *), читаемъ между прочимъ, что къ 1 янв. 1891 г. по каталогу музея въ немъ находилось около 5 тыс. №№ разныхъ предметовъ, относящихся къ сибирской археологіи и этнографіи, не считая значительнаго собранія монетъ, медалей, рисунковъ и атласовъ, которые до сихъ поръ не разобраны за малочисленностью штата служащихъ, не описаны и хранятся въ особыхъ ящикахъ.

Профессоръ Казанскаго университета И. Н. Смирновъ прочелъ въ апрѣлѣ (6 и 12-го) въ Казани двѣ публичныя лекціи по этнографіи, въ пользу Казанск. Общества Археологіи, Исторіи и Этнографіи. Первая лекція была посвящена выясненію задачъ и значенія этнографіи. Почтенный лекторъ далъ при этомъ предварительно краткій очеркъ исторіи народовѣдѣнія; говорилъ далѣе о выдѣленіи этнографіи изъ географіи, объ отношеніи ея къ антропологіи и исторіи культуры, о жизненномъ значеніи культурно-историческихъ обобщеній; выяснялъ современныя задачи этнографіи общей и частной; указывалъ на практическое значеніе мѣстной этнографіи и на то, что можетъ сдѣлать мѣстная интеллигенція нормальной постановки этнографическихъ изслѣдованій въ краѣ. Вторая лекція, посвященная вопросу о собираніи и обработкѣ этнографическаго матеріала, имѣла слѣдующую программу: виды этногр. матеріала (постройки, одежда, утварь, орудія; произведенія народнаго творчества; вѣрованія и обряды; нравы и обычаи); культурно-историческое значеніе каждаго изъ этихъ видовъ; необходимая для этнографа-наблюдателя подготовка; методъ обработки этнографическаго матеріала. Эти лекціи въ дополненномъ видѣ составили отдѣльную брошюру: „Задачи и значеніе мѣстной этнографіи“. Каз. 1891. Стр. 18.

Въ Харьковѣ на Страстной недѣлѣ (14 апр.) професс. университета Н. Ѳ. Сумцовъ прочелъ въ пользу Харьковской общественной библіотеки (на постройку дома) публичную лекцію о писанкахъ по слѣдующей программѣ: возникновеніе въ наукѣ интереса къ писанкамъ; обрядовое употребленіе крашеныхъ яицъ у древнихъ языческихъ народовъ; народныя сказанія, связанныя съ писанками; распространеніе писанокъ въ настоящее время и простонародные способы ихъ приготовленія; формы писаночныхъ рисунковъ: геометрическія, растительныя и животныя; архаическія черты писаночной орнаментики; употребленіе писанокъ въ народной медицинѣ и въ дѣтскихъ играхъ. Эта лекція напечатана съ дополненіями въ „Кіевской Старинѣ“ (1891, май—іюнь).

*) Напечат. въ „Извѣстіяхъ И. Томск. университета“ за 1891 г. и отдѣльно.

Съ 1-го по 10-е сентября (н. ст.) этого года въ Лондонѣ будетъ происходить IX-й международный конгрессъ оріенталистовъ. Желающіе принять участіе въ конгрессѣ должны обращаться съ заявленіями къ секретарю организаціоннаго комитета конгресса (Dr. Leitner, Woking). Членскій взносъ—одинъ ф. стерлинговъ. Всѣ свѣдѣнія о конгрессѣ печатаются въ журналахъ: „Asiatic Quarterly Review“, „Arabic Critical Quarterly Journal“ и „Sanscrit Critical Monthly Journal“.

По сообщенію газетъ (Моск. Вѣд., № 104), въ 1892 г. въ Парижѣ предполагается устройство международной выставки человѣческихъ племенъ, на которой имѣютъ быть собраны живые представители всѣхъ народностей.

Чехи дождались открытія въ Прагѣ собственной Академіи Наукъ, которая именуется Чешской Академіей Имп. Франца Іосифа (Ceskà Akademie Cisare Frantiska Josefa pro vêdy, slovesnost a umêni). Первое торжественное собраніе состоялось 6 (18) апр. въ присутствіи покровителя Академіи Эрцгерцога Карла Людовика.

Въ Прагѣ Чешской съ сентября мѣсяца будетъ издаваться чешскій антропологическо-этнографическій журналъ, посвященный главнымъ образомъ изученію чешскаго народа въ антропологическомъ, этнографическомъ и вообще культурномъ отношеніяхъ. Ближайшими руководителями изданія будутъ извѣстные чешскіе ученые: антропологъ и археологъ Люборъ Нидерле и фольклористъ Ченекъ Зибертъ, при содѣйствіи не только мѣстныхъ, но и иностранныхъ (въ томъ числѣ и русскихъ) научныхъ силъ. Интересующіеся новымъ изданіемъ могутъ адресоваться въ Прагу къ г. Нидерле (Prague, Jecna ulice, 29. Lubor Niederle).

Вопросъ объ учрежденіи на Востокѣ Русскаго Археологическаго Института, поднимавшійся не разъ на русскихъ археологическихъ съѣздахъ, въ настоящее время близится къ осуществленію. Лучшимъ пунктомъ для учрежденія подобнаго института признанъ Константинополь. Проектъ устава и штата новоучреждаемаго института уже вырабатывается въ министерствѣ.

Поправки и добавленія.

					Вм.	Чит.
Кн. VIII.	Стран.	3	строка	15 сн.	619	6196
Кн. IX.	„	108	„	18 св.	вмѣевичъ	Змѣевичъ
	„	160	„	4 сн.	Gebirde	Gebirge

О „Петровомъ батогѣ“ (стр. 112—114) см. въ „Кіев. Стар.“ 1889, сент., стр. 763 (легенда, сообщ. И. Манжурою) и у Роговича — въ „Зап. Ю.-Зап. Отдѣла“ И. Р. Геогр. Общ.

На стран. 169, стр. 16 св., слѣдуетъ добавить случайно пропущенныя строки: На-дняхъ вышелъ также изъ печати 2-й вып. этого тома, заключающій изслѣдованіе проф. И. Н. Смирнова: „*Пермяки*, историко-этнографическій очеркъ.“ Стр. 289. Ц. 1 р. 75 к. Отчетъ объ этой книгѣ постараемся дать въ ближайшемъ будущемъ.

Библіографическій указатель статей,

касающихся этнографіи киргизовъ и каракиргизовъ *).

Составилъ А. Н. Харузинъ.

1734—1800 гг.

Ватзенъ.—Извѣстія о киргизскихъ и башкирскихъ народахъ (С.-Петербургскія Вѣдомости 1734 г. 8, 11, 15 и 18 апрѣля).

Мѣсячныя историческія, генеалогическія и географическія примѣчанія.

П. Рычковъ.—Топографія Оренбургская, т. е. обстоятельное описаніе Оренбургской губерніи. Спб. 1762.

Это сочиненіе содержитъ массу въ высшей степени интересныхъ свѣдѣній какъ по топографіи края, такъ по этнологіи и отчасти зоологіи. Слѣдуетъ, преимущественно, отмѣтить главу о народностяхъ, гдѣ авторъ, между прочимъ, даетъ интересныя данныя и о киргизахъ. Въ 1887 году, это сочиненіе было въ исправленномъ видѣ переиздано Оренбургскимъ отдѣломъ И. Русскаго Географическаго Общества въ Оренбургѣ; къ этому изданію относится изданіе ландкартъ (см. 1880 г.).

П. Палласъ (P. Pallas).—Reise durch verschiedene Provinzen des Russischen Reichs. St.-P. 1771.

Въ главѣ „Nachrichten von den Kirgisen" („извѣстія о киргизахъ"), авторъ сводитъ всѣ полученныя имъ свѣденія о киргизахъ, съ которыми ему приходилось сталкиваться въ 1769 г. Описаніе касается одежды, религіи, знахарей, скотоводства, охоты, болѣзней, могилъ.

Н. Рычковъ.—Дневныя записки путешествія въ киргизъ-кайсацкой степи 1771 года. Спб. 1772.

Капитанъ Рычковъ участвовалъ въ (неудачномъ) походѣ Генералъ-Маіора Траубенберга, командированнаго съ цѣлью возвращенія бѣжавшихъ съ Волги калмыковъ на ихъ мѣсто жительства. Отрядъ выступилъ 12 апрѣля 1871 года изъ Орска и прослѣдовалъ къ рѣкѣ Таргунъ, гдѣ соединился съ киргизами, предводительствуемыми ханомъ Малой орды Нураліемъ. Въ своихъ „Дневныхъ запискахъ" Рычковъ даетъ описаніе похода. Описываетъ свадебные обряды киргизовъ, обрядъ погребенія, говоритъ о могилахъ и затрагиваетъ другія стороны быта киргизовъ.

Фишеръ.—Сибирская исторія. Спб. 1774.

Помѣщены краткія свѣдѣнія о киргизахъ, ихъ происхожденіи, происхожденіи ихъ наименованія и объ ихъ жизни.

---

*) Литературная связь между киргизами и каракиргизами такъ велика, что мы не имѣемъ возможности въ нашемъ библіографическомъ указателѣ отдѣлить одну народность отъ другой. Тѣ, впрочемъ, немногочисленныя статьи, которыя посвящены исключительно каракиргизамъ, мы обозначаемъ звѣздочкой.

А. Миллеръ.—Описаніе всѣхъ въ Россійскомъ государствѣ обитающихъ народовъ. Спб. 1776.

Блуменбахъ (Blumenbach).—Decades craniorum. I. 1790.

На это сочиненіе ссылается Причардъ, говоря, что Блуменбахъ даетъ изображеніе и описаніе киргизскаго черепа; но въ первой части, которую я имѣлъ случай просмотрѣть, этого описанія нѣтъ; оно, вѣроятно, во второй части.

Сиверсъ (Sievers).—Briefe aus Sibirien. 1796.

I. Георги.—Описаніе всѣхъ обитающихъ въ Россійскомъ государствѣ народовъ (съ нѣмецкаго). Спб. 1799. Часть I: О народахъ финскаго племени—киргизы.

Авторъ описываетъ исторію киргизскихъ ордъ, типъ киргизовъ; говоритъ о сословности, обычномъ правѣ, жилищахъ, свадебныхъ и погребальныхъ обрядахъ, питаніи, одеждѣ и болѣзняхъ.

1800—1820 гг.

Н. Мамышевъ.—Пріемъ и угощеніе у киргизовъ (Вѣстникъ Европы ч. XLIV. 1809).

Авторъ, на трехъ страницахъ, описываетъ угощеніе у султана, на которое онъ былъ приглашенъ (въ 1807 г.).

Хозяйственное описаніе Астраханской и Кавказской губ. Спб. 1809.

Помѣщены свѣдѣнія географическія о Букеевской степи, а въ концѣ сочиненія имѣется краткая замѣтка о киргизахъ Малой орды. Приложена карта.

Статистическое Обозрѣніе Сибири. Спб. 1810.

Помѣщено краткое описаніе киргизовъ и ихъ образа жизни, а также описаніе нѣкоторыхъ частей Киргизской степи.

Сибирскій Вѣстникъ. 1818. ч. II.

Въ третьей главѣ (собраніе свѣдѣній о Сибири и странахъ, сопредѣльныхъ оной) находятся небольшія, отрывочныя свѣдѣнія о киргизахъ.

Сибирскій Вѣстникъ. 1818. ч. III.

Ефремовъ.—Странствованіе въ Киргизской степи, Бухаріи, Хивѣ, Персіи, Тибетѣ и Индіи. Казань. 1818.

1820—1830 гг.

А. Левшинъ.—Свиданіе съ ханомъ Меньшой Киргизъ-Кайсацкой орды. (Вѣстникъ Европы. 1820. № 22).

А. Левшинъ имѣлъ свиданіе съ ханомъ Ширгази въ 1820 г. (16 октября). Въ статьѣ описывается ханъ, его семейство и церемоніалъ пріема.

Сибирскій Вѣстникъ. 1820. ч. IX, X и XI.

Ф. Назаровъ.—Записки о нѣкоторыхъ народахъ и селеніяхъ средней части Азіи. Спб. 1821.

Авторъ, посланный въ Коканъ въ 1813 и 1814 годахъ, даетъ не мало интересныхъ свѣдѣній о Киргизской степи и о самихъ киргизахъ.

Киргизы. (Вѣстникъ Европы. 1821. № 16).

Изъ записокъ Назарова, бывшаго въ Коканѣ въ 1813 и 1814 годахъ. Вся статья на 7 страницахъ; свѣдѣнія кратки.

Германъ.—О киргизахъ. (Вѣстникъ Европы. 1821. № 22).

Авторъ на 15 страницахъ даетъ краткій очеркъ исторіи и быта киргизовъ Малой орды.

С. Большой.—Записки о приключеніяхъ въ плѣну у киргизъ-кайсаковъ въ 1803 и 1804 гг. (Сынъ Отечества, ч. 76, 77 и 80, 1822 г.).

Савва Большой участвовалъ, въ качествѣ врача, въ экспедиціи, направлявшейся въ 1802 г. въ Бухарію. Экспедиція вскорѣ послѣ своего выступленія была разбита и разграблена киргизами, и авторъ былъ взятъ въ плѣнъ. Въ первыхъ двухъ частяхъ (ч. 76 и 77) онъ описываетъ свое плѣненіе и жестокое обращеніе съ нимъ киргизовъ; въ послѣдней же части (ч. 80) даетъ на 20 страницахъ очеркъ быта киргизовъ.

Сибирскій Вѣстникъ. 1822. Ч. XIX.

Сибирскій Вѣстникъ. 1823. Ч. I и III.

Тимковскій.—Путешествіе въ Китай черезъ Монголію въ 1820 и 1821 гг.—Спб. 1824.

Въ 5 главѣ I части помѣщены „свѣдѣнія о киргизахъ, ѣздившихъ въ 1819 году на поклоненіе Богдыхану" съ данью. Къ этой главѣ приложена выписка изъ книги Сию-вынъ-узянчъ-лу о киргизахъ и каракиргизахъ. Эта же выписка помѣщена въ сочиненіи монаха Іакинѳа (см. ниже).

Мейендорфъ (Baron G. de Meyendorff).—Voyage d'Orenbourg a Boukhara a 1820. Paris. 1826.

Кромѣ отрывочныхъ и интересныхъ данныхъ, разбросанныхъ по всему сочиненію, можно встрѣтить въ 4-й главѣ I части много цѣнныхъ свѣдѣній, относящихся къ обычаямъ и къ образу жизни киргизовъ.

* **Клапротъ (I. Klaproth).**—Tableaux Historiques, Paris. 1826.

Говорится, между прочимъ, о первомъ извѣстіи о кара-киргизахъ, а въ главѣ „Peuples de race blonde"—объ исчезнувшихъ племенахъ, имѣющихъ отношеніе къ антропологіи киргизовъ.

Азіатскій Вѣстникъ. Февраль и май 1826.

И. Потоцкій (Le Comte I. Potoski). — Voyage dans les steps d'Astrakhan et du Caucase. Paris. 1829.

Въ этомъ интересномъ сочиненіи путешественника конца прошлаго и начала этого столѣтія можно найти указанія (во II т. 3—8 главахъ) о киргизахъ: дѣленіе на орды, ихъ мѣста кочеванія, торговля и т. д., а также краткія свѣдѣнія о кара-киргизахъ.

Іакинѳъ (Монахъ). Описаніе Чжунгаріи и восточнаго Туркестана (переводъ съ китайскаго). Часть I, Спб. 1829.

Въ этомъ описаніи „иностранныхъ владѣній", киргизамъ посвящены двѣ главы: „Казакъ" и „Бурутъ"—каждая въ 2 страницы. Въ первой говорится о киргизъ-кайсакахъ; во второй о кара-киргизахъ. Эти, хотя и краткія главы, интересны тѣмъ, что взяты изъ китайскаго источника: „Исторія старшей династіи (Уянь-хань-шу)",—относящагося къ срединѣ XVIII столѣтія.

О Киргизъ-Кайсакахъ Средней орды. (Сынъ Отечества, т. IV. 1829).

Авторъ даетъ краткій очеркъ физическаго типа киргизовъ, ихъ характера религіозныхъ вѣрованій и быта.

1830—1840 гг.

Броневскій.—Записки о киргизъ-кайсакахъ Средней орды. (Отечественныя Записки. 1830. Т. XLI, XLII и XLIII).

Авторъ этой статьи (на 100 слишкомъ страницахъ) приводитъ киргизскія преданія объ ихъ происхожденіи, даетъ далѣе нѣкоторыя историческія данныя объ этой народности,—пишетъ о значеніи хановъ въ ордѣ, о султанахъ и ходжахъ и объ ихъ значеніи въ Средней ордѣ, о барантѣ, о продажѣ невольниковъ,

о нѣкоторыхъ сторонахъ быта, о народонаселеніи, податяхъ, земледѣліи и скотоводствѣ.

А. Левшинъ.—Описаніе киргизъ-казачьихъ ордъ и степей. Спб. 1832

Это сочиненіе состоитъ изъ трехъ томовъ, которые заключаютъ въ себѣ результаты четырехлѣтней работы автора. Первый томъ содержитъ 264 страницы, второй—332 и третій—304—слѣдовательно все сочиненіе состоитъ изъ 1000 (хотя и небольшихъ) страницъ. Это сочиненіе, нѣкогда классическое, занимаетъ и теперь въ литературѣ о киргизахъ первое мѣсто по полнотѣ. Этотъ трудъ о киргизахъ тѣмъ болѣе цѣненъ, что составленъ исключительно на основаніи достовѣрныхъ и лично авторомъ провѣренныхъ и взвѣшенныхъ источниковъ. Первый томъ посвященъ „извѣстіямъ географическимъ“ и заключаетъ описаніе географическаго положенія киргизскихъ степей, ихъ границъ, климата; далѣе—почвы, топографіи, „естественныхъ произведеній трехъ царствъ природы“, путей сообщенія и древностей. Къ этому тому приложена карта киргизскихъ степей и разрѣзъ Усть-Урта. Второй томъ заключаетъ „извѣстія историческія“ и состоитъ изъ слѣдующихъ главъ: объ имени киргизъ-кайсаковъ и отличіи ихъ отъ дикокаменныхъ (кара-киргизовъ), объ источникахъ для исторіи киргизъ-кайсаковъ, о состояніи киргизъ-кайсаковъ до ихъ вступленія въ подданство Россіи (до 1740 г.), историческое обозрѣніе Большой орды съ 1730 г. до „настоящаго времени“, историческое обозрѣніе Средней и Малой ордъ. Къ этому тому приложены таблицы родословной киргизскихъ хановъ. Третій томъ заключаетъ этнологію киргизскаго племени и состоитъ изъ слѣдующихъ главъ: число народа, раздѣленіе, главныя мѣста кочевокъ, образъ жизни, физическія свойства, пища и питаніе, одежда, вооруженіе, вѣра и суевѣрія, нравы и обычаи, просвѣщеніе, управленіе, законы, рукодѣлье, торговля. Къ этому тому приложены: типы киргиза и двухъ киргизокъ, таблица тамговъ, ноты двухъ пѣсенъ и планъ киргизской пашни. Сочиненіе это имѣетъ помимо своей полноты еще то значеніе, что включаетъ свѣдѣнія о киргизахъ древнѣйшихъ авторовъ, въ томъ числѣ и китайскихъ писателей.

Заволжскій Муравей. 1832. № 12.

Описаніе киргизъ-кайсацкихъ ордъ и степей. (Журналъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ. Ч. VIII. 1833).

Эта статья есть ничто иное, какъ конспектъ, только что упомянутаго сочиненія А. Левшина. Авторъ этого конспекта, какъ онъ самъ выражается, „сводитъ во едино“ тѣ свѣдѣнія, которыя у Левшина изложены въ трехъ частяхъ.

Статистическое обозрѣніе Астраханской губерніи. (Журн. Мин. Вн. Дѣлъ. 1833. Ч. VIII).

Въ концѣ статьи помѣщена (кратко) исторія присоединенія киргизовъ къ Россіи и ихъ численность. О горѣ Богдо и преданіи калмыковъ о происхожденіи ея.

Кафтанниковъ.—Арасланъ-Бабръ. (Заволжскій Муравей. 1833. № 5).

Монахъ Іоакинфъ.—Историческое обозрѣніе Ойратовъ или Калмыковъ съ XV столѣтія. Спб. 1834.

Это сочиненіе заключаетъ разбросанныя свѣдѣнія, имѣющія отношеніе до исторіи киргизовъ и кара-киргизовъ.

Ф. Миллеръ (F. Müller).—Der Ugrische Volksstamm. Berlin. 1837.

На 28 страницахъ говоритъ этотъ авторъ о топографіи страны, занимаемой киргизами, о трехъ киргизскихъ ордахъ, о физическомъ типѣ киргизовъ, о ихъ характерѣ и торговлѣ. Все написано на основаніи сочиненій (преимущественно) Левшина, Георги, Палласа, Эверсмана и Рычкова.

Риттеръ (K. Ritter). Die Erdkunde. T. VII. B. III. West-Asien. Berlin. 1837.

Имѣется много весьма интересныхъ свѣдѣній о Киргизской степи, а также о нѣкоторыхъ исчезнувшихъ народностяхъ, имѣющихъ отношеніе къ киргизамъ и кара-киргизамъ.

Гёбель (Göbel). — Reise in die Steppen des südlichen Russlands. Bd. I и II. Dorpat. 1838.

Гёбель посѣтилъ Букеевскую орду въ 1835 году съ физико-химическими цѣлями. Онъ былъ на Элтонѣ, Баскунчакѣ, въ ставкѣ хана Джангира (Ханской Ставкѣ), на Камышъ-Самарскихъ озерахъ и въ другихъ мѣстахъ. Въ первомъ томѣ своего сочиненія онъ даетъ общее описаніе своей поѣздки—описываетъ свое пребываніе у хана Джангира, разсказываетъ разные эпизоды своего пути и даетъ подробное описаніе одежды киргизовъ: мужчинъ, дѣвушекъ и женщинъ. Во второмъ томѣ даетъ результаты своихъ лабораторныхъ трудовъ надъ собраннымъ имъ матеріаломъ: анализъ воды различныхъ соленыхъ озеръ, анализъ золы солончаковыхъ растеній и т. д. и результаты своихъ ходометрическихъ наблюденій.

Гессъ, Бэръ, Ленцъ и Бонгардъ. — Разборъ сочиненія пр. Гёбеля. «Reise in die Steppen des südlichen Russlands. (**Изв. Акад. Наукъ** т. VII). 1838.

Шопенъ (M. Chopin).—Russie T. I. (L'univers Histoire et description de tous les peuples). Paris. 1838.

Помѣщено, между прочимъ, краткое описаніе жизни киргизовъ, кочевокъ, скотоводства и раздѣленія на отдѣльныя орды.

С.-Петербургскія Вѣдомости. 1838. №№ 1, 80 и 81.

Здѣсь помѣщены статьи И. Казанцева о киргизахъ „Восточной“ части и Букеевской орды.

И. Казанцевъ.—О киргизахъ Западной и Средней частей, называемыхъ Оренбургскими или Зауральскими. (С.-Петербургскія Вѣдомости. 1839. №№ 16, 17 и 18).

Авторъ говоритъ объ исторіи Малой орды до ея распаденія, о топографіи мѣстности и о происхожденіи трехъ поколѣній Малой орды.

П. Аноровъ.—Замѣчаніе о степяхъ Оренбургской, Симбирской и Саратовской губерній. (Сынъ Отечества 1839, T. VII).

Эта статья содержитъ краткое описаніе характера почвы Оренбургской киргизской степи, говорится объ обработкѣ земли и о сильномъ истребленіи лѣсовъ.

1840—1850 гг.

О Внутренней или Букеевской киргизъ-кайсацкой ордѣ. (Сынъ Отечества. T. V. 1840).

Вся статья напечатана на 14 страницахъ и содержитъ: исторіи орды, описаніе топографіи степи, физическаго типа мужчинъ и женщинъ, описаніе одежды, и наименованіе родовъ. Далѣе описывается внѣшность хана Джангира и его женъ; наконецъ въ этой статьѣ помѣщена краткая замѣтка о скотоводствѣ.

Гельмерсенъ (G. Helmersen).—Reise nach dem Ural und der Kirgisensteppe in den Jahren 1833 und 1835. Ab. I и II. St.-Pt. 1841.

Въ послѣдней главѣ первой части (Reise in die Kirgisensteppe) помѣщены краткія и отрывочныя свѣдѣнія о жизни киргизовъ, а во второй части напечатаны результаты барометрическихъ и психометрическихъ наблюденій въ Киргизской степи, а также и геогностическія изслѣдованія.

Внутренняя киргизская орда. (Сѣверная Пчела. 1842. № 111).

Статья перепечатана изъ Астраханскихъ Губернскихъ Вѣдомостей и содержитъ: перечисленіе границъ орды, численность народонаселенія, управленіе ордою, подати, платимыя киргизами хану Джангиру (закетъ и сугумъ).

Букалинская орда.—(С.-Петербургскія Вѣдомости. 1842 № 17).

Описаніе празднества въ Ханской ставкѣ въ день тезоименитства (16 декабря 1841 г.) Государя и пріема поздравленій Джангиромъ (заглавіе „Букалинская орда“, вѣроятно, опечатка вмѣсто „Букеевская“).

Хронологическій обзоръ важнѣйшихъ путешествій, совершенныхъ по Россіи или изъ Россіи въ XVIII и XIX ст. (Изв. Академіи Наукъ). 1843.

Н. Ханыковъ.—Описаніе Бухарскаго ханства СПБ. 1843.

Содержитъ нѣкоторыя, весьма немногочисленныя свѣдѣнія о киргизахъ.

С.-Петербургскія Вѣдомости. 1844 г. № 175.

Въ этомъ нумерѣ помѣщенъ Высочайшій указъ о пограничной Коммиссіи и Положенія управленія киргизами Оренбургскаго вѣдомства.

И. Причардъ (I. Prichard).—Naturgeschichte des Menschengeschlechts—deutsch herausgegeben von R. Wagner und. T. Will. Band III. 2 Ab. Asiatische Nationen. Leipzig 1845.

На 7 страницахъ авторъ говоритъ объ именахъ „киргизъ“ и казакъ о происхожденіи киргизовъ, о мѣстѣ ихъ жительства и о типѣ киргизовъ (о ростѣ —на основаніи 7 измѣреній).

О судопроизводствѣ Букеевской ордѣ (С.-Пет. Вѣд. 1845, №66).

Статья перепечатана изъ прибавленія къ Саратовскимъ Губернскимъ Вѣдомостямъ и содержитъ интересное описаніе порядка судопроизводства въ Букеевской степи при ханѣ Джангирѣ.

Бэръ (Baer).)—Nachrichten aus Sibirien und der. Kirgisen—Steppe. Leipzig, 1845

А. Леопольдовъ.—Историческій очеркъ Саратовскаго края.

Говорится, между прочимъ, о кочеваньи киргизовъ между Волгою и Ураломъ до перехода Букея и о нападеніяхъ киргизовъ на русскихъ и на нѣмецкія колоніи.

Чихачевъ (P. Tchihatcheff).—Voyage scientifique dans l'Altai oriental. Paris. 1845.

Авторъ въ III главѣ говоритъ о происхожденіи киргизовъ и, кромѣ того, даетъ разбросанныя свѣденія о жизни ихъ.

Линдау (Lindau).—Sibirien. Dresden und Leipzig. 1846.

Въ первомъ томикѣ во II главѣ этого сочиненія помѣщено описаніе топографіи мѣстности, киргизовъ, внѣшняго вида, одежды, жизни и быта ихъ

Рожденіе, смертность и браки жителей Оренбургской губерніи магометанскаго закона сравнительно съ православнымъ исповѣданіемъ за 1845 и 1846 гг. (Оренбургскія Губерн. Вѣдомости. 1847. № 18).

Оренбургскія Губернскія Вѣдомости. 1847 г. №№ 3, 17 и 19.

Обзоръ современнаго состоянія Оренбургской губерніи въ статистическомъ и географическомъ отношеніи. (Оренбург. Губ. Вѣд. 1847. №№ 26—35, 39. 1848. №№ 2, 3, 14, 20, 33, 50 и 52).

Базинеръ (Th. Basiner).—Reise durch die Kirgisensteppe nach Chiwa. (Beiträge zur Kentniss des Russischen Reiches St.-P. 1848).

Авторъ помѣщаетъ во второй главѣ первой части своего сочиненія („Reise von Orenburg bis zur Hohebene Ustjurt“) и въ пятой главѣ первой же части („Rückreise von Chiwa nach Orenburg“) нѣкоторыя немногочисленныя сценки изъ жизни киргизовъ и описаніе ихъ степи.

Баронъ У-ръ.—Четыре мѣсяца въ Киргизской степи. (Отечественныя Записки. 1848. № 10).

Баронъ У-ръ, офицеръ, участвовалъ въ 40-хъ годахъ въ походѣ противъ шайки киргизовъ, возставшей подъ предводительствомъ Кенисары. Онъ былъ

раненъ пулей и взятъ киргизами въ плѣнъ. Въ своей статьѣ даетъ онъ не безъинтересныя свѣдѣнія о бытѣ киргизовъ и подробности о бунтѣ.

Нёшель.— Замѣчанія о Киргизской степи между Орскою крѣпостью и Аральскимъ моремъ. (Географическія Извѣстія, издаваемыя Императорскимъ Рус. Геогр. Общ. 1848, вып. 5).

На 5 страницахъ помѣщено описаніе природы степи, почвы ея, (орошенія полей киргизами), возвышеній и впадинъ степи.

Арсеньевъ.—Статистическіе очерки Россіи. СПБ. 1848.

М. Киттары.—Гора Богдо и озеро Баскунчакское. (Журналъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ. 1848 ч. XXIV).

Статья эта (въ 21 ст.) содержитъ не безъинтересное описаніе горы Большое Богдо и Баскунчакскаго озера: ихъ мѣстоположенія, вида и т. п., а также сказанія, связанныя съ горою и озеромъ. Статья того же автора и подъ тѣмъ же заглавіемъ была помѣщена въ Астраханскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ (1848 г. № 47 и 48), но насколько послѣдняя тождественна съ этой, сказать трудно, такъ какъ намъ не удалось найти эти нумера Астрахан. Губ. Вѣд.

Бларамбергъ.—Земли киргизъ-кайсаковъ Оренбургскаго Вѣдомства (Военно-статистич. обозрѣніе Россійской Имперіи. Т. XIV ч. 3). 1848.

Эта книжка (около 200 стр.) содержитъ двѣ части: первая посвящена Букеевской ордѣ и заимствована, преимущественно, изъ статьи Ханыкова; вторая, болѣе интересная—относится къ Малой Зауральской ордѣ и обнимаетъ описаніе топографіи мѣстности (70 стр). съ орографіею, гидрографіею и т. п. Наибольшій интересъ представляетъ списокъ родовъ и отдѣленій Малой орды. Есть также указанія на образъ жизни киргизовъ, промышленность ихъ и пр. Приложенія не лишены также извѣстнаго интереса.

Черемшанскій.—Описаніе Оренбургской губерніи въ экономическомъ, статистическомъ и промышленномъ отношеніяхъ. Уфа, 1849.

Сочиненіе это признано удовлетворяющимъ требованіямъ конкурса, объявленнаго Министерствомъ Государственныхъ Имуществъ въ 1851 г., и авторъ его удостоенъ ученымъ Комитетомъ награды золотою медалью.

И. Березинъ.—Шейбаніада. (Исторія монголо-тюрковъ). Казань 1849.

Здѣсь можно встрѣтить весьма древнія, хотя и краткія, свѣдѣнія о „казакахъ", т. е. киргизахъ, а также и о происхожденіи кара-киргизовъ (въ V приложеніи „объ ойротахъ и уйгурахъ").

М. Киттары.—Киргизскій туй. (Журналъ Мин. Вн. Дѣлъ. 1849, ч. XXV).

Авторъ даетъ въ небольшой статьѣ описаніе киргизскаго праздника и пира, на которомъ онъ присутствовалъ.

М. Киттары. — Ставка хана Внутренней Киргизской орды. (Журналъ Мин. Вн. Дѣлъ 1849. ч. XXVIII).

Въ этой статьѣ авторъ даетъ весьма подробное описаніе Ставки и дворца хана. Она тѣмъ болѣе заслуживаетъ вниманія, что столь подробнаго описанія этого интереснаго въ свое время поселка въ литературѣ не существуетъ

П. Савельевъ. — Средняя Азія. (Карманная И. Русск. Геогр. Общества книжка любителей землевѣдѣнія. 1848). Спб. 1849.

Эта статья посвящена исторіи сближенія Средней Азіи съ Россіею—она имѣетъ прямое отношеніе къ исторіи нашего сближенія съ Киргизскою степью.

Я. Ханыковъ.—Очеркъ состоянія Внутренней киргизской орды въ 1841 году (Записки Импер. Русск. Геогр. Общ. кн. 1 и 2-я 1849 г.)

Этотъ очеркъ содержитъ: дѣленіе степи по почвѣ на 4 участка, описаніе водъ, горъ, песковъ, климата. Затѣмъ слѣдуетъ перечень родовъ, отдѣленій и подотдѣленій — и мѣстъ ихъ кочевокъ. Далѣе говорится о переходѣ киргизовъ этой орды изъ-за Урала, о ханствованіи Букея и Джангира; затѣмъ о количествѣ населенія за разные годы, о количествѣ земли и скота и о торговлѣ. Все на 28 страницахъ.

1850—1860 гг.

Китары. (M. Kittara)—Ein kirgisischer Tui. (A. Ermans's Arch. für wissensch. Kunde v. Russ. B. VIII. H. 3. Berlin. 1850).

На 27 страницахъ описанъ киргизскій туй (пиръ), происходившій въ окрестностяхъ Ханской ставки, на которомъ присутствовалъ и авторъ статьи. Статья эта была раньше помѣщена въ Журналѣ Министерства Внутреннихъ дѣлъ 1849 г. ч. XXV (см. выше).

Поѣздка Поспѣлова и Бурнашева въ Ташкентъ, 1800 (Вѣстникъ Имп. Русскаго Географическаго Общества. 1851 г. ч. I кн. 1)

Въ этой интересной статьѣ, заключающей въ себѣ 44 стр, половина посвящена киргизамъ; къ ней приложены интересныя примѣчанія Я. Ханыкова.

К. Сынске.—Обозрѣніе главнѣйшихъ путешествій и географическихъ открытій въ десятилѣтіе съ 1838 по 1848 г. Статья II— Азія (Вѣстникъ И. Русскаго Географическаго Общества 1851 г. ч. 1, книга 1).

Описаніе, между прочимъ, касается путешествій иоткрытій въ киргизской степи.

* **Свѣдѣнія о дикокаменныхъ киргизахъ** (доставлены отъ генералъ-губернатора Западной Сибири; помѣщены въ запискахъ И. Рус. Геогр. Общ. 1851, кн. 5).

Здѣсь говорится о происхожденіи кара-киргизовъ, политическомъ состояніи этой орды, управленіи, числѣ жителей, границахъ, топографіи, гидрографіи, путяхъ сообщенія, растительности, животномъ мірѣ, минеральныхъ богатствахъ, климатѣ, древностяхъ, вооруженіи, также о хлѣбопашествѣ и скотоводствѣ. Все очень кратко.

Евреиновъ.—Внутренняя или Букеевская киргизъ-кайсацкая орда. (Современникъ. 1851. Отд. II—10).

Евреиновъ былъ въ Букеевской степи въ 1846 и 1847 годахъ. Эта статья его (48 страницъ) содержитъ подробное описаніе перехода киргизовъ изъ Азіи по сю сторону Урала. Далѣе—мѣстоположенія и границы, наименованіе урочищъ, описаніе Ставки, ордынскихъ трактовъ. Затѣмъ говорится о сословіяхъ о духовномъ и гражданскомъ управленіи, о наименованіи родовъ и отдѣленій, власти хана, податяхъ; описываются кочевья и зимовья киргизовъ, кибитка; говорится также о характерѣ киргизовъ, о торговлѣ, скотоводствѣ, скачкахъ, народныхъ увеселеніяхъ и знахаряхъ.

Кипертъ (Kiepert).—Turan zu Ritter's Erdkunde. 1852.

* **Nachrichten** über die sogenannten schwarzen Kirgisen. (Arch. für wissen. Kunde v. Russ —A. Ermann. B. XI. H. 3. Berlin. 1852).

Въ этой краткой статьѣ (13 стр.) помѣщены преимущественно свѣдѣнія, касающіяся топографіи мѣстности, орошенія и путей сообщенія, а также (на одной страницѣ) и объ образѣ жизни кара-киргизовъ.

А. Л.—Отношеніе русскихъ къ киргизамъ. (Самар. Г. Вѣд. 1852, № 5).

Жарковъ.—Записки Саратовскаго купца о киргизахъ (Библіотека для чтенія. 1852. Т. 114 и 115).

Баронъ Сильверсгельмъ.—Киргизская степь Западной Сибири. (Военно-статистическое обозрѣніе Россійской Имперіи. Т. XVIII Ч. 3 Спб. 1852). Это сочиненіе содержитъ описаніе топографіи мѣстности, описаніе рѣкъ и другихъ водъ, почвы и климата. Далѣе говорится о промышленности, торговлѣ, объ естественныхъ произведеніяхъ края, о путяхъ, сообщенія и о религіозномъ и умственномъ образованіи киргизовъ.

П. Небольсинъ.—Очерки Волжскаго низовья. (Журналъ Мин. Вн. Дѣлъ. 1852. Ч. 39).

Въ IX главѣ авторъ на 23 страницахъ описываетъ Букеевскую орду: происхожденіе ея, наименованіе родовъ, отношеніе Джангира къ своимъ киргизамъ, Ставку, торговлю, одежду киргизовъ. Затѣмъ авторъ говоритъ о происхожденіи 3 киргизскихъ ордъ и объ исторіи Малой орды.

С. Гуляевъ.—О древностяхъ, открываемыхъ въ Киргизской степи (Вѣстникъ И. Р, Геогр. Общ. 1853, кн. III).

А. Влангали.—Геогностическіе поѣздки въ восточной части Киргизской степи въ 1849 и 1851 годахъ 2 Ч. Спб. 1853.

Авторъ этого сочиненія, штабсъ-капитанъ корпуса горныхъ инженеровъ, даетъ преимущественно описаніе топографіи страны и разныхъ горныхъ породъ, но въ многочисленныхъ расказахъ затрагиваетъ и бытъ киргизовъ: ихъ поминки, устройство могилъ, и. т. д.

Вельяминовъ-Зерновъ—Историческія извѣстія о киргизахъ-кайсакахъ и сношеніе Россіи съ Средней Азіею Уфа. 1853. Ч. I.

А. Сулоцкій.—Киргизъ на поклоненіе святымъ мѣстамъ русскимъ и палестинскимъ. (Москвитянинъ 1853. Т. VI).

Авторъ разсказываетъ (частный случай) о крещеніи киргиза и объ его поѣздкѣ на богомолье. Этотъ разсказъ, хотя и касается одного лишь лица, можетъ пролить извѣстный свѣтъ на характеръ киргизовъ и на вліяніе русскихъ на нихъ и рисуетъ также сцену изъ быта киргизовъ.

Я. Ханыковъ.—Матеріалы для статистики народонаселенія Оренбургской губерніи (Оренбургскія Губ. Вѣд. 1853, № 2).

А. Терещенко.—Слѣды Дештькипчака и Внутренняя киргизъ-кайсацкая орда.(Москвитянинъ 1853. Т. VI).

Авторъ посѣтилъ степь въ 1851 году. Въ своей статьѣ онъ описываетъ дорогу отъ урочища Хорахой до Ставки; даетъ краткій очеркъ исторіи Малой (Зауральской) орды, описываетъ Ставку, говоритъ объ управленіи, о ханѣ Джангирѣ, его семействѣ, о духовенствѣ, рилигіи, характерѣ киргиза, семейномъ устройствѣ, податяхъ, скотоводствѣ; описываетъ также одежду киргизовъ. Все на 35 мелкопечатныхъ страницахъ.

П. Небольсинъ.—Разсказы проѣзжаго. Спб. 1854.

Авторъ (въ IX главѣ) кратко описываетъ зауральскихъ киргизовъ. Эта статья была напечатана въ 1853 г. въ январской и февральской книжкахъ Отечественныхъ Записокъ.

Идаровъ.—Киргизская степь Сибирскаго вѣдомства и новоучрежденная въ ней Семипалатинская область. (Журн. Мин. Вн. Дѣлъ. 1854. Ч. VII).

На 35 страницахъ говорится о пространствѣ земель, занимаемыхъ Большою и Среднею ордами, объ ихъ административномъ раздѣленіи Далѣе въ этой статьѣ затрагивается: хлѣбопашество, скотоводство, промышленность, торговля и караванные пути. Наконецъ помѣщены исторія Семипалатинска и Усть-Каменогорска и управленіе Семипалатинской области.

Вельяминовъ-Зерновъ. —Историческія извѣстія о киргизахъ отъ 1764—1783 гг. Оренбургскія Губ. Вѣд. 1854, № 27.)

Гагенмейстеръ. — Статистическое обозрѣніе Сибири. СПБ. 1854 г.

Въ первой и третьей части помѣщены разбросанныя, но очень интересныя, данныя о киргизахъ и Киргизской степи, а во второй — киргизамъ посвящена отдѣльная глава, преимущественно, географическаго содержанія.

* **И. Березинъ.** — Библіотека восточныхъ источниковъ. Т. III, гл. 1. Исторія Абуль-Гази. Казань 1854 г.

Среди многочисленныхъ преданій о тюркскихъ племенахъ помѣщены также свѣдѣнія о „киргизахъ", т. е. о кара-киргизахъ—отчасти въ связи съ завоеваніями Чингизъ-Хана.

Вельяминовъ-Зерновъ. — Историческія извѣстія о киргизъ-кайсакахъ и сношенія Россіи съ Средней Азіей. Часть 2-я. 1855.

Г. Колмогоровъ. — О промышленности и торговлѣ въ Киргизскихъ степяхъ Сибирскаго вѣдомства. (Вѣстникъ И. Русск. Геогр. Общ. 1855. Ч. XIII).

Авторъ на 38 страницахъ говоритъ о промышленности и торговлѣ, сравниваетъ развитіе ихъ въ 50-хъ годахъ съ минувшимъ временемъ, затрагиваетъ также и самую жизнь киргизовъ.

И. Корниловъ.—Извлеченіе изъ донесенія и совершонной поѣздкѣ въ Астраханскую губернію и киргизско-калмыцкую степь въ 1854 г. (Вѣстникъ И. Рус. Геогр. Общ. 1855. кн. 3.)

Авторъ статьи описываетъ свою поѣздку изъ Москвы чрезъ Нижній Новгородъ, Царицынъ и Сарепту въ Область Войска Донскаго, затѣмъ—черезъ Черный Яръ на Баскунчакъ, гдѣ онъ былъ вмѣстѣ съ геологомъ Ауэрбахомъ. Заслуживаетъ вниманія только описаніе красильныхъ кореньевъ степныхъ растеній (кизиль-буялъ и томаръ-буялъ для красной и желтой красокъ).

П. Небольсинъ. — Очеркъ торговли Россіи съ Средней Азіей. (Зап. И. Р. Геогр. Общ. кн. X. 1855).

Кромѣ разбросанныхъ свѣдѣній, имѣющихъ отношеніе къ быту киргизовъ, помѣщена замѣтка о барантѣ: ея значеніи и причинахъ, вызывающихъ ее.

Статистическія свѣдѣнія о степи Сибирскихъ киргизовъ за 1853 г. (Журналъ Мин. Вн. Дѣлъ. 1855 Ч. IX).

На 11 страницахъ даны свѣдѣнія о количествѣ земли, занимаемой киргизами, и о народонаселеніи степи.

Статистическія свѣдѣнія о степи Сибирскихъ киргизовъ за 1853 годъ (Журналъ Министерства Внутр. Дѣлъ. 1855 г. ч. X).

Здѣсь на 11 страничкахъ помѣщены краткія свѣдѣнія о народонаселеніи, сельскомъ хозяйствѣ, промышленности, торговлѣ, податяхъ, повинностяхъ, народномъ здравіи и т. п. въ области сибирскихъ киргизовъ. Статья представляетъ извлеченіе изъ отчета, представленнаго исправ. должность Пограничнаго Начальника Сибирскихъ киргизовъ.

Sitten der Kirgisen. — Arch. f. wissen. Kunde v. Russland von Erman, B. XIV, 1. Berlin. 1855).

Описывается асъ, байга, конокрадство, могилы и говорится о сказкахъ. Статья представляетъ переводъ и извлеченіе изъ сочиненія Влангали (см. выше).

Sitten der Kirgisen.—(A. Erman's Arch f wissensch. Kunde v. Russ. B. XIV, H. 2. Berlin 1855).

На трехъ станицахъ помѣщены разсказы о барантѣ и барантачахъ, о лѣченіи лошади и сказаніе объ образованіи горъ Кизылъ-Геку.

А. Макшеевъ. Показаніе сибирскихъ казаковъ Милюшина и Батарышкина, бывшихъ въ плѣну у Коканцевъ въ 1849 по 1852 г. (Вѣстникъ И. Русскаго Географическаго Общества. 1856 г. кн. IV).

Во время своего плѣна, казаки эти неоднократно сталкивались съ киргизами и передаютъ нѣкоторыя данныя о нихъ.

Сводъ Законовъ Россійской Имперіи. СПБ. 1857.

Во II томѣ, 2 части, 7-й книгѣ (раздѣлъ I, V, и VI) помѣщены узаконенія, касающіяся какъ зауральскихъ, такъ и внутреннихъ киргизовъ.

П. Семеновъ. Письмо изъ Семипалатинска (Вѣстникъ Русскаго Географическаго Общества. 1857 г. ч. XXI).

Письмо заключаетъ географическія свѣдѣнія о Тянь-Шанѣ и окрестностяхъ озера Иссыкъ-Куля.

П. Кеппенъ..—Девятая ревизія.—Изслѣдованія о числѣ жителей въ Россіи 1851 году. Спб. 1857 г.

Въ приложеніи помѣщены свѣдѣнія о киргизахъ Большой, Средней, Букеевской и Черной ордъ; говорится тутъ также о раздѣленіи ордъ, о мѣстожительствѣ и количествѣ населенія.

Аткинсонъ (Atkinson). Oriental and western Sibiria. London. 1857.

Въ этомъ обширномъ сочиненіи (600 стр.) авторъ посвящаетъ слѣдующія главы киргизамъ: the Kirghis steppe among the kirghis; adventures in the steppe; rambles among the kirghis (XV—XVIII),—гдѣ чрезвычайно живо и ярко рисуетъ бытъ этого народа; разсказы еще болѣе выигрываютъ, благодаря приложеннымъ рисункамъ, искусно исполненнымъ съ натуры самимъ авторомъ.

И. Штукенбергъ—Статистическіе труды. Т. I. Описаніе 24 губерній. Спб. 1858.

Въ четвертой главѣ (Астраханская губернія) въ 24 параграфѣ помѣщено краткое (на 6 страницахъ) описаніе Букеевской орды, касающееся главнымъ образомъ почвы и торговли орды.

Дрова въ Киргизской степи (Тобольскія Губернскія Вѣдомости. 1858 г. № 9).

О. П.—Образъ управленія и законы киргизовъ (Томскія Губернскія Вѣдомости 1858 г. № 45).

* **Исторія Монголовъ, сочиненіе Рашидъ-Эддина**, переводъ съ примѣчаніями И. Н. Березина (Труды Восточнаго Отдѣла И. Археологическаго Общества, ч. V). СПБ. 1858.

Въ этомъ сочиненіи, во первыхъ, говорится о кара-киргизахъ, а, во вторыхъ, объ исторіи тюркскихъ племенъ, какъ напр. найманахъ, кипчакахъ и др., вошедшихъ въ составъ современныхъ киргизовъ. Сочиненіе заключаетъ въ себѣ много весьма интересныхъ фактовъ.

Семеновъ (P. Séménoff).—Lettre sur le voyage dans la steppe Kirghise. (Extraits des publications de la Soc. Im. Géog. de Rus. StP. 1859, pag. 38, 58, 156).

Ѳ. Лазаревскій.—Очеркъ киргизовъ Оренбургскаго вѣдомства. (Русскій дневникъ. 1859. № 14 и 15).

А. Артемьевъ.—Нѣсколько замѣтокъ о киргизской степи Оренбургскаго вѣдомства. (Сообщено изъ Центральнаго статистическаго комитета и составлено А. Артемьевымъ). (Жур. Мин. Вн. Дѣлъ. 1859. Октябрь).

Говорится объ исторіи нашихъ сношеній съ киргизами, о преобразованіи управленія. Затѣмъ описываютя границы Малой орды, пространство и почва ея, климатъ, народонаселеніе, скотоводство, хлѣбопашество, звѣроловство и торговля. Въ качествѣ прибавленія къ этой статьѣ напечатанъ краткій (на 3 страницахъ) очеркъ Букеевской орды (компиляція изъ сочиненій Киттары, Ханыкова и др.)—Исторія возникновенія ея, границы, пространство, почва, управленіе, населеніе, скотоводство.

Астраханскія Губерн. **Вѣдомости** 1859 г. №№ 14, 22, 25, 29, 30 и 34.

П. Семеновъ.—Землевѣдѣніе Азіи Карла Риттера. СПБ. 1859.

Въ этомъ весьма интересномъ и въ свое время полномъ сочиненіи помѣщено много географическихъ свѣдѣній о Киргизской степи, а также исторіи древнихъ народовъ, имѣющихъ отношеніе къ киргизамъ и кара-киргизамъ.

Влангали (Wlangali's).—Reise nach der Oestlichen Kirgisen—Steppe.

Переводъ съ рускаго Лева, Изданіе Гельмерсена. Это сочиненіе, помѣщенное на русскомъ языкѣ въ Горномъ журналѣ 1853 г. №№ 4, 5, 6, и 7 (см. выше), было переведено на нѣмецкій языкъ не ранѣе 1854 г. и помѣщено въ Beitrage zur Kennt. des Russ. Reischs. B. XX. Отдѣльный оттискъ.

Варадиновъ.— Лѣченіе кумысомъ (Библіотека Медицинскихъ Наукъ. 1859 г., №№ 32 и 33).

Медико-топографическое описаніе Киргизской степи (Томскія Губернскія Вѣдомости. 1859 г. № 36—42).

Н. Абрамовъ. – Каменная пирамида намогильный памятникъ Казу-Курпеча и Баянъ-Сулы въ Киргизской степи. (Тобольскія Губернскія Вѣдомости. 1859 г., № 40).

Э. Островскій.—Поѣздка во Внутреннюю Киргизъ-Кайсацкую орду. (Журн. Мин. Вн. Дѣлъ 1859, январь, февраль и май).

Авторъ, профессоръ Харьковскаго ветеринарнаго училища, былъ командированъ въ 1855 г. въ Букеевскую степь съ цѣлью ознакомленія съ породами домашняго скота у киргизовъ, изслѣдованія болѣзней и собиранія свѣдѣній относительно чумопрививанія. До отъѣзда въ Букеевскую степь авторъ посѣтилъ окрестныя мѣста, какъ-то: Область Войска Донскаго, Калмыцкую степь и др., и оттого его статья, помѣщенная въ трехъ книгахъ вышеупомянутаго журнала, содержитъ многое, къ Букеевской степи неотносящееся. Въ Букеевской степи авторъ посѣтилъ горы Б. и М. Богдо, Хаки и Ханскую Ставку. Его описаніе заключаетъ въ себѣ характеристику почвы Букеевской степи и ея гидрографію; содержитъ также краткій очеркъ быта киргиза-букеевца и его болѣзней. Затѣмъ помѣщено изслѣдованіе породъ скота (верблюда, лошади, овцы, козы, рогатаго скота, собаки) и ихъ болѣзней. Въ майской книжкѣ журнала помѣщено описаніе Ханской Ставки и близъ лежащей ярмарки съ указаніями на торговлю. Въ заключеніе авторъ сводитъ результаты своихъ изслѣдованій скотоводства Букеевской и другихъ посѣщенныхъ имъ степей.

Очерки Зауральской степи и Внутренней или Букеевской орды. (Изданіе К. Солдатенкова и Н. Щепкина). М. 1859.

На 90 страницахъ описываются: границы, почва и природа степей. Далѣе рисуется бытъ киргизовъ и нѣкоторые обряды. Эта компиляція сочиненій Гёбеля, Левшина, Нешеля, Небольсина и др. даетъ краткую, но вѣрную картину степей.

Д. Познякъ.—Двѣ недѣли въ Золотой Букеевской ордѣ. (Саратовскія Губернскія Вѣдомости. 1859 № 38).

Черемшанскій.—Описаніе Оренбург. губ. въ хозяйственномъ, статистическимъ, этнографическомъ и промышленномъ отношеніи. Уфа. 1859 г.

А. Сулоцкій.—Киргизъ-паломникъ. (Томскія Губ. Вѣд. 1859. № 4).

1860—1870 гг.

С.-Петербургскія Вѣдомости 1860. № 59.

И. Ильминскій.—Древній обычай распредѣленія кусковъ мяса, сохранившійся у киргизовъ (Изв. И. Археолог. Общ. т. II, в. 3. 1860 г.) (?)

Въ этой статьѣ авторъ описываетъ порядокъ угощенія у киргизовъ на торжественныхъ пирахъ. Обычай указываетъ на монголо-тюркскую старину, на остатокъ язычества и, въ частности, шаманства.

Баксы.—Разсказъ изъ киргизской жизни (Иллюстрированный Семейный листокъ 1860).

К. Колачевъ.—Охота у киргизъ кайсаковъ. (Сынъ Отечества. 1860. №№ 11 и 12).

П. Небольсинъ.—Путешествующіе киргизы. (Русскій Вѣстникъ—Современная лѣтопись. 1860. Т. 29).

Авторъ пишетъ (по поводу пріѣзда 15 киргизовъ въ С.-Петербургъ) о стремленіи киргизовъ къ образованію. Эта статья вызвала справедливое возраженіе со стороны І. И. Желѣзнова (Авторъ „Уральцы“) (посмертное изданіе. 1888 г.) въ Русскомъ Вѣстникѣ т. XXX—1860, и со стороны Плотникова, тамъ же.

І. Желѣзновъ.—Киргизоманія. (Русскій Вѣстникъ, Современная Лѣтопись. 1860. Т. 30).

Авторъ возражаетъ Небольсину на его статью „Путешествующіе киргизы“, главнымъ образомъ противъ будто бы существующихъ притѣсненій киргизовъ со стороны уральскихъ казакозъ и ихъ нежеланія содѣйствовать просвѣщенію киргизовъ.

Р.—Нѣсколько словъ о киргизахъ, бывшихъ въ Петербургѣ въ 1860 г. (Русскій Художественный Листокъ. 1861 № 21).

Портреты киргизской депутаціи. (Иллюстрація. 1860 № 116).

В. Старковъ.—Краткое обозрѣніе Киргизской Степи въ географическомъ, историческомъ и статистическомъ отношеніяхъ. (Томскія Губ. Вѣд. 1860. № 26 и 31).

Хаджа-Мухамедъ-Салихъ-Бабаджановъ. Замѣтки киргиза о киргизахъ. (Сѣверная Пчела 1861. № 4.)

Л. Плотниковъ.—По поводу статьи «Путешествующіе киргизы». (Русскій Вѣстникъ. Т. XXX. 1860. Современная Лѣтопись.

Авторъ этой статьи возражаетъ на статью Небольсина „Путешествующіе киргизы,“ Авторъ, хваля другія произведенія Небольсина, замѣчаетъ, что данная статья была написана неряшливо и наскоро; указываетъ преимущественно на то, что Небольсинъ, назвавъ свою статью „Путешествующіе киргизы“, умолчалъ объ оффиціальномъ характерѣ, который носила данная поѣздка—(они были депутатами), и на то, что Небольсинъ далъ характеристику лишь нѣсколькихъ изъ этихъ депутатовъ. Л. Плотниковъ, въ качествѣ пристава, самъ сопровождалъ этихъ киргизовъ, знаетъ ихъ лично и даетъ характеристику каждаго изъ нихъ. Эти странички наиболѣе интересны въ статьѣ, такъ какъ онѣ бросаютъ свѣтъ на жизнь передовыхъ киргизовъ 50 гг.

М. С. Бабаджановъ.—Замѣтка киргиза о житьѣ бытьѣ и участи его родичей. (С.-Петербургскія Вѣдомости. 1861. № 136).

М. С. Бабаджановъ.—Апелляція киргиза къ публикѣ, по поводу статьи Русскаго Вѣстника, подъ заглавіемъ „Киргизоманія“. (Сѣверная Пчела. 1861. № 131.).

* **Дикокаменная Орда.**—Изъ статьи г. Валиханова о Джунгаріи, помѣщенной въ запискахъ И. Русск. Географическаго Общества. (Сѣверная Пчела 1861 № 192).

Г. —Замѣтка о хлѣбопашествѣ въ Киргизской степи. (Газета для сельскихъ хозяевъ 1861 № 18).

Списокъ населенныхъ мѣстъ Россійской Имперіи. II—Астраханская губ. СПБ. 1861.

Помѣщена краткая замѣтка о Букеевской ордѣ, съ приложеніемъ списка родовъ, отдѣленій и подотдѣленій этой орды. У каждаго рода обозначено количество кибитокъ и мѣсто кочевки.

П. Кеппенъ.—Хронологическій указатель матеріаловъ для исторіи инородцевъ Европейской Россіи. СПБ. 1861.

Въ этой обширной книгѣ, составленной подъ редакціею П. Кеппена, удѣлена глава и киргизамъ: „киргизы и киргизъ-кайсаки", въ которой на 32-хъ страницахъ въ хронологическомъ порядкѣ изложены событія, касающіяся киргизовъ, съ 1567 до 1859 г.

Старковъ.—Краткое описаніе Киргизской степи. (Памятная книжка Тобольской губ. за 1861—1862 гг.).

Г. П. Дрова въ киргизской степи. (Газета для сельскихъ хозяевъ 1861 № 19).

Въ этой статьѣ говорится объ отсутствіи лѣса и топлива въ киргизской степи и о приготовленіи кизяка, какъ единственнаго средства для топлива.

Н. Фридериксъ.—Джютъ и буранъ. Изъ записокъ о Западной Сибири. (Русскій Міръ 1861. № 96).

М. Ильминскій.—Матеріалы къ изученію киргизскаго нарѣчія. (Ученыя записки, издаваемыя И. Казанскимъ Университетомъ 1861).

Въ 3-й книжкѣ этого года авторомъ помѣщено „Вступительное чтеніе къ курсу турецко-татарскаго языка", имѣющее отношеніе къ киргизскому нарѣчію.

А. Ивановскій.—О киргизахъ Бухтарминскаго края. (Томскія губернскія Вѣдомости. 1861 № 15).

К. Калачевъ.—1. Султанжанъ.—2. Курбанъ-байрамъ. (Библіотека для чтенія. 1862 № 11. стр. 227—231).

Два стихотворенія—сцены изъ киргизской жизни.

Л. Плотниковъ.—Письмо къ издателю Русскаго Вѣстника. (Русскій Вѣстникъ— Современная Лѣтопись. 1861. № 33. Августъ).

Авторъ возражаетъ Небольсину, напечатавшему въ № 5 „Современной Лѣтописи" статью противъ помѣщенной Л. Плотниковымъ въ XXX Т. Русскаго Вѣстника статьи, обличающей Небольсина въ неправдѣ и искаженіи фактовъ въ его замѣткѣ „Путешествующіе Киргизы".

Русановъ.—Взглядъ на экономическій и общественный бытъ киргизовъ. Изъ путевыхъ замѣтокъ. (Томскія Губернскія Вѣдомости. 1861 №№ 36—44 и 48—49).

Русановъ.—Собраніе актовъ, договоровъ и граматъ до киргизской степи относящихся. (Томскія Губернскія Вѣдомости. 1861 № 28—36.)

Статистическіе очерки Оренбургской губерніи. (Оренбургскія Губернскія Вѣдомости 1861. № 13).

Семейная распря въ киргизъ - кайсацкой степи. (Часъ Досуга. 1861 №№ 9 и 10).

Эта статья есть извлеченіе изъ повѣсти В. Даля „Букеи и Мауляна", о которой будетъ сказано ниже).

Записка Мухамедъ Галія Тяукина: о хозяйствѣ ордынцевъ, кочующихъ въ Зауральской степи (Экономическія Записки. 1861, № 41).

А. Гренъ.—Изъ путевыхъ замѣтокъ (Инженерн. Журналъ. 1862 № 4).

Гренъ участвовалъ въ экспедиціи для изслѣдованія теченія р. Дандн-Дарьи.

Описаніе содержитъ дневникъ экспедиціи: отъ форта № 1 (Казала) до форта № 2 (Кармакчи), фортъ № 2, островъ Кош-курганскій, разливъ Караузяка и пути къ форту Перовскому. Встрѣчается описаніе нѣкоторыхъ бытовыхъ сторонъ киргизскаго народа.

Оренбургскій край.—(Оренбургскія Губ. Вѣдомости. 1862 № 25).

И. Русановъ. О положеніи киргизъ-кайсаковъ, перешедшихъ въ XVIII столѣтіи въ передѣлы Томской Губерніи. (Томскія Губернскія Вѣдомости. 1862 №№. 32 и 33).

Т. Созонтовъ.—Киргизъ изъ окрестностей Гурьева городка. (Оренбургскія Губернскія Вѣдомости. 1862. №№ 2 и 3).

П. Слюзъ.—Тризны у киргизовъ. (Сѣверная Пчела. 1862. № 283).

П. Медвѣдскій.—Внутренняя Букеевская орда. (Журналъ Мин. Госуд. Имущ. 1862. Іюль, Августъ и Сентябрь).

Содержаніе: *Іюль.*—Границы, почва и климатъ. *Августъ.*—Переходъ, надѣлъ земли Джангиромъ, подробное описаніе зимовки (домовъ), тебеневокъ (мѣстъ, избираемыхъ для зимовки), кочевья, движеніе ордынцевъ на кочевья, подробное описаніе кибитки, раздѣленіе народа (перечисленіе родовъ) и перечисленіе кибитокъ, верблюдовъ, лошадей, рогатаго скота, овецъ и козъ по отдѣленіямъ. *Сентябрь.*—Скотъ: зоологическое описаніе, польза, болѣзни, народныя средства, выдѣлываніе шкуръ и т. д.

Л—ій.—Свадебные обычаи у киргизовъ Оренбургскаго вѣдомства. (Московскія Вѣдомости. 1862. №№ 151, 154 и 158).

На 17 столбцахъ помѣщено подробное описаніе обряда сватовства и свадьбы у киргизовъ; говорится также объ отношеніяхъ жениха къ невѣстѣ, мужа къ женѣ и о наложницахъ. Данныя эти тѣмъ болѣе цѣнны, что многое изъ нихъ относится уже къ отдаленному прошлому.

Султанъ Мендали Пираліевъ. — Изъ Зауральской степи. (День. 1862 №№ 28, 32, 35).

Въ первомъ письмѣ авторъ статьи помѣстилъ свою біографію, которая рисуетъ намъ въ интересной формѣ начало просвѣщенія, положенное въ степи Неплюевскомъ корпусомъ; далѣе авторъ говоритъ о недостаткахъ степного управленія. Во второмъ (наиболѣе интересномъ) письмѣ говорится объ имени „кайсакъ", „казакъ", „киргизъ", описываются причины, побудившія киргизовъ принять русское подданство и говорится о ханской власти Въ третьемъ письмѣ изложены наши сношенія съ киргизами по принятіи ими нашего подданства, объ административномъ устройствѣ и объ отношеніяхъ киргизовъ къ нашимъ властямъ. Эти три письма занимаютъ 20 столбцовъ. Обѣщанное авторомъ четвертое письмо не появлялось въ „Днѣ" за 1862 г. и мнѣ неизвѣстно.

Шницлеръ (Schnitzler).—L'Empire des Tsars. Paris et Strasbourg. T. I et II. 1862.

Какъ въ первомъ, такъ и во второмъ томѣ, авторъ даетъ описаніе Киргизской степи и киргизовъ съ кара-киргизами: топографію, народонаселеніе, дѣленіе на орды, происхожденіе имени и т. д.

В. Григорьевъ.—О передачѣ звуковъ киргизскаго языка буквами русской азбуки (Ученыя Записки Казанскаго Университета. 1862 г. вып. II).

Статья эта—письмо къ Н. И. Ильминскому по поводу его Русской транскрипціи киргизской рѣчи. Авторъ говоритъ о практическомъ неудобствѣ этой транскрипціи и приводитъ въ заключеніе примѣры своей транскрипціи.

Радловъ (Radloff).—Observ s. les Kirghiz (Jour. Asiat. 1863, № 9).

П. Семеновъ.—Географическо-статистическій словарь Россійской Имперіи. т. I. СПБ. 1863.

Среди различныхъ статей, имѣющихъ отношеніе къ Киргизской степи и къ киргизамъ, напримѣръ, „Большая орда" и т. д., слѣдуетъ отмѣтить статью „Внутренняя орда", гдѣ авторъ описываетъ топографію мѣстности, исторію образованія этой орды, рода киргизовъ и скотоводство.

Военный Сборникъ 1863 г. № 1.

Въ 54 и 55. примѣчаніяхъ къ статьѣ Голосова, „о Хивинскомъ походѣ" помѣщены свѣдѣнія о предшествовавшихъ этому походу „поискахъ" въ Киргизской степи.

Вельяминовъ-Зерновъ.—Изслѣдованіе о Касимовскихъ царяхъ и царевичахъ. Ч. II. СПБ. 1864.

Во второй части этого обширнаго и въ высшей степени цѣннаго сочиненія говорится о Касимовскомъ царѣ Уразъ-Мухаммедѣ, который былъ родомъ киргизъ. Разбирая родословную этого царя, авторъ переноситъ читателя на дальній востокъ, ничего, повидимому, не имѣющій общаго съ Касимовскимъ царствомъ, и даетъ интересныя и новыя свѣдѣнія о киргизахъ и кара-киргизахъ. Сама по себѣ родословная этого киргизскаго султана, проведенная до мельчайшихъ подробностей, проливаетъ новый свѣтъ на жизнь киргизскаго народа. Это изслѣдованіе, хотя оно какъ будто и занимаетъ второстепенное мѣсто въ сочиненіи, выдѣляетъ автора на первый планъ и среди изслѣдователей о киргизскомъ народѣ. Особенно цѣнны свѣдѣнія, приведенныя изъ сочиненія Тарихи-Рашиди, писаннаго Мухаммедъ-Хайдеръ Гурейканомъ.

Гордонъ.—Шесть лѣтъ въ Оренбургѣ. Воспоминанія поляка, разжалованнаго въ солдаты. Дрезденъ. 1864.

Сочиненіе это написано на польскомъ языкѣ. Нѣмецкій переводъ его изданъ подъ заглавіемъ: Sechs Jahre in Orenburg. Erlebnisse eines polnischen strafsoldaten. Aus dem polnischen.

* **Шотъ (W. Schott).**—Ueber die ächten Kirgisen. (Aus den Abhandlungen der Königl. Akad. der Wissenschaften zu Berlin. 1863. 4°. 429 и 474).

В. Григорьевъ.—Оренбургскіе киргизы. (Народная Бесѣда 1864. кн. 1).

На 15 страницахъ сдѣланъ краткій очеркъ быта киргизовъ, „ихъ честности и умѣнья въ торговомъ дѣлѣ." Писано народнымъ языкомъ для простолюдиновъ.

К. Губаревъ. — Киргизская степь. (Современникъ. Т. С. II. 1864. Отдѣлъ I).

Авторъ на 17 страницахъ описываетъ Коряковъ, Коряковское соляное озеро и Каркаралинскій округъ, природу и нѣкоторыя стороны киргизскаго быта—между прочими и „байгу" (празднество).

М. Иванинъ.—Внутренняя или Букеевская орда. (Эпоха. 1864 № 12).

Авторъ этой статьи состоялъ Предсѣдателемъ Временнаго Совѣта и хорошо знакомъ съ ордою. Статья эта (48 страницъ мелкой печати) интересна тѣмъ, что въ ней затрагиваются тѣ стороны, которыя никѣмъ не описывались, а именно въ ней говорится: о недостаткахъ правленія Джангира, о несправедливомъ надѣлѣ землею, имѣвшемъ пагубныя слѣдствія для киргизовъ, о судебномъ разбирательствѣ, учрежденіи ссудной кассы для киргизовъ, о новомъ надѣлѣ земли; кромѣ того о почвѣ, торговлѣ, волненіяхъ въ степи и т. д.

—ковъ.—Киргизы. (Воскресный Досугъ. 1864. № 72 и 73).

Говорится о смутномъ происхожденіи киргизовъ, общемъ характерѣ мѣстности; помѣщены описанія кибитки, характера киргизовъ, баранты, религіи, пѣсни и другихъ бытовыхъ сторонъ, — все на 10 столбцахъ. Приложены два рисунка типовъ: киргиза и киргизки.

Погребеніе у киргизовъ.—(Иллюстрированная Газета. 1864. № 45).

Статья заимствована изъ описанія путешествія Аткинсона. Рисуетъ обрядъ погребенія богатаго султана; указываетъ на остатки языческой старины. Приложены два рисунка.

В. Радловъ. (W. Radloff).—Beobachtungen über die Kirgisen. (Petermanns Mittheilung. 1864. p. 163—168).

Этотъ авторъ въ одной главѣ своего обширнаго сочиненія „Aus Sibirien" изложилъ всѣ свои наблюденія надъ киргизами.

С. Бабаждановъ.—О каменной бабѣ, найденной въ Киргизской степи. (Этнографическій Сборникъ Император. Руссаго Географическаго Общества. Вып. VI. 1864 г.).

Авторъ пишетъ о найденной, въ іюнѣ 1862 г., близь Ханской Ставки, въ барханахъ, „каменной бабѣ." Длина ея—$2^1/_2$ арш., ширина—$^3/_4$ арш.; она изображаетъ сидящую женщину. Авторъ предполагаетъ, что это истуканъ калмыцкихъ или монгольскихъ временъ. Тутъ же найдены бронзовая стрѣла и осколки посуды. Авторъ описываетъ впечатлѣніе, произведенное находкой на киргизовъ, и говоритъ также о муллахъ и народномъ леченіи.

The Russians in Central Asia. London. 1865.

Это сочиненіе, по своему содержанію, имѣетъ близкое отношеніе къ Киргизской степи (см. Извѣстія И. Рус. Геогр. Общества. 1865 г. т. I, № 7, стр. 146).

Оренбургскія Губернскія Вѣдомости. 1865 г. №№ 43, 45, 47, и 49.

Курганы въ Пріуральскихъ мѣстахъ Оренбургской губеріи.

Валихановъ (Walichanoff).—The Russians in Central Asia. London. 1865.

Говорится, между прочимъ, о кара-киргизахъ.

Киргизская степь Оренбургскаго вѣдомства (Петербургскія Вѣдомости. 1865. № 312)

Рецензія, на сочиненіе Л. Мейра, а также на переводъ сочиненія Вамбери „Путешествіе по Средней Азіи".

П. Семеновъ.—Географическо-статистическій словарь Россійской Имперіи. СПБ. 1865.

Во второмъ томѣ словаря, подъ словомъ „киргизъ-кайсаки" и „киргизы", помѣщены статьи о киргизахъ и кара-киргизахъ, касающіяся мѣстъ, занимаемыхъ ими, ихъ исторіи, просхожденія численности и т. д. Кромѣ того, помѣщена важнѣйшая библіографія по этимъ народностямъ. Кромѣ этого, во всѣхъ томахъ, подъ различными литерами, помѣщены интересныя статьи и замѣтки, относящіяся до географіи Киргизскихъ степей.

Б. Залескій (B. Zaleski).—La vie des steppes Kirghises. Paris 1865.

Авторъ провелъ въ разныхъ мѣстахъ зауральской киргизской степи 9 лѣтъ. Въ этомъ сочиненіи слѣдуютъ, въ цѣломъ ряду главъ, въ высшей степени ярко написанныя картины изъ жизни киргизовъ. Въ первой главѣ говорится вообще о жизни въ степи; далѣе слѣдуютъ главы, посвященныя живому описанію природы, киргизской женщинѣ, батырямъ, затѣмъ главы: о питаніи, о деревьяхъ, почитаемыхъ священными, кибиткахъ, аулѣ, могилахъ и древностяхъ. Хотя авторъ и говоритъ въ предисловіи, что онъ не задается цѣлями этнографическими, но онъ даетъ столь полное описаніе быта киргизовъ, что это сочиненіе несомнѣнно имѣетъ этнографическое значеніе болѣе, чѣмъ многія другія сочиненія.

Альбомъ видовъ изъ киргизской степи. (Извѣстія И. Русскаго Географическаго Общества 1865. Т. I. № 9).

Статья извѣщаетъ о появленіи въ свѣтъ „La vie des steppes Kirghises. —Bronislav Zaleski." Paris 1865. Статья отзывается съ большой похвалой объ этой книгѣ.

В. Долинскій.—Объ отношеніяхъ Россіи къ Средне-Азіатскимъ владѣніямъ и объ устройствѣ киргизской степи Спб. 1865.

Эта небольшая книжка (55 страницъ) представляетъ собою сборникъ интересныхъ статей, напечатанныхъ въ „Биржевыхъ" Вѣдомостяхъ" за 1864 и отчасти за 1865 гг., по поводу занятія нами въ 1863 г. Туркестанской области, и посвященныхъ торговымъ сношеніямъ, мѣстному управленію и пр. Статьи, вошедшія въ эту книжку изъ „Биржевыхъ Вѣдомостей," слѣдующія: 1864 г. №№ 214, 215, 250, 305, 308 и 310 и 1865 г. № 24. Приложена карта.

Жизнь въ киргизскихъ степяхъ. (Биржевыя Вѣдомости. 1865 № 243).

Статья содержитъ рецензію на сочиненіе „La vie des steppes Kirghises, descriptions, et contes" Бронислава Залескаго, изд. въ Парижѣ. Авторъ статьи отзывается о данномъ сочиненіи съ большой похвалой и приводитъ, какъ образецъ, „сравненіе степи съ моремъ".

А. Круторожинъ. — Курбанъ-байрамъ. (Иллюстрированная газета 1865 №№ 47 и 48).

Разсказъ Уральскаго казака-офицера изъ жизни киргизовъ Малой орды. Есть указанія на киргизскія пѣсни. (На 6 столбцахъ).

Л. Мейеръ.—Матеріалы для географіи и статистики Россіи. Киргизская степь Оренбургскаго вѣдомства. Спб. 1865.

Это сочиненіе (288 страницъ) содержитъ обширное введеніе, касающееся исторіи Малой орды, далѣе географическое описаніе Оренбургской киргизской степи, описаніе климата, естественныхъ произведеній края. Далѣе авторъ говоритъ о народонаселеніи, промышленности, торговлѣ и затрогиваетъ бытовую сторону киргизовъ.

М. Путинцевъ. — Отъ Семипалатинскаго до Копала. Изъ путевыхъ замѣтокъ. (Военный Сборникъ 1865 № 12).

На 22 страницахъ авторъ разсказываетъ о жизни казацкихъ офицеровъ на степномъ пикетѣ зимою и лѣтомъ; далѣе говоритъ о барантѣ и нѣкоторыхъ другихъ сторонахъ быта киргизовъ.

С—овъ.—Этнографическія замѣтки о Зачуйскомъ краѣ. (Извѣстія Императорск. Русск. Геогр. Общества 1865 Т. 1 № 8).

* Кратко говорится о кара-киргизахъ, междуусобной ихъ борьбѣ, покореніи ихъ китайцами и коканцами, переходѣ ихъ въ наше подданство и отношеніи ихъ къ Кокану.

А. Спонвиль (A. Sponville). — Chez les Kirghiz. Bullet. de la Soc. de Geogr. 1865 Mai.

А. Фонъ Этцель и Г. Вагнеръ.—Путешествіе по Сибири, пер. съ нѣмецкаго Н. Детша. Спб. 1865.

Это сочиненіе – компиляція изъ путешествій Аткинсона, Миддендорфа, Радке и др.—заключаетъ въ себѣ интересныя сценки изъ быта киргизовъ Средней Азіи, главнымъ образомъ взятыя изъ записокъ Аткинсона (и его жены), который поставилъ себѣ задачею проникнуть чрезъ киргизскія степи до поднебесныхъ горъ.

А. Бекеръ (A. Becker). — Reise in die Kirgisen-Steppe nach Astrachan und an das Caspische Meer. Moskau 1866.

Беккеръ предпринялъ поѣздку въ 1865 г. въ Букеевскую орду съ цѣлью собрать для Петербургскаго ботаническаго сада корни, сѣмена и растенія. Онъ посѣтилъ Б. Богдо, гдѣ пробылъ нѣсколько дней, затѣмъ проѣхалъ на Чапчачи и возвратился на Ахтубу. Онъ даетъ описаніе посѣщенныхъ имъ мѣстностей и указываетъ на нѣкоторыя стороны быта киргизовъ. Въ концѣ своей брошюры 45 страницъ) онъ приводитъ списокъ найденныхъ имъ растеній и насѣкомыхъ.

Марте (Dr. Marthe). — Aus dem Kirgisenlande (Zeitschr. d. Geogr. Gesell. in. Berlin—1866 № 4).

Генсъ.—Киргизскіе очерки. (Военный Сборникъ 1866 №№ 1, 6, 7 и 8).

На 129 страницахъ авторъ въ цѣломъ рядѣ разсказовъ знакомитъ со многими интересными сторонами киргизскаго быта и жизни въ степи.

Ф. Ло—чь.—Корреспонденція изъ Оренбурга. (С.-Петербургскія Вѣдомости 1866 № 150).

О необходимости перемѣны существующаго административнаго строя.

М. Михайловъ.—Оренбургскія письма. Спб. 1866.

Книга содержитъ весьма краткія и отрывочныя свѣдѣнія о киргизахъ.

М. Михайловъ.—Киргизская степь (С.-Петербургскія Вѣдомости 1866 № 155).

Эта статья содержитъ очеркъ топографіи Оренбургской и Сибирской киргизскихъ степей. Описаніе ихъ въ болѣе полномъ видѣ вошло въ статью того же автора, помѣщенную въ Литературной Библіотекѣ. 1867 г. Январь.

Д. Романовскій.—О географическихъ изслѣдованіяхъ въ киргизской степи и Туркестанской области въ 1865 г. и т. д. (Извѣстія И. Русск. Географич. Общества. 1866 г. Т. II. № 1).

Авторъ говоритъ объ экспедиціяхъ въ 1865 году: гг. Гирса, Длотовскаго, Струве, Сѣверцева и Вамбери, говоритъ также о почвѣ степи, бытѣ и торговлѣ киргизовъ.

П. Семеновъ.—Географическо-статистическій словарь Россійской Имперіи т. III, СПБ. 1866.

Среди различныхъ статей (напр. „Малая орда"), касающихся отдѣльныхъ мѣстъ Киргизской степи, помѣщена большая статья. „Область Оренбургскихъ киргизовъ", гдѣ говорится о топографіи мѣстности, метереологическихъ данныхъ, киргизскихъ родахъ, народонаселеніи и исторіи образованія области.

Барбаджанъ. — Корреспонденція изъ Оренбурга. (С.-Петербургскія Вѣдомости. 1867. № 253).

Объ археологическихъ работахъ П. И. Лерха въ Джанъ-Кентѣ, Ауліеатѣ и другихъ мѣстахъ.

М. Галкинъ.—Этнографическіе матеріалы по средней Азіи и Оренбургскому краю. (Записки Императорскаго Русск. Геогр. Общества, по отдѣлу Этнографіи. Спб. 1867 г.)

Во второй главѣ помѣщены дорожники черезъ Среднеазійскія киргизскія степи; въ пятой главѣ—„свѣдѣнія о мѣстахъ расположенія киргизскихъ родовъ Оренбургскаго края" и нѣкоторыя разбросанныя свѣдѣнія о киргизахъ.

Оренбургскія Губернскія Вѣдомости. 1867. № 156.

Ѳ. Григорьевъ. — Старая погудка на новый ладъ. (Москва 1867 № 46).

Авторъ возражаетъ Петербургскимъ Академическимъ Вѣдостямъ на замѣтку о найденномъ будто бы новомъ „подземномъ городѣ", у форта № 1, около Сыръ-Дарьи, и описываетъ развалины Джанъ-Кента.

Жизнь въ киргизскихъ степяхъ. (Биржевыя Вѣдомости. 1867. № 108).

Статья перепечатана изъ нѣмецкаго журнала „Gartenlaube", помѣстившаго ее съ цѣлью предупредить нѣмецкихъ колонистовъ о трудностяхъ жизни въ степи. Рисуется живыми красками природа степей, сценки изъ быта киргизскихъ султановъ и говорится о невыгодахъ и трудностяхъ кочевой жизни.

И. Завалишинъ.—Описаніе Западной Сибири. Т. III. Сибирско-Киргизская степь. М. 1867.

Говорится кратко о почвѣ степи, орографіи, гидрографіи, исторіи киргизскаго племени, и управленіе киргизами въ 60-хъ годахъ; также говорится о

жизни киргизовъ, языкѣ ихъ, типѣ, характерѣ, религіи, нѣкоторыхъ обрядахъ, нѣкоторыхъ сторонахъ быта и затѣмъ о торговлѣ, количествѣ населенія и скотоводствѣ.

Записки Дмитрія Борисовича Мертваго. 1760—1824. **Изд. Русскаго Архива. М.** 1867.

Авторъ этихъ записокъ, въ концѣ XVIII стол. служилъ въ Оренбургскомъ краѣ. Во второй главѣ записокъ (стр. 37—97) встрѣчаются нѣкоторыя замѣтки о киргизскихъ степяхъ Оренбургскаго вѣдомства.

И. Казанцевъ.—Описаніе Киргизъ-Кайсакъ, Спб. 1867.

Заключаетъ преимущественно историческую часть, обширно-развитую, но не мало и интересныхъ бытовыхъ сторонъ. Въ видѣ прибавленія на 23 страницахъ помѣщены очерки Букеевской орды: ея границы, почва, животный міръ; также свѣдѣнія о переходѣ изъ-за Урала; о родахъ, Букеѣ, Джангирѣ и его семействѣ; о скотоводствѣ и торговлѣ у киргизовъ; въ заключеніе объ изслѣдованіяхъ Ауэрбахомъ горъ Букеевской степи.

Михайловъ.—Киргизы. (Литературная Библіотека. 1867. **Іюнь).**

На 10 небольшихъ страницахъ авторъ даетъ очерки киргизовъ: роды и родовыя подраздѣленія, вѣроисповѣданія, домашній бытъ, нравы и обычаи, занятія и промыслы, нравственное и умственное развитіе киргизовъ.

Очеркъ внутренней торговли киргизской степи. (Сборникъ свѣдѣній и матеріаловъ по вѣдомству Министерства Финансовъ. Т. III, кн. IX. 1867).

Я могъ пользоваться только второй статьею, въ которой имѣется общее описаніе характера степныхъ базаровъ; между прочимъ помѣщены цѣны на разные товары.

А. Тетеревниковъ.—Очерки внутренней торговли киргизской спепи. Спб. 1867.

Авторъ въ своей брошюрѣ (на 72 страницахъ) кратко описываетъ: характеръ мѣстности, торговлю въ аулахъ и на базарахъ укрѣпленій и даетъ много цифровыхъ данныхъ.

Записки Императорскаго Русскаго Географическаго Общества. По общей географіи. т. I. СПБ. 1867.

Въ этомъ томѣ помѣщено много статей, касающихся Киргизской степи, а именно: Полторацкаго—Общій обзоръ страны, лежащей къ западу отъ Закаспійскаго края (съ картою); Ильина—Объяснительная записка къ картѣ полковника Полторацкаго; Н. Сѣверцева—Поѣздка въ западную часть Тянь-Шана; П. Семенова—Поѣздка изъ укрѣпленія Вѣрнаго къ западной оконечности оз. Иссыкъ-Куля въ 1856 г.; Н. Абрамова—Укрѣпленіе Вѣрное и его окрестности; Н. Аграмова—г. Копаль съ его округомъ въ 1862 г.; Н. Абрамова—станица Верхлепсинская въ 1864 г.; Путешествіе на оз. Зайсанъ К. Струве и Г. Потанина; Г. Потанина—Зимняя поѣздка на оз. Зайсанъ; Поѣздка по восточному Тарбагатаю К. Струве и Г. Потанина. Всѣ эти статьи даютъ очень много интересныхъ и весьма цѣнныхъ свѣдѣній о киргизахъ (собственно Г. Потанина) и Киргизской степи.

Корреспонденція изъ Ташкента (Голосъ 1867 г. № 169).

Говорится о Сыздыкѣ (Садыкѣ) и его возстаніи. Авторъ корреспонденціи даетъ характеристику этой личности и отчасти его отца Кенисары, описываетъ мятежъ и указываетъ на Сыздыка, какъ на партизана.

Вамбери (H. Wambery).—Čagatasche Sprachstudien Leipzig. 1867.

М. Галкинъ.—Нѣсколько дорожниковъ чрезъ наши Киргизскія степи въ Среднюю Азію и между Бухарой, Кокановъ, Шехри-Сябзомъ, Чаржуемъ, Ташкентомъ и пр. (Уфимскія Губернскія Вѣдомости 1867 г.).

А. Вембери.—Путешествіе по Средней Азіи въ 1863 **году М.** 1867.

Это сочиненіе, написанное въ привлекательной формѣ, заключаетъ, кромѣ нѣкоторыхъ разбросанныхъ данныхъ о киргизахъ, еще ихъ краткую характеристику (II отдѣлъ, глава 3).

П. Семеновъ.—Географическо-статистическій словарь Россійской Имперіи. т. IV. СПБ. 1868

Помѣщены интересныя и довольно обширныя статьи о Семипалатинской и Семирѣченской областяхъ и др.

Н. Абрамовъ.—Станица Верхлепсинская. (Тобольскія Губернскія Вѣдомости. 1868. № 13 и 14).

Авторъ статьи говоритъ о принятіи частью Большой орды нашего подданства, въ 1830 г. о рѣкѣ Лепсѣ (одной изъ 7 Семирѣченскаго края), бывшей нашей границѣ, о положеніи Верхлепсинской станицы, о климатѣ Чубаръ-агачской долины, о растеніяхъ и животныхъ этой долины, о хлѣбопашествѣ и т. д.

В. Войновъ.—Народный киргизскій праздникъ по случаю прибытія въ Сибирь Великаго Князя Владиміра Александровича. (Современная Лѣтопись. 1868. № 24).

Описывается пріѣздъ Великаго Князя и устроенное по случаю его пріѣзда празднество (байга), заключавшееся въ единоборствѣ, бѣгѣ, скачкѣ и кукбурѣ.

Грабежъ въ степи, наказанный по народнымъ обычаямъ киргизовъ. (Оренбургскія Губернскія Вѣдомости 1868 № 8)

Красовскій. Матеріалы для географіи и статистики Россіи. Область Сибирскихъ киргизовъ. Спб 1868. 3 тома.

Въ первомъ томѣ помѣщено описаніе топографіи страны, путей сообщенія, почты, торговли, населенія, съ обширнымъ историческимъ введеніемъ; затронута и бытовая сторона.

Во второмъ томѣ говорится о скотоводствѣ, хлѣбопашествѣ, горнозаводскомъ дѣлѣ, торговлѣ и религіозномъ, умственномъ и нравственномъ образованіи киргизовъ.

Въ третьемъ томѣ описано управленіе и бытъ: образъ жизни, семья, бракъ, праздники, погребеніе, древности и проч.

Корреспонденція изъ Оренбурга, 7 ноября 1867. г. (Современныя Извѣстія. 1868 г. № 257).

Корреспонденція изъ Оренбурга, 5 августа 1868. (Вечерняя Газета. Перепечатно въ Народной Газетѣ № 33.

Корреспонденція изъ Оренбурга. (Современныя Извѣстія 1868. Перепечатано въ „Голосѣ" 268).

Савичевъ.—Отъ Кармановскаго форпоста. (Уральскія Войсковыя Вѣдомости. 1868. № 43).

Костенковъ.—Статистическо-хозяйственное описаніе Калмыцкой степи. Калмыцкая степь Астраханской губерніи по изслѣдованіямъ Куме-Маныческой экспедиціи) Спб. 1868.

Въ приложеніи къ 4 главѣ помѣщены тамги калмыковъ и другихъ инородцевъ, между прочимъ и киргизовъ Остальныя тамги служатъ матеріаломъ для сравненія ихъ съ киргизскими тамгами.

К. А.—Шайтанъ. (Воскресный досугъ. 1868. № 269).

Въ этомъ маленькомъ разсказѣ охарактеризовано суевѣріе киргизовъ, которые вѣрятъ въ шайтана.

С. Бабаджановъ. Споръ Уральскихъ казаковъ съ Киргизами Внутренней орды. (Дѣятельность. 1868. № 109).

Авторъ, самъ киргизъ, указываетъ на три спорныхъ участка: Межузеньскій.

Камышъ-Самарскія озера и песчаносолонцеватый участокъ на югѣ отъ озеръ Авторъ говоритъ, что обѣ стороны права на участки не имѣютъ, но что ихъ слѣдовало бы передать киргизамъ, въ виду ихъ худшаго экономическаго положенія; тутъ же авторъ рисуетъ, кратко и экономическое положеніе той и другой стороны. Передовая статья этого нумера служитъ дополненіемъ къ статьѣ Бабаджанова.

С. Фустовъ — Замѣтки о торговлѣ Внутренней Киргизской орды (Оренбургскія Губернскія Вѣдомости. 1868 г. № 16).

Письма В. Радлова. (Извѣстія И. Русск. Географическаго Общества. 1868 г. т. IV, № 6).

Письма касаются преимущественно измѣненія Киргизской степи съ 1862 г. къ лучшему.

М. Венюковъ. — Путешествіе по окраинамъ Русской Азіи и записки о нихъ. СПБ. 1868.

Въ этомъ интересномъ сочиненіи слѣдуетъ преимущественно отмѣтить свѣдѣнія по исторіи и быту киргизовъ и кара-киргизовъ, а также главы по топографіи страны: замѣчаніе объ озерѣ Иссыкъ-Кулѣ и очерки Закаспійскаго края.

А. Вамбери. — Очерки Средней Азіи (дополненіе къ „Путешествію по Средней Азіи“). Москва. 1868.

Авторъ въ XVI-й главѣ (Этнографическіе очерки тюркс. и иранск. племенъ Средней Азіи) говоритъ, между прочимъ, и о кара-киргизахъ и киргизахъ. На первыхъ онъ останавливается, описывая кратко (на одной страницѣ) ихъ внѣшній типъ, на вторыхъ же—болѣе подробно (на семи страницахъ), говоритъ объ ихъ типѣ, одеждѣ, даетъ интересныя свѣдѣнія объ языческихъ обрядахъ, гаданьяхъ, суевѣріяхъ и національныхъ кушаньяхъ.

П. Пашино.—Туркестанскій край въ 1866 году СПБ. 1868.

Въ этихъ изящно изданныхъ путевыхъ замѣткахъ, украшенныхъ хорошими рисунками, можно найти разбросанныя свѣдѣнія о Киргизской степи и о киргизахъ.

Вѣдомость объ осенней ярмаркѣ Внутренней киргизской орды (Оренбургскія Губернскія Вѣдомости. 1868 № 51).

И. Русановъ. — Статистическій очеркъ Киргизской степи Сибирскаго вѣдомства (Томскія Губернскія Вѣдомости. 1868 г. №№ 24, 25 и 28).

Ибрагимовъ. — Киргизскія пословицы (Туркестанскія Вѣдомости. 1868 г. № 1 и 6).

По поводу волненій въ Киргизской степи (Голосъ. 1868 № 99).

Перепечатанное изъ „Русскаго Инвалида“. Сообщеніе о волненіяхъ въ Киргизской степи.

Оренбургскія Губернскія Вѣдомости. 1869. № 9.

Пріемъ депутаціи отъ киргизовъ Тургайской области Оренбургскимъ генералъ-губернаторомъ.

Оренбургскія Губернскія Вѣдомости. 1869 г. № 13.

Волненія въ Оренбургскомъ краѣ, предшествовавшія бунту киргизскаго султана Кенисары Касимова.

По поводу статьи „О причинахъ волненій въ Киргизскихъ степяхъ“. (Современная Лѣтопись. 1869. № 24).

Эта статья принадлежитъ перу бывшаго члена Степной Коммиссіи и служитъ возраженіемъ на статью Л. Арасанскаго, помѣщенную въ № 22 „Современной Лѣтописи“ и указывающую, какъ на причину волненій киргизовъ, на недостатки „новаго положенія“.

Оренбургскія Губернскія Вѣдомости. 1869 г. № 34.

Вѣдомость о весенней ярмаркѣ во Внутренней киргизской ордѣ.

Послѣднія событія въ Киргизской степи (Русскій Инвалидъ. 1869 г. № 123).

Говорится о киргизскихъ волненіяхъ, обусловленныхъ „новымъ положеніемъ" и о недостаткахъ его.

Всеобщая Газета 1869 г. № 67.

Въ „Экономическомъ Отдѣлѣ" помѣщена статья о золотопромышленности въ Киргизской степи.

Л. Арасанскій.—Причины волненій въ киргизскихъ степяхъ (Современная Лѣтопись 1869 г. № 22).

Авторъ этой статьи (на 6 столбцахъ) говоритъ объ образѣ жизни киргизовъ, объ отнощеніи Коканскаго правительства къ киргизамъ, о религіи киргизовъ, о барантѣ; говоритъ также о существовавшемъ административномъ строѣ, о генералъ-губернаторствѣ Черняева и „новомъ положеніи"—причинѣ волненій.

Л. Арасанскій. — Причины волненій въ киргизскихъ степяхъ. (Дѣятельность 1869. 22 іюня № 98).

Авторъ даетъ краткій очеркъ быта азіатскихъ киргизовъ, описываетъ административное устройство степи въ разное время, говоритъ о преимуществѣ административнаго устройства, установленнаго Черняевымъ, и о недостаткахъ „положенія" 1867 г., которое имѣло слѣдствіемъ волненія въ степи. Волненія, по мнѣнію автора, поддерживались султанами, утратившими свою власть; другая причина волненій—повышеніе подати съ 1 р. 50 к. съ кибитки на 7 руб.

Н. Бабковъ. — Общій взглядъ на устройство поселеній въ сѣверо-восточной части киргизской степи. (Извѣстія Императорскаго Русскаго Географ. Общ. 1869. Т. V № 1—2).

Авторъ говоритъ о необходимости заселенія степи; находитъ, что для этого болѣе удобенъ Зайсанскій край; дѣлаетъ краткій очеркъ топографіи мѣстъ Зайсанскаго округа. Авторъ избралъ мѣсто для будущей станицы на лѣвомъ берегу р. Джемини.

Изъ Оренбургскаго края. (Голосъ 1869 № 278).

О волненіяхъ киргизовъ, подстрекаемыхъ хивинцами.—Извлеченіе изъ „Русскаго Инвалида".

Дѣла въ киргизскихъ степяхъ. (Московскія Вѣдомости. 1869 № 68).

Въ этой статьѣ говорится о волненіи киргизовъ въ Тургайской области при введеніи „новаго положенія" и о столкновеніи казаковъ съ киргизами вооруженною рукою. Статья перепечатана изъ Биржевыхъ Вѣдомостей.

Дѣла въ Оренбургской степи. (Современныя Извѣстія 1869. № 176).

Статья посвящена волненіямъ среди киргизовъ Оренбургской степи.

Изъ Оренбурга.—(Современныя Извѣстія. 1869. № 121).

Авторъ возражаетъ на статью Биржевыхъ Вѣдомостей № 84, по поводу волненій въ киргизской степи.

Изъ Оренбурга.—Современныя Извѣстія. 1869. № 208).

Статья говоритъ о неутихающихъ волненіяхъ въ степи.

М. Галкинъ.—Этнографическіе и историческіе матеріалы по Средней Азіи и Оренбургскому краю. Съ 12 видами, двумя планами и картою Спб. 1869.

Перепечатаны изъ I тома Записокъ Императорсаго Русскаго Географическаго Общества по отд. этнографіи (1867). Къ этому изданію прибавлено нѣсколько главъ, между прочимъ (глава VI), „Выдержки изъ дневника слѣдованія въ 1858 г. изъ Оренбурга въ Хиву кургизскою степью и Аму-Дарьею"; эта глава содержитъ немногочисленныя указанія, касающіяся быта киргизовъ.

Корреспонденція изъ **Оренбурга**: о волненіяхъ въ киргизской степи, съ **Урала**. (Голосъ 1869. № 95).

Возраженіе на корреспонденцію киргиза—адаевца изъ Илецкой крѣпости, помѣщенную въ № 59 С.-Петербургскихъ Вѣдомостей за 1869 г. и описывающую захватъ земли у киргизовъ Уральцами. Авторъ возраженія, „Яикъ-Горыновичъ“ указываетъ на несправедливость Адаевца и говоритъ, что его статья ничто иное, какъ киргизская кляуза.

Корреспонденція изъ **Оренбурга**. Биржевыя Вѣдомости. 1869. № 39).

Статья посвящена „организаціи уѣздовъ въ бывшей области Оренбургскихъ киргизовъ“.

Корреспонденція изъ **Оренбурга**. (Биржевыя Вѣдомости. 1869. № 76).

Статья посвящена разсужденіямъ по поводу введенія „новаго положенія“ въ Тургайской и Уральской территоріяхъ.

Корреспонденція изъ **Оренбурга**. (Биржевыя Вѣдомости 1869. № 123).

Статья написана по поводу устройства двухъ новыхъ укрѣпленій — одного въ Тургайской, а другихъ Уральской области противъ киргизовъ.

Корреспонденція изъ **Оренбурга**. (Биржевыя Вѣдомости. 1869 № 233).

Статья помѣщена по поводу окончившихся, благодаря административнымъ распоряженіямъ, волненій среди киргизовъ.

Киргизскій вопросъ. (Биржевыя Вѣдомости. 1869. № 185). Передовая статья.

Статья говоритъ о введеніи новаго положенія, о слухахъ, тревожившихъ киргизовъ, о волненіяхъ и прекращеніи ихъ.

Корреспонденція изъ **Оренбурга** (Биржевыя Вѣдомости. 1869. № 149).

Статья посвящена возраженію на статьи № 115 „Биржевыхъ Вѣдомостей“ и въ № 113 „Современныхъ Извѣстій“ за 1869 г. Говоритъ о положеніи дѣлъ въ киргизской степи при веденіи „новаго положенія“ и объ Оренбургскихъ казакахъ.

Корреспонденція изъ **Оренбурга**. (Современныя Извѣстія. 1869. № 134).

О киргизѣ Кутебаровѣ—мятежникѣ 1850-хъ годовъ.

Корреспонденція изъ **Оренбурга**. (Современныя Извѣстія. 1869. № 181 и 182).

Авторъ возражаетъ на статью въ № 76 „Биржевыхъ Вѣдомостей“ за 1869 г. о нецѣлесообразности „новаго положенія“ въ киргизской степи.

А Нисченковъ.—**Киргизская степь и ея обитатели**. (Всемірная Иллюстрація. 1869. № 41).

Компиляція изъ разныхъ статей—интересна приложенными рисунками: 3 вида, и 3 типа киргиза, двухъ киргизокъ и „киргиза во время кочевья“.

О волненіяхъ въ Киргизской степи. (Всеобщая газета. 1869. № 45).

Областной отдѣлъ.—(Всеобщая газета. 1869 № 11).

Говорится о волненіяхъ въ степи и причинахъ, побудившихъ киргизовъ къ нимъ.

О положеніи дѣлъ въ Киргизской степи. (Голосъ. 1869. № 249).

Статья говоритъ о „новомъ положеніи“ въ киргизской степи: отмѣнѣ султановъ-правителей, учрежденіи должности уѣздныхъ начальниковъ, увеличеніи покибиточной подати, освобожденіи киргизовъ отъ рекрутскаго набора и т. д.—какъ это было объявлено киргизскимъ депутатамъ въ Оренбургѣ.

Оренбуржецъ.—**Корреспонденція** изъ **Оренбурга**. (Современныя Извѣстія. 1869. № 146).

Авторъ разсказываетъ о ссорѣ киргизовъ между собою о схваткѣ, въ которой пострадала казачья команда; затѣмъ авторъ возражаетъ на статью въ № 118 „Биржевыхъ Вѣдомостей“ за 1869 г.: о безпорядкахъ въ киргизской степи.

Оренбургъ.—(Биржевыя Вѣдомости. 1869 № 156).

Статья говоритъ о столкновеніяхъ съ киргизами отряда, вышедшаго изъ Оренбурга въ Эмбенскій постъ.

Оренбургъ.—(Биржевыя Вѣдомости. 1869. № 104).

Статья посвящена движенію казачьихъ сотенъ въ степи и столкновеніямъ ихъ съ киргизами.

Оренбургъ. 17 **мая.—(Биржевыя Вѣдомости.** 1869. № 150).

Авторъ этой статьи рисуетъ положеніе дѣлъ въ степи послѣ введенія „новаго положенія". Онъ возражаетъ на статью въ № 113 „Современныхъ Извѣстій", которая, въ свою очередь, писана противъ статьи этого же автора, помѣщенной въ № 76 „Биржевыхъ Вѣдомостей".

Оренбургъ.—(Биржевыя Вѣдомости. 1869. № 82).

Статья трактуетъ о началѣ волненій въ киргизской степи при введеніи „новаго положенія" и объ оппозиціи киргизовъ противъ Коммиссіи, командированной по случаю введенія положенія.

Оренбургъ.—(Русскій Инвалидъ. 1869. № 40).

Авторъ говоритъ о „новомъ положеніи" для киргизовъ, объ его введеніи и сочувственномъ отношеніи къ нему киргизовъ, о возникшихъ волненіяхъ, ихъ причинахъ и о мѣрахъ предупрежденія на будущее время такихъ волненій.

Современныя Извѣстія. 1869. № 149. **Передовая статья.**

Авторъ подтверждаетъ факты, описанные въ № 146 этой газеты; редакторъ даетъ добавленія къ его словамъ.

Биржевыя Вѣдомости. 1869, № 184. **Передовая статья.**

Статья посвящена волненіямъ киргизовъ въ Оренбургской степи. Авторъ выставляетъ причиной волненій „новое положеніе". Это положеніе было введено съ цѣлью освободить киргизовъ отъ давленія ихъ собственной аристократіи. Но „новое положеніе" имѣло столь много непрактичныхъ мелочей, что вызвало неудовольствіе среди киргизовъ и, благодаря подстрекательству султановъ и муллъ, даже возмущенія.

Послѣднія событія въ Киргизской степи. (Русскій Инвалидъ. 1869. № 119).

Авторъ говоритъ о нѣкоторыхъ подробностяхъ волненій, о вторженіи хивинскихъ шаекъ и о столкновеніи съ бунтовщиками нашихъ отрядовъ.

Султанъ Бекъ и рѣка Чурукъ-Су въ киргизской степи. (Воскресный Досугъ, 1869. № 331).

Эта краткая статейка представляетъ выписку изъ сочиненія Аткинсона и содержитъ описанія: пріема Аткинсона у султана Бека и опасной переправы черезъ р. Чурукъ-Су. Помѣщенъ рисунокъ.

А. Самсоновъ.—Очерки Сибирскихъ киргизовъ. (Записки для чтенія, издав. Трубниковымъ. 1869 г. августъ, сентябрь, октябрь, ноябрь и декабрь).

Авторъ въ четырехъ очеркахъ говоритъ о кочевой жизни киргизовъ, объ ихъ свадебныхъ обрядахъ, пѣсняхъ и о татарской школѣ; есть и небезъинтересныя указанія на бытъ киргизовъ.

Фурманъ (Fuhrmann).—Die Kirgisen und ihr Leben. (Globus XV. 1869).

1870—1880 г.

Л. Костенко.—Средняя Азія и водвореніе въ ней русской гражданственности. СПБ. 1870.

Это сочиненіе заключаетъ въ себѣ довольно много разбросанныхъ свѣдѣній о киргизахъ. Слѣдуетъ отмѣтить II-ю главу, гдѣ находится описаніе быта киргизовъ и кара-киргизовъ.

*Г. **Бардашевъ** —Свѣдѣнія о дикокаменныхъ киргизахъ (Туркестанскія Вѣдомости. 1870. № 15).

Изъ Киргизской степи.—(Корреспонденція „Голоса" 1870. № 127).

Корреспонденція по поводу волненій киргизовъ-адаевцевъ на Мангышлакѣ.

Гросъ (Gross).—Die Kirgisen (Gaea. 1870).

А. Емурановъ.—Замѣтка по поводу статьи „киргизы - работники на морскихъ рыболовныхъ промыслахъ". (Уральскія Войсковыя Вѣдомости. 1870. № 10).

Статья, противъ которой возражалъ Емурановъ, была помѣщена также въ „Уральскихъ Войсковыхъ Вѣдомостяхъ". Возражающая статья мало касается киргизовъ и говоритъ преимущественно объ Уральскихъ казакахъ.

Изъ Киргизской степи.—(Биржевыя Вѣдомости. 1870. № 261).

Статья говоритъ о возникшихъ среди газетъ („Современныя извѣстія") недоразумѣніяхъ по поводу возмутившихся будто бы вновь и напавшихъ на Александровскій фортъ киргизовъ.

Изъ Уральска.—(Голосъ. 1870. № 112).

Въ этой замѣткѣ говорится о подробностяхъ взятія въ плѣнъ киргизами отряда подполковника Рукина и объ убійствѣ киргизами 14 нашихъ переселенцевъ.

Киргизскія пословицы.—Собр. Ш. Ибрагимовъ—(Туркестанскія Вѣдомости. 1870 № 1 и 6).

Изъ забытыхъ тетрадей.—(Уральскія Войсковыя Вѣдомости. 1870 № 15).

Этотъ небольшой разсказъ рисуетъ картину степи и быта киргизовъ.

Г. Колпаковскій.—О древнихъ постройкахъ, найденныхъ въ озерѣ Иссыкъ-кулѣ. (Извѣстія Императорскаго Русскаго Географическаго Общества. 1870. VI. 3).

Свѣдѣнія, приводимыя г. Колпаковскимъ первыя по своей подробности, хотя объ этихъ развалинахъ писалось уже ранѣе, такъ наприм.: въ Географическо-Статистическомъ словарѣ Россійской Имперіи, изд. П. Семеновымъ; въ Запискахъ Географическ. Общ. 1861, кн. 3—статья Голубева; въ Вѣстникѣ Географическ. Общества. 1860, кн. 10—статья Венюкова. Объ этихъ же развалинахъ говорится въ Китайскомъ сочиненіи Си-юйшуй-дао-изи, составленномъ Сюй-сунъомъ, который путешествовалъ въ первой четверти нашего столѣтія—перев. И. Захаровымъ.

П. Зенковъ.—Эксплуатація земной поверхности въ Киргизской степи (Туркестанскія Вѣдомости. 1870 г. № 11 и 13).

Оренбургскія Губернскія Вѣдомости. 1870 г. № 23.

Свѣдѣніе о ярмаркѣ 1869 г. при Ставкѣ Внутренней киргизской орды.

Титовъ.—Киргизская степь (Мірское Слово. 1870 г. № 11).

Авторъ говоритъ о постепенно исчезающихъ лѣсахъ въ Киргизской степи, объ остаткахъ лѣса и о мѣрахъ къ сохраненію его.

Двадцать казаковъ противъ 1000 киргизовъ (Донскія Войск. Вѣдомости. 1870 г. № 36).

А. Юдинъ.—Замѣтка по поводу статьи, „киргизы работники на морскихъ рыболовствахъ". (Уральскія Войсковыя Вѣдомости. 1870 г. № 10).

Поѣздка въ Киргизскую степь.—(**Томскія Губернскія Вѣдомости**. 1870 г. №№ 38 и 40).

Осенняя и весенняя ярмарка 1869 и 1870 гг. **при Ставкѣ Внутренней Киргизской орды** (**Оренбургскія Губернскія Вѣдомости**. 1870 г. №№ 23 и 26).

Биржевыя Вѣдомости. 1870 г. № 167).

О взятіи въ плѣнъ киргизами на Мангишлакѣ отряда полковника Рукина и вообще о волненіяхъ киргизовъ.

Султанъ Сайдалинъ 2-й —**О развитіи хлѣбопашества по бассейну рѣки Тургая** (**Записки Оренбургскаго отдѣла И. Рус. Геогр. Общества в. 1. Казань**. 1870 г.)

Авторъ говоритъ о постепенно развивающимся у киргизовъ хлѣбопашествѣ, о бѣдности почвы, объ орошенія полей, о сѣвооборотѣ и объ естественныхъ причинахъ, не позволяющихъ киргизамъ оставить скотоводство.

Л. Баллюзекъ.—**Новое административное дѣленіе Тургайской области** (**Записки Оренбургскаго Отдѣла И. Русск. Географ. Общества, в. 1., Казань**. 1870 г.).

Заключаетъ между прочимъ, свѣдѣнія о количествѣ народонаселенія.

Алтынсаринъ.—**Очеркъ обычаевъ при похоранахъ и поминкахъ у киргизовъ Оренбургскаго вѣдомства** (**Записки Оренбургскаго Отдѣла И. Русск. Геогр. Общества, в. I. Казань** 1870 г.).

Авторъ на пяти страницахъ описываетъ похоронный обрядъ и поминки у киргизовъ. Какъ на дополненіе этой статьи слѣдуетъ смотрѣть на помѣщенную тутъ же статью В. Плотникова „Асъ".

Алтынсаринъ. -**Очеркъ обычаевъ при сватовствѣ и свадьбѣ у киргизовъ Оренбургскаго Вѣдомства** (**Записка Оренбур. Отдѣла И. Р. Геогр. Общ., в. I. Казань**. 1870 г.).

Довольно подробно (на 16 страницахъ) описываются свадебные обряды киргизовъ. Къ статьѣ приложена замѣтка В Плотникова, частью возражающая, частью пополняющая статью Алтынсарина.

Киргизы и ихъ жизнь.—(**Нива** 1870. № 40).

Н. Ф.—**Эпизодъ изъ послѣдняго киргизскаго возстанія.** (**Всемірная Иллюстрація**. 1870. № 53).

Описываются атаки киргизовъ на отрядъ барона Штемпеля, шедшаго отъ озера Джиты-куль къ урочищу Казы-Бекъ на р. Уиль. Приложенъ рисунокъ.

Ѳ. Коноваловъ.—**Нѣчто о преподованіи киргизскаго языка въ Уральской гимназіи.** (**Уральскія Войсковыя Вѣдомости**. 1870. № 31).

Авторъ, указывая на преподаваніе татарскаго языка въ Казанской гимназіи, высказываетъ желаніе, чтобы въ свою очередь въ Уральской гимназіи былъ введенъ и киргизскій языкъ. Авторъ указываетъ необходимость киргизскаго языка для торговыхъ сношеній съ киргизами и другихъ практическихъ цѣлей. Авторъ, судя по содержанію статьи, очевидно не уяснилъ себѣ задачи Россіи въ ея отношеніяхъ къ киргизамъ.

Корреспонденція изъ Каракалы. (**Семирѣченской Области**). **Биржевыя Вѣдомости**. 1870. № 13).

Авторъ разбираетъ причины возмущеній и волненій въ нѣкоторыхъ частяхъ киргизской степи при введеніи „новаго положенія" и возражаетъ статьѣ, посвященной тому же вопросу,—въ „Вѣстникѣ Европы", 1869, октябрь.

Корреспонденція изъ Оренбурга: о среднеазіатскихъ и киргизскихъ дѣлахъ. (**Биржевыя Вѣдомости**. 1870. № 147).

Нападенія киргизовъ на русскій отрядъ. — (Биржевыя Вѣдомости. 1870. № 177).

Статья содержитъ подробности взятія въ плѣнъ отряда подполковника Рукина.

К. Маевъ.—Путеводитель отъ С.-Петербурга до Ташкента. Спб. 1870.

Тутъ даны краткія, но небезъинтересныя указанія: о происхожденіи имени „киргизъ" и „кара-киргизъ",—о кочевомъ образѣ жизни киргизовъ и ихъ дѣленіи на роды (на 4 страницахъ). Затѣмъ помѣщенъ „Краткій очеркъ распространенія русскаго господства въ киргизской степи и въ Средней Азіи съ 1732 по 1868 г.". Приложена карта.

О возмущеніи киргизовъ въ Мангышлакскомъ краѣ. (Голосъ. 1870. № 141).

Объ отрядѣ Рукина и осадѣ форта Александровскаго.

В. Плотниковъ.—Поминки (Асъ). Этнографическій очеркъ изъ быта Зауральскихъ киргизовъ. (Записки Оренбургскаго Отдѣла Император. Русск. Геогр. Общества. 1870 Вып. I).

В. Плотниковъ.—Очеркъ обычаевъ при сватовствѣ, свадьбѣ, при похоронахъ и поминкахъ у киргизовъ Оренбургскаго вѣдомства. (Записки Оренбургскаго Отдѣла Императ. Русск. Географическ. Общества. 1870. Вып. I).

Переговоры кн. Меликова съ киргизами. — (Биржевыя Вѣдомости. 1870. № 304).

Тутъ описывается депутація киргизовъ, назначенная для „переговоровъ" въ Александровскомъ фортѣ, и приводится рѣчь кн. Меликова.

Проповѣдники новаго ученія въ киргизской степи. (Туркестанскія Вѣдомости. 1870. № 14).

* **В. Радловъ.**—Краткій отчетъ о поѣздкѣ въ Семирѣченскую область и на Иссыкъ-Куль лѣтомъ 1869 г. (Извѣстія Императорскаго Русск. Географическ. Общества. Т. VI, № 3-й. 1870).

Этотъ отчетъ (на 5 страницахъ) содержитъ, между прочимъ, краткую замѣтку о кара-киргизахъ.

И. Русановъ.—О кочевыхъ киргизахъ Акмолинской и Семипалатинской областей: лѣтнія перекочевки по степи и зимнія стойбища. (Томскія Губернскія Вѣдомости. 1870 № 41 и 42).

Результаты скачекъ во Внутренней киргизской ордѣ, 1870 года. (Журналъ Коннозаводства. 1870 № 8).

Статья напечатана со словъ увѣдомленія Временнаго Совѣта и содержитъ описаніе скачекъ: количество лошадей, принимавшихъ участіе въ скачкахъ, количество верстъ и времени, имена лицъ, взявшихъ призы, масти ихъ лошадей и вѣсъ сѣдоковъ.

В. Радловъ — Образцы народной литературы Тюркскихъ племенъ. Ч. III. Киргизское нарѣчіе. Спб. 1870.

Авторъ въ предисловіи даетъ краткій очеркъ быта киргизовъ, говоритъ объ ихъ языкѣ и литературѣ; затѣмъ, на 766 страницахъ, приводитъ образцы киргизской литературы: поговорки, свадебныя и состязательныя пѣсни, пѣсни бакси, маленькія пѣсни и пѣсни о богатыряхъ, маленькія разсказы и т. д.

Н. Середа.—Бунтъ киргизскаго султана Кенисара Касимова. (1838—1847). (Вѣстникъ Европы. 1870 № 8 и 9).

Въ этой статьѣ со всѣми подробностями описываются волненіе среди киргизовъ и такъ много въ свое время надѣлавшій шума бунтъ Кенисары; его

отношенія къ мѣстному начальству, агитація, движеніе нашихъ отрядовъ, усмиреніе степи и новыя возстанія по инициативѣ Кенисары.

С. Бабаджановъ. — Внутренняя киргизская орда. (Дѣятельность. 1870. № 127).

Авторъ говоритъ о неудобствѣ пролегавшаго нѣкогда торговаго пути чрезъ киргизскую степь на Бухару и о необходимости колонизаціи степи русскими для сближенія съ киргизами и для улучшенія ихъ хозяйства.

Юр - ко.—Очеркъ возстанія въ Уральской области.—(Голосъ, 1870. № 23).

Авторъ пишетъ о недостаткахъ стараго административнаго устройства у Зауральскихъ киргизовъ, о выгодахъ „новаго положенія“, отношеніяхъ между киргизами и казаками, о волненіяхъ въ степи и прекращеніи ихъ.

Юр—ко. Событія въ степи Уральской области въ 1869 и началѣ 1870 года. (Голосъ, 1870, № 112).

Авторъ ссылается на свою статью въ „Голосѣ“ 1870 г. № 23, продолженіе которой составляетъ данная статья, рисующая положеніе степи въ смутное время, возстаніе киргизовъ, вызваннаго „новымо положеніемъ“, и описаніе волненій.

Плотниковъ. — Народные обычаи киргизовъ. (Записки Оренбургскаго отд. И. Русск. Геогр. общ. 1871 вып, I).

Л. Макшеевъ.—Географическіе, этнографическіе и статистическіе матеріалы о Туркестанскомъ краѣ. (Записки Император. Русск. Географич. Общ. Т. II. 1871).

Въ главѣ IV — „о туземномъ народонаселеніи края“ — говорится о количествѣ кочующихъ киргизовъ въ Сыръ-Дарьинской и Семирѣченской областяхъ.

Л. Миддендорфъ.—Бараба. (Записки Императорской Академіи Наукъ. Т. XIX кн. 2-я 1870).

Эта статья содержитъ подробное описаніе степи Бараба и нѣкоторыя разбросанныя свѣдѣнія о киргизахъ. Приложена карта.

Народные обычаи, имѣвшіе, а отчасти и нынѣ имѣющіе въ Малой Киргизской Ордѣ законную силу. (Записки Оренбургскаго Отд. И· Русск. Географ. Общества 1871 вып. I).

В. Радловъ (W Radloff) — Die Kirgisen. (Zeitsch. d. Geograph. Gesell. in Berlin 1871 p. 505).

С Бабаджановъ,—Охота во внутренней киргизской ордѣ. (Журналъ Охоты. 1871 № 1 и 2).

Авторъ описываетъ двѣ охоты на волка въ Букеевской ордѣ, на островѣ Каспійскаго моря—Среднемъ Забуруньемъ.

С. Бабаджановъ.—Лошади и ихъ воспитаніе во Внутренней киргизской ордѣ. (Журналъ Охоты. 1871. № 6 и 7).

Авторъ говоритъ о границахъ орды, о почвѣ ея, и, въ двухъ словахъ, объ исторіи возникновеніи орды,—также о киргизской лошади, воспитаніи ея и способахъ улучшенія ея породы.

П. Семеновъ (P. Semenoff).—Die Graeber bie den Kirgisen (Mit. der Georg. Gesel. in Wien. 1871 p. 199).

Семеновъ (Semenoff).—Bilder aus dem Leben der Kirgisen. (Mittheilungeu d, Georg. Gesell. in Wien 1871. p. 119, 272).

Ф. Свисени (Fr. Swiceny).—Bilder aus dem Leben der Kirgisen. (Mittheil. d. Georg Gesellsch. in Wien. 1871 № 4, № 6).

Изъ походныхъ записокъ о дѣйствіяхъ въ степи 1869. В. Голованова (Уральскія Войсковыя Вѣдомости. 1871 г. №№ 28—30, 33 и 34).

Дѣйствія противъ киргизовъ.

Н. Сорокинъ.— Замѣтка о посмертныхъ киргизскихъ обрядахъ (Тобольскія Губернскія Вѣдомости. 1871 г, № 5).

Л. Плотниковъ.—О необходимости и средствахъ предупрежденія дальнѣйшаго развитія сыпучихъ песковъ въ степяхъ Внутренней киргизской орды (съ 2 картами) (Записки Оренбургскаго Отдѣла И. Русск. Геогр. Общества 1871, вып. 2).

Преданіе киргизъ-кайсаковъ о своемъ происхожденіи (Воскресный Досугъ 1871 г. № 32).

Передается преданіе о происхожденіи киргизовъ и кара-киргизовъ отъ двухъ плѣнницъ.

С. Бабаджановъ. — Охота и испытаніе лошадей во Внутренней киргизской ордѣ (Журналъ Охоты 1871 №№ 11 и 12).

Воскресный Досугъ. (Народная Иллюстрація) 1871 г. № 32.

Помѣщена статья, перепечатанная изъ Русскаго Инвалида и касающаяся волненій въ Киргизской степи.

П. А. Шино.— Киргизскій бытъ (Дѣтское Чтеніе 1871 г. № 7).

На 11 страницахъ кратко рисуется бытъ киргизовъ. Есть интересныя указанія о могилахъ киргизовъ.

А. Кушакевичъ.—Свѣдѣнія о Ходженскомъ уѣздѣ (Записки И. Русск. Географ. Общества.—По общей географіи т. IV СПБ 1871).

Въ главѣ „Населеніе уѣзда“ помѣщены краткія (на трехъ страницахъ) свѣдѣнія о киргизахъ.

Е. П.—Киргизы (Иллюстрированная Газета 1871 г. №№ 20 и 21).

Авторъ говоритъ о характерѣ киргизовъ, образѣ жизни, зимовьѣ, кочевкахъ сватовствѣ, положеніи женщинъ и религій.

Нѣсколько словъ по поводу послѣдняго возстанія киргизовъ на Мангышлакскомъ полуостровѣ (Военный Сборникъ 1871 г. Т. 79, стр. 41—59).

Авторъ говоритъ о „новомъ положеніи“ и о вліяніи его на киргизовъ, объ условіи ихъ жизни и о причинахъ, побудившихъ адаевцевъ Мангышлака къ возстанію.

А. Шустовъ. – Изъ киргизскаго быта въ степи (Ирбитскій Ярмарочный Листокъ. 1871 г. №№ 10 и 15).

Мы могли получить только означенные нумера этой газеты и, такимъ образомъ, познакомиться только съ отрывками статьи, представляющей, повидимому, воспоминаніе проѣзжаго по киргизской степи.

Титовъ.—О лѣсоводствѣ въ Киргизской степи (Туркестанскія Вѣдомости 1871 г. №№ 15—21).

Ш. Ибрагимовъ.— О муллахъ въ киргизской степи (Туркестанскія Вѣдомости 1871 г. № 14).

Очерки исторіи киргизскаго народа съ 1732—1868 г. (Туркестанскія Вѣдомости 1871 г. № 3).

Ш. Ибрагимовъ. Матеріалы для этнографіи Средней Азіи (Туркестанскія Вѣдомости 1871 г. № 1.

Помѣщены киргизскія загадки (см. 1870 г. № 1 и 6).

* **Загряжскій.**—Замѣтки о народномъ самоуправленіи у кара-киргизъ. Тукрестанскія вѣдомости 1871 г. № 2).

* **П. Рейнталь.**—По поводу замѣтокъ о народномъ самоуправленіи и кара-киргизъ (см. № 2) (Туркестанскія Вѣдомости 1871 г. № 9).

Населеніе Илійскаго края и его промышленность (Туркестанскія Вѣдомости 1871 г. № 16).

П. Зенковъ.—Эксплуатація земной поверхности въ киргизской степи (Туркестанскія Вѣдомости 1871 г. №№ 2, 10 и 24.

Очеркъ исторіи киргизскаго народа съ 1732—1868 г. (Семипалатинскія Областныя Вѣдомости 1871 г. №№ 17—19-й).

Перепечатано изъ Туркестанскихъ Вѣдомостей 1871 г. № 3.

Народные киргизскіе обычаи (Семипалатинскія Областныя Вѣдомости 1871 г. №№ 5 и 6).

Описываются: порядокъ гостепріимства, байга, брачный союзъ, похороны, могилы, кочевья и зимовки, право собственности и пр.

* **Замѣтки** о народномъ самоуправленіи у кара-киргизъ (Семипалатинскія Областныя Вѣдомости 1871 г. №№ 16 и 17).

Перепечатано изъ Туркестанскихъ вѣдомостей 1871 г. № 2.

* **П. Рейнталь.** По поводу замѣтокъ о народномъ самоуправленіи у кара-киргизъ (Семипалатинскія Областныя Вѣдомости 1871 г. № 21—23)

Перепечатано изъ Туркестанскихъ Вѣдомостей 1871 г. № 9.

П. Зенковъ.—Эксплуатація земной поверхности въ киргизской степи (Семипалатинскія Областныя Вѣдомости 1871 г. №№ 25 и 26).

Перепечатано изъ Туркестанскихъ Вѣдомостей 1871 г. №№ 2, 10 и 24.

И. Земляницынъ.—Построеніе г. Семипалатинска (Семипалатинскія Областныя Вѣдомости 1871 г. №№ 31—36).

Народные киргизскіе обычаи (Енисейскія Губернскія Вѣдомости 1871 г. № 25).

Описывается обрядъ похоронъ у киргизовъ.

А. М.—Изъ путевыхъ замѣтокъ (Русскій Міръ 1872 г. № 38).

Авторъ даетъ не безъинтересный, хотя и краткій, очеркъ Букеевской степи: Рынъ-песковъ, Ханской Ставки и пр.

Объ осенней ярмаркѣ при Ахунскомъ хуторѣ Внутренней киргизской орды (Оренбургскія Губернскія Вѣдомости 1872 г. № 17).

Оренбуржецъ.—Тревожныя извѣстія изъ Киргизской степи (Недѣля 1872 г. №№ 39 и 40).

Авторъ пишетъ о новыхъ волненіяхъ въ Киргизской степи.

Поѣздка на полуостровъ Бузачи (Русскій Инвалидъ 1872 г. № 35).

Говорится о путешествіи съ военно-стратегическою цѣлью Ламакина къ адаевскимъ киргизамъ послѣ событій 1869 г. (въ 1871 г.).

Л. Плотниковъ.—О необходимости предупрежденій дальнѣйшаго развитія сыпучихъ песковъ въ степяхъ Внутренней Киргизской орды (Записки Оренбургскаго Отдѣла И. Русск. Географ. Общества, в. II. Казань 1872).

Авторъ говоритъ о постоянно распросраняющихся пескахъ въ Букеевской степи, о причинахъ ихъ распространенія и указываетъ на мѣры, могущія предотвратить грозящее бѣдствіе.

М. Венюковъ.—Общій обзоръ постепеннаго расширенія русскихъ предѣловъ въ Азіи и способъ обороны ихъ (Военный Сборникъ. 1872 г. № 2).

Этотъ интересный обзоръ имѣетъ прямое отношеніе и къ завладѣнію Киргизской степью.

Киргизы.—Этнографическій очеркъ (Туркестанскія Вѣдомости 1872 г. № 1).

Г. Загряжскій.—Очерки Перовскаго уѣзда (Туркестанскія Вѣдомости 1872 г. № 29).

А. Чайковскій. — Иссыкъ-Кульскія уѣздъ въ 1869—1871 г.г. (Туркестанскія Вѣдомости 1872 г. № 45).

Гребенкинъ.—Русскій Туркестанъ 1872 г.

Матеріалы для исторіи, статистики и этнографіи Семипалатинской Области (Семипалатинскія Областныя Вѣдомости 1872 г. №№ 33, 42 и 43).

Г. Адамоли (G. Adamoli). Ricordi di un viaggio nelle steppe dei Kirghisi (Bollet. d. l. Soc. Geogr. Ital. 1872 VII).

Балахонцевъ.—Байгуши. (Семипалатинскія Обл. Вѣдомости. 1872 № 9).

О киргизахъ, обитающихъ на правомъ и лѣвомъ флангахъ Сибирскаго казач. войска.

Матеріалы для статистики Туркестанскаго края — (Ежегодникъ вып. I. 1872 года. Спб.).

Этотъ выпускъ содержитъ слѣдующія статистическія свѣдѣнія: статистическія свѣдѣнія по Семирѣченской области; о числѣ разнаго рода зданій въ Семирѣченской области; о сельско-хозяйственномъ распредѣленіи земель и о скотоводствѣ въ Семирѣчинской области за 1869 годъ; о населеніи г. Вѣрнаго по переписи 1 марта 1870 г.; о числѣ учебныхъ заведеній, учителей и учащихся въ Семирѣченской области за 1869 г.; о числѣ кочеваго населенія въ Семирѣченской области; киргизской волости Туркестанскаго раіона Чемынскаго уѣзда волости Вѣрненскаго уѣзда и т. д.

Л: Костенко.——Очерки Семирѣчья (Военный Сборникъ. 1872. № 11, гл. I—V и № 12, гл. VI—XI).

Въ VI главѣ на 3 страницахъ помѣщенъ краткій очеркъ киргизовъ-атабановцевъ. Кромѣ того даны краткія и разбросанныя свѣдѣнія о киргизахъ.

И. Ибрагимовъ.—Этнографическіе очерки киргизскаго народа. (Русскій Туркестанъ. Вып. II, М. 1872).

На 32 страницахъ авторъ излагаетъ уходъ за беременной женщиной, обряды при рожденіи ребенка и уходъ за нимъ, обряды при сватовствѣ, свадьбѣ и похоронахъ; приложена и замѣтка о леченіи болѣзней.

Киргизское правосудіе.—Биржевыя Вѣдомости. 1872. № 129).

Статья описываетъ убійство, совершенное киргизомъ надъ своей женой и ея любовникомъ и постановленіе народнаго суда: „считать убійцу отъ суда свободнымъ“. Перепечатано изъ Судебнаго Вѣстника.

Киргизы.—Этнографическій очеркъ. (Туркестанскія Вѣдомости. 1872. № 1 и 2).

А. Хорошхинъ—Байтукъ-Батуръ. (Расказъ изъ кара-киргизской жизни. 1867 г. (Туркестанскія Вѣдомости. 1872. № 42).

І. Сотниковъ (священникъ). —Нѣсколько словъ о возможности учрежденія миссіи между киргизами Средней орды.—(Православное Обозрѣніе. 1872. Май).

Авторъ этой интересной статьи говоритъ о малой религіозности киргизовъ, о причинахъ нераспространенія ислама, о присягѣ, о ходжахъ и муллахъ, о постепенномъ роспространеніи ислама среди киргизовъ и о необходимости учрежденія миссіи.

А. Хорошхинъ.— По кочевьямъ киргизовъ на сѣверо-востокъ отъ Тамбы. (Туркестан. Вѣдомости. 1872. № 46).

Уѣздный врачъ.—Русскій врачъ среди киргизовъ. (Недѣля. 1872. № 3).

Авторъ этой статьи говоритъ о трудности лѣченія киргизовъ въ степи, о тяжеломъ положеніи врачей Уральской области, о неудобствахъ при лѣченіи, и предлагаетъ устроить больницу для киргизовъ.

П. Зенковъ.—Эксплуатація земной поверхности въ киргизской степи. (Матеріалы для статистики Туркестанскаго края. Ежегодникъ. Вып. II 1873).

Авторъ на 25 страницахъ говоритъ о почвѣ и объ ея эксплуатаціи; въ частности о лѣсоводствѣ, хлѣбопашествѣ, и орошеніи степей.

Зенковъ.—Звѣриный промыселъ въ Семирѣчьѣ. (Туркестанскія Вѣдомости, 1873. № 43).

Н. Маевъ.—Очерки исторіи Киргизскаго народа съ 1732 до 1868 г. (Мат. для стат. Турк. края. Вып. II. 1873 г.).

На 12 страницахъ изложена исторія киргизскаго народа по принятіи его (номинально) въ наше подданство, наши отношенія къ киргизамъ, какъ мотивы къ постояннымъ волненіямъ среди киргизовъ.

Киргизы Малой орды. (Иллюстрированная Недѣля 1873. № 18).

Статья имѣетъ интересъ лишь въ приложенномъ рисункѣ „киргизы Малой орды“. Содержаніе же небольшой (въ одинъ столбецъ) статьи не соотвѣтствуетъ истинѣ.

О состояніи скотоводства въ Туркестанскомъ краѣ.—(Матеріалы для статистики Туркестанск. края. Ежегодникъ, вып. II. 1873).

А. Тилло.—Первая народная перепись въ киргизской степи. (Извѣстія Императорскаго Русскаго Географич. Общ. 1873. Т. IX. № 2).

Статья заключаетъ въ себѣ результаты первой народной переписи въ киргизской степи, произведенной въ Николаевскомъ уѣздѣ Оренбургскаго края. Говорится о трудности переписи; перечисляются: наименованія родовъ и отдѣленій этого уѣзда, количество кибитокъ и скота, число жителей, болѣзни людей и скота, методы лѣченія ихъ и нѣкоторыя другія статистическія данныя.

Г. Титовъ.—О лѣсоводствѣ въ киргизской степи (Матеріалы для статистики Туркестанскаго края. Ежегодникъ. Вып. II. 1873).

На 3 страницахъ авторъ говоритъ объ истребленіи лѣсовъ въ киргизской степи, о причинахъ истребленія.

Матеріалы для статистики Туркестанскаго края.—Ежегодникъ. Вып. II. Спб. 1873 года.

Кромѣ вышеупомянутыхъ статей этотъ выпускъ содержитъ еще рядъ мелкихъ статей и замѣтокъ, имющихъ прямое и косвенное отношеніе къ киргизскимъ степямъ.

Туркестанскія Вѣдомости. 1873. № 43.

Г. Бардашевъ.—Замѣтки о дикокаменныхъ киргизахъ. (Матеріалы для статистики Туркестанскаго края. Ежегодникъ, вып. III. 1874).

Краткія свѣдѣнія о топографіи, гидрографія и благосостояніи страны.

Н. Михайловъ.—Приключенія русскаго торговца въ степяхъ Средней Азіи и Хивѣ (Гражданинъ 1873 г. № 42).

Авторъ передаетъ разсказъ купца Аброснмова о путешествіи его въ Хиву и столкновеніи съ киргизами. Есть нѣкоторыя указанія на бытъ послѣднихъ.

Изъ киргизскихъ нравовъ. Статья Н. П...ва (Семипалатинскія Областныя Вѣдомости 1873 г. № 37).

Преданія адаевцевъ о святыхъ секты ханасріе, жившихъ и умершихъ на Мангышлакѣ (Приложеніе „Сборника свѣдѣній о кавказскихъ горцахъ“ 1873 г. вып. 7).

Киргизская пѣсня. Статья А. Е. (Прибавленіе къ „Сборнику свѣдѣній о кавказскихъ горцахъ“ 1873 г. вып. 7).

С. Смоленскій.—Дѣло двадцати казаковъ при мысѣ Чаграѣ (Военный Сборникъ 1873 г. № 10).

Правдивый разсказъ передаетъ интересную подробность изъ бунта адаевскихъ киргизовъ. Здѣсь можно, между прочимъ, встрѣтить описаніе вооруженія адаевцевъ.

Съ береговъ Каспія (Биржевыя Вѣдомости 1873 г. № 2).

Говорится о подстрекательствѣ адаевскихъ киргизовъ на Мангышлакѣ со стороны Хивы и описываются нѣсколько схватокъ.

Джамиля (Семипалатинскія Областныя Вѣдомости 1873 г. № 37).

Разсказъ характеризуетъ отношеніе мужчины къ женщинѣ у киргизовъ.

Туркестанскія Вѣдомости 1873 г. № 2.

Г. Загряжскій. — Киргизскіе очерки (Туркестанскія Вѣдомости 1873 г. № 1).

Киргизы (Нива 1873 г. № 5 и 8).

Эта статья написана по поводу прибытія въ Петербургъ депутаціи киргизовъ и заключаетъ краткій очеркъ внѣшняго быта киргизовъ и земледѣлія у нихъ. Приложено три рисунка.

Кальнингъ.—Киргизскія поминки и нѣсколько словъ о киргизскомъ коневодствѣ (журналъ Коннозаводства 1873 г. № 5).

Авторъ кратко (на пяти страницахъ) говоритъ о киргизскихъ „асъ“ и „байгѣ“.

Султанъ А. Нурскинъ. — Аристократическая каста въ Кунградскомъ родѣ (Туркестанскія Вѣдомости 1873 г. № 43).

Объясненіе нѣкоторыхъ терминовъ, встрѣчающихся въ киргизскомъ судопроизводствѣ (Туркестанскія Вѣдомости 1873 г. № 42).

Путешествіе черезъ Киргизскія степи въ Хиву въ 1842 — 1843 г. доктора философіи Базинера (Туркестанскія Вѣдомости 1873 г. №№ 31 и 46).

Г. Загряжскій.—Очерки Токмакскаго уѣзда (Туркестанскія Вѣдомости 1873 г. №№ 9 и 10).

П. Зенковъ. — Колонизація Семирѣчья (Туркестанскія Вѣдомости 1873 г. № 8).

Ю. Балицкій.—Замѣтки о кочевомъ населеніи въ Вѣрненскомъ уѣздѣ (Туркестанскія Вѣдомости 1873 г. № 6).

Низовья Аму-Дарьи до Кунграда (Туркестанскія Вѣдомости 1873 г. № 3).

Голосъ изъ Семирѣчія. — (Корреспонденція „Церковно-Общественнаго Вѣстника“. 1874. № 132).

***Г. Загряжскій.**—Замѣтка о народномъ самоуправленіи у кара-киргизъ. (Матеріалы для статистики Туркест. края. Ежегодникъ. Вып. III. 1874).

Замѣтка касается восточной гористой части Туркестанскаго генералъ-губернаторства, преимущественно Иссыкульскаго и Токмакскаго уѣздовъ. Говорится о зависимости выборовъ отъ вліятельныхъ лицъ степи, о неправильномъ судѣ біевъ, чему приводятся примѣры. Приводитъ проэктъ переустройства

мѣстнаго управленія, измѣненія должности (съ расширеніемъ правъ и обязанностей) уѣздныхъ начальниковъ.

***П. Рейнталь.** — **По поводу замѣтокъ о народномъ самоуправленіи у каракиргизъ. (Матеріалы для статистики Туркестанскаго края. Ежегодникъ. Вып. III. Спб. 1874).**

Авторъ возражаетъ не противъ фактовъ, а противъ выводовъ Загряжскаго (см. выше) и противъ проэкта измѣненія суда, даетъ съ своей стороны совѣты.

Записки Императорскаго Русскаго Географическаго Общества (По Отдѣлу Статистики т. IV. СПБ. 1874 г.).

Этотъ томъ содержитъ двѣ статьи: М. Терентьева „Статистическія очерки Среднеазіатской Россіи" и Л. Соболева „Географическія и статистическія свѣденія о Заравшанскомъ округѣ съ приложеніемъ списка населенныхъ мѣстъ округа". Всѣ свѣдѣнія помѣщены на 600 слишкомъ страницахъ и представляютъ большую цѣнность. Статьи содержатъ, между прочимъ, описаніе топографіи мѣстности и данныя о киргизахъ. Здѣсь слѣдуетъ отмѣтить, что лица, составляющія статистическія данныя и помѣщающія свои статьи въ „Памятныхъ книжкахъ" и другихъ періодическихъ изданіяхъ, упускаютъ очень важный факторъ— народность: авторы подробно описываютъ данныя по уѣздамъ, даже по волостямъ, сословіямъ и вѣроисповѣданіямъ и лишь въ крайне рѣдкихъ случаяхъ по народностямъ; это слѣдуетъ замѣтить и о статьяхъ гг. Терентьева и Соболева.

***Г. Загряжскій.** — **Кара-киргизы. Туркестанскія Вѣдомости. 1874 г. № 41, 42, 44 и 45).**

Я могъ просмотрѣть только №№ 41 и 42. Въ № 41, гдѣ говорится о границахъ земли кара-киргизовъ, приводится легенда о происхожденіи ихъ и нѣкоторые семейные обряды; въ № 42 рисуется жизнь кара-киргизскаго аула.

Матеріалы для этнографіи Средней Азіи. Киргизскія пословицы и загадки. Собраны Ш. Ибрагимовымъ въ киргизской степи Сибирскаго вѣдомства. (Матеріалы для статистики Туркестанскаго края. Ежегодникъ. Вып. III. Спб. 1874).

Собрано 104 пословицы и 10 загадокъ съ разгадками. Загадки задавались извѣстной красавицей киргизкой Калипою киргизу Хассану—оба они славились пѣвцами. Разъ, какъ то, въ присутствіи многихъ гостей, стала она импровизировать въ стихахъ загадки, на которыя Хассанъ также отвѣчалъ стихами, прибавляя къ нимъ разгадку.

Ш. Ибрагимовъ. — **О муллахъ въ киргизской степи. (Матеріалы для статистики Туркестанскаго края. Ежегодникъ. Вып. III. 1874).**

Говорится о томъ, какъ татаринъ (казанскій) - торгашъ ханженствомъ постепенно втирается въ среду киргизовъ и, постепенно, наживая богатство, прибираетъ къ рукамъ киргизовъ, эксплоатируетъ ихъ и агитируетъ противъ русскихъ. Все это относится къ восточной части киргизской степи, т. е. къ бывшей области Сибирскихъ киргизовъ.

Матеріалы для статистики Туркестанскаго края.—Ежегодникъ. Вып. III. 1874 г.

Кромѣ только что приведенныхъ статей, этотъ выпускъ содержитъ нѣсколько мелкихъ замѣтокъ (часть статистическаго содержанія), имѣющихъ отношеніе къ киргизскимъ степямъ.

И. Лосьевъ. — **Медицина въ киргизской степи (Московская Медицинская Газета. 1874. № 28).**

Авторъ говоритъ о „тобанахъ" и „баксахъ"—народныхъ врачахъ киргизовъ, о главныхъ болѣзняхъ, о нѣкоторыхъ способахъ леченія и вѣрованіяхъ сопряженныхъ съ появленіемъ болѣзней.

А. Лагашкинъ.—Нѣсколько словъ по вопросу о постухахъ киргизахъ и о пресѣченіи конокрадства на войсковой землѣ (Уральскія Войсковыя Вѣдомости. 1874. № 29 и 30).

Авторъ указываетъ на конокрадство (причиною котораго являются киргизы-пастухи), развившееся до крайнихъ предѣловъ, приводитъ мнѣніе нѣкоторыхъ лицъ по этому вопросу и затѣмъ предлагаетъ съ своей стороны мѣры для уничтоженія конокрадства, подтверждая ихъ примѣрами.

Ник—въ.—Кое о чемъ изъ киргизской жизни и о кумысѣ. (Уральскія Войсковыя Вѣдомости № 21. 1874 г.).

Авторъ рисуетъ интересную обрядовую сторону изъ жизни киргизовъ, сопряженную съ первымъ доеніемъ кобылицъ весною.

И. Неплюевъ и Оренбургъ—Біографо-историческій очеркъ. (Уральскія Войсковыя вѣдомости 1874 № 33).

Эта статья помѣщена въ нѣсколькихъ нумерахъ Уральскихъ Войсковыхъ Вѣдомостяхъ за 1874 г., изъ которыхъ мнѣ удалось имѣть только № 33, гдѣ заключаются свѣдѣнія о торговлѣ киргизовъ.

П. Р.—Киргизскія пѣсни. (Вѣстникъ Европы. 1874 г. кн. 12).

Авторъ приводитъ двѣ киргизскихъ пѣсни на русскомъ языкѣ, переложенныя въ стихи съ подстрочнаго перевода, сдѣланнаго султаномъ Сейдалиномъ П—мъ (вѣроятно Пиралѣевымъ).

Развалины Джанъ-Кента. (Мат. д. стат. Тур. края. Вып. III. Спб. 1874 г.).

(Съ 14 рисунками, могилы богатаго и простаго киргизовъ).

В. Григорьевъ.—Русская политика въ отношеніи къ Средней Азіи (Изъ Сборника Государственныхъ знаній т. I.). 1874 г.

Въ этой небольшой (29 страницъ), но интересной брошюрѣ посвящено нѣсколько страницъ и нашей политикѣ въ отношеніи къ киргизамъ въ XVIII столѣтіи. Кратко и очень мѣтко рисуетъ авторъ наши промахи. Переведено на англійскій языкъ въ „Turkistan by P. Schuyler, vol. II“ и на нѣмецкій (въ переводѣ П. И. Лерха въ Russische Revue 1875, B. VII).

М. Терентьевъ.—Статистическіе очерки Средне-азіатской Россіи (Изъ IV т. Записокъ Отдѣла Статистики И. Русск. Географ. Общества). Спб. 1874 г.

Описаніе касается Сырь-Дарьинской линіи и Кураминскаго уѣзда и содержитъ описаніе естественныхъ произведеній, топографіи, общественнаго устройства, податей, народнаго здравія, просвѣщенія и проч., затѣмъ слѣдуютъ, какъ приложеніе, разныя статистическія свѣдѣнія. Что касается населенія („Этнографія уѣзда“), то тутъ кратко описываются таджики, сарты, киргизы и курама.

А. Рейпольскій.—Медико-топографическій очеркъ Киргизской, Внутренней орды и оспенная эпидемія въ ней въ 1874 г. (Протоколы засѣданій Общества русскихъ врачей за 1874 и 75 г.).

П. Золотовъ.—Семипалатинскъ 110-ть лѣтъ тому назадъ (Семипалатинскія Областн. Вѣдомости 1874 №№ 1, 11 и 12.

О рыболовствѣ киргизовъ (Туркестанскія Вѣдомости 1874 г. № 20).

Г. Арандаренко.—Значеніе власти аксакаловъ въ отдаленныхъ кишлакахъ (Туркестанскія Вѣдомости 1874 г. № 25).

Г. Загряжскій.—Бытъ кочеваго населенія долины Чу и Сырь Дарьи (Туркестанскія Вѣдомости 1874 г. №№ 25, 27—32).

Описывается киргизская юрта, домашняя утварь, киргизскій день, пища, сугумъ, права султановъ на сугумъ, гостепріимство, игры и забавы, музыкальные инструменты, ремесла и промыслы, добываніе соли и т. п.

П. Зенковъ.—Экономическія замѣтки по Киргизской степи отъ Иртыша до Иссыкъ-куля (Туркестанскія Вѣдомости 1874 г. № 46).

Податная система въ Туркестанскомъ краѣ. (Голосъ. 1875. № 134. Передовая статья).

* **Вамбери (Vambery),** — Kara-Kirgisen. (Westerman's illustr. Monatsheft. 1875. October).

Вамбери (Vambery)—Kirgisen. (Westerman's illustr. Monatsheft) 1875. April).

Медико-топографическій очеркъ Внутренней киргизской орды. (С.-Петербургскія Вѣдомости. 1875. № 112).

Очеркъ этотъ представляетъ выдержку изъ стат. Рейпольскаго, помѣщенной въ „Сборникѣ сочиненій по судебной медицинѣ, общественной гигіенѣ и проч." Т. I, 1875, и содержитъ краткое описаніе почвы степи, быта киргизовъ, употребленія въ Ханской Ставкѣ большаго количества спиртныхъ напитковъ и болѣзней у киргизовъ.

О проэктѣ преобразованія административнаго устройства Внутренней киргизской орды. (Голосъ. 1875. № 338).

А. Хорошхинъ Очерки Семирѣчья. Ташкентъ 1875.

Г. Потанинъ.—О рукописи капитана Андреева о Средней киргизской ордѣ, писанной въ 1785 г. (Извѣстія Императорскаго Русскаго Географическаго Общества. 1875 Вып. II).

Авторъ говоритъ, что Андреевъ проѣхалъ отъ Усть-Каменогорской крѣпости до Прѣсногорьководской, самъ наблюдалъ киргизовъ и изучалъ ихъ бытъ по разспросамъ. Авторъ говоритъ объ этой рукописи, какъ о цѣнномъ матеріалѣ для сравненія съ настоящимъ временемъ по нѣкоторымъ обычаямъ, которые съ теченіемъ времени вывелись. Рукопись эта есть одинъ изъ первыхъ этнографическихъ трудовъ о киргизахъ.

За пять лѣтъ. Статья Юр—ко (Уральскія Войсковыя Вѣдомости 1875 № 8).

О реформахъ въ киргизскихъ степяхъ.

Львовичъ.—Киргизская степь. Разсказъ солдата 1875 Вып. I. Изд. «Досугъ и Дѣло».

Киргизы (Виленскій Вѣстникъ 1875 г. №№ 29 и 31).

Авторъ кратко описываетъ наружность киргизовъ, одежду ихъ, образъ жизни и т. д.

Образцы киргизской поэзіи (Записки Оренбургскаго Отдѣла И. Русск. Географическаго Общества В. III. 1875 г.).

Эти образцы собраны и переведены на русскій языкъ Т. К. Сейдалиномъ и С. Л. Джантюринымъ, риѳмическій текстъ П. Н. Распопова.

Падшай (Случай изъ быта киргизовъ). К-нъ А-въ (Иллюстрированная Недѣля 1875 г. №№ 13 и 14).

Рисуется бытъ киргизовъ, имѣющій отношеніе, преимущественно, къ положенію женщины въ семьѣ.

О ходѣ торговли на осенней ярмаркѣ 1874 и 1875 гг. при Ахунскомъ хуторѣ Внутренней киргизской орды (Оренбургскія Губернскія Вѣдомости 1875 г. №№ 1 и 41).

Ю. Казбековъ.—Цикловой годъ у киргизовъ и другихъ народностей Средней Азіи (Туркестанскія Вѣдомости 1875 г. № 6).

Кызъ-быры.—„Волкъ-дѣвка". Конныя игры въ киргизской степи (Всемірная Иллюстрація 1875 г. № 354).

Описывается киргизская игра и говорится о положенія дѣвушки и женщины у киргизовъ.

Макъ-Гаханъ.—Военныя дѣйствія на Оксусѣ и паденіе Хивы. Москва 1875.

Это въ высшей степени интересное сочиненіе писано американскимъ военнымъ корреспондентомъ; настоящее изданіе переведено съ англійскаго, вышедшаго въ Лондонѣ въ 1874 г. (Campaigning on the Oxus and the Fall of Khiva). Кромѣ разбросанныхъ свѣдѣній о киргизахъ, помѣщенныхъ въ началѣ сочиненія, слѣдуетъ отмѣтить интересныя главы: киргизскій старшина, киргизскій романъ и домашній бытъ киргизовъ.

Л. Баллюзекъ.—Народная перепись въ Николаевскомъ уѣздѣ Тургайской области (Записки Оренбургскаго Отдѣла И. Русск. Географ. Общества, в. III. 1875 г.).

М. Терентьевъ.—Туркестанъ и Туркестанцы (Вѣстникъ Европы. Кн. 9, 10 и 11. Сентябрь, октябрь и ноябрь 1875 г.).

Эта интересная статья относится не къ однимъ киргизамъ, а вообще къ инородцамъ Туркестана. Авторъ подробно излагаетъ введенія „новаго положенія" въ 1867—68 гг. и описываетъ внѣшній бытъ, бачетатство, болѣзни, духовенство, школьное образованіе, судоустройство, судопроизводство и управленіе—все на 113 страницахъ. Интересными свѣдѣніями и хорошимъ изложеніемъ статья эта заслуживаетъ вниманія.

М. Терентьевъ.—Грамматика турецкая, персидская, киргизская и узбекская. СПБ. 1875.

Киргизская грамматика составлена г. Терентьевымъ по матеріалу Ильминскаго, провѣрена живой рѣчью и разсмотрѣна живой рѣчью и разсмотрѣна Султаномъ Джангиромъ Буккевымъ и г. Ибрагимовымъ.

Положеніе миссіонерскаго дѣла въ семирѣченской области (Туркестанскія Вѣдомости 1875 г. № 34).

Ю. Казбековъ.—Праздникъ Зенги-ата (у киргизовъ) (Туркестанскія Вѣдомости 1875 г. № 34).

Ein Krähwinkel in der Kirgisensteppe (Europa 1876 № 28).

И. Ибрагимовъ.—Очерки быта киргизовъ. (Древняя и Новая Россія. 1876. Т. III.

Авторъ посвящаетъ свою статью описанію Киргизскихъ поминокъ (асъ); говоритъ между прочимъ о муллахъ, киргизской пѣснѣ, охотѣ, скачкахъ и единоборствѣ. Очерки написаны въ интересной формѣ.

А. Загряжскій.—Юридическіе обычаи киргизовъ. (Мат. д. Стат. Тур. края вып. IV 1876 г.).

На 33 страницахъ изложены многочисленные обычаи киргизовъ, касающіеся: сословности, сватовства и свадьбы, семейнаго устройства и др. Эти страницы представляютъ цѣнный матеріалъ для изученія юридическихъ обычаевъ киргизовъ.

Musik, Gesang und Tanz der Baschkiren und Kirgisen. (Ausland. 1876. № 34).

Записки Императорскаго С.-Петербургскаго Минирологическаго Общества 1876 г. ч. X.

Туркестанскія Вѣдомости 1876 г. № 17.

Киргизскія сказки, переведен. Рахимомъ Шараповымъ Абдрахимовымъ (Акмолинскія Областныя Вѣдомости 1876 г. №№ 19—24).

Н. Савичевъ.—Исетай Таймановъ, старшина Внутренней орды (Уральскія Войсковыя Вѣдомости 1876 г. №№ 43—50 и 1877 г. № 1).

Киргизскія пословицы (Оренбургскій листокъ 1876 г. № 35).

Пословицы касаются слѣдующихъ сторонъ: отношенія къ Богу, внутренняго міра человѣка, отношенія къ правительству и законамъ, онтошенія къ обществу, семьѣ, роднымъ и постороннимъ лицамъ--всѣхъ 83.

Вѣдомость о ходѣ торговли на весенней ярмаркѣ 1876 г. при Архунскомъ хуторѣ Внутренней киргизской орды (Оренбургскія Губернскія Вѣдомости 1876 г. № 45).

Съ береговъ Иртыша (Сибирь 1876 г. № 33).

Суевѣріе о киргизахъ и казакахъ.

Въ киргизской степи (Живописное Обозрѣніе 1876 г. № 50).

Говорится объ интересной киргизской игрѣ кызъ-быры (волкъ-дѣвка). Приложенъ рисунокъ, взятый изъ Illustrirte Zeitung.

Киргизы Малой орды (Живописное Обозрѣніе 1876 г. № 25).

Помѣщена краткая замѣтка о киргизахъ, относящаяся къ приложенному къ статьѣ рисунку.

Д. Самоквасовъ.—Сборникъ обычнаго права сибирскихъ инородцевъ. Варшава 1876.

Въ концѣ книги (на 37 страницахъ) помѣщены „обычаи киргизовъ". Эта глава заключаетъ слѣдующіе отдѣлы: о богопочитаніи, судѣ и судьяхъ, свидѣтеляхъ, смертномъ убійствѣ, увѣчьяхъ, ранахъ, дракѣ и обидахъ, упускѣ и укрывательствѣ преступниковъ, о содомскомъ грѣхѣ, насиліи и блудѣ, о зажигательствѣ, воровствѣ и грабежѣ, по исковымъ дѣламъ.

Киргизскія пословицы (Акмолинскія Областныя Вѣдомости 1876 г. №№ 14 и 15).

Кульмесенъ и Акылъ-Саза (Акмолинскія Областныя Вѣдомости 1876 г. №№ 19—24).

Киргизскія сказки.

Нѣсколько словъ о байгахъ, бывшихъ въ гг. Акмолинскѣ и Петропавловскѣ 21 и 27 іюля и выставкахъ при нихъ. (Акмолинскія Областныя Вѣдомости 1876 г. № 15).

Нѣсколько словъ о байгѣ, бывшей въ Омскѣ 10 іюля (Акмолинскія Областныя Вѣдомости 1876 года № 13).

Замѣтки о Семирѣченскомъ краѣ (Акмолинскія Областныя Вѣдомости 1876 г. №№ 6—8).

Матеріалы для исторіи Киргизской степи (Сборникъ газеты „Сибирь" т. 1).

А. Кадомцевъ.—Отчетъ о поѣздкѣ въ киргизскія степи. (Извлеченія изъ отчетовъ гг. ветеринаровъ, командированныхъ въ киргизскія степи). Спб. 1877).

Эта книжка (въ 107 страницъ) состоитъ изъ 6 главъ: I. Линіи сибирскихъ киргизовъ. II. Киргизскія степи западной Сибири. Здѣсь говорится объ отсутствіи лѣсовъ, о маломъ количествѣ годной воды, о почвѣ и травахъ. III. Южныя окраины Тобольской и Томской губерній IV. Содержаніе скота. Авторъ въ этой главѣ даетъ довольно полную картину содержанія скота и ухода за нимъ, говоритъ о кочевьяхъ и зимовьяхъ киргизовъ. V. Повальныя болѣзни на скотѣ. Тутъ говорится о болѣзняхъ скота, о средствахъ предупрежденія и о лѣченіи болѣзней. VI. Торговля, ярмарки и пути передвиженія скота.

Н. Савичевъ.—О неповиновеніи начальству двухъ киргизъ Внутренней орды (Уральскія Войсков. Вѣдомости 1877 г. №№ 4, 5 и 6).

Киргизскіе кудесники (Сѣверная Звѣзда 1877 г. № 23).

Со словъ г. Небольсина описываются фокусы, продѣлываемые киргизскими баксами, какъ-то: кусаніе раскаленнаго желѣза, хожденіе въ огонь и т. д.

Г. Кравцовъ—Отчетъ о поѣздкѣ въ Киргизскія степи (Извлеченіе изъ отчета гг. ветеринаровъ. СПБ. 1877).

Весьма интересная работа, касающаяся преимущественно скотоводства у киргизовъ; кромѣ того, есть описаніе природы Киргизской степи и жизни киргизовъ. Всего 204 страницы.

Киргизскій судъ (Сибирь 1877 г. № 28).

Описаніе порядка разбора дѣлъ киргизскими біями.

Матеріалы по статистикѣ, географіи, исторіи и этнографіи Оренбургской губерніи. Выпускъ I. Оренбургъ 1877.

Въ этомъ сборникѣ помѣщены интересныя топографическія свѣдѣнія и отчасти статистическія данныя о киргизахъ. Слѣдуетъ отмѣтить библіографическій указатель сочиненій и статей, касающихся Оренбургской губерніи, помѣщенный на стр. 51—89 II-го отдѣла. Нѣкоторыя статьи и сочиненія, имѣющія прямое отношеніе къ киргизамъ, мы помѣщаемъ въ нашъ указатель, нѣкоторыя же, въ виду ихъ общаго характера (судя по заглавіямъ), не включаемъ, но указываемъ лицамъ, желающимъ познакомиться съ ними.

***Корреспонденція** изъ Оренбурга (Голосъ 1877 г. №277),

Говорится объ усмиреніи мятежныхъ кара-киргизовъ генераломъ Скобелевымъ.

Лѣченіе падучей болѣзни у киргизовъ (Сибирь 1877 г. № 8).

Примѣръ истязанія больной знахарями.

Пецольдъ (A. Petzholdt)—Umschau im Russischen Turkestan im Jahre 1871. Leipzig. 1877.

Уже въ первой части своего сочиненія авторъ неоднократно затрогиваетъ жизнь киргизовъ и даетъ описаніе страны, обитаемой, между прочими, и киргизами, но всѣ свѣдѣнія преимущественно о киргизахъ и кара-киргизахъ сведены имъ въ 3-й главѣ II-й части, гдѣ онъ даетъ интересныя данныя о характерѣ и внѣшнемъ бытѣ.

Съ устьевъ Волги (Московскія Вѣдомости 1877 г. № 285).

Авторъ говоритъ о пригодности киргизскихъ кибитокъ для солдатъ во время военныхъ дѣйствій, о равнодушномъ отношеніи къ войнѣ букеевскихъ киргизовъ и о поставкѣ ими 500 лошадей для войска.

Корреспонденція изъ Омска (Сибирь 1877 г. № 39).

Говорится объ юртѣ, отправленной киргизами Зайсанскаго приставства въ подарокъ Е. И. В. Великому Князю Николаю Николаевичу Старшему и стоющей слишкомъ 10.000 рублей.

Корреспонденція изъ Омска (1877 г. № 52).

Объ интернатахъ для киргизскихъ дѣвочекъ.

Озеро Норъ—Зайсанъ и Черный Иртышъ (Туркестанскія Вѣдомости 1877 г. № 51).

Нѣсколько словъ о киргизскихъ интернатахъ Акмолинской области (Акмолинскія Областныя Вѣдомости 1877 г. № 23).

Киргизскія легенды (Акмолинскія Областныя Вѣдомости 1877 г. №№ 1—3).

Краткое извлеченіе изъ киргизской легенды: „Баянъ-Сулу и Козу-Курпечъ".

Die Kirgisengeschichte. Russische Revue 1873). Нумеръ неизвѣстенъ.

Ибрагимовъ.—Замѣтки о киргизскомъ судѣ. (Записки Императорскаго Русскаго Географическаго Общества по отдѣлу Этнографіи 1878. Т. VIII № 2).

Парфеній (Инокъ). Первыя извѣстія о русскихъ въ Кульджѣ и присоединеніи къ Россіи киргизской области (Русскій Вѣстникъ 1878 Т. 137).

Эта интересная рукопись сообщена Д. Касицкимъ, который снабдилъ ее предисловіемъ.

П.—Обычаи киргизовъ Семипалатинской области. (Русскій Вѣстникъ 1878. Т. 137. № 9).

На 42 страницахъ изложены свадебные обряды съ пѣснями, похоронные обряды съ причитаніями, уходъ за родильницей и новорожденнымъ и списокъ употребительнѣйшихъ лекарствъ; кромѣ того приложены пословицы.

В. Радловъ (W. Radloff).—Les kourgans sibériens de la steppe des Kirghiz prés de l'Altai. (Revue archéolog. XXXVI 1878).

А. Старчевскій.—Спутникъ русскаго человѣка въ Средней Азіи. Спб. 1878.

Авторъ составилъ этотъ „Спутникъ" съ цѣлью доставить русскимъ пособіе при изученіи нарѣчій нашего Туркестана. Глава третья „Спутника" заключаетъ очеркъ грамматики киргизскаго языка, а седьмая глава—словарь киргизскихъ словъ.

Э. Соколовскій—Описаніе восточной части киргизской степи. (Журналъ Министерства Путей Сообщенія. 1878. Т. I Мартъ).

Авторъ описываетъ виды степи (озера, рѣки, подпочвенная вода), пески, растительность, горныя породы, климатъ (таблица двѣхмѣсячнаго наблюденія надъ температурой), народонаселеніе земледѣліе, промышленность и торговлю. Приложена карта.

* **Уйфальви (Ch. de Ujfalvy de Mezö-Kövesd)** Le Kohistan, Ferghanah et Kouldja. Paris. 1878.

Во второй главѣ (Ferghanah) авторъ даетъ краткую замѣтку о кара-киргизахъ и ихъ типѣ. Къ этому сочиненію приложены двѣ таблицы съ 26 измѣреніями кара-киргизовъ и киргизъ-кипчаковъ.

Ф. Лобысевичъ. Городъ Оренбургъ. Историко-статистическій очеркъ. СПБ. 1878.

Нельзя не отмѣтить этой небольшой брошюры, какъ имѣющей отношеніе къ Киргизской степи и представляющей значительный интересъ при знакомствѣ съ этимъ краемъ.

Д. Мухинъ. (Священникъ). Нападеніе киргизовъ въ 1844 г. на Екатерининскій поселокъ (Оренбургскія Губернскія Вѣдомости 1878 г. № 23).

С.-Петербургскія Вѣдомости 1878 г. № 108.

Газета даетъ отзывъ объ „Очеркѣ Киргизской степи Оренбургскаго вѣдомства" Лобысевича и дѣлаетъ нѣкоторыя извлеченія.

Корреспонденція изъ Семипалатинска (Сибирь 1878 г. № 36).

О причинахъ, побудившихъ 750 кибитокъ киргизовъ перекочевать изъ Устькаменогорскаго уѣзда въ Китай.

Киргизы.—Этнографическая Выставка 1867 года Императорскаго Общества Любителей Естествознанія (Извѣстія И. Общества Любителей Ест., Антропол. и Этнограф. т. XXIX. Москва 1878 г.)

Во второмъ отдѣлѣ („Составъ выставки. А—Инородческія племена") помѣщено описаніе одежды сибирскихъ и оренбургскихъ киргизовъ: богатаго, бѣднаго и средняго состоянія, женщины, дѣвушки и дѣвочки.

Корреспонденція изъ Омска (Сибирь 1878 г. № 25).

О киргизской скачкѣ (байгѣ).

Труды Императорскаго Вольно-Экономическаго Общества 1878 г. № 9.

Помѣщена рецензія на отчеты ветеринаровъ гг. Г. В. Кравцова, А. В. Кадомцева и Е. М. Кадомцева, командированныхъ Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ въ Киргизскія степи.

Кара-Ибанъ.—Среди киргизъ (Оренбургскій Листокъ 1878 г. №№ 4, 5 и 6 и 1879 г. № 15).

Рисуются картины изъ быта киргизовъ, касающіяся преимущественно перекочевки и зимовки.

Байга въ 1877 г. въ Акмолинскѣ (Акмолинскія Областныя Вѣдомости 1878 г. №№ 1—5).

Ф. Гельвальдъ.—Земля и ея народы. Т. IV. **Живописная Азія и Австралія.** Спб. 1879.

Въ VIII главѣ (Туркестанская низменность) помѣщенъ краткій очеркъ киргизовъ и каракиргизовъ. Это компиляція изъ сочиненій Радлова, Левшина, Фурмана, Залескаго (Zaleski) и Вагнера. Приложенъ рисунокъ.

И. Алтынсаровъ. — Начальное руководство къ обученію киргизовъ русскому языку. Оренбургъ. 1879.

Это руководство составлено для киргизовъ, поступающихъ въ русскія школы и незнающихъ ни слова по русски. Оно содержитъ этимологію и синтаксисъ и и образцы для переводовъ. Это руководство въ томъ смыслѣ можетъ служить пособіемъ къ элементарному изученію киргизскаго языка, что въ немъ не мало киргизскихъ словъ, писанныхъ русскими буквами.

Киргизъ.—Киргизы-Джатаки. Этнографическій очеркъ (Русская Рѣчь. 1879. Августъ).

На 13 страницахъ рисуется положеніе пограничныхъ осѣдлыхъ киргизовъ. Отношеніе между ними и ихъ собратьями, кочующими въ степи.

Уйфальви (Ch de Ujfalvy de Mezö-Kövesd.)—Le Syr-Daria. Paris. 1879.

Авторъ въ своемъ обширномъ сочиненіи даетъ описаніе Сырдарьинской области: характера ея мѣстности, народонаселенія и пр., затѣмъ описаніе Заравшана и Семирѣчья. О киргизахъ онъ говоритъ на 10 страницахъ въ первой главѣ этой книги: описываетъ типъ, раздѣленія на орды, бытъ киргизовъ. Къ этому сочиненію приложены двѣ таблицы съ измѣреніями 11 киргизовъ.

Еще о киргизскихъ школахъ. Г. В. (Новое Время 1879 № 1180).

Авторъ говоритъ объ устройствѣ въ Киргизской степи школъ и интернатовъ и о безполезности послѣднихъ.

Шиле.—Киргизы, Этнографическій очеркъ (Природа и Люди 1879 г. № 4).

На 59 страницахъ помѣщенъ очеркъ быта киргизовъ. Компиляція изъ сочиненій разныхъ авторовъ, впрочемъ не лишенная интереса.

Л. Полторацкая. — Виды и типы Западной Сибири (Антропологическая Выставка т. III ч. 2. Москва 1879 — 1880 г. Извѣстія И. Общества любителей Естествозн., Антропол. и Этнограф. т. XXXV ч. II. Труды Антропологическаго Отдѣла т. 5).

Это описаніе было составлено Л. Полторацкой къ присланной ею колекціи типовъ и видовъ. Описаніе киргизовъ помѣщено на трехъ страницахъ (in 4°) петигомъ и содержитъ интересныя данныя о внѣшнемъ бытѣ, одеждѣ, киргизской лошади, могилахъ и обрядѣ погребенія.

Корреспонденція изъ Оренбурга (Голосъ 1879 г. № 36).

Говорится о стычкѣ съ киргизами Алтайской волости.

А. Круссеровъ.—Краткій статистическій обзоръ Западной Сибири съ 1874 по 1878 г. (Адресъ—Календарь Западной Сибири на 1879 годъ).

1880—1890 гг.

Л. Костенко.—Туркестанскій край. Спб. 1880.

Обширное сочиненіе, состоящее изъ 3 томовъ (слишкомъ 1000 страницъ). Первый томъ заключаетъ топографію орографію и гидрографію края, климатъ и нѣкоторыя этнографическія свѣдѣнія объ инородцахъ, между прочимъ, и о киргизахъ. Второй томъ состоитъ исключительно изъ описанія путей сообщенія; третій содержитъ описаніе естественныхъ богатствъ края.

Разсказы о жизни киргизъ. — (Записки Оренбургскаго Отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго Общества. 1880, Т. IV).

А. Макшеевъ. — Географическія свѣдѣнія книги Большаго Чертежа о киргизскихъ степяхъ и Туркестанскомъ краѣ. (Записки Императорскаго Русск. Географ. Общества. Т. IV. 1880).

На 36 страницахъ авторъ приводитъ свѣдѣнія, имѣющіяся о киргизской степи въ книгѣ Большаго Чертежа съ комментаріями. Въ концѣ приложенъ алфавитный указатель географическихъ названій, встрѣчающихся въ книгѣ Большаго Чертежа и карта.

Б. Юзефовичъ. — О бытѣ киргизъ Тургайской области. (Русскій Вѣстникъ. 1880. Апрѣль).

На 37 страницахъ кратко изложенъ бытъ киргизовъ. Изложеніе это интересно нѣкоторыми фактическими данными, которыя передаетъ авторъ вполнѣ безпристрастно; между прочимъ, онъ говоритъ объ экономическомъ положеніи киргизовъ.

Уйфальви (Ch. de Ujfalvy de Mezö-Kövesd).—Les Bachkirs, les Vêspes e. s. t... précédés des résultats anthropologiques d'un voyage en Asie Centrale. Paris. 1880.

Въ первой главѣ авторъ, описывая типы средней Азіи, включаетъ, и киргизовъ, а также даетъ результаты измѣреній киргизовъ и кара-киргизовъ Въ концѣ книгѣ приложены таблицы съ средними цыфрами измѣреній всѣхъ народностей Средней Азіи - въ томъ числѣ и киргизовъ.

М. Толычева.—Киргизка. Москва 1880.

Народы Россіи.—Киргизы (Досугъ и Дѣло 1880).

И. А —По поводу голода въ Киргизской степи (Оренбургскій Листокъ 1880 г. № 17).

Авторъ говоритъ о голодѣ въ Тургайской области, о стремленіи киргизовъ къ осѣдлой жизни и къ земледѣлію.

И. Райскій.—Лѣшій. Изъ быта киргизъ „Новой Линіи" (Оренбургскій Листокъ 1880 г. № 33).

Разсказъ не имѣетъ почти никакого отношенія собственно къ быту киргизовъ.

И. К — Киргизская кибитка (Игрушечка 1880 г. № 2).

Краткое описаніе киргизской кибитки съ рисунками.

Г. Арандаренко.—Между туземцами Степнаго уѣзда (Туркестанскія Вѣдомости 1880 г. №№ 2, 3 и 5).

В. Радловъ.—Средняя Заравшанская долина (Записки Императорскаго Русскаго Географическаго Общества. По отдѣлу Этнографіи. Т. VI. СПБ. 1880 г.).

Авторъ (на 92 страницахъ) даетъ описаніе горъ и рѣкъ, искусственнаго орошенія, путей сообщенія и т. д. и, наконецъ, народонаселенія и въ томъ числѣ киргизовъ. Эта статья составляетъ одну главу II тома (X.—Das mittlere Serafschan-Thal) его сочиненія „Aus Sibirien". (См. ниже, 1884 годъ).

Туркестанскія Вѣдомости 1880 г. №№ 1, 8, 9, 10 и 12.

В. Наливкинъ.—Очерки земледѣлія въ Наманганскомъ уѣздѣ (Туркестанскія Вѣдомости 1880 г. №№ 11, 13, 15, 18, 19, 24, 25, 27—29).

Матеріалы для статистики населенія Акмолинской области (Акмолинскія Областныя Вѣдомости 1880 г. №№ 14 и 15).

Д. К—ій.— Замѣтка о религіи киргизъ (Акмолинскія Областныя Вѣдомости 1880 г. № 45).

Н. Домоховскій. — Школьная практика въ киргизскомъ аулѣ. (Народная школа. 1881. № 10).

Авторъ для изученія киргизскаго языка и для сближенія съ киргизами провелъ въ киргизскомъ аулѣ 2 года. Въ его статьѣ есть интересныя указанія на бытъ киргиза.

Народы Россіи.—Т. II, Спб. 1881.

На 60 страницахъ авторъ даетъ описаніе быта киргизовъ: изъ образа жизни, свадебныхъ и похоронныхъ обрядовъ и проч. Статья, повидимому—компиляція. Приложено 6 рисунковъ; часть ихъ взята изъ сочиненія Аткинсона.

В. Наливкинъ.—Киргизы Наманганскаго уѣзда (Туркестанскіе Вѣдомости. 1881. № 20 и 21).

Эта обширная (въ 12 полныхъ столбцевъ) статья посвящена экономическому положенію киргизовъ Наманганскаго уѣзда; хотя эта статья мало содержитъ фактическихъ данныхъ, но за то знакомитъ съ жизнью киргизовъ этого уѣзда.

О переустройствѣ Внутренней киргизской орды. (Новое Время. 1881, № 2044)

Въ этой статьѣ говорится о неправильномъ и неравномѣрномъ надѣлѣ земли во Внутренней ордѣ, благодаря самовольнымъ дѣйствіямъ Джангира, и о проэктѣ переустройства управленія орды.

Г. Потанинъ. — Очерки Сѣверо - Западной Монголіи. 4 выпуска. 1881—1883.

Во второмъ и четвертомъ выпускахъ помѣщены матеріалы этнографическіе и родословная киргизскихъ родовъ. Наиболѣе интересныя обширныя примѣчанія во II вып., посвященныя филологическимъ разсужденіямъ.

La Steppe Kirghize. (Le Globe—journal de la Soc. de Georg. de Genève, 1881. T. IV).

Н. Ядринцевъ. — Инородческое просвѣщеніе на русскомъ востокѣ. (Порядокъ. 1881. № 322).

Авторъ говоритъ, что нами сдѣлано очень мало для просвѣщенія нашихъ восточныхъ инородцевъ, между прочимъ киргизовъ, и ставитъ въ параллель дѣйствіе Англіи въ Индіи.

М. Хорошхинъ.— Военно-статистическій обзоръ казачьихъ войскъ. (Военный Сборникъ. 1881. №№ 5—11).

Здѣсь заключаются свѣдѣнія о казачьихъ войскахъ: Семирѣченскомъ и Сибирскомъ (Акмолинскомъ, Семипалатинскомъ и др.); имѣются также свѣдѣнія о нашемъ сближеніи съ Средней Азіею и въ частности съ киргизами.

Н. Балкашинъ.—Хронологическій указатель важнѣйшихъ событій изъ исторіи Западной Сибири съ 1465 по 1881 г. (Памятная книжка для Западной Сибири на 1881 г.).

Киргизы Зайсанскаго приставства (Сибирская Газета 1881 г. № 31).

Авторъ говоритъ объ образѣ жизни киргизовъ, домашнемъ и семейномъ бытѣ и религіи ихъ.

Павлодарскій уѣздъ Семипалатинской области (Сибирская Газета 1881 № 39).

Говорится о дурномъ хозяйствѣ киргизовъ и ихъ плохомъ экономическомъ положеніи

Ш.—Павлодарскій уѣздъ Семипалатинской обл. (Сибирская Газета 1881 г. №№ 41 и 42).

Говорится объ экономическомъ положеніи киргизовъ.

Н. Пантусовъ.—Свѣдѣнія о Кульджинскомъ районѣ за 1871—1877 годы. Казань 1881.

Въ этомъ трудѣ можно найти весьма много интересныхъ статистическихъ свѣдѣній о жителяхъ Кульджинскаго района, какъ-то: дунганахъ, калмыкахъ, таранчахъ и киргизахъ. Свѣдѣнія собраны изъ оффиціальныхъ источниковъ.

Киргизы и Уральская администрація (Московскій Телеграфъ 1881 г. № 156).

Авторъ статьи говоритъ о голодѣ въ Киргизской степи въ 1879—1880 г., о нераспорядительности администраціи и о раздачѣ казенныхъ пособій. Есть много цифровыхъ данныхъ.

С.—Похожденія въ Киргизскихъ степяхъ (Свѣтъ въ картинахъ 1881 г. №№ 8 и 9).

Разсказъ о нападеніи въ степи, взятый изъ воспоминаній Г. Басслера,

Памятная книжка Западной Сибири 1881 года. Омскъ. 1881.

Изданіе памятныхъ книжекъ было предпринято въ 1881 году съ цѣлію ознакомленія публики съ Западной Сибирью и замѣнило собой издаваемые раньше Адресъ-Календари. Первая книжка этого изданія заключаетъ въ себѣ кромѣ наименованій административныхъ лицъ, церковныхъ и справочныхъ свѣдѣній и др., весьма цѣнныя статистическія данныя, относящіяся къ населенію края, его образованію, здравію, хлѣбопашеству, огородничеству, промышленности, торговлѣ и многимъ другимъ интереснымъ сторонамъ быта. Кромѣ того помѣщенъ на ста страницахъ интересный и подробный „хронологическій перечень событій, относящихся къ исторіи Западной Сибири съ 1465 по 1881 г.“ Какъ эти историческія, такъ и вышеупомянутыя другія свѣдѣнія, имѣютъ прямое отношеніе къ киргизамъ. Объемъ книжки 390 страницъ.

Б. Даулбаевъ. — Разсказъ о жизни киргизъ Николаевскаго уѣзда Тургайской области (съ 1830 по 1880 г.) (Записки Оренбургскаго Отдѣла И. Русскаго Географическаго Общества. Вып. IV. Оренбургъ. 1881 г.).

На 19 страницахъ помѣщенъ разсказъ о жизни киргизовъ Кипчакскаго поколѣнія: ихъ обычаи, обряды, религіозныя вѣрованія и проч.

Заселеніе киргизскихъ степей. (Восточное Обоз. 1882 г. № 19).

Авторъ этой статьи возражаетъ газетѣ „Новости“ по поводу необходимости заселенія киргизской степи нашими переселенцами и рисуетъ тяжелое экономическое положеніе киргизовъ.

Корреспонденція „изъ Оренбурга“. (Восточное Обозрѣніе. 1882. № 12).

Въ статьѣ говорится о тяжелой зимѣ, объ ея вліяніи на экономическое положеніе киргизовъ и о болѣзняхъ, появившихся среди нихъ

Изъ Ферганы (корреспон.) (Восточ. Обозрѣн. 1882. № 38).

Эта небольшая статья написана по поводу появившейся (въ Туркест. Вѣд. 1881 г. №№ 20 и 21) статьи г. Наливкина о вымираніи киргизовъ Наманганскаго уѣзда.

Объ измѣненіи подсудности киргизовъ Уральск. и Тургайской областей. (Голосъ 1882 № 204).

Краткая замѣтка о причинахъ, почему военный министръ вошелъ съ представленіемъ въ комитетъ министровъ объ изъятіи киргизовъ изъ подсудности военному суду.

Н. И.—Къ характеристикѣ обитателей Киргизской степи (Астраханскій Справочный Листокъ 1882 г. № 128).

Авторъ говоритъ о сплетнѣ, царящей въ Букеевской степи и приносящей много вреда. Статья къ быту киргизовъ отношенія не имѣетъ.

Н. Ивановъ.—Въ защиту киргизовъ - рабочихъ (Астраханскій Справочный Листокъ 1882 г. № 116).

Статья написана въ отвѣтъ на статью казака съ Кольцовской ватаги, помѣщенную въ № 112 Астраханскаго Листка, и касается киргизовъ рабочихъ на Астраханскихъ промыслахъ.

И. Козловъ. — Обзоръ обычнаго права киргизовъ (Памятная книжка Западной Сибири на 1882 г.).

И. К.—Байга у киргизовъ (Сибирская Газета 1882 г. № 13).

Описывается празднество, соединенное съ байгою.

А. Первушинъ.—Податныя тягости у киргизъ (Туркестанскія Вѣдомости 1882 г. № 41).

Лѣсное хозяйство въ Зайсанскомъ приставствѣ (Сибирская Газета 1882 г. № 43).

Говорится о безлѣсьѣ и объ истребленіи остатковъ лѣса.

Стремленіе киргизовъ къ обрусѣнію и средства къ тому (Астраханскія Епархіальныя Вѣдомости 1882 г. № 11).

Статья не соотвѣтствуетъ своему заглавію: приводится мнѣніе одного киргиза о пользѣ русско-татарской газеты, что, въ свою очередь, подтверждаетъ и авторъ статьи. Перепечатано изъ Астраханскаго Справочнаго Листка 1882 г. № 92.

М. Федоровскій.—Къ вопросу о брачномъ правѣ у туземцевъ (Туркестанскія Вѣдомости 1882 г. № 51).

Ишъ-Мухамедъ-Букинъ.—Физическое и умственное воспитаніе у киргизъ. Ташкентъ. 1883. Типогр. Базилевскаго.

Казалинскъ.—(Корреспонденція. Восточное Обозрѣніе. 1883. № 16).

Здѣсь говорится о выборѣ волостныхъ старшинъ и о безпорядкахъ, бывающихъ при этомъ,- приведенъ примѣръ выборовъ 1880 г.

Корреспонденція изъ Оренбурга. (Восточное Обозрѣніе. 1883 № 6).

Авторъ этой статьи приводитъ два примѣра неправильнаго рѣшенія дѣлъ біями.

Отдыхъ киргизовъ послѣ охоты. (Нива. 1883 № 5).

Къ этому краткому описанію охоты у киргизовъ приложенъ изящный рисунокъ Н. Каразина.

О скотоводствѣ у киргизовъ Западной Сибири, составл. по рукоп. записки М. Ч. Чермаковымъ (родомъ киргизъ). (Сельское Хозяйство и Лѣсоводство. Жур. Мин. Госуд. Имущ. 1883. Январь).

Статья говоритъ о породахъ киргизскаго скота, объ уходѣ за нимъ и о продуктахъ, получаемыхъ со скота.

Перовскъ.—(Корреспонденція. Восточное Обозрѣніе. 1883. № 28).

Краткая замѣтка о міровоззрѣніи киргизовъ: о землѣ, солнцѣ, звѣздахъ и пр.

Ф. Синьковскій.—Записки Алтайскаго миссіонера Черно-Ануйскаго Отдѣленія за 1876—1881 г. Москва. 1883.

Авторъ разсказываетъ о своихъ дѣйствіяхъ, въ качествѣ миссіонера, въ Черно-Ануйскомъ миссіонерскомъ отдѣленіи среди калмыковъ и киргизовъ. Описываетъ киргизскія поминки и соединенныя съ ними скачки.

Изъ Харькова въ Киргизскую степь (Южный Край 1883 г. № 967).

Радловъ (W. Radloff).—Ethnographische Uebersicht der Türken-Stämme Sibiriens und der Mongolei. Leipzig. 1883.

Эта небольшая (29 страницъ) брошюра (отдѣльный оттискъ изъ „Vergleichende Grammatik der nördlichen Türksprachen") представляетъ, благодаря массѣ фактовъ, громадный интересъ особенно для лингвиста и этнографа и занимаетъ, на ряду съ сочиненіемъ Вамбери „Das Türkenvolk in seinen ethnologischen und ethnographischen Beziehungen "(см. ниже), въ классификаціи тюркскихъ племенъ, на основаніи языка, первое мѣсто.

Мацѣевскій и Поярковъ.—Краткія этнографическія замѣтки о туземцахъ бывшаго Кульджинскаго района. Омскъ. 1883.

Въ этой весьма интересной, преимущественно своими антропометрическими данными, книжкѣ описано всего 12 народныхъ группъ, между прочимъ, и киргизы. Относительно киргизовъ авторы описываютъ ихъ жилища, одежду, свадебные обряды, хозяйство, болѣзни и характеръ. Кромѣ того, помѣщены весьма цѣнныя данныя измѣреній 30 взрослыхъ киргизовъ Кульджинскаго района. Эта, весьма полезная своимъ матеріаломъ, книга представляетъ у насъ, въ Москвѣ, рѣдкость и только съ 18 декабря 1890 года, благодаря любезности Д—ра Ѳ. В. Пояркова, имѣется по одному экземпляру въ Библіотекѣ Московскаго Публичнаго и Румянцевскаго Музеевъ и въ Библіотекѣ И. Общества Любителей Естествознанія.

Путешествія Г. С. Карелина по Каспійскому морю (Записки И. Русскаго Географическаго Общества. Т. X. Спб. 1883 г.).

Можно встрѣтить не мало интересныхъ свѣдѣній о киргизахъ.

Ишъ - Мухаммедъ - Букинъ.—Физическое и умственное воспитаніе у киргизовъ (Туркестанскія Вѣдомости. 1883 г. № 17).

Киргизскій судъ и присяга.—(Восточное Обозрѣніе. 1884. № 19).

Авторъ этой статьи говоритъ о недостаткахъ современнаго судоустройства и судопроизводства у киргизовъ и о значеніи присяги у киргизовъ.

В. Даль.—Букей и Мауляна. Соч. Т. VIII. Спб. 1884. Посмертное изданіе.

Въ этой повѣсти талантливо изложены жизнь и бытъ азіатскихъ киргизовъ Малой орды въ 30-хъ годахъ. Эта повѣсть даетъ для знакомства съ киргизами больше, чѣмъ многія спеціальныя статьи и сочиненія; въ ней встрѣчаются указанія на родовое и семейное устройство и на другія стороны быта киргизовъ.

С. Монастырскій.—Иллюстрированный спутникъ по Волгѣ. Казань. 1884.

На 13 страницахъ описывается тутъ Баскунчакъ, Эльтонъ, Чапчачи—дается много цифровыхъ данныхъ; далѣе на 3 страницахъ говорится о киргизахъ Букеевской орды.

И.—Безобразіе въ киргизской степи. (Восточное Обозрѣніе. 1884. № 16).

Говорится о безпорядкахъ при выборахъ въ киргизской степи, собственно о неодобрительныхъ дѣйствіяхъ уѣзднаго начальника М-скаго. На эту статью было возраженіе Маіевскаго.

В. Маіевскій.—Возраженіе на корреспонденцію „Безобразіе въ киргизской степи" (Восточное Обозрѣніе. 1884. № 49).

Авторъ отрицаетъ фактъ, передаваемый авторомъ статьи „Безобразіе въ кир-

степи" и говоритъ о безпорядкахъ, возникающихъ при выборѣ волостныхъ старшинъ.

Е. Покровскій.—Физическое воспитаніе дѣтей у разныхъ народовъ, преимущественно Россіи. Москва. 1884 г. (Извѣстія Имп. Общ. Любит. Естеств. и Этногр. Т. VII, вып. 1, 2, 3).

Содержитъ описаніе киргизской колыбели, далѣе замѣтку о кормленіи дѣтей у киргизовъ и о лѣченіи дѣтскихъ болѣзней (главы 17, 25 и 26).

Н. Стремоуховъ.—Киргизъ-пѣвецъ. (Киргизская сказка). (Дѣтское чтеніе. 1884 г. № 1).

На 17 страницахъ передаетъ авторъ интересный разсказъ киргиза-старика о сказочномъ киргизскомъ пѣвцѣ, очаровавшемъ своимъ пѣніемъ всѣхъ людей и животныхъ.

Э. Реклю—Россія Европейская и Азіатская. Т. II. Азіатская Россія. Спб. 1884.

Въ VI отдѣлѣ (населеніе Арало-Каспійской покатости) III главѣ (Арало-Каспійская покатость) авторъ даетъ очеркъ быта киргизовъ. Статья представляетъ компиляцію изъ многочисленныхъ авторовъ: Левшина, Григорьева, Загорскаго, Ибрагимова, Вамбери, Радлова, Красовскаго, Тилло, Мейера и др. Приложено нѣсколько интересныхъ рисунковъ.

В. Радловъ (W. Radloff).—Aus Sibirien. Leipzig. 1884.

Сочиненіе это состоитъ изъ двухъ томовъ. Въ концѣ перваго удѣлено двѣ главы киргизамъ и кара-киргизамъ. Останавливаясь кратко (8 страницъ) на послѣднихъ, авторъ рисуетъ жизнь киргизъ-кайсаковъ на 100 страницахъ слишкомъ. Онъ говоритъ объ ихъ типѣ, одеждѣ, обрядахъ, суевѣріяхъ, гаданьяхъ, пѣснѣ, образѣ жизни и проч.; пишетъ также о хлѣбопашествѣ и скотоводствѣ. Это сочиненіе среди литературы о киргизахъ занимаетъ одно изъ самыхъ видныхъ мѣстъ.

Судьба киргизскихъ интернатовъ (Сибирская Газета 1884 г. № 47).

Авторъ статьи говоритъ о неудовлетворительномъ состояніи интернатовъ и привѣтствуетъ предлагаемыя земледѣльческія колоніи.

Е. Александровъ.—Пути кочевокъ киргизъ Малой орды (Туркестанскія Вѣдомости 1884 г. № 51).

Говорится о кочеваніи киргизовъ Перовскаго и Казалинскаго уѣздовъ.

Записки миссіонера киргизской миссіи, священника Филарета Синьковскаго (Томскія Епархіальныя Вѣдомости 1884 г. №№ 7, 8, 11 и 12).

Мартенъ (M. Vivien de Saint-Martin).—Nouveau Dictionnaire de Géographie Universelle.—26 Fascicule. Paris. 1885.

На 9 мелкопечатныхъ столбцахъ помѣщены довольно полныя свѣдѣнія о киргизахъ и кара-киргизахъ: описаніе страны, климатъ, исторія трехъ ордъ, типъ, языкъ, обычаи и народонаселеніе.

Вопросъ о заселеніи степи. (Восточное Обозрѣніе. 1885. № 40).

М. Готовицкій.—Окончаніе дѣлъ полюмиромъ по киргизскому обычному праву. (Юридическій Вѣстникъ. 1885. № 5).

Авторъ на двухъ страницахъ говоритъ о выработавшемся въ обычномъ правѣ киргизовъ обычаѣ рѣшеній, въ извѣстныхъ случаяхъ, дѣлъ полюмиромъ.

М. Готовицкій. Значеніе обряда присяги у киргизъ. (Юридическій Вѣстникъ. 1885. № 5).

Авторъ пишетъ о высокомъ значеніи присяги у киргизовъ и объ обрядѣ ея.

Н. Зеландъ.—Киргизы. Этнологическій очеркъ. (Записки Западно-Сибирскаго отдѣла Император. Русск. Географич. Общества. Кн. VII; вып. II. 1885).

Эта статья заключаетъ въ себѣ: описаніе природы страны зауральскихъ киргизовъ, климата ея; административное устройство, образъ жизни, питаніе, экономическій бытъ, промыслы, одежду, семейное устройство, общественная и умственная жизнь; физическій типъ; результаты антропологическихъ работъ, Авторомъ измѣрено всего 40 кара-киргизовъ Семирѣченской области, 10 киргизъ-кайсаковъ, 10 кара-киргизокъ и 10 киргизъ-кайсачекъ. Приложены таблицы измѣреній.—Переводъ этой статьи помѣщенъ въ Revue d'anthropologie S. III. T. I.—1886. Paris. Въ № 17 Восточнаго Обозрѣнія за 1885 годъ передавалось кратко содержаніе работы Зеланда, когда она была еще въ рукописи.

Киргизы Акмолинской области (Правительственный Вѣстникъ. 1885. №№ 8, 9 и 13).

Авторъ говоритъ объ измѣненіяхъ, замѣчаемыхъ въ киргизскомъ народѣ со времени подчиненія ихъ Россіи. По его мнѣнію, киргизы сильно измѣнились въ образѣ жизни, религіозности, мало—въ отношеніи земледѣлія и почти не измѣнились въ семейномъ быту. Затѣмъ сдѣланъ очеркъ русскихъ школъ для киргизовъ и преподаванія въ нихъ.

А. Каличеръ—Киргизскій способъ приготовленія лошадей къ скачкамъ во Внутренней киргизской ордѣ. (Журналъ Коннозаводства. 1885. № 3).

Авторъ на 8 страницахъ пишетъ о физическихъ качествахъ, которыми должна обладать годная для скачки лошадь, и о способѣ выдерживанія лошади передъ скачкой.

Мозеръ (H. Moser).—A travers l'Asie Centrale. Paris. 1885.

Въ этомъ обширномъ (458 страницъ) и интересно написанномъ сочиненіи одна глава (II) спеціально посвящена киргизской степи и ея обитателямъ (40 страницъ съ рисунками). Тутъ въ привлекательной формѣ изложены многія стороны быта киргизовъ. Переводъ и извлеченіе изъ этой главы помѣщены Вѣрою Васильевною Тимощукъ въ Русской Старинѣ 1885 г. T. LVII подъ заглавіемъ „Страны Средней Азіи".

Н. Ядринцевъ—Древній Усуньскій городъ на берегу озера Иссыкъ-Куля. (Восточное Обозрѣніе. 1885. № 3).

Авторъ пишетъ объ остаткахъ древняго города на берегу Иссыкъ-Куля и о вещахъ, найденныхъ тамъ въ разное время.

Лансдель (H. Lansdell).—Russisch Central Asien (Deutsche Ausgabe bearbeitet d. H. v. Wobeser). B. II, und. III. Leipzig, 1885.

19 и 20 главы I тома, а также 21 глава втораго тома посвящены киргизамъ. Описаніе касается: исторіи, религіи, семейнаго быта, обрядовъ, пѣсни, суда, одежды, питанія, болѣзней кочевника, типа его, земледѣлія и скотоводства. Въ этомъ сочиненіи находятся разбросанныя бытовыя картины. Есть рисунки: типъ киргиза и сцены изъ быта.

П. Р.—Образцы киргизской поэзіи въ пѣсняхъ эпическаго и лирическаго содержанія. Оренбургъ. 1885.

Приведено всего 16 пѣсенъ, переведенныхъ на русскій языкъ и переложенныхъ въ стихи. Въ этихъ пѣсняхъ ярко рисуются отношенія между молодыми людьми обоего пола, нѣкоторыя вѣрованія, преданія и обряды. Одна изъ пѣсенъ (XVI) представляетъ интересный эпосъ о Кенисарѣ.

* **В. Радловъ**.—Образцы литературы сѣверныхъ Тюркскихъ племенъ. Ч. V. Нарѣчіе дикокаменныхъ киргизовъ. Спб. 1885.

Авторъ въ предисловіи говоритъ о каракиргизахъ, не входя въ подробности описанія ихъ и отсылая читателя къ своему сочиненію „Aus Sibirien. Leipzig. 1884"; за то даетъ интересный очеркъ краснорѣчія и пѣсни киргизовъ. Онъ сравниваетъ поэзію киргизъ-кайсаковъ (лирическая) съ поэзіею каракиргизовъ (эпическая): даетъ характеристику эпоса послѣднихъ, сравниваетъ эпосъ ихъ съ греческимъ и финскимъ (Калевала) и приводитъ (на 600 страницахъ образцы

литературы кара-киргизовъ. Существуетъ и нѣмецкое изданіе этого сочиненія Proben d. Volkslitteratur d. Nördlichen Türkischen Stämme. 1885.

Яр.—Къ исторіи откочевокъ киргизовъ. Восточное Обозрѣніе. 1885. № 3).

Авторъ говоритъ объ уходѣ киргизовъ съ нашей территоріи за китайскую границу и о причинахъ этого движенія.

Ш.—Киргизское обѣдненіе (Восточное Обозрѣніе. 1885. №№ 6, 9 и 12).

Авторъ говоритъ о появившихся на рынкахъ серебряныхъ украшеніяхъ киргизовъ и о маломъ количествѣ скота у киргизовъ Павлодарскаго уѣзда.

Александровъ.—Изъ жизни степныхъ уѣздовъ (Туркестанскія Вѣдомости 1885 г. № 17).

Н. Емельяновъ.—Матеріалы для статистики Туркестанскаго края (Туркестанскія Вѣдомости 1885 г. № 30).

Изъ Киргизскихъ сказаній (Сибирская Газета 1885 г. № 19).

Сказаніе объ основаніи Баянъ-аула (Семипалатинской обл.).

Вамбери (H. Vámbéry)—Das Türkenvolk in seinen ethnologischen und ethnographischen Beziehungen. Leipzig. 1885.

Въ этомъ сочиненіи авторъ удѣляетъ двѣ главы киргизамъ и кара-киргизамъ, гдѣ онъ говоритъ о ихъ происхожденіи, языкѣ, обычаяхъ, обрядахъ, образѣ жизни, пѣснѣ и т. д. Среди сочиненій о киргизахъ, эти главы должны быть поставлены въ первомъ ряду по полнотѣ и освѣщенію фактовъ, которые даетъ авторъ.

А. Никольскій.—Путешествіе на озеро Балхашъ и въ Семирѣченскую область (Записки Западно-Сибирскаго Отдѣла И. Русск. Географическаго Общества. Кн. VII, в. I. Омскъ. 1885 г.).

Въ привлекательной формѣ изложено путешествіе вдоль береговъ Балхаша и по рѣкѣ Или. Авторъ передаетъ много интересныхъ, геологическихъ, біологическихъ и метеорологическихъ наблюденій. Слѣдуетъ отмѣтить главу IV „звѣроловство и рыболовство" и приложеніе, заключающее въ себѣ киргизскія названія многихъ животныхъ и растеній. Есть также указанія на жизнь и бытъ киргизовъ (особенно въ главѣ V), небезынтересныя для знакомства съ ними. Все на 93 страницахъ.

Г. Катанаевъ.—О поступательномъ движеніи киргизовъ Средней орды къ границамъ Западной Сибири (Акмолинскія Областныя Вѣдомости. 1885 г. № 14.

А. Дѣтковъ.—Киргизскія нужды (Туркестанскія Вѣдомости. 1885 г. № 14).

Въ плѣну у киргизовъ. Разсказъ казака. (Восточное Обозрѣніе 1886. № 36).

Небезынтересный разсказъ казака о его плѣнѣ у киргизовъ, въ которомъ рисуется отношеніе киргизовъ къ своимъ врагамъ

Корреспонденція съ Зайсанскаго поста. (Восточное Обозрѣніе. 1886 № 3).

Маленькая замѣтка объ ухудшающимся экономическомъ положеніи киргизовъ.

Н. Я.—Кочевой бытъ и изслѣдованія въ степяхъ. (Восточное Обозрѣніе 1886 № 12).

Статья написана по поводу доклада г. Шестакова въ Западно-Сибир. отд. Им. Русск. Геогрф. Об. объ изученіи киргизскаго быта.

Матеріалы для изученія юридическихъ обычаевъ киргизовъ. Вып. I. Семипалатинскій Областн. Статистич. Комитетъ). Омскъ. 1886.

Составлены П. Е. Маковецкимъ по отвѣтамъ, присланнымъ изъ Семипалатинскаго, Павлодарскаго и Каркалинскаго уѣздовъ, на программы, разосланныя уѣзднымъ начальникомъ въ 1882 г. генералъ-губернаторомъ Западной Сибири. Эти матеріалы заключаютъ въ себѣ: I. семейное право (бракъ, заключеніе его, обрядъ сватовства и свадьбы, прекращеніе брака, отношеніе между членами семьи, опеки и попечительства). II. имущественное право (захватъ, владѣніе, договоры, личный наемъ). III уголовное право (преступленіе и наказаніе вообще, преступленія религіозныя, преступленія противъ личности, нарушеніе правъ семейственныхъ, преступленія имущественныя).

Н. Остроумовъ.—Географія Тукестанскаго края. СПБ. 1886.

Краткій очеркъ (66 страницъ) географіи страны, весьма полезный, впрочемъ, при первоначальномъ изученіи края. Среди краткаго описанія инородцевъ помѣщены и киргизы.

М. Шестаковъ. — Религія и легенды, похороны и рожденіе у киргизовъ (Записки Западно Сибирскаго Отдѣла И. Русскаго Географическаго Общества. Кн. VIII, в. I. Протоколы, стр. 29. Омскъ. 1886 г.).

Г. Катанаевъ.—О поступательномъ движеніи киргизовъ Средней орды къ границамъ Западной Сибири (Записки Западно-Сибирскаго Отдѣла И. Русскаго Географическаго Общества Протоколы стр. 32, Омскъ. 1886 г.).

Записки Западно-Сибирскаго Отдѣла И, и Русскаго Географическаго Общества. Кн. VIII, вып. 1. Омскъ. 1886

Въ протоколахъ (на стр. 15) значится, что Г. Н. Потанинымъ были доставлены въ Общество (по догадкамъ, принадлежащіе Ч. Валиханову) двѣ статьи: „Вооруженіе киргизовъ въ древнія времена“ и „Слѣды шаманства у киргизовъ“. Эти статьи, вѣроятно находятся въ архивѣ Общества и мы отмѣчаемъ ихъ здѣсь въ виду большаго интереса, который онѣ (особенно послѣдняя статья), представляютъ.

Восточное Обозрѣніе. 1886 годъ №№ 5, 9, 12, 33, 36 и 38-й.

Джайкяу.—Сибирская газета 1886 г. № 51.

О лѣтней стоянкѣ киргизовъ.

Петри (Petri)—Rechtsbegriffe der Kirgisen (Ausland. 1886. № 4).

Корреспонденція изъ с. Озерно-Кузнецовскаго (Сибирская Газета. 1886 г. № 30).

Объ отношеніяхъ киргизовъ къ земскимъ засѣдателямъ.

Н. Каразинъ.—Отъ Оренбурга до Ташкента. Путевой очеркъ. СПБ. (Безплатное приложеніе къ „Всемірной Иллюстраціи“).

Рисуются, между прочимъ, сценки изъ быта киргизовъ. Изданіе украшено прекрасными рисунками, дающими вѣрое понятіе о внѣшнемъ бытѣ киргизовъ.

Синьковскій (миссіонеръ).—Киргизская байга (Сибирская Газета. 1886 г. № 21).

На четырехъ столбцахъ живо рисуется толпа киргизовъ, собравшихся на байгу, которая, впрочемъ, не состоялась. Статья даетъ небезинтересную картину жизни киргизовъ.

Экономическое положеніе Киргизской степи (Сибирская Газета 1886 г. № 21).

Эта статья имѣетъ лишь косвенное отношеніе къ киргизамъ. Говорится объ упадкѣ производства и обнищанія киргизовъ.

Памятная книжка Астраханской губерніи на 1886 годъ (Изданіе Губернскаго Статистическаго Комитета. Годъ 3-й. Астрахань. 1886 г.).

Въ этой книжкѣ на четырехъ страницахъ помѣщены небезынтересныя свѣдѣнія „о главнѣйшихъ соленыхъ озерахъ и копяхъ въ Астраханской губ." и краткія свѣдѣнія о скотѣ у киргизовъ Внутренней орды. Между прочимъ, авторъ указываетъ на сильное уменьшеніе киргизовъ—букеевцевъ.

Е. Малаховъ.—Могилы Семипалатинской области (Протоколы засѣданій Антропологическаго Отдѣла съ 1881—1886 г. Извѣстія И. Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи, т. XLIX (в. 3.) Труды Антропологическаго Отдѣла, т. IX, в. 1, стр. 24. 1886 г.).

Помѣщено описаніе нѣсколькихъ могилъ, раскопанныхъ въ Семипалатинской области. Рисунки см. Приложеніе т. IX, в. 3. 1890 г.

Л. Шестаковъ. — Статистика движенія киргизскаго населенія (Сибирская Газета. 1886 г. № 49)

См. отчетъ о засѣданіи Западно-Сибирскаго Отдѣла И. Русскаго Географическаго Общества.

Конпекты. – Сибирская Газета. 1886 г. № 45).

Корреспонденція о барантѣ у киргизовъ. Краткая замѣтка о нѣсколькихъ случаяхъ баранты Посѣщеніе киргизской миссіи Степнымъ Генералъ-Губернаторомъ.

Александровъ.—Конокрадство въ средѣ киргизъ (Тукестанскія Вѣдомости. 1886 г. № 10).

Роскошный (Dr. Herman Roskoschny) – Die Wolga. Leipzig, 1887.

На 5 страницахъ краткія свѣдѣнія о киргизахъ Букеевской орды.

Д. Семеновъ.—Отечествовѣдѣніе. Т. VI. Тукестанскій край (учебное пособіе для учащихся). М. 1887.

Въ XII главѣ говорится о киргизахъ; о происхожденіи ихъ; даются краткія свѣдѣнія объ исторіи, о раздѣленіи на орды, объ языкѣ, религіи, о кочевомъ бытѣ, кибиткѣ, аулахъ, рукодѣльѣ, охотѣ, земледѣліи и скотѣ, о семейномъ бытѣ. Эта глава представляетъ компиляцію изъ соч. Ханыкова (образъ жизни киргизовъ) и Гр. Сиверса ((семейный бытъ).

А. Ивановскій.—Поѣздка къ киргизамъ на озеро Наръ-Зайсанъ. (Русскія Вѣдомости. 1887. № 328).

Въ легкой формѣ описаны нѣкоторыя стороны быта киргизовъ. Говорится о джигитовкѣ, о бѣгѣ въ мѣшкахъ; послѣднее указываетъ, что игры азіатскихъ киргизовъ, столь многочисленныя, еще не совсѣмъ утратились. Далѣе описывается оригинальная охота на кабана и интересная охота съ мячикомъ на медвѣдя, наконецъ говорится о сватовствѣ у киргизовъ. Всего 14 фельетонныхъ столбцевъ.

И. Ивановъ.—Краткія свѣдѣнія о ярмаркѣ во Внутренней киргизской ордѣ (Памятная книжка Астраханской губ. 1887 г. Изданіе Губернскаго Статистическаго Комитета. Годъ 4-й. Астрахань. 1887 г.).

На семи страницахъ помѣщены краткія но интересныя свѣдѣнія и статистическія данныя съ историческимъ введеніемъ о ярмаркѣ.

Киргизскіе гимназисты-пансіонеры (Сибирская Газета. 1887 г. № 1).

Говорится о вновь учрежденной квартирѣ для гимназистовъ—киргизовъ.

Сибирская Газета. 1887 г. № 13.

Передовая статья посвящена вопросу о киргизахъ-бѣднякахъ (джатакахъ); здѣсь говорится объ ихъ бѣдственномъ положеніи и о мѣрахъ, могущихъ вывести ихъ изъ этого положенія.

Корреспонденція изъ Акмолинска (Восточное Обозрѣніе. 1887 г. № 8).

О киргизскомъ самоуправленіи.

Восточное Обозрѣніе. 1887 г. №№ 18 и 50.

Шантръ (E. Chantre)—Recherches antropologiques dans le Caucase T. IV. Paris. 1887.

Останавливаясь на цѣломъ рядѣ народностей, авторъ даетъ на стр. 242 краткую замѣтку о Букеевской степи, а на стр. 250, ссылаясь на Н. Зеланда, упоминаетъ о головномъ указателѣ киргизовъ.

Протоколы Общаго Собранія Семипалатинскаго Областнаго Комитета (Засѣданіе 7 ноября 1887 г.).

Помѣщена статья II. Маковецкаго о киргизахъ-джатакахъ.

А. Вилькинсъ.—Антропологическія темы въ Средней Азіи (Протоколы засѣданій Антропологическаго Отдѣла съ 1881—1886 г. Извѣстія И. Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи. Т. XLIX (в. 5). Труды Антропологическаго Отдѣла т. IX, в. 4, стр. 326. 1887).

Авторъ на стр. 329 говоритъ, между прочимъ, и о физическомъ типѣ киргизовъ.

И. Козловъ.—Памятная книжка Акмолинской Области на 1887 годъ. Омскъ. 1887.

Содержитъ, главнымъ образомъ, списки лицъ, служащихъ въ Акмолинской области по вѣдомствамъ: гражданскому, военному, казачьему и духовному. Затѣмъ въ этой же книжкѣ помѣщены на 46 страницахъ интересныя географическія и статистическія свѣдѣнія.

В. Миллеръ.—Систематическое описаніе коллекцій Дашковскаго Этнографическаго Музея. Вып. I. Москва. 1887.

Въ этой, высшей степени полезной и цѣнной книгѣ, удѣлено мѣсто и киргизамъ. Помѣщена замѣтка о мѣстѣ жительства отдѣльныхъ ордъ, описаніе одежды киргизовъ, перечень предметовъ, относящихся къ быту киргизовъ и имѣющихся въ Музеѣ, и библіографическій указатель—все на 13 страницахъ.

О джатачествѣ въ Киргизской степи (Сибирская Газета. 1887 г. № 13. Передовая статья).

На трехъ столбцахъ говорится о киргизахъ—бѣднякахъ (джатакахъ), о причинахъ обѣдненія и о мѣрахъ облегченія положенія ихъ.

Н. Веселовскій.—В. В. Григорьевъ по его письмамъ и трудамъ 1816—1881 г. Съ приложеніемъ портрета и факсимиле. Спб. 1887.

Уже сама біографія человѣка, потрудившагося такъ много по изученію нашего Востока и, въ частности, Киргизской степи, должна быть упомянута въ нашемъ библіографическомъ указателѣ; кромѣ того должно отмѣтить тѣ разбросанныя свѣдѣнія, встрѣчающіяся въ этой книгѣ и особенно „приложенія", заключающія въ высшей степени интересныя статьи В. В. Григорьева о киргизахъ, касающіяся, преимущественно, экономическаго и политическаго положенія киргизовъ.

Е. Смирновъ.—Сыръ-Дарьинская область. Описаніе составлено по оффиціальнымъ источникамъ. Спб. 1887.

Это сочиненіе въ 355 страницъ даетъ очень много интересныхъ свѣдѣній. Изъ всѣхъ главъ слѣдуетъ отмѣтить главу III „Народонаселеніе", въ которой, между прочимъ, говорится о киргизахъ и кара-киргизахъ, а также № 3-й приложенія, гдѣ перечисляются рода киргизовъ и кара-киргизовъ.

Брокгаусъ (Brockhaus) Conversations - Lexikon. XIII Auflage. Leipzig, 1882—1887.

Помѣщены статьи подъ различными литерами, какъ географическаго, такъ и этнографическаго содержанія, имѣющія отношеніе къ киргизамъ и Киргизской степи.

Грамотный киргизъ. — Киргизъ о „Киргизской газетѣ" (Сибирская газета. 1888 г. № 25).

Авторъ говоритъ о недостаткахъ предпринятаго изданія и дѣлаетъ, съ своей стороны, указанія на тѣ отдѣлы, которые могли бы быть интересны въ Киргизской Газетѣ.

А. Ивановскій. — **Киргизская байга.** (Русскія Вѣдомости. 1888. № 187).

Эта статья того же автора, что помѣщенная въ № 328 1887 г., живо рисуетъ бытъ Зауральскихъ киргизовъ и отчасти ихъ характеръ. Въ концѣ статьи говорится о современной барантѣ у киргизовъ.

Намъ удалось узнать, что авторъ этой статьи, самъ мѣстный житель, знакомый съ киргизскимъ языкомъ, обладаетъ интереснымъ этнографическимъ матеріаломъ, который и готовитъ къ печати. Кромѣ того, г. Ивановскій занимается и антропологіею киргизовъ и для пополненія своего матеріала лѣтомъ 1889 года предпринялъ снова поѣздку на родину.

А. Харузинъ. — Степные очерки (Киргизская Букеевская орда). Москва. 1888.

„Странички изъ записной книги". Авторъ даетъ кратко исторію Букеевской орды, описаніе Ханской Ставки (столицы орды) описаніе природы Букеевской орды; рисуетъ бытъ букеевскихъ киргизовъ. Къ книгѣ приложено 13 фототипныхъ таблицъ: 5 типовъ киргизовъ, 3 типа киргизокъ, виды и сцены.

І. Желѣзновъ. — Уральцы. (Очерки быта уральскихъ казаковъ. Т. I, II и III. Изд. 2-е; посмертное) Спб. 1888 г.

Не могу обойти молчаніемъ это сочиненіе, посвященное очеркамъ быта уральскихъ казаковъ, на томъ основаніи что именно эти казаки находились въ постоянной борьбѣ съ киргизами и, именно, они въ постепенной неотступной борьбѣ привели киргизовъ къ нашему подданству, первые познакомили киргиза съ русскимъ человѣкомъ и до сихъ поръ продолжаютъ оказывать бóльшое вліяніе въ смыслѣ руссификаціи киргиза. І. И. Желѣзновъ въ цѣломъ рядѣ привлекательныхъ разсказовъ рисуетъ борьбу казаковъ со степными инородцами. Содержаніе трехъ томовъ слѣдующее: картины казацкой жизни, сайгачники, картины оханнаго рыболовства, башкирцы, Маринкинъ городокъ, отчего сайгаки покинули Уралъ, мысли казака о казачествѣ, критическія и другія мелкія статьи, преданія и пѣсни Уральскихъ казаковъ, преданія о Пугачевѣ, сказанія Уральскихъ казаковъ. Кромѣ того во II томѣ помѣщена статья „киргизоманія"—возраженіе на статью Небольсина: „Путешествующіе киргизы" (Рус. Вѣстникъ). Статья „киргизоманія" была уже напечатана въ Русск. Вѣстн. Здѣсь она перепечатана и дополнена „дополнительной замѣткой къ статьѣ: Киргизоманія" Въ этой „замѣткѣ" помѣщено письмо киргиза Внутренней орды Исенбаева къ атаману Уральскихъ казаковъ, по поводу пожертвованныхъ имъ 1000 руб., и просьба о перегонѣ скота на Уральскую землю.

М. Миропіевъ. — Демонологическіе разсказы киргизовъ. (Записки Императорскаго Русскаго Географическаго Общества по Отдѣлу Этнографіи. Т. X. Вып. II—1888).

Статья состоитъ изъ 26 разсказовъ, заключающихъ языческія повѣрья киргизовъ. Эти разсказы представляютъ особенный интересъ, такъ какъ въ литературѣ языческія вѣрованія киргизовъ затронуты весьма мало.

П. А. — **Киргизская** степь въ хозяйственномъ отношеніи. (Экономическій журналъ. 1888. № 8 [августъ]).

Эта интересная статья (25 страницъ) посвящена спеціально экономическому положенію азіатскихъ киргизовъ. Авторъ сначала говоритъ о природныхъ богатствахъ края; затѣмъ ссылается на разныя статьи, посвященныя этому вопросу, наконецъ, и самъ дополняетъ свѣдѣнія о тяжеломъ экономическомъ положеніи киргизовъ, выставляя причины обѣдненія и тяжелаго положенія.

Киргизская Газета (Восточное Обозрѣніе. 1888 г. № 7-й).

Статья касается „особаго прибавленія къ Акмолинскимъ областнымъ Вѣдомостямъ" и разбираетъ первые нумера.

Отчетъ объ алтайской и киргизской миссіяхъ за 1887 г. Томскъ 1888.

Отчетъ касается преимущественно дѣятельности алтайской миссіи. Въ отчетѣ собственно киргизской миссіи мы усматриваемъ, что распространеніе христіанства среди киргизовъ пользуется относительно меньшимъ успѣхомъ.

Основанія брака и свадебные обычаи у киргизовъ (Оренбургскій Листокъ. 1888 г. № 11).

Авторъ говоритъ сперва о родствѣ и о степеняхъ его, воспрещающихъ вступить въ бракъ, потомъ о совершеннолѣтіи, о калымѣ и о свадебныхъ обрядахъ. Статья не окончена и продолжается въ послѣдующихъ нумерахъ, которыхъ намъ не удалось получить.

Eine Verlobung bei den Kirgisen (Ausland 1888. № 36).

З. Пенкина.—Закаспійскій край 1865—1885 г. Систематическій сборникъ библіогр. указаній книгъ и статей о Западномъ краѣ и сопредѣльныхъ странахъ. Спб. 1888.

Отдѣлъ II („Киргизы и Киргизская степь") заключаетъ въ себѣ библіографическій указатель относящихся къ Киргизской степи статей; онъ цѣненъ въ томъ отношеніи, что заключаетъ въ себѣ попреимуществу статьи, помѣщенныя въ мѣстныхъ газетахъ и журналахъ.

Рацель (Dr. Fr. Ratzel)—Völkerkunde B. III. Die Kulturvölker der Alten und Neuen Welt. Leipzig, 1888.

Въ главѣ XVII, гдѣ авторъ говоритъ о монголахъ и тюркахъ, есть отрывочныя данныя о киргизахъ и кара-киргизахъ, причемъ эти двѣ народности сопоставлены съ другими тюркскими племенами (факты взяты преимущественно у Вамбери). Слѣдуетъ отмѣтить раскрашенную таблицу (помѣщенную послѣ 368 стр.), на которой изображены образцы киргизскаго орнамента.

Иванъ Сергѣевичъ Аксаковъ въ его письмахъ Ч. I. т. I. 1839—1848 г. Москва 1888.

Въ письмѣ отъ 17 іюня 1844 г. изъ Астрахани (стр. 154), а также въ письмѣ отъ 22 іюля (стр. 177) того же года И. С. Аксаковъ описываетъ хана Джангира: его внѣшность, одежду и его внутреннюю политику.

Е. Безе.—Путеводитель по средней Азіи. Москва. 1888.

На страницахъ 59 и 60 помѣщена краткая замѣтка о киргизахъ. Не отрицая общей пользы этого путеводителя, нельзя не отмѣтить оригинальнаго смѣшенія киргизовъ съ сартами.

Астрахань.—Новое Время 18-го апрѣля 1889 г. (№ 47171).

Въ этой статьѣ говорится о дурномъ положеніи врачебной части въ киргизской Букеевской степи. Авторъ пишетъ о недостаткѣ количества врачей, объ отсутствіи больницъ, о сильномъ распространеніи сифилиса, о распространеніи этой болѣзни, благодаря ярмаркамъ и объ уходѣ за родильницею. Какъ не печально, но приходится сознаться, что все, что сказано въ этой статьѣ, дѣйствительно истина.

В. Радловъ.—Опытъ словаря тюркскихъ нарѣчій. СПБ 1888—1889.

Это полезное изданіе выходитъ выпусками и заключаетъ, между прочимъ, и киргизское нарѣчіе. Въ первомъ выпускѣ помѣщено интересное введеніе.

Н. Катоновъ.—Алфавитный указатель собственныхъ именъ, встрѣчающихся въ I и II томѣ „Образцовъ народной литературы тюркскихъ племенъ", собранныхъ В. В. Радловымъ. СПБ. 1888.

Отчетъ объ алтайской и киргизской миссіяхъ Томской епархіи за 1888 годъ. Томскъ 1889.

Отчетный годъ отмѣчается, какъ весьма плодотворный. Слѣдуетъ отмѣтить записку киргизскаго миссіонера, о. Ф. Синьковскаго за 1888 годъ. Здѣсь можно найти много весьма интересныхъ свѣдѣній по распространенію православія среди киргизовъ, о продѣлкахъ татарскихъ муллъ и мусульманствѣ у киргизовъ.

А. Ивановскій.—Киргизскій народный поэтъ—пѣвецъ Ногойбай (Этнографическое Обозрѣніе. Кн. III. Москва. 1889).

Въ небольшой статьѣ (10 страницъ) авторъ очень живо обрисовываетъ характеръ знаменитаго киргизскаго пѣвца и этимъ проливаетъ свѣтъ на киргизскихъ пѣвцовъ—импровизаторовъ, на характеръ киргизской поэзіи и на почетъ, которымъ пользуются пѣвцы. Авторъ говоритъ и о джатакахъ (бѣднякахъ).

Киргизскія и сартовскія пѣсни (Этнографическое Обозрѣніе кн. III. М. 1889; см. также кн. IV, стр. 265, поправки. М. 1890).

Сартовскихъ пѣсенъ только двѣ (съ нотами) — онѣ записаны Р. Пфеннигомъ, авторомъ статьи „о киргизскихъ и сартовскихъ пѣсняхъ" (см. ниже). Киргизскихъ же пѣсенъ 16-ть, изъ нихъ восемь записаны Р. Пфеннигомъ и къ нимъ приложены ноты, остальныя же 8-мь записаны А. А. Ивановскимъ. Эти пѣсни служатъ живымъ дополненіемъ слѣдующихъ за симъ двухъ статей.

Р. Пфеннигъ.—О киргизскихъ и сартовскихъ пѣсняхъ (Этнографическое Обозрѣніе кн. III. М. 1889).

Эта присланная на Антропологическую Выставку 1879 года статья на нѣмецкомъ языкѣ была переведена на русскій М. Н. Харузинымъ и напечатана въ „Этнографическомъ Обозрѣніи". Авторъ говоритъ о тѣсной связи пѣсни у киргизовъ съ жизнью этого кочеваго народа, проводитъ параллель между киргизскою и сартовскою пѣснями и останавливается преимущественно на музыкальной и тональной сторонѣ пѣсни и этимъ оттѣняетъ ту сторону, которая еще никѣмъ не была затронута.

М. Готовицкій.—О характерѣ киргизской пѣсни (Этнографическое Обозрѣніе кн. III. М. 1889).

Авторъ отмѣчаетъ интересныя стороны, подмѣченныя имъ въ киргизской пѣснѣ, говоритъ о существующей у киргизовъ эпической, лирической и драматической поэзіи, сравниваетъ киргизскую пѣсню съ сартовской и указываетъ на сходство первой съ арабской. Статья представляетъ живой интересъ для всѣхъ, занимающихся киргизской поэзіею.

О. Ш. Отъ Орска до Казалинска. Изъ воспоминаній случайнаго туриста (Туркестанскія Вѣдомости. 1889 г. №№ 33, 36, 42 и 43).

Авторъ, описывая на 14-ти столбцахъ свои путевыя впечатлѣнія, говоритъ подробно объ устройствѣ кибитки и зимовки киргизовъ, пищѣ и положеніи женщины. Авторъ совершилъ свою поѣздку зимой и знакомитъ читателя съ интересными сторонами жизни киргизовъ въ это время года.

Акырпыкъ—Кокэрэ.—Изъ охотничьихъ замѣтокъ (Сибирскій Вѣстникъ. 1889 г. № 122).

Авторъ разсказываетъ объ игрѣ „Кокэрэ" у киргизовъ, которой онъ былъ очевидцемъ.

А. Леонтьевъ. — Русская колонизація въ степяхъ Средней Азіи (Сѣверный Вѣстникъ. 1889 г. № 8. Областной Отдѣлъ).

Авторъ говоритъ объ эксплуатаціи киргизовъ казаками и объ ухудшеніи экономическаго положенія киргизовъ.

Тюрки въ этнологическомъ и этнографическомъ отношеніяхъ (Особое прибавленіе къ Акмолинскимъ Обл. Вѣд. 1889 г. № 36—48 и дальше).

Представляетъ переводъ съ нѣмецкаго сочиненія Вамбери (см. годъ 1885).

С. Ивановскій, миссіонеръ священникъ. — Изъ путевыхъ замѣтокъ миссіонера (Сибирскій Вѣстникъ. 1889 г. №№ 9 и 10).

Въ 10 нумерѣ названной газеты авторъ описываетъ свое пребываніе въ киргизскомъ аулѣ, угощеніе и пріемъ у киргизовъ и свадебный обрядъ, разсказанный ему киргизомъ (всего 5-ть фельетонныхъ столбцовъ).

Киргизская легенда (**Уральскія Войсковыя Вѣдомости** 1889 г. № 18).

Передается киргизская легенда о томъ, почему первый годъ 12-ти лѣтней эры называется именемъ мыши. Къ сожалѣнію, легенда не передаетъ, почему именно, по мнѣнію киргизовъ, года названы именами тѣхъ, а не другихъ животныхъ. Перепечатано изъ прибавленія къ Акмолинскимъ Областнымъ Вѣдомостямъ.

А. Б. — Киргизскіе обычаи (**Новое Время**. 1889 г. 18 октября, № 4899).

Эта статья написана по поводу книги Н. И. Гродекова: „Киргизы и каракиргизы Сыръ-Дарьинской области" и заключаетъ рецензію на этотъ трудъ и извлеченія, какъ-то: о происхожденіи киргизовъ, о свадебныхъ Обрядахъ, поговорки и т. д. (На 5 фельетонныхъ столбцахъ).

Памятная книжка Астраханской губерніи на 1890 годъ. Астрахань. 1889 г.

Помѣщены, между прочимъ, свѣдѣнія о количествѣ народонаселенія въ Букеевской ордѣ.

В. Верещагинъ. — Китайская граница. Набѣгъ (**Русская Старина**. 1889 г. Октябрь)

На двадцати пяти страницахъ помѣщенъ живо написанный разсказъ о нападеніи нашего отряда на таранчей и киргизовъ на китайской границѣ. Художникъ былъ самъ участникомъ этого набѣга и его разсказъ небезынтересенъ для знакомства съ далекой окраиной, гдѣ, между прочими народностями, кочуютъ и киргизы.

Русскія Вѣдомости. 1889 г. № 274, 4 октября.

Въ этомъ нумерѣ помѣщена слѣдующая замѣтка: „Акмолинскія Областныя Вѣдомости сообщаютъ, что между бумагами, оставшимися послѣ покойнаго знаменитаго натуралиста доктора Альфреда Брэма, найдены записки о семейной и общественной жизни киргизовъ. Сынъ покойнаго приступаетъ теперь къ опубликованію этихъ записокъ". Нельзя не сочувствовать предполагаемому изданію, тѣмъ болѣе, что записки касаются столь интересной и мало изслѣдованной стороны жизни киргизской народности.

А. Ивановскій. Изъ Китая (**Русскія Вѣдомости**. 1889 г. № 256).

Въ этомъ „отрывкѣ изъ дневника" упоминается интересный фактъ изувѣрства киргизовъ—пить кровь обезглавленнаго для увеличенія храбрости и силы. Поѣздку авторъ предпринялъ лѣтомъ 1889 года изъ Зайсанскаго поста. По возвращеніи изъ Китая въ Зайсанскій постъ, онъ занимался антропологическими измѣреніями киргизовъ и раскопками кургановъ. Краткое описаніе экспедиціи А Ивановскаго было напечатано (въ видѣ корреспонденціи изъ Зайсанскаго поста 1889 г. 1 августа) въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ" 1889 г. № 262 (Объ антропол. наблюденіяхъ см. наши „Киргизы Букеевской орды", в. II, 1891 г.

Н. Гродековъ. — Киргизы и кара-киргизы Сыръ-Дарьинской Области. Т. I. Юридическій бытъ. Ташкентъ. 1889.

Этотъ трудъ занимаетъ до сихъ поръ первое мѣсто по своей полнотѣ. Содержаніе слѣдующее: преданія о происхожденіи киргизовъ и кара-киргизовъ, бѣлая кость, старшинство, мѣстничество, родовое начало, степень родства, власть родителей, совершеннолѣтіе, родъ матери, усыновленіе, опека, побратимство, выдѣленіе сыновей, наслѣдство, брачный союзъ, обрядъ свадебный, пользованіе землей и водой, кочеваніе, гостепріимство, общее имущество, наемъ, находка, подарки, торговля, долги, преступленіе, воровство, баранта, устройство суда, присяга, штрафы, игры, похороны и поминки, 658 пословицъ—все на 298 стра-

пицахъ. Кромѣ того перечень урановъ (боевыхъ криковъ), списки и русунки тамговъ, нѣсколько свадебныхъ пѣсенъ и до 400 рѣшеній дѣлъ біями — все на 205 страницахъ. Къ книгѣ приложена этнографическая карта Сыръ-Дарьинской области и 11 гравюръ. Книгу эту можно рекомендовать какъ наиболѣе полный сборникъ матеріаловъ для изслѣдованія юридическаго быта киргизовъ и каракиргизовъ. Подробный разборъ этого сочиненія былъ нами помѣщенъ въ Этнографическомъ Обозрѣніи, изд. Обществомъ Любителей Естествознанія 1889 г. Кн. II. Кромѣ того были помѣщены рецензіи въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ" 1889 г № 258, въ „Наблюдателѣ" 1889 г. кн. 11, стр. 33 и въ „Вѣстникѣ Европы" 1890 г. № 1-й. Г. Гродековъ предполагаетъ издать еще два тома слѣдующаго содержанія: историческія сказанія, поэмы, повѣрья, басни, загадки, заклинанія и пр.

Восточное Обозрѣніе. 1889 годъ. №№ 46 и 47.

Новое Время. 1889 г 1 сентября. № 4882.

О взятіи Чемкента генераломъ Черняевымъ, объ его движеніи въ степи вообще, о завоеваніи и замиреніи края. Статья имѣетъ отношеніе къ Киргизской степи въ смыслѣ замиренія ея и огражденія отъ вреднаго вліянія коканцевъ.

А. Орловъ.—Объ избраніи султана Ишима ханомъ Киргизъ-Кайсацкой Меньшой орды въ 1794 году (Оренбургскія Губернскія Вѣдомости. 1889 года. № 11).

Статья содержитъ замѣтку объ управленіи степью со времени принятія ею нашего подданства; затѣмъ помѣщены два подложныхъ документа: 1) прошеніе киргизъ Малой орды Баюлинскаго и Семиродскаго поколѣній — біевъ, батырей, старшинъ и мурзъ, присланное Оренбургскому Военному Губернатору въ 1794 году и 2) прошеніе мулы Абъяса Сююшева въ Оренбургскую экспедицію пограничныхъ дѣлъ въ 1794 г., въ этихъ двухъ прошеніяхъ излагаются, между прочимъ, достоинства и заслуги Ишима. Все это проливаетъ свѣтъ на жизнь минувшихъ временъ въ Киргизской степи.

Д. Лобановъ. —Каталогъ Музея Уральскаго Общества Любителей Естествознанія въ Екатеренбургѣ. Отд. II. Екатеренбургъ. 1889.

Содержитъ краткія свѣдѣнія объ одеждѣ и домашней утвари киргизовъ.

А. Фортунатовъ.—Матеріалы къ вопросу о послѣдовательности и порядкѣ заростанія черепныхъ швовъ у инородцевъ Россіи, (Приложеніе къ LX тому Записокъ И. Академіи Наукъ. № 2. СПБ. 1889 г.).

Авторъ среди другихъ череповъ просмотрѣлъ и 19-ть киргизскихъ изъ музея Академіи Наукъ, описаніе которыхъ по отношенію степени сростанія черепныхъ швовъ помѣщено на стр. 59--64. Эти же черепа помѣщены имъ въ графическія таблицы, приложенныя къ работѣ. Черепа впослѣдствіи были подробно измѣрены А. А. Ивановскимъ и цифры измѣреній переданы для обработки намъ.

Г. Арандаренко.—Досуги въ Туркестанѣ СПБ. 1889.

Книга (659 страницъ) представляетъ сборникъ статей автора, напечатанныхъ имъ въ разное время и посвященныхъ преимущественно сельскохозяйственному, экономическому и административному положенію страны. Этнографическія свѣдѣнія, имѣющія отношеніе къ киргизамъ, можно найти въ первой главѣ „Между туземцами степнаго уѣзда": судъ, присяга, гостепріимство, характеръ, въ VII главѣ: „Народный Судъ" и X главѣ: „О метеорологическихъ познаніяхъ туземцевъ" и т. д. Подробный разборъ этого сочиненія былъ нами помѣщенъ въ „Этнографическомъ Обозрѣніи" 1889 г. кн. 3.

Е. Смирновъ.—Султаны Кенисара и Садыкъ. Ташкентъ. 1889.

Книга заключаетъ біографическій очеркъ Кенисары и Садыка, написанный братомъ послѣдняго Ахметомъ Кенисаринымъ и обработанный для печати Е. Т. Смирновымъ. Этотъ очеркъ не лишенъ извѣстнаго интереса, хотя, по нашему мнѣнію, первое мѣсто слѣдуетъ удѣлить не біографіямъ, а тѣмъ примѣча-

ніямъ, которыя сдѣланы г. Смирновымъ. Интересны также приложенія, хотя они и не имѣютъ прямаго отношенія къ киргизамъ. Рецензіи: „Вѣстникъ Европы“ 1889 г. сентябрь, „Русскій Вѣстникъ“ 1889 г. августъ (см. ниже), „Акмолинскія Обл. Вѣд. 1889 г. № 35 и въ особомъ прибавленіи къ нимъ „Киргизская Газета“ № 34 и „Русскія Вѣдомости“ 1889 г. августъ.

М. Черняевъ. — Султаны Кенисара и Садыкъ (Русскій Вѣстникъ. 1889 г. августъ).

Эта статья (въ 13 страницъ) написана по поводу изданной Областнымъ Статистическимъ Комитетомъ въ Ташкентѣ книги подъ заглавіемъ: „Султаны Кенисара и Садыкъ“ (см. выше). Авторъ отрицаетъ правдивость этихъ біографій и находитъ, что въ нихъ много прикрасъ и что Кенисары и Садыкъ не герои и не заслуживаютъ біографій и что самая интересная часть книги—приложенія, извлеченныя изъ Туркестанскихъ архивовъ и касающіяся военныхъ дѣйствій въ Средней Азіи при покореніи Туркестанскаго края. Затѣмъ авторъ, извѣстный герой Туркестанской войны, даетъ нѣкоторыя подробности о своемъ движеніи и о движеніяхъ отрядовъ Мейера и Лерха предъ взятіемъ Чекмента.

А. Н.—Цѣнный кладъ старины (Особое прибавленіе къ Акмолинскимъ Областнымъ Вѣдомостямъ 1889 г. № 47).

Говорится о старинномъ и падающемъ теперь киргизскомъ обычаѣ оказыванія помощи пострадавшимъ отъ случайныхъ причинъ.

Судьбы Киргизскаго народа (Восточное Обозрѣніе. 1889 г. № 28).

Авторъ говоритъ объ ухудшившемся и ухудшающемся экономическомъ положеніи киргизовъ, объ урѣзываніи земель въ пользу казаковъ, о наплывѣ переселенцевъ и вліяніи нѣкоторыхъ капиталистовъ.

Женщины въ кочевомъ быту (Туркестанскія Вѣдомости. 1889 г. №№ 33 и 34).

Авторъ говоритъ (на 10 столбцахъ) о положеніи женщины у киргизовъ отъ младенческаго возраста до вступленія въ бракъ. Пишетъ о случаяхъ умыканія невѣстъ, о сватовствѣ и свадьбѣ, о вступленіи женщины въ новую семью, о положеніи ея въ семьѣ, объ отношеніяхъ къ ней мужа и о правахъ и обязанностяхъ ея, и, наконецъ, о разводѣ.

Объ увозѣ киргизами въ плѣнъ русскихъ людей и объ угонѣ ими скота (Тобольскія Губернскія Вѣдомости. 1889 г. № 38).

Небольшая замѣтка о плѣненіи въ былыя времена русскихъ киргизами, приведены примѣры изъ дѣлъ 1788 г. Тобольскаго губернскаго архива.

А. Алекторовъ.—Какъ мы пишемъ теперь ученыя книги (Оренбургскій Листокъ. 1889 г. №№ 33—35, 37—39 и 41).

Слѣдуетъ отмѣтить взглядъ автора на хана Джангира, котораго, впрочемъ, придерживаемся и мы, и нѣкоторыя подробныя небезынтересныя свѣдѣнія о школахъ.

А. Харузинъ. — Киргизы Букеевской орды. Антрополого-этнологическій очеркъ. Выпускъ I (Извѣстія И. Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи. Т. LXIII. Труды Антропологическаго Отдѣла. Т. X 1889 г.).

Содержаніе: исторія экспедицій въ Букеевской степи, литература о киргизахъ, очеркъ исторіи Букеевской орды, родовое устройство, сословное устройство, религіозныя представленія, образъ жизни, семейное устройство, судоустройство и судопроизводство, возникновеніе поселковъ, ханъ Джангиръ, управленіе, школьное образованіе, движеніе населенія, экономическое положеніе, характеръ киргизовъ, физическія свойства, болѣзни, питаніе, типъ киргизовъ, измѣренія роста, туловища и конечностей, измѣренія головы, киргизскія черепа, библіографическій указатель (отъ 1734 до 1889 г.) и курганы Букеевской степи.

С. Чормановъ. — **О скачкахъ въ степяхъ** (Особое прибавленіе къ Акмолинскимъ Областнымъ Вѣдомостямъ. 1889 г. №№ 39, 40 и 41)

Говорится объ „асъ" (поминки), „туй" („той") или празднествѣ и о приготовленіи лошадей къ скачкѣ.

Памятная книжка Астраханской губерніи на 1889 годъ. (Изданіе Губернскаго Статистическаго Комитета. Астрахань. 1889).

Помѣщены, между прочимъ, краткія свѣдѣнія о количествѣ народонаселенія киргизской Букеевской орды и карта Астраханской губерніи.

Курцонъ (N. G. Curzon). — Rusia in Central Asia in 1889 and the anglo-russian question. London, 1889.

Кромѣ разбросанныхъ, правда, немногочисленныхъ свѣдѣній о киргизахъ, приложенъ къ концу книги обширный библіографическій указатель сочиненій вышедшихъ преимущественно на англійскомъ языкѣ о Средней Азіи, изъ которыхъ многія имѣютъ отношеніе къ киргизамъ.

В. Витевскій.—И. И. Неплюевъ и Оренбургскій край. Казань 1889—90.

Въ первомъ выпускѣ помѣщено въ главѣ VI „мнѣніе о Киргизской ордѣ Петра I и Аулъ-Хаира-хана", „Тевкелевъ въ Киргизъ-Кайсацкой ордѣ" и „Киргизское посольство въ С.-Петербургѣ", а во второмъ выпускѣ въ главѣ X—„побоище яицкихъ казаковъ съ киргизами на рѣкѣ Утвѣ".

Г. Потанинъ. — Нѣсколько вопросовъ по изученіи повѣрій, сказаній, суевѣрныхъ обычаевъ и обрядовъ у киргизовъ и сибирскихъ татаръ (Записки Западно Сибирскаго Отдѣла И. Русскаго Географическаго Общества Кн. X. 1889 г. Омскъ).

Помѣщены интересные вопросы о слѣдующемъ: космогоническія повѣрья, повѣрья о животныхъ, растеніяхъ, духахъ, болѣзняхъ, смерти и душѣ, сказанія (мотивы), шаманы или баксы и обряды.

В. Деминчъ. — Очерки русской народной медецины: акушерство и гинекологія у народа (Врачъ. 1889 г. №№ 7, 9, 10 и 11).

Сообщены, между прочимъ, нѣкоторые обычаи, суевѣрія и обряды, сопровождающіе роды у киргизокъ.

Каульбарсъ (Le Baron Nicolas Kaulbars). Aperçu des travaux géographiques en-Russie. SPt. 1889.

Въ этомъ весьма полезномъ изданіи изложены труды по экспедиціямъ Военнаго Министерства и И. Русск. Географ. Общества въ различныхъ мѣстахъ Россіи и, между прочимъ, въ Оренбургскомъ краѣ, Западной Сибири и Киргизской степи съ 1716 года. Кромѣ того помѣщенъ хронологическій перечень имѣющихся картъ.

Деникеръ (M. I. Deniker).—Essai d'une classification des races humaines Paris 1889.

Авторъ, между прочимъ, высказываетъ свой взглядъ относительно положенія въ системѣ (классификаціи) племенъ (по физическимъ признакамъ) и киргизовъ.

И. Яворскій. — Опытъ медицинской географіи и статистики Туркестана. Ч. I. СПБ. 1889.

Авторъ неоднократно останавливается на Киргизской степи, на киргизахъ, и кара-киргизахъ. Слѣдуетъ преимущественно указать на главы о колонизаціи русскими, „процессъ осѣданія киргизовъ", сартовская эмиграція въ Киргизской степи, а также на антропологическіе данныя и выводы, сдѣланные на основаніи матеріаловъ Поляркова, Мацѣевскаго и Уйфальви.

Сибирскій Вѣстникъ 1889 г. №№ 133 и 138.

Въ этихъ нумерахъ помѣщена статья Алимбекова, возражающаго на статью миссіонера о. С. Ивановскаго „Церемоніальная киргизская свадьба". Возраженіе на статью Алимбекова помѣщено въ № 22 „Сибирскаго Вѣстника" за 1890 г. „Страшенъ сонъ, да милостивъ Богъ").

1890 и 1891 гг. *).

Буйство киргизовъ (Русскія Вѣдомости. 1890 г. № 138).

Здѣсь описывается фактъ буйства киргизовъ, не стоившій бы упоминанія, еслибы косвенной причиною буйства не былъ богатый сартъ—кулакъ.

А. Жакмонъ. — Областные киргизы (Московскія Вѣдомости 1890 г. №№ 161 и 173).

На 18 фельетонныхъ столбцахъ описывается образъ жизни Тургайскихъ киргизовъ: пища одежда, религія, образованіе, земледѣліе, выборное начало, судъ и конокрадство. Статья затрагиваетъ живыя многократно уже описываемыя стороны; далѣе авторъ говоритъ о построеніи Оренбурга, о караванной торговлѣ, о вліяніи русскаго купца на киргизовъ, о переселенцахъ и колонизаціи степи, въ заключеніе — о положеніи киргизской женщины. Есть указанія на интересныя стороны родоваго устройства.

А. И-въ. — Земельный вопросъ у киргизовъ (Русскія Вѣдомости. 1890 г. № 137).

Авторъ описываетъ споръ киргизовъ съ казаками изъ за земель, постепенно захватываемыхъ послѣдними съ 1765 до 1887 года, исторію возникновенія этого спора и его послѣдствія.

А. Ивановскій.—Черепа изъ озера Иссыкъ-Куля („Дневникъ Антропологическаго Отдѣла" И. Общества Любителей Естествознанія 1890 г. вып. V. Труды Отдѣла т. XII).

Въ этой статьѣ говорится, съ одной стороны, о преданіяхъ киргизовъ о о древнихъ обитателяхъ озера Иссыкъ-Куля, а съ другой стороны, высказывается предположеніе о генетической связи этого племени съ киргизами. Приложены цифры размѣровъ и отношеній трехъ Иссыкульскихъ череповъ.

А. Леонтьевъ. Обычное право киргизъ. — Судоустройство и судопроизводство (Юридическій Вѣстникъ. №№ 5 и 6, томъ V).

Авторъ говоритъ о вліяніи русскихъ законовъ и шаріата на обычное право киргизовъ, о біяхъ, третейскомъ судѣ, присяги, свидѣтеляхъ и о поединкахъ— все на 26 страницахъ. Нельзя не отмѣтить этой статьи, какъ разрабатывающей мало затронутый вопросъ.

А. Харузинъ. — О нѣкоторыхъ соотношеніяхъ размѣровъ головы и лица по возрастамъ у киргизовъ (Дневникъ Антропологическаго Отдѣла И. Общ. Любит. Естествозн. Москва. 1890 г. в. III).

Сопоставляются отношенія размѣровъ лица и головы у киргизовъ-букеевцевъ по возрастамъ.

А. Харузинъ.—Курганы Букеевской степи (Труды Антропологическаго Отдѣла И. Общ. Любит. Естествознан. т. XI, в. 2. 1890).

Описываются курганы, раскопанные авторомъ въ Букеевской степи, и сопоставляются съ курганами нѣкоторыхъ другихъ мѣстъ, говорится о краніологическихъ признакахъ курганнаго племени, которое и сравнивается съ другими типами.

Журналъ курганныхъ раскопокъ въ Тургайской области Ф. Д. Нефедова и А. Е. Фишера. (Протоколы засѣданій Антропологическаго Отдѣла

---

*) 1891 годъ оканчивается мѣсяцемъ маемъ, т. е. мѣсяцемъ выхода въ свѣтъ даннаго указателя.

И. Общества Любителей Естествознанія съ 1881 по 1886 годъ. Извѣстія Общества т. XLIX, в. 5. Труды Антр. Отдѣла, т. IX, в. 3, стр. 482, 1890 г.).

Помѣщены протоколы раскопокъ 1884 г. 32 кургановъ въ Тургайской области.

Н. Ядринцевъ.—Поѣздка по Сибири лѣтомъ 1886 года (Протоколы засѣданій Антропологическаго Отдѣла съ 1881 по 1886 г. Извѣстія И. Общества Любителей Естествознанія т. XLIX, в. 5. Труды Отдѣла т. IX, в. 3, стр. 748, 1890 г.).

Краткая замѣтка о племени Усунь, имѣющемъ отношеніе къ киргизамъ.

Ф. Нефедовъ.—О раскопкахъ въ Тургайской области древнихъ могильныхъ кургановъ (Протоколы засѣданій Антропологическаго Отдѣла съ 1881 по 1886 г. Извѣстія И. Общества Любителей Естествознанія т. XLIX, 5. Труды Отдѣла т. IX, в. 3, стр. 568, 1890 г.).

Описаніе кургановъ Тургайской области по раскопкамъ 1885 г.

П. Горбачевъ. — Антропологическія наблюденія надъ таранчами, дунганами, кашгарцами и киргизами Джаркента (Протоколы засѣданій Антропологическаго Отдѣла съ 1881 по 1886 г. Извѣстія И. Общества Любителей Естествознанія т. XLIX, в. 5. Труды Отдѣла т. IX в. 3, стр. 606).

Помѣщено, между прочимъ, измѣреніе одного киргиза (37 лѣтъ).

Краткій обзоръ Уральской области (степная ея часть 1869—1890 г.) (Уральскія Войсковыя Вѣдомости. 1890 г. № 14).

О деспотическомъ управленіи киргизскихъ султановъ.

В. Миллеръ.—Матеріалы для исторіи былинныхъ сюжетовъ (Этнографическаго Обозрѣнія. 1890 г. № 2).

Въ этой статьѣ авторъ помѣщаетъ интересный киргизскій варіантъ сказанія о боѣ отца съ сыномъ.

Матеріалы по антропологіи и этнографіи киргизовъ Семипалатинской области и обычное право киргизъ.

Подъ этимъ заглавіемъ поступилъ новый рукописный трудъ въ И. Русское Географическое Общество (см. „Этнографическое Обозрѣніе" 1890 г. № 2, стр. 261).

Ю. Копеевъ.—Къ вопросу о тюркскихъ нарѣчіяхъ (Особое прибавленіе къ Акмолинскимъ Областнымъ Вѣдомостямъ 1890 г. № 23).

Авторъ говоритъ объ арабско-персидской транскрипціи въ киргизскомъ языкѣ.

Барлыкъ — (Особое прибавленіе къ Акмолинскимъ Областнымъ Вѣдомостямъ. 1890 г. № 26).

Говорится о горячихъ источникахъ, славящихся цѣлебностью.

Иксъ.—Въ Кокчетаевѣ Акмолинской области (Сибирскій Вѣстникъ. 1890 г. № 71).

Небольшая, интересная замѣтка о киргизахъ.

А. Алекторовъ. — Образъ жизни киргизовъ (Оренбургскій Листокъ. 1890 г. №№ 16 и 17).

Авторъ говоритъ о кочевой жизни (причемъ описываетъ кибитку и кыстау), о надѣлѣ земли, о невзгодахъ зимы и, наконецъ, передаетъ извлеченіе изъ сочиненія Макъ-Гахана (Военныя дѣйствія на Оксусѣ).

А. Алекторовъ.—Киргизская пѣснь (Оренбургскій Листокъ. 1890 г. № 18).

Краткая замѣтка о пѣсни киргизовъ.

А. Алекторовъ. — **Чѣмъ питаются киргизы** (Оренбургскій Листокъ. 1890 г. №№ 19 и 20).

О питаніи киргизовъ, отчасти о способѣ употребленія пищи и о приготовленіи кумыса на основаніи указаній Варадинова (Лѣченіе кумысомъ-Библіотека Медицинскихъ наукъ), Даля, Ягмина (Киргизъ-Кайсацкія степи и ихъ жители) и Островскаго.

А. Алекторовъ. — Баранда (Оренбургскій Листокъ. 1890 г. №№ 22 и 23).

Помѣщена замѣтка о барантѣ и выдержка изъ повѣсти Кафтанникова „Арасланъ Бабръ" („Заволожскій Муравей" 1833 года), рисующая баранту.

А. Алекторовъ.—**Экономическое положеніе осѣдлаго и кочеваго населенія степныхъ областей** (Оренбургскій Листокъ. 1890 г. № 25. Приложеніе: Листокъ объявленій 1890 г № 69).

Авторъ приводитъ слова Милля о первобытной культурѣ человѣка и первыхъ шагахъ прогресса, указываетъ на пространство Киргизскихъ степей и количество жителей и даетъ, на основаніи оффиціальныхъ источниковъ, количество жителей и скота по областямъ.

А. Алекторовъ. — **Отъ Оренбургской Пограничной Коммиссіи объявленіе киргизамъ** Оренбургскаго вѣдомства (Оренбургскій Листокъ. 1890 г. № 26).

Авторъ приводитъ объявленіе отъ Пограничной Коммиссіи киргизамъ отъ 22 декабря 1851 года, по которому всѣ киргизы были обязаны выдать имѣющихся у нихъ плѣнныхъ.

А. Алекторовъ. — Изъ **исторіи отношеній казаковъ къ киргизамъ** (Оренбургскій Листокѣ 1890 г. №№ 28, 29 и 30).

Авторъ касается поземельныхъ отношеній между киргизами и казаками. Замѣтка весьма интересная.

А. Алекторовъ. — **Кочевали-ли киргизы между Ураломъ и Волгою до перехода сюда съ Букеемъ** въ 1801 г ду (Оренбургскій Листокъ. 1890 г. № 30).

Интересная историческая справка, относящаяся до исторіи образованія Внутренней киргизской орды.

А. Алектровъ.—О раздѣлѣ **имущества хана Джангира** (Оренбургскій Листокъ. 1890 г. № 30).

Краткая, небезъинтересная замѣтка, имѣющая отношеніе къ исторіи Букеевской орды.

Г. Потанинъ.—Монгольское сказаніе о **Гэсэръ-ханѣ** (Вѣстникъ Европы. 1890 г. кн. 9).

Говорится, между прочимъ, о киргизскомъ сказаніи о Козу-Курпешѣ и сказкѣ о Козаѣ.

Карусъ (G. Carus)—Le Tait du Monde (Pamir). Paris 1890.

Авторъ говоритъ объ обычаяхъ киргизовъ и преимущественно кара-киргизовъ, рисуетъ также ихъ типъ. Конспектъ сочиненія въ L'Anthropologie 1890. T. 1. № 4. p. 449.

Русскія Вѣдомости. 1890 г. № 251.

Помѣщена замѣтка о предполагаемой депутаціи киргизовъ въ С.-Петербургъ съ цѣлью ходатайства о недопущенія переселенцевъ въ Акмолинскую область (перепечатано изъ „Новаго Времени").

Этнографическое Обозрѣніе, кн. VI, 1890 г. № 3.

На 171—174 страницахъ сдѣланы, по поводу статьи д-ра В. Демича, интересныя замѣтки А. Ивановскимъ о нѣкоторыхъ обрядахъ и обычаяхъ, сопровождающихъ роды у киргизовъ.

А. Алекторовъ. — Справедливъ ли былъ г. Харузинъ къ Ханской Ставкѣ? (Волжскій Вѣстникъ. 1890 г. № 217).

Авторъ этой статьи въ противоположность нашему мнѣнію считаетъ Ханскую Ставку весьма просвѣщеннымъ мѣстомъ и пытается доказать это свое мнѣніе.

Брэмъ (Dr. A. E. Brehm).—Vom Nordpol zum Aequator. Stuttgart, Berlin und Leipzig 1890.

Въ 7, 8 и 9 выпускахъ этого изданія (стр. 318—422) мы встрѣчаемъ свѣдѣнія о Киргизской степи и о киргизахъ. Слѣдуетъ отмѣтить въ 9 выпускѣ (стр. 397) главу „Volks-und Familienleben der Kirgisen“, весьма живо рисующую слѣдующія стороны быта: байга, охота, пѣсни, игры, свадебные обряды, обряды погребенія и т. д.

А. Ж.—Корреспонденція изъ Оренбурга (Московскія Вѣдомости. 1890 г. № 314).

Въ статьѣ говорится о неудобствѣ путей сообщенія, и желательности желѣзной дороги отъ Оренбурга до Илецка и о русскихъ переселенцахъ на киргизскихъ земляхъ.

VIII Съѣздъ Русскихъ Естествоиспытателей и Врачей въ С.-Петербургѣ. СПБ. 1890 г.

Въ восьмомъ отдѣлѣ этого тома: „Географія и Антропологія“ помѣщены два сообщенія, сдѣланныя на Съѣздѣ: 1) Э. Ю. Петри—„Въ Киргизской степи“, гдѣ авторъ говоритъ о колонизаціи степи, народонаселеніи, экономическомъ положеніи, земледѣліи и цивилизаціи въ степи, и 2) А. Н Харузинымъ.—„О типѣ киргизовъ“, гдѣ авторъ указываетъ на отсутствіе единства въ типѣ киргизовъ, на причины этого и подтверждаетъ это нѣкоторыми антропометрическими данными.

А. Макшеевъ.—Историческій обзоръ Туркестана и наступательное движеніе въ него Русскихъ. СПБ. 1890.

Собственно о киргизахъ говорится преимущественно во II главѣ („Туркестанъ въ XVI столѣтіи, подъ властью узбековъ, до подчиненія Россіи“), гдѣ авторъ пишетъ о происхожденіи киргизовъ и объ ихъ древней исторіи, и VI главѣ („Киргизъ-казаки подъ властью Россіи“). Послѣднюю главу слѣдуетъ отмѣтить, какъ содержащую въ высшей степени интересныя свѣдѣнія объ исторіи киргизовъ. Рецензія: см. „Вѣстникъ Европы“ 1890 г. кн. 12.

А. Ивановскій. — Смерть киргизскаго пѣвца Улгенбая (Русскія Вѣдомости. 1890 г. № 327).

Въ весьма привлекательной формѣ описывается предсмертная пѣснь киргиза-пѣвца, въ которой яркими красками рисуется побѣда добра надъ зломъ.

К. Е.—Обученіе у сибирскихъ киргизовъ (Школьное Обозрѣніе. 1890 г. № 17).

Говорится объ обученіи киргизовъ въ русскихъ школахъ, а также объ обученіи ихъ муллами, о способности киргизовъ и ихъ успѣхахъ въ ученіи.

А. Алекторовъ.—Чѣмъ и какъ мы способствуемъ укрѣпленію мусульманства въ киргизахъ (Оренбургскій Листокъ. 1890 г. №№ 45—48).

Авторъ затрогиваетъ въ этихъ статьяхъ весьма живой вопросъ о распространеніи среди киргизовъ (первоначально язычниковъ) мусульманства и тѣхъ мѣрахъ, которыми мы невольно содѣйствовали распространенію ислама. Нельзя не отмѣтить того интереса, который представляетъ эта статья своею фактическою стороною.

Корреспонденція изъ Акмолинской области (Новое Время. 1890 г. № 5255).

Авторъ говоритъ о большомъ количествѣ земли у киргизовъ и целѣсообразности переселенія русскихъ крестьянъ; статья богата фактическими данными и даетъ интересныя свѣдѣнія объ экономическомъ положеніи киргизовъ. Въ передовой статьѣ помѣщена замѣтка къ этой корреспонденціи. Возраженіе см. „Новое Время" № 5305.

Гази Вали-Ханъ.—По поводу корреспонденціи изъ Акмолинской области (Новое Время. 1890 г. № 5305).

Авторъ возражаетъ на статью, помѣщенную въ № 5255 „Новаго Времени", и говоритъ о нецѣлесообразности и невозможности водворенія переселенцевъ внутреннихъ губерній въ Киргизской степи. Насъ нѣсколько удивляетъ подпись автора статьи: султанъ киргизъ-кайсаковъ", кажется, было бы правильнѣе замѣнить ее просто „киргизъ-кайсацкимъ султаномъ".

А. Головачевъ. — Страница изъ жизни Ильки (Русскія Вѣдомости. 1890 г. № 339).

Рисуется бытъ алтайскихъ киргизъ-промышленниковъ, закабаленныхъ у богатаго кулака. Говорится о кедровомъ промыслѣ.

Г. Потанинъ. — Русская дѣвица Дарига въ киргизской сказкѣ (Этнографическое Обозрѣніе, кн. VII, 1890 г. № 4).

Замѣтка по поводу статьи В. Ѳ. Миллера „Матеріалы для исторіи былинныхъ сюжетовъ" (Этнографическое Обозрѣніе, кн. V), въ которой приводится киргизская сказка о боѣ отца съ сыномъ (см. выше). Авторъ указываетъ на монгольскій варіантъ того же мотива.

Обѣднѣніе киргизовъ (Киргизская Газета. 1890 г. № 36).

Выдержка изъ очерка Копальскаго уѣзднаго врача И. Колбасенка, помѣщеннаго въ „Вѣстникѣ Общественной гигіены".

В. Г.—Поѣздка въ долину озера Иссыкъ-Куля (Семипалатинскія Областныя Вѣдомости. 1890 г. №№ 31 и 33).

Авторъ говоритъ о причинахъ пониженія уровня озера, объ археологическихъ находкахъ и сказаніяхъ о древнихъ обитателяхъ.

А. Ивановскій.—1) Легенды о колосѣ и о маннѣ небесной и 2) Происхожденіе огня (Этнографическое Обозрѣніе, кн. VII, 1890 г. № 4, стр. 263 и 265).

Первая легенда представляетъ интересный киргизскій варіантъ подобныхъ же сказаній. Вторая легенда указываетъ происхожденіе огня изъ ада.

N.—О переселенцахъ Акмолинской Области (Московскія Вѣдомости. 1890 г. № 23).

Авторъ говоритъ о весьма интересномъ и важномъ вопросѣ переселенія нашихъ крестьянъ на киргизскія земли. По мнѣнію автора этой статьи (и мы вполнѣ съ нимъ соглашаемся), киргизы не терпятъ тѣхъ неудобствъ урѣзыванія земли въ пользу переселенцевъ, на которыя часто указываютъ въ печати.

Замѣтка о жизни киргизъ въ степныхъ областяхъ Западной Сибири (Сибирскій Вѣстникъ. 1890 г. №№ 20. 21 и 22).

Авторъ статьи говоритъ объ обязанностяхъ киргизскихъ женщинъ, дѣвушекъ и мужчинъ, о перекочевкахъ и нѣкоторыхъ промыслахъ. Статья написана элементарно, но не лишена интереса.

Старый барантачъ (Сибирскій Вѣстникъ. 1890 г. № 42).

Авторъ передаетъ небезъинтересный разсказъ киргиза-старика о барантѣ въ былые годы.

О мѣстностяхъ стоянки киргизъ (Особое прибавленіе къ Акмолинскимъ Областнымъ Вѣдомостямъ. 1890 г. № 13).

Говорится о сокращеніи пастбищъ у киргизовъ и о развивающемся хлѣбопашествѣ.

Адыковъ. — Киргизская сказка (Особое прибавленіе къ Акмолинскимъ Областнымъ Вѣдомостямъ. 1890 г. № 16).

Передается сказка о царѣ, забывающемъ свои сны, и молодомъ человѣкѣ, разгадывающемъ ихъ съ помощью бѣлой змѣи.

О тюркскихъ нарѣчіяхъ (Особое прибавленіе къ Акмолинскимъ Областнымъ Вѣдомостямъ. 1890 г. № 20).

Говорится, между прочимъ, о чистотѣ и неизмѣняемости киргизскаго говора.

А. Алекторовъ. — Ранніе браки (Особое прибавленіе къ Акмолинскимъ Областнымъ Вѣдомостямъ. 1890 г. № 28).

Говорится о нецѣлесообразности раннихъ браковъ у богатыхъ киргизовъ. Въ этомъ же нумерѣ есть и другія замѣтки, касающіяся киргизовъ.

Наше земледѣліе на границѣ съ Китайской Имперіей (Восточное Обозрѣніе. 1890 г. №№ 4 и 8).

Статья заключаетъ въ себѣ весьма интересныя данныя о земледѣліи у киргизовъ Зайсанскаго приставства.

Корреспонденція изъ Акмолинскаго уѣзда (Восточное Обозрѣніе. 1890 г. № 14).

Говорится о муллахъ и лжепророкахъ, какъ причинѣ обѣднѣнія киргизовъ.

Особое прибавленіе къ Акмолинскимъ Областнымъ Вѣдомостямъ за 1890 г.

Помѣщено нѣсколько весьма интересныхъ по своему содержанію киргизскихъ сказокъ и басенъ.

Къ исторіи развитія школьнаго дѣла въ киргизской Букеевской Ордѣ (Оренбургскій Листокъ. 1890 г. №№ 50 и 51).

А. Солнцевъ. — Изъ религіозно-нравственной жизни киргизовъ Внутренней Букеевской Орды (Астраханскія Епархіальныя Вѣдомости. 1890 г. №№ 8 и 11).

Сборникъ матеріаловъ для статистики Самаркандской области за 1887—88 г., в. I. Самаркандъ. 1890.

Помѣщены довольно многочисленныя статистическія данныя и о киргизахъ этой области.

Корреспонденція изъ Зайсана (Киргизская Газета. 1890 г. № 49).

О борьбѣ съ упадкомъ скотоводства у киргизовъ.

Сейсембай Кутуровъ. — Валяльно-войлочное мастерство въ Зайсанской киргизской сельско-хозяйственной школѣ (Киргизская Газета 1891 г. № 47).

А. Ивановскій. — Смерть киргизскаго пѣвца Улгенбая (Киргизская Газета. 1890 г. № 52 и 1891 г. №№ 1 и 2).

Переведено на киргизскій языкъ съ статьи того же автора, помѣщенной въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ" 1890 г. № 327 (см выше).

П. Юдинъ. — Киргизы. Этнографическій очеркъ. (Оренбургскія Губернскія Вѣдомости. 1890 г. № 52 и 1891 г. №№ 1 и 5).

Эта обширная статья содержитъ описаніе характера степи, а также дѣленіе на орды, переходъ отъ кочевой къ полуосѣдлой жизни, хлѣбопашество, аулы, религіозные обряды, магометанство, отсутствіе мечетей, обычаи, сопровождающіе

рожденіе ребенка, свадебные обряды, бракъ, джигитовка, музыкальные инструменты, пляска, пѣніе многоженство, положеніе женщины, похоронные обряды, недолговѣчность, языкъ и литература.

Народный судъ у Киргизовъ (**Киргизская Газета**. 1891 года №№ 4 и 5).

Извлеченіе изъ „Положенія объ управленіи степными областями".

М. Имшенецкій.—Несмѣтное богатство, скрытое въ Киргизской степи (**Киргизская Газета**. 1891 г. №№ 1—5).

Авторъ убѣждаетъ киргизовъ заняться земледѣліемъ.

Сѣверный Вѣстникъ 1891 № 2.

Въ пятой главѣ („Изъ провинціальной печати") II-го отдѣла этой книжки помѣщена замѣтка „Тургайская область и киргизы", въ которой говорится объ экономическомъ положеніи киргизовъ и о судебныхъ процессахъ. Въ этой же книжкѣ слѣдуетъ отмѣтить статью М. Алексѣева, которая затрогиваетъ вопросъ о колонизаціи Туркестанскаго края. Правда она относится къ сартамъ, тѣмъ не менѣе касается до извѣстной степени и киргизовъ. Хотя мы и считаемъ выводы автора слишкомъ поспѣшными (какъ выражается и сама редакція журнала), тѣмъ не мѣнѣе отмѣчаемъ литературный интересъ этой статьи.

Новое Время. 1891 г. № 5362 (**1 февраля**).

Въ этомъ нумерѣ газеты помѣщена слѣдующая весьма интересная телеграмма изъ Красноводска: „Красноводскъ, 31 января. Командированное начальникомъ Закаспійской области лицо для фактической провѣрки количества народонаселенія Красноводскаго уѣзда обнаружило нигдѣ не записанными и не платившими кибиточнаго налога въ теченіе десяти лѣтъ нѣсколько тысячъ кибитокъ туркменъ и *киргизовъ*". Этому вопросу въ Букеевской степи мы посвятили мѣсто въ первомъ выпускѣ нашего труда (стр. 176, 200 и 201).

Дингельштетъ (V. Dingelstedt). — Le régime patriarcal et le droit coutumier des Kirghiz. Paris. 1891.

Этотъ весьма интересный трудъ представляетъ передачу отдѣльныхъ главъ сочиненія Н. И. Гродекова „Киргизы и кара-киргизы" (Ташкентъ. 1889. См. выше). Между тѣмъ какъ трудъ Гродекова представляетъ ничто иное, какъ сырой матеріалъ, въ которомъ трудно даже оріентироваться, г. Дингельштетъ облегчаетъ трудъ знакомства съ юридическимъ бытомъ киргизовъ. Мы отмѣчаемъ въ его трудѣ въ высшей степени интересное введеніе, которое, благодаря общему взгляду, бросаемому авторомъ, и сравнительно-этнографическому методу, освѣщаетъ намъ обычное право киргизовъ, хранящее въ себѣ много остатковъ сѣдой старины. Трудъ Дингельштета долженъ считаться однимъ изъ основныхъ при изученіи киргизской народности.

Внутренняя Киргизская орда. Краткій статистическій очеркъ. (Памятная книжка Астраханской губерніи на 1891 г., а также отдѣльные оттиски).

Эта весьма интересная и объемистая статья принадлежитъ перу Предсѣдателя „Временнаго Совѣта" И. С. Иванова и, слѣдовательно, написана на основаніи строго оффиціальныхъ данныхъ, чѣмъ и возбуждаетъ къ себѣ полное довѣріе и серьезный интересъ. Мы отмѣчаемъ въ этой статьѣ слѣдующія интересныя главы: народонаселеніе, землевладѣніе и народное образованіе. Кромѣ того помѣщены слѣдующія свѣдѣнія: поселки въ ордѣ, земледѣліе, скотоводство промыслы населенія, торговля, подати, натуральныя повинности, народная нравственность, казенныя зданія, пожары, почта и телеграфъ, медицинскій персоналъ, аптеки, больницы, оспопрививаніе, сифилисъ, эпидеміи, ветеринарная часть, эпизоотіи, библіотека и выписка журналовъ и газетъ въ Ханской Ставкѣ; имѣется также цѣлый рядъ приложеній съ цифровыми данными и дорожникъ Внутренней Киргизской орды.

А. Харузинъ.—Киргизы Букеевской орды. Антрополого-этнологическій очеркъ Выпускъ II, часть первая. (Изв. Имп. Общ. Люб. Ест., Ант. и Этн., т. LXXII. Труды Антропологическаго отдѣла, т. XIV, в. 1-ый), 1891 года.

Данный выпускъ посвященъ исключительно сравнительной антропологіи киргизовъ и кара-киргизовъ на ряду съ узбеками, башкирами, туркменами, мещеряками, кипчаками, касимовскими татарами, тіуруками, таранчами, бахчисарайскими, ѳеодосійскими, перекопскими, мелитопольскими и черневыми татарами, кумандинцами, телеутами, телесами, теленгитами, соёнцами, калмыками: алтайскими, чухарами, арбунсумунами, таргоутами и турфанскими, китайцами, манджурами, дунганами, самоѣдами, лопарями, вепсами, эстами, ливами, тавастами, корелами, вотяками, пермяками, остяками, вогулами, мордвою, таджиками, гальчами, персіанами, осетинами, сартами, крымскими южно-бережными татарами, средне-азіатскими цыганами, авганцами, грузинами, имеретинами, мингрельцами, гурійцами, хевсурами, лазами, сванетами, абадзехами, кабардинцами, натухайцами, шапсугами, темиргойцами, чеченцами, ингушами, лезгинами, горскими татарами Кавказа и индѣйцами племени Сіу.

Относящаяся къ этой части, часть вторая (второго выпуска) находится въ печати.

